

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНТЕГРАЦИОННЫЙ ФОРУМ
РУССКИЙ МИР И ДОНБАСС

ОТ СОТРУДНИЧЕСТВА К ИНТЕГРАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ,
НАУКИ ИННОВАЦИЙ И КУЛЬТУРЫ

ФОНД РУССКИЙ МИР

МАТЕРИАЛЫ

III Международной научной конференции

Донецкие чтения 2018:

образование, наука,
инновации, культура
и вызовы современности

г. Донецк
25 октября 2018 г.

Том 5

Филологические, психологические и философские науки

Дорогие коллеги!

Сборник материалов III Международной научной конференции «Донецкие чтения 2018: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» в руках, является частью восьмитомного издания, состоящего из 9 книг.

Труды участников конференции, входящие в сборник, охватывают различные сферы научных знаний в области естественных, гуманитарных и социальных наук. В них рассматриваются ключевые вопросы, связанные с инновациями в сфере экономики, исследованиями в области математики, физики, химии, биологии на микро- и макроуровнях, которые могут быть использованы в образовательных проектах, имеют значение для проведения дальнейших более углубленных исследований по обозначенной тематике. Гуманитарные науки представлены в сборниках научными работами историков, филологов, журналистов, психологов, педагогов. В них затронуты актуальные вопросы исторических и современных исследований. В период становления молодого государства особо актуальны исследования, представленные в области юридических наук.

Сегодня проблемы интеграции нашего университета в научно-образовательное и культурное пространство Российской Федерации определяют суть времени, в котором мы живем и трудимся. Для Донецкого национального университета важна поддержка конференции со стороны Фонда «Русский мир», научной общественности разных стран и, прежде всего, Российской Федерации. Мы высоко это ценим и выражаем всем участникам глубокую благодарность.

Будущее за наукой, и пусть итоги нашей работы станут основой для новых научных открытий и принесут пользу государству!

Ректор,
доктор физико-математических
наук, профессор

С.В. Беспалова

Министерство образования и науки
Донецкой Народной Республики
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Донецкий национальный университет»
Фонд «Русский мир»

III Международная научная конференция

Материалы
конференции

Том 5

**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ,
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ
И ФИЛОСОФСКИЕ
НАУКИ**

Донецкие чтения 2018: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности

г. Донецк
25 октября 2018 г.

Донецк
Издательство ДонНУ
2018

ББК Ш.я431+Ю9я431+Ю.я431
УДК 81+159.9+1
Д672

Редакционная коллегия:

С.В. Беспалова (главный редактор), М.В. Фоменко (отв. секретарь),
В.А. Дубровина, Е.И. Скафа, А.Г. Удинская, А.В. Гордеева, Т.А. Андреева

Д672 Донецкие чтения 2018: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы III Международной научной конференции (Донецк, 25 октября 2018 г.). – Том 5: *Филологические, психологические и философские науки* / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2018. – 372 с.

Ответственность за содержание статей, аутентичность цитат, правильность фактов и ссылок несут авторы статей.

В пятый том материалов III Международной научной конференции «Донецкие чтения 2018: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» вошли исследования по проблемам филологических, психологических и философских наук в контексте Русского мира, в частности рассматриваются актуальные вопросы иностранной филологии, психологической теории и практики, философского осмысления социальной реальности.

Освещенные в сборнике проблемы и направления их решения будут полезны студентам и аспирантам, докторантам, соискателям и молодым ученым, проводящих исследования в области филологических, психологических и философских наук.

ББК Ш.я431+Ю9я431+Ю.я431
УДК 81+159.9+1

© Коллектив авторов, 2018

© Донецкий национальный университет, 2018

ПРОГРАММНЫЙ КОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

Председатель:

Беспалова С.В. д-р физ.-мат. наук, профессор, ректор Донецкого национального университета (г. Донецк)

Заместитель председателя:

Бабурин С.Н. д-р юрид. наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Президент Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры, Президент Ассоциации юридических вузов (г. Москва)

Члены программного комитета:

Болнокин В.Е. д-р техн. наук, профессор, гл. науч. сотр., руководитель Центра подготовки научных кадров ФГБУН «Институт машиноведения им. А.А. Благонравова» РАН (г. Москва)

Бородулин С.Н. руководитель Регионального отделения ОГПД «Бессмертный полк России» в Санкт-Петербурге (г. Санкт-Петербург)

Варюхин В.Н. д-р физ.-мат. наук, профессор, директор ГУ «Донецкий физико-технический институт им. А.А. Галкина» (г. Донецк)

Воронова О.Е. д-р филол. наук, профессор, член Общественной палаты РФ, член Союза писателей и Союза журналистов России, руководитель Центра региональных проектов Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина, профессор кафедры журналистики, руководитель Есенинского научного центра РГУ им. С.А. Есенина (г. Рязань)

Илюхин А.А. д-р физ.-мат. наук, профессор, профессор кафедры математики Таганрогского института им. А.П. Чехова Ростовского государственного экономического университета (г. Таганрог)

Ковалев А.М. д-р физ.-мат. наук, профессор, директор ГУ «Институт прикладной математики и механики» (г. Донецк)

Кожухов И.Б. д-р физ.-мат. наук, профессор, профессор кафедры высшей математики НИУ «Московский институт электронной техники» (г. Москва)

Минаев А.Н. д-р ист. наук, профессор, ректор Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина (г. Рязань)

- Полищук В.С.* д-р техн. наук, генеральный директор ГУ «Научно-исследовательский институт «Реактивэлектрон» (г. Донецк)
- Половян А.В.* д-р экон. наук, доцент, директор ГУ «Институт экономических исследований» (г. Донецк)
- Приходько С.А.* канд. биол. наук, ст. науч. сотр., директор ГУ «Донецкий ботанический сад» (г. Донецк)
- Савоськин М.В.* канд. хим. наук, ст. науч. сотр., директор ГУ «Институт физико-органической химии и углехимии им. Л.М. Литвиненко» (г. Донецк)
- Скафа Е.И.* д-р пед. наук, профессор, проректор по научно-методической и учебной работе Донецкого национального университета (г. Донецк)
- Сторожев В.И.* д-р техн. наук, профессор, проректор по научной и инновационной деятельности Донецкого национального университета (г. Донецк)
- Тедеев В.Б.* канд. техн. наук, доцент, ректор Юго-Осетинского государственного университета им. А.А. Тибилова (г. Цхинвал)

Иностранная филология.

Сопоставительное изучение языковых единиц и категорий

УДК 81'367.626.3'255.4: 811.111'161.1

ОБ АРТИКЛЕ КАК СРЕДСТВЕ ПЕРЕДАЧИ ОПРЕДЕЛЁННОСТИ В ИМЕННЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЯХ С МЕРОНИМАМИ

Грибань Т.А., Ягунова Л.Н., д-р филол. наук, профессор
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
gtagribantatiana@gmail.com

1. В современной лингвистике определённость как семантическая категория предполагает детерминизацию и актуализацию имени существительного и проявление его уникальности в изображаемых условиях, что в свою очередь и является его функциями [3, с. 349]. Определённый артикль является основным и наиболее частотным средством выражения определённости в английском языке [1, с. 132], при этом его употребление может быть обусловлено различными факторами [2, с. 41]. Данный доклад посвящён анализу функций артикля в именных словосочетаниях с меронимами на материале повести Э. Хемингуэя «The Old Man and the Sea» [6] и способов их передачи на русский язык в переводе, выполненном М. Мироновой [5].

2. Под меронимами понимаются наименования части целого [4, с. 12]. В тексте оригинала конструкции с меронимами представлены двумя именами существительными с определённым артиклем, при этом первое существительное обозначает часть, а второе (в сопровождении предлога *of*) – целое, напр.: *the door of the house*. Определённый артикль при втором существительном может заменяться на другие «артиклевые» слова, напр.: *the muscles of his back*.

3. В ходе анализа текстовых фрагментов оригинала выявлено 28 таких случаев, которые передаются в русском переводе 5 способами.

3.1 В данной группе в абсолютном большинстве (62,5%) при переводе используется глагольная категория вида и времени для сохранения категории определённости в русском языке, напр.:

(1) ...*he could see the blue back of the fish in the water and the gold of his sides*.

(1a) ...*и он увидел голубую спинку и отливающие золотом бока рыбы*.

3.2 Актуальное членение предложения, как переводное соответствие, позволяющее выразить категорию определённости в русском языке, встречается в переводе повести Э. Хемингуэя лишь 6 раз (12,5%), напр.:

(2) *The door of the house where the boy lived was unlocked.*

(2a) *Дверь дома, где жил мальчик, была открыта.*

3.3 С той же частотностью, что и актуальное членение предложения, категория определённости остаётся нереализованной при переводе, т.е. элиминируется, напр.:

(3) *...and he pushed the blade of his knife into his head and drew him out from under the stern.*

(3a) *Воткнув нож ей в голову, старик вытащил ее из-под настила кормы.*

Несмотря на то, что имя существительное, выражающее определённую в английском языке, переводится на русский язык, в тексте перевода его определённую можно понять только из контекста.

3.4 Среди средств реализации исследуемой категории в данной группе представлены такие редкие случаи передачи определённости, как лексическое добавление, добавление местоимения или числительного, напр.:

(4) *He rolled himself in the blanket and slept on the other old newspapers that covered the springs of the bed.*

(4a) *Завернувшись в одеяло, он улегся на старые газеты, которыми были прикрыты голые пружины кровати.*

Представленный выше пример иллюстрирует случай, когда отсутствие определённого артикля в русском языке компенсируется добавлением прилагательного *голый*, чтобы конкретизировать имя существительное.

4. Подводя итог, следует отметить, что перевод данной группы имён существительных с определённым артиклем является довольно однородным, категория определённости передаётся здесь в абсолютном большинстве случаев глагольной категорией вида и времени, при этом другие переводные средства представлены лишь единичными примерами.

Список литературы

1. Зеленецкий А.Л. Сравнительная типология основных европейских языков / А.Л.Зеленецкий. – М. : Academia, 2004. – 252 с.
2. Ионина А.А., Саакян А.С. Как же все-таки употреблять артикли? / А.А.Ионина, А.С.Саакян. – М.: Изд-во «Айрис-пресс», 2002. – 304 с.
3. Николаева Т.М. Определённости – неопределённости категория // Лингвистический энциклопедический словарь / отв. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – С. 349–350.
4. Материнська О.В. Меронімічні відношення в лексичній системі німецької та англійської мов : Монографія / О.В.Материнська. – Донецьк : Донбас, 2012. – 360 с. – (Типологічні, зіставні, діахронічні дослідження: Т. 8).
5. Хемингуэй Э. Старик и море; перевод с англ. М.Мироновой. – М.: Изд-во «Молодая гвардия», 1980. – 103 с.
6. Hemingway E. The Old Man and the Sea. – СПб.: Изд-во «КАРО», 2010. – 320 с.

СОХРАНЕНИЕ АВТОРСКОГО СТИЛЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДЖ. ФАУЛЗА «THE MAGUS»

Грядова А.С., Кобзев Н.В., канд. филол. наук, доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
arina.gryadova@mail.ru

Введение. Художественный перевод занимает особое место в переводоведении. При переводе учитывается множество различных факторов: авторский стиль, авторский замысел и сохранение модальности оригинального текста. Каждый перевод должен производить на своего читателя то впечатление, которое подлинник производит на «своего». Следует учитывать то, что художественный перевод не позволяет ни выпусков, ни прибавок, ни изменений. Целью художественного перевода является заменить по возможности подлинник для тех, которым он не доступен по незнанию языка и дать им средство и возможность наслаждаться им и судить о нем.

Актуальность данной темы заключается в том, что существует огромное количество художественных переводов, но не каждый может донести именно то, что хотел сказать автор самого произведения. Из-за этого теряется истинный смысл всего произведения. А цель художественного перевода – это и есть точный смысл произведения подлинника и воздействия на читателя именно в такой форме, как видел его сам автор. А в процессе перевода переводчик сталкивается с рядом проблем, препятствующим этому.

Сохранение авторского стиля. Переход от трансформации к интерпретации смысла средствами языка перевода точнее всего описан В.Н. Комиссаровым [2]. Он выделил пять уровней эквивалентности перевода (уровень слов и словосочетаний и уровень предложений). Пользуясь данной классификацией можно составить весьма условную классификацию эквивалентности на уровне тропов с позиции структурной и функциональной адекватности тропов оригинала и перевода. Приведем примеры из романа Дж. Фаулза «The Magus» [5] и его перевода на русский язык, выполненного Б. Кузьминским [4].

Эквивалентность первого типа подразумевает под собой максимальную степень близости содержания тропов перевода и оригинала и способов его выражения, например:

«I didn't know where I was going, but I knew what I needed. I needed a new land, a new race, a new language; and, although I couldn't have put it into words then, I needed a new mystery.»

‘Я не знал, куда я отправляюсь, но я знал в чем я нуждаюсь. Я нуждался в новой земле, новой расе, новом языке; и хотя тогда я не мог облечь это в слова – я нуждался в новой тайне.’

Второй тип эквивалентности – значительный параллелизм лексического состава, допускает некоторые виды синтаксического варьирования. Переводчик использует прием лексического добавления для передачи задумки автора.

«In my second year at Magdalen, soon after a long vacation during which I hardly saw them, my father had to fly out to India.»

‘На второй год учебы в колледже Магдалины, вскоре после долгих каникул, во время которых я едва увидел их, мой отец должен был лететь в Индию.’

Третий тип эквивалентности представлен переводами, смысловая близость которых к оригиналу основывается на общности значений использованных языковых средств. В данном примере метафора в русском и английском языках имеет общее значение:

«She was smoking. It was smoke which went near her beautiful knees.»

‘Она курила. Это был дым, окутывающий ее прекрасные колени.’

В четвертом типе эквивалентности широко используется семантическое перефразирование, которое часто носит комплексный характер.

«Her lips were so windy and gently dancing.»

‘От сухости ее губы слегка тряслись.’

Переводчик сохранил образ, но полностью изменил структуру.

Эквивалентность пятого типа заключается в переводе только той части высказывания, которая составляет цель употребления тропа, например:

«It was his last door at the end of the hall.»

‘Это был единственный выход для него.’

Вывод. Исследуя данную тему, выяснилось, что особенностью сохранения авторского стиля в художественном переводе является тесное переплетение лексико-грамматических и композиционных средств с коннотативными значениями слов и выражений, вместе формирующими подтекстовую информацию [3]. При этом подтекстовый уровень несет основную нагрузку информации произведения автора. Выполняя художественный перевод, следует обращать внимание на все стилистические приемы и их организацию в данном тексте.

Использованные автором стилистические методы и приемы создают систему образов, оказывающих эмоциональное воздействие на читателя. Следовательно, можно говорить об адекватности перевода не только на уровне текста, но и на уровне стилистического приема.

Список литературы

1. Виноградов В.В. О языке художественной прозы / В.В.Виноградов. – М.: Наука, 1998. – 360 с.

2. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) / В.Н.Комиссаров. – М.: Высш.шк, 1990. – 253 с.
3. Лекант П.А. К вопросу о модальных разновидностях предложения / П.А.Лекант // Лингвистический сборник СРЯ МОПИ Моск.Обл. Педагогич. институт им Крупской Н.К.. – 1976. – 6. – С. 92-99.
4. Фаулз Дж. Волхв / Дж. Фаулз. – М.: Эксмо, 2012. – 816 с.
5. Fowles, John. The Magus / John. Fowles. – М.: Менеджер, 2005. – 750 с.

УДК 81-26 651.926

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГРАММАТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ТЕКСТОВ В СФЕРЕ СТРОИТЕЛЬСТВА

Квач Ю.А.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
y.kvach@yandex.ru

1. Общие положения. Интенсификация контактов представителей разных языковых сообществ в различных областях научного знания влечет за собой увеличение потребности в качественном переводе текстов с одного языка на другой. В частности это затрагивает строительную отрасль, развитие новых технологий и конструктивных решений в которой в основном происходит за рубежом. При переводе научно-технических текстов, например, инструкций по монтажу различных конструкций, эксплуатации и ремонту оборудования нельзя полагаться на создание перевода, передающего общий смысл [3]. Для осуществления максимально точного и правильного перевода нормативных и других технических документов необходимо изучение особенностей передачи лексических и грамматических элементов текста с одного языка на другой.

2. Применение грамматических трансформаций как способ достижения эквивалентности. Языки перевода и оригинала часто обладают различной грамматической структурой. Так, при переводе с английского языка на русский можно столкнуться с отсутствием в русском языке такой грамматической категории, как артикль или герундий, а также с широким употреблением в английском языке пассивных конструкций, не имеющих эквивалентов в русском языке. Таким образом, для осуществления точного и эквивалентного перевода необходимо применение грамматических трансформаций.

Материалом исследования является текст Европейских строительных норм EN 1990:2002 «Eurocode 0: Basis of structural design» на английском языке и его официальный перевод на русский язык, изложенный в Национальном стандарте Российской Федерации НСР ЕН 1990-2011 «ЕВРОКОД 0: Основы проектирования сооружений». Объем выборки на

данном этапе исследования составляет 519 примеров грамматических трансформаций.

Исследование переводческих трансформаций в текстах нормативных документов основано на классификации переводческих трансформаций, предложенной В. Н. Комисаровым [2].

Сопоставительный анализ оригинала текста стандарта и его перевода показывает, что большую часть грамматических трансформаций составляют замены на морфологическом уровне – 342 примера (65,6 % от общего количества грамматических трансформаций), в то время как трансформации на синтаксическом уровне насчитывают 177 примеров (34,4 %).

2.1 Морфологические трансформации. Морфологические трансформации, выявленные в результате анализа, предполагают следующие изменения в тексте перевода:

- замена грамматической формы слова (замена залога глагола; замена числа имени существительного и т.д.) – 237 примеров (69,3 % от общего количества морфологических трансформаций);
- замена одной части речи другой (субстантивация, вербализация и некоторые другие) – 105 примеров (30,7 %).

Одной из наиболее частотных в данном исследовании трансформаций является замена залоговых форм глагола. Известно, что в английском языке формы пассивного залога употребляются гораздо чаще, чем аналогичные формы в русском языке, в котором, в свою очередь, существует множество способов передачи указания на пассивность или отсутствие действующего лица [1]. Поэтому при переводе указанный тип трансформаций употребляется довольно часто и способствует построению более естественных для русского языка конструкций. Например:

(1) G_k *should then be taken equal to the mean value.* – ‘В этом случае G_k принимается равным среднему значению’.

Среди замен частей речи в проанализированном эмпирическом материале наиболее многочисленной стала субстантивация, а именно трансформация по схеме «герундий → имя существительное». Большое количество трансформаций такого типа можно объяснить отсутствием в русском языке такой грамматической категории, как герундий и необходимостью использования для его передачи в русском языке имен существительных или глаголов. Применение такой трансформации можно проиллюстрировать следующим примером:

(2) *NOTE For verifying efficiency by testing see section 5 and Annex D.* – ‘Примечание. Требования проверки эффективности с использованием результатов испытаний приведены в Разделе 5 и Приложении D’.

2.2 Синтаксические трансформации. Трансформации при переводе с английского языка на русский язык могут применяться на уровне различных синтаксических единиц:

- на уровне предложения (например, замена сложного предложения простым и простого предложения сложным, членение сложного предложения);
- на уровне частей сложного предложения (например, замена придаточного предложения предложно-именным сочетанием);
- на уровне словосочетания (например, замена предложно-именного сочетания деепричастным оборотом)
- на уровне члена предложения (например, замена подлежащего дополнением или обстоятельством).

В исследованном материале наиболее продуктивными в количественном отношении (109 примеров, 62% от общего количества синтаксических трансформаций) оказываются трансформации на уровне члена предложения, в частности замена подлежащего в английском предложении дополнением при его переводе на русский язык. Как правило, такие трансформации сопровождают замену залога либо используются для более точной передачи наиболее важной информации в предложении. Например:

(3) *The **reliability classes** (RC) may be defined by the reliability index concept.* – Для характеристики **классов надежности** (RC) может быть использовано понятие индекса надежности.

Вторым по продуктивности типом синтаксических трансформаций (37 примеров, т.е. 31% от общего количества синтаксических трансформаций), который стоит отметить, стала замена структурного типа предложения, а именно – замена сложного предложения простым. Использование такого типа трансформаций чаще всего обусловлено стилистическими особенностями текста либо стремлением переводчика, если это возможно, к краткости передачи информации без потери смысла. Например:

(4) *The following European Standards **which are published or in preparation** are cited in nonnative clauses:* – ‘В настоящем стандарте даются ссылки на **действующие и разрабатываемые** стандарты’.

3. Выводы. Анализ данного эмпирического материала позволяет сделать вывод о том, что наиболее многочисленными трансформациями на грамматическом уровне являются морфологические трансформации (342 примера, 65,6%), что можно объяснить стремлением переводчика использовать более характерные для русского языка грамматические конструкции, а также необходимостью передать отсутствующие в русском языке грамматические категории. Такие трансформации могут сопровождаться заменами на синтаксическом уровне (177 примеров, 34,4%), что приводит к неизбежному преобразованию английского предложения при его переводе на русский язык.

Список литературы

1. Джантуханов В.З. Особенности перевода страдательного залога с английского языка на русский при переводе произведений художественной литературы / В.З.Джантуханов // Системные технологии. – 2014. – № 3 (12). – С. 25-31.
2. Комиссаров В.Н. Общая теория перевода / В.Н.Комиссаров. – Москва: ЧеРо, 1999. – 136 с.
3. Паршина Т.В. О стандартах, используемых при переводе научно-технической литературы и документации / Т.В.Паршина // Филология и лингвистика. – 2017. – №2. – С. 77-80.

УДК 81.373

СПОСОБЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СВЯЗНОСТИ В АНГЛИЙСКОМ, РУССКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ

Кобзев Н.В., канд. филол. наук

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
nicksong@mail.ru

Введение. Категория связности текста являлась и по сей день остается достаточно частым предметом изучения, а результаты успешного исследования разнообразных средств, форм и видов межфразовых и текстовых связей в работах И.А. Фигуровского, Л.П. Добраева, Ю.С. Мартьянова, М.И. Котюровой, Н.А. Кобриной, Н.В. Кирпичниковой, М.М. Макаровой, Т.И. Сильман и др. стали основой для построения их общей теории и типологии.

Связность может быть локальной и глобальной. Локальной называют связность линейных последовательностей (высказываний, межфразовых единств), а глобальная связность – это то, что обеспечивает единство текста как смыслового целого, его внутреннюю целостность.

Локальная связность определяется межфразовыми синтаксическими связями (вводно-модальными и местоименными словами, видовременными формами глаголов, лексическими повторами, порядком слов, союзами и др.).

Глобальная связность проявляется через ключевые слова, тематически и концептуально объединяющие текст в целом или его фрагменты.

Связность может быть отнесена как к внутренней, смысловой стороне текста, так и к его языковому оформлению, которое предполагает использование определенных лексико-грамматических средств, формально осуществляющих эту связанность, а также употребление языковых единиц для их участия в построении текста. И если категории связности посвящено достаточное количество работ в русском языке, то в других языках, в частности в английском языке, идет параллельный процесс

изучения, тем не менее, отсутствие исследований по сравнительному языкознанию стимулирует появление работ именно такого характера.

Актуальность исследования обусловлена возросшим интересом лингвистов к средствам связности, а так же недостаточной изученности средств связности в сопоставительном аспекте с другими языками, что было бы полезно и для отечественного языкознания и для зарубежного, так как дает основу для глубокого, всестороннего исследования всех языковых средств, принимающих участие в построении текста.

Целью настоящего исследования послужило выявление и анализ особенностей связности в английском, русском и украинском языках, обобщение и систематизация научных сведений о средствах связности, дополнение уже существующих знаний об этой важнейшей категории текста.

Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи: 1) раскрыть понятие категории связности и ее компонентов; 2) проследить связь категории с другими категориями текста и ее значительную роль в формировании текста; 3) вывести общие и отличительные черты средств категории связности в английском, русском и украинском языках.

Для исследования используются следующие **методы**: 1) *описательный метод*, который обеспечил возможность выделения единиц анализа и осуществления классификации способов связности; 2) *структурный метод* – для определения структурных типов способов связности в художественном дискурсе английского, русского и украинского языков; 3) *дистрибутивный анализ* применим для осмысления категории связности и ее проявлений в рамках контекстуально равноправных языковых единиц; 4) *функциональный метод* служил для установления функциональной нагрузки способов связности в исследуемых языках; 5) *квантитативный метод* использовался для определения частоты употребления средств связности в английском, русском и украинском языках.

Результат. Связность является одной из основных категорий лингвистики текста, которую многие исследователи относят к числу текстообразующих, однако в интерпретации понятия «связность» и в выделении видов связности мнения исследователей расходятся. Одни исследователи рассматривают когезию как совокупность формальных внутритекстовых связей, противопоставляя ее когерентности, обеспечивающей смысловое единство текста, а другие – отождествляют когезию и когерентность, считая их синонимичными терминами, ряд исследователей рассматривает когезию как средство и формальной и содержательной связности и вообще не используют понятие «когерентность». Вместе с тем, анализ показывает, что независимо от того, как понимается их сущность, имеются ряд общих моментов, которые проявляются в том, что и когезия и когерентность обеспечивают целостность и единство текста.

В заключении стоит отметить, что в рамках структурной теории связности были определены и описаны структуры связного текста

(микро- и макроструктуры, суперструктура), когерентность (смысловая связность между отдельными единицами в поверхностной структуре текста), выделены макропризнаки (свойства текста, обеспечивающие его смысловую связность – (когерентность)) и микропризнаки (способы обеспечения связности в поверхностной структуре текста (когезии)), а также введено представление о поверхностных коррелятах – микропризнаков в поверхностной структуре текста присутствуют обычные микропризнаки, обеспечивающие когезию, и микропризнаки, являющиеся поверхностными коррелятами когерентной структуры и суперструктуры.

Список литературы

1. Казакова В.Ю. Семантический повтор: универсальное и национальное: на материале русского и английского языков: дисс. на соискание учен. степ. канд.филол.наук: 10.02.19. «Теория языка»– Саратов, 2000. – 184 с.
2. Кожевникова Кв. Об аспектах связности в тексте как целом. В: Синтаксис текста. – М.: Наука, 1979. – С. 49-67.
3. Мальцева О.В. Разноуровневый повтор в англоязычном рекламном тексте (структура и функционирование): автореф. дисс. на соискание учен. степ. канд. филол. наук: спец. 10.02.04 «Германские языки» / Санкт-Петерб. гос. ун-т. – СПб., 1991. – 16 с.
4. Милевская Т.В. Связность как категория дискурса и текста / Т. В. Милевская [Монография]. – Ростов-на-Дону, 2003. – 337 с.
5. Урбаева А. В. Многообразие видов повтора в современном немецком языке : дисс. на соискание учен. степ. канд.филол.наук : спец. 10.02.04. «Германские языки» – Москва, 2007. – 184 с.

УДК 811.111-26:81'282.8:378.147

AMERICAN OR BRITISH ENGLISH? WHICH VARIANT TO TEACH?

Kovtun I.V., Agafonova E.I.

State educational institution of higher professional education 'M.Gorky Donetsk National Medical University', Donetsk, DPR

inostrannie-yaziki@dnmu.ru

The distinctive features between American and British English have being discussed for a long time both in special linguistic and popular literature. Heated arguments apropos which of variants should be considered 'exemplary' and whether the American English is really the literary language of the USA are still going on.

Teaching English as a foreign language implies taking into account all its peculiarities, common and distinctive features between British and American variants, regarding English as a universal means of international communication. The aim of the article is to demonstrate some differential

features between American and British English and explain why the preference should be given to teaching both variants which make up an integral phenomena of the English language.

American English and British English often differ at the levels of phonology, phonetics, vocabulary, and, to a much lesser extent, grammar and orthography.

Abroad in methodology of teaching English as a foreign language we can more often come across on a notion of 'international English' which is interpreted as its single internationally accepted variant unlike all those different varieties that exist in English-speaking countries. This language is used by a large portion of the human population for easy communication between peoples of diverse cultural and language backgrounds. This 'international English' is recommended to be taught as a foreign language. [3: 58]

Basic Global English, or BGE, is a concept of global English initiated by German linguist Joachim Grzega. It evolved from the idea of creating a type of English that can be learned more easily than regular British or American English and that serves as a tool for successful global communication.

English language teaching is almost always related to a corresponding culture, e. g. learners will either deal with American English and therefore with American culture or British English and therefore with British culture. Basic Global English is supposed to solve this problem by creating one collective version of English. Additionally, it is a system that is suited for self-teaching as well as regular teaching.

English is a language of international community, that is why the variant chosen for teaching should give students the possibility to communicate fluently and without any complications with the greatest number of people from different(not only English-speaking countries) who speak English as well. Eventually, English is studied not only for the purpose of communication with the British, Americans or Australians. It is necessary to provide a common means of communication between Russians and Italians, Germans and Chinese, Swiss and Spanish. English as an international means of communication is most widely used in contacts between non-native speakers who do not have another common language for communication. This is the greatest sphere of its application. That is why the communication would be much easier if all these people master a common variant of English.

The investigation of any language is based upon such notions as norm and variant which are interconnected and inseparable. Practically each language exists in different variants such as dialects, accents and so on.

In the modern linguistics there is a notion of a national variant of a language. It is a combination of the given variant of the literary language and the territorial dialects prevailing within the limits of its area.

Considering national variants as microsystems, modern linguistics treats a polynational language as an integrated macrosystem. Each variant microsystem

contains both common with the other systems features and specific ones. Those parts of microsystems which do not coincide are called differential features.

The term 'variant' appeared in the native linguistics concerning both the English language in Great Britain and the English language in the USA, as a variety of one and the same language. Their differential features are specified by the language norms adopted in these countries. [2: 141-145]

The convergence of two variants is generally revealed in interpenetration of lexical units. In the recent times the borrowing of Americanisms has increased. Most words and set expressions which belonged to the American variant have come in a wide use in England. They are used not only in the conversational style but in other styles as well. Their origin is practically not felt. At the same time a number of British words and expressions came to the USA. It is possible to assume that complete elimination of lexico-semantic differences between two variants will happen in future. But, of course, it is just a hypothetic statement. [1: 156]

It should be said that though the American variant was already formed by the 19th century, at present the process of penetration of the American words and expressions into the British speech has a more intense character. But in spite of this fact different elements will appear as before due to creation of neologisms in this or that variant. Some of them under some circumstances will not become the property of the speakers of another variant. The available information testifies convincingly to the fact that the process of differentiation accompanies that of integration.

In our country the choice between these variants is made in favour of the British one. But this choice cannot be accepted as a reasonable one taking into account the role of the United States in the world as well as the American variant of the English language in the world society. Besides, it is well known that it is under the influence of the American English, the British English is changing constantly and quite quickly. That is why it is not reasonable to choose the variant for teaching only on the basis of a tradition or out-of-date arguments and it does not correspond to the call of the times. The actual grounds for such a choice are the social demands and the demands of the students themselves. In the process of these demands revealing people studying or having a wish to study English define two variants as important ones for them. Teaching two variants develops students' abilities to communicate with the speakers of different variants of English as well as with the people from different countries who are not native speakers of English. In this way it is possible for students to master the language with the purpose of international communication.

The only conclusion which can be made while analyzing this situation consists in the fact that international English is the only variant which should be chosen for teaching. It is a nationally neutral variant, equally understandable and accessible to both native and non-native speakers regardless of the country of their origin.

References

1. Evans B., Evans C. A dictionary of contemporary American usage. New York, 1957.
2. Kachru B.B. The alchemy of English: the spread, functions and models of non-native Englishes. – Oxford: Pergamon Institute of English, 1986.
3. Швейцер А.Д. Литературный язык в США и Англии. М., 'Высшая школа', 1971.
4. Швейцер А.Д. Очерк современного английского языка в США. М., 'Высшая школа', 1963.

УДК 81'42:070(571.13)

ОБРАЗ КУЗБАССА В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ТЕЛЕУТОВ – МАЛОЧИСЛЕННОГО КОРЕННОГО НАРОДА КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ (на материале сочинений школьников села Беково)¹

Мельник Н.В., д-р филол. наук, профессор,
Язева Е.Е.

ФГБОУ ВП «Кемеровский государственный университет», г. Кемерово, Россия
saikova@mail.ru, yazeva.caterina@yandex.ru

Исследование образа Кузбасса сквозь призму национального сознания телеутов, малочисленного народа Сибири, представляется значимым для создания целостного образа региона.

Телеуты – коренной народ Кемеровской области. Для них, с одной стороны, характерно национальное самоопределение, стремление к сохранению национальной специфики. С другой стороны, постепенная утрата языка, религии (шаманизма), национальной духовной и культурной жизни приводят к утрате национальной самосознания и к постепенной ассимиляции с русским населением.

История сосуществования русского и телеутского народов прошла долгий путь развития и знает не мало как позитивных, так и негативных примеров влияния друг друга. Настоящее исследование предполагает воссоздание и изучение представлений телеутов о Кемеровской области. В качестве материалов исследования использовались работы учащихся средней школы с. Беково, посвященные Родине, Кузбассу, родному селу.

Телеуты еще живут родовой системой. Эту систему они не изменили по отношению к своим предкам и будущим поколениям; поэтому каждый род чтит своих кровных праотцов. Представления о родовой системе, об особом отношении к истории своего народа нашли отражение в оппозиции

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке фонда РФФИ и Кемеровской области, проект № 18-412-420003 р_а «Кузбасс: Комплексное когнитивно-дискурсивное исследование образа региона».

«свой – чужой», характерной как для тюркских народов, так и для народа, на чьи религиозные взгляды повлиял шаманизм. Данная оппозиция является ключевой и при исследовании образа Кемеровской области в представлении телеутов. В сознании телеутов – школьников образ Кузбасса и родного села неразрывно связаны. Анализ материала показывает, что большинство учеников не разделяют понятия «край», «Кузбасс», «Беково». Возможно, подобный взгляд на мир объясняется историей телеутского народа: *«Наша область многонациональна. В селе, где я живу, коренными жителями являются телеуты. Когда-то это был кочевой народ, а потому перемещаясь с места на место, они оставляли после себя «следы» – названия тех мест, где они когда-то обитали. Например, Кемерово, Бускускан, Карагайла, Менчереп, Бабанакново и др.»*

В полученных работах преобладающими оказываются положительные оценки образа Кемеровской области. Наиболее часто встречающаяся ассоциация – «Кузбасс – мой край, место моего рождения». «Кузбасс» и «Кемеровская область» неразрывно связаны в сознании учеников-телеутов с их родным с. Беково: *«Я живу в одном из сел Кемеровской области под названием Беково. Казалось бы, обычная местность, но она находится в Кузбассе», «Я живу в Кузбассе, в селе Беково Беловского района. Здесь, в Беково живет малочисленный народ, телеуты», « Край, в котором я теперь живу, очень богат углем. Но, несмотря на это, деревня Беково – это тихое, спокойное место».*

В сознании учеников Кузбасс, Кемеровская область, с. Беково характеризуются преимущественно положительными чертами (в 95 % работа родное село, родной край описываются лексемами с положительной коннотацией): *«И нам **стоит гордиться** своим родным краем», «Край, в котором я живу, **прекрасен**. Я **горжусь**, что родился именно здесь. Некоторые хотят уехать из родных мест, например, многие рвутся за границу. А я не собираюсь никогда уезжать из родных мест», «Мой край **знаменит** своей природой, народами, его населяющими, переплетением разнообразных культур», «Я **горжусь** своими земляками, они **прославили** нашу землю. Она у нас одна, **родина**. И мы ее любим», «Мой **родной край славится** добычей угля, шахтёрами и красивой природой: у нас много лесов, просторных полей, прозрачных рек и журчащих родников».*

В ходе анализа собранного материала выделился ряд ядерных тематических групп, связанных в сознании телеутов с Кузбассом: «люди», «природа», «культура», «ресурсы», «малая родина»

Люди: *«главное богатство моего края – это люди», «самое замечательное – это люди», «мне хотелось бы вспомнить удивительного человека и певца, шахтера – Корбина Алексея...», «после Великой Отечественной войны имя еще одного телеута стало очень значимым для всего телеутского народа. Это Алексей Семенович Четонов – единственный телеут, удостоенный высокого звания Героя Советского Союза».*

Природа: «наш край богат лесом, далеко-далеко простирается тайга из хвойных, лиственных деревьев, эти леса полны зверей и птиц, порой даже не обеспокоенных людским присутствием», «все знают, что в Кузбассе расположены плодородные степи, большие таёжные массивы, горные **кряжи**, реки и озёра».

Культура: «музей под открытым небом «Чолкой», старинный храм святого Пантелеймона, построенный ещё в 18 веке», «для меня главной достопримечательностью является святой источник «Аржансуу», «лучшей достопримечательностью села является новый детский сад», «одно из красивейших мест нашего села – это острая гора. Это святая гора».

Ресурсы: «наш Кузбасс богат углем, рудой, другими полезными ископаемыми», «недра Кузбасса богаты полезными ископаемыми, такими как железные руды, сырьё для металлургии, мрамор, источники минеральных вод и многое другое. Но главным богатством является каменный и древесный уголь. Ведь край наш особенный, он шахтёрский!»

Малая родина: «казалось бы, обычная местность, но она находится в Кузбассе», «ни за что не променяю родной мне с детства край, где я сейчас живу», «я люблю свой край, ведь я здесь живу и буду жить», «я горжусь своими земляками, они прославили нашу землю. Она у нас одна, родина. И мы ее любим», «семья и родина неразделимы. А значит, моя родина – это мой дом, и я здесь расту», «мой родной край славится добычей угля, шахтёрами и красивой природой», «для меня Родина началась с моего родного села Беково», «я люблю своё село, потому что оно самое лучшее на свете!».

Выделенные лексические единицы являются ядерными в представленных тематических группах, наиболее частотными при ответе на вопрос «Что для вас Кузбасс?» для школьников телеутской школы в селе Беково. Следует отметить, что ядерным для учеников является положительная оценка Кузбасса, малой родины; негативные или нейтральные реакции оказались на периферии, они не частотны и связаны, например, с оценкой качества дорог в селе, отсутствием полной средней школы и выражены как пожелания: «хотим, чтобы оно (село Беково), не отставая от жизни, обновлялось новыми постройками: различных маркетов, аптек, больниц. Чтоб заасфальтировали дороги села, разбили большой парк для отдыха молодёжи. Наше село – это наша жизнь, а мы будущее нашего села».

Таким образом, проведенное исследование свидетельствует о положительном образе Кузбасса в сознании молодого поколения телеутов. Для них нет оппозиции «свой – чужой», они считают своей родиной как село Беково, так и весь Кузбасс.

Список литературы

1. Актуальный срез региональной картины мира: культурные концепты и неомифологемы: монография / под ред. О.В.Орловой. – Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2011. – 223 с.
2. Павловская А.В. Этнические стереотипы в свете межкультурной коммуникации / А.В.Павловская. – М.: Просвещение, 1998.

УДК 81'276

СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА ЛЕКСЕМ СО ЗНАЧЕНИЕМ «РОДИТЕЛИ» В СУБСТАНДАРНОЙ ЛЕКСИКЕ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Петрищева Е.И.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
germanistik.dn@mail.ru

Единицы номинации играют особую роль в создании языковой картины мира. Природа их значения тесно связана с культурно-историческими традициями народа, фоновыми знаниями носителей языка. Изучением проблематики единиц номинации занимались многие лингвисты, в частности Ш.Р. Басыров [Басыров, 2012], М.Ю. Варламова [Варламова, 2006], В.В. Катермина [Катермина, 2004], М.А. Коробкова [Коробкова, 2010].

Настоящее исследование посвящено изучению проблем номинации родителей в субстандартных английском, немецком, русском и украинском языках. Исследуется семантика и структура имен существительных типа англ. *old people* (букв. ‘старые люди’) перен. разг. ‘родители’, нем. *Mutter* разг. ‘родители’, русск. *мама* разг. ‘мать’, укр. *перенси* разг. ‘родители’. Данный пласт лексики не был, по нашим наблюдениям, предметом специального исследования в четырех сопоставляемых языках, что обуславливает **актуальность** предлагаемой работы.

Объектом исследования являются лексические единицы (ЛЕ), номинирующие родителей в английской, немецкой, русской и украинской субстандартной лексике, а **предметом** – их семантическая и формальная структуры в сопоставляемых языках.

Цель настоящего исследования – сопоставительный анализ структурных и семантических особенностей субстандартных наименований родителей в сопоставляемых германских и славянских языках, изучение процессов вторичной номинации, выявление общего и отличительного в формальной и семантической организации данных наименований в названных языках.

Цель работы предусматривает решение следующих задач:

1. создание структурной и семантической классификации ЛЕ со значением «РОДИТЕЛИ»;

2. определение продуктивности моделей метафорических и метонимических переносов в процессе вторичной номинации родителей в субстандартной лексике английского, немецкого, русского и украинского языков;

3. определение семантических закономерностей развития семантики слов-наименований со значением «РОДИТЕЛИ» в субстандартной лексике.

В ходе исследования были использованы следующие методы и приемы лингвистического анализа:

1. метод компонентного анализа, при помощи которого описывается семантика ЛЕ со значением «РОДИТЕЛИ» и осуществляется семантическая классификация исследуемых единиц;

2. сопоставительный метод с целью нахождения сходств и различий в семантике исследуемых ЛЕ;

3. описательный метод, при помощи которого обобщаются и систематизируются результаты, полученные в ходе исследования;

4. прием количественного анализа, позволяющий выявить наиболее продуктивные модели метафорических и метонимических переносов.

Материалом для настоящего исследования послужила сплошная выборка слов-наименований со значением «РОДИТЕЛИ», выполненная на базе толковых и переводных словарей разговорной и сленговой лексики английского, немецкого, русского и украинского языков (англ. – 81 ЛЕ; нем. – 127 ЛЕ; русск. – 71 ЛЕ; укр. – 25 ЛЕ).

Анализ структуры и семантики лексем со значением «РОДИТЕЛИ» в сопоставляемых германских и славянских языках позволил сделать следующие выводы:

1. В ходе исследования формальной организации ЛЕ со значениями «РОДИТЕЛИ» в английском, немецком, русском и украинском разговорном языках были выявлены три структурных типа ЛЕ:

а) сложные слова, ср.: англ. *baby mother* разг. ‘незамужняя мать’; нем. *Taschenmacher* (букв. ‘тот, кто делает сумки’) перен. разг. ‘отец, у которого одни дочери’;

б) суффиксальные образования, ср.: англ. *mumsy* разг. ‘мамочка’ (← *tata* ‘мать’), нем. *Muttel* разг. ‘мамочка’ (← *Mutter* ‘мать’), русск. *мамулячик* разг. ‘мамочка’ (← *мама*), укр. *папінька* разг. ‘папочка’ (← *papa*);

в) сокращения, ср.: англ. *da* (← *daddy* ‘отец’) разг. ‘отец’, нем. *Ma* (← *Mama* ‘мать’) разг. ‘мать’, русск. *па* (← *papa*) разг. ‘отец’, укр. *ма* (← *мама*) разг. ‘мать’.

2. Вторичные наименования родителей образуются в исследованных языках, в целом, по единым метафорическим и метонимическим моделям с

использованием **артефактов** (англ. *timer* (сокращение от *old-timer* букв. ‘старый хронометр/часы’ перен. разг. ‘отец’, нем. *Knackis* (букв. ‘щепцы’) ирон. ‘родители’), **зоонимов** (нем. *Keiler* (букв. ‘дикий кабан’) перен. разг. ‘отец, который бьет своих детей’, русск. *конь* разг. ‘отец’, укр. *зозуля* перен. разг. ‘мать, которая не заботится о своих детях или оставила их на попечение других людей’) и **социальных отношений** (англ. *warden* (букв. ‘смотритель/хранитель’) перен. разг. ‘отец’, нем. *Chef* (букв. ‘начальник’) перен. разг. ‘отец’, русск. *патрон* перен. разг. ‘отец’, укр. *босс* перен. разг. ‘отец’).

3. Особенности вторичной номинации родителей в субстандартной лексике английского, немецкого, русского и украинского языков тесно связаны с:

а) их основными функциями (контроль, опека, материальное обеспечение, воспроизводство и др.), ср.: англ. *relieving officer* (букв. ‘попечитель, ведающий оказанием помощи бедным в приходе/районе’) перен. разг. ‘отец’, нем. *Brötchengeber* (букв. ‘тот, кто дает хлеб’ перен. разг. ‘отец’, русск. *спонсоры* перен. разг. ‘родители’, укр. *квочка* перен. разг. ‘мать, которая сильно печется о своих детях’);

б) поведением/свойствами характера, ср.: нем. *Rabenertern* перен. разг. ‘плохие/жестокое родители; родители, бросающие своих детей’, русск. *кукушка* перен. разг. ‘мать, которая не заботится о своих детях или оставила их на попечение других людей’).

в) физическими данными, ср.: англ. *yummy tummy* перен. разг. ‘сексуально привлекательная мать’, *DILF* перен. разг. ‘сексуально привлекательный отец’, *MILF* перен. разг. ‘сексуально привлекательная мать’.

4. Данные разговорные лексемы обладают яркой образностью, содержат оценку и экспрессивно-эмоциональную окраску.

Список литературы

1. Басыров Ш.Р. Номинация муж / жена, возлюбленный / возлюбленная в немецком, английском и украинском языках / Ш.Р.Басыров // Филологические чтения. Материалы международной научно-практич. конференции 29-30 ноября 2012 г. – С.35-38.
2. Варламова М.Ю. Отражение русской культуры в наименованиях лица с общим значением оценки / М.Ю.Варламова // Лингвострановедческий аспект преподавания иностранных языков: Сб. науч. ст. – Вып.6. – Казань: ТГГПУ, 2006. – С. 27-36.
3. Катермина В.В. Номинации человека: национально-культурный аспект (на материале русского и английского языков) / В.В.Катермина. – Краснодар: КубГУ, 2004. – 250 с.
4. Коробкова М.А. Особенности семантического поля «родители» в молодёжном сленге (на материале немецкого, английского и русского языков) / М.А.Коробкова // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: Лингвистика. – 2010. – № 5. – С. 55-58.

О НОМИНАЦИЯХ КРОВНОГО РОДСТВА В РОМАНЕ Ш. БРОНТЕ «THE PROFESSOR» В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

Тарасюк В.А.,

Ягунова Л.Н., д-р филол. наук, профессор
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
l.yagupova@donnu.ru

Введение. Многоуровневая и многоступенчатая система терминов родства, представленная в языке номинациями лиц разных поколений и разного возраста, уже длительное время оказывается в центре внимания специалистов различных отраслей знаний – генетиков, этнографов, социологов, культурологов, а также лингвистов [ср.: 1; 2; 3 и др.], причём языковые данные имеют в процессе изучения понятия родства главенствующее значение [2, с. 7]. Предлагаемый доклад посвящён проблемам перевода терминов родства и возраста в художественном дискурсе на примере романа Ш. Бронте «The Professor» [5] и его перевода на русский язык, выполненного Н. Флейшман [6].

Актуальность темы исследования определяется необходимостью теоретического и практического осмысления вопросов перевода терминов родства с английского языка на русский в теоретическом аспекте и практическом преломлении.

Цель настоящего исследования заключается в многоаспектном описании путей перевода наименований лица с английского языка на русский на материале романа Ш. Бронте «The Professor».

Наиболее полную характеристику терминов родства даёт, на основе анализа обширной научной литературы, Л. Б. Николаева. Она выделяет две группы родства – кровное и родство посредством вступления в брак [1, с. 14-15]. В группу кровных родственников автор включает существительные мужского рода со значениями ‘дед’, ‘отец’, ‘сын’, ‘брат’, ‘дядя’, ‘племянник’, ‘внук’, а также существительные женского рода со значениями ‘мать’, ‘дочь’, ‘сестра’, ‘тётя’, ‘племянница’, ‘внучка’. Существительные мужского рода, имеющие значение ‘муж’, ‘тесть’ / ‘свёкор’, ‘зять’, ‘деверь’, ‘шурин’, ‘свояк’, и существительные женского рода со значениями ‘жена’, ‘тёща’, ‘свекровь’, ‘невестка’, ‘золовка’, ‘свояченица’ она относит к группе номинаций, обозначающих родство через брак. Отобранные номинации родства можно классифицировать по трём семантическим группам: кровное родство, родство через брак и крестильное родство.

Кровное родство, как подчёркивает С. М. Толстая [2, с. 12], представляет собой самый важный вид родства. Термины, именующие

кровных родственников, составляют 78,57 % от всех терминов родства в романе, и их можно разделить на два семантических типа, а именно: по прямой линии и не по прямой линии.

Абсолютное большинство терминов кровного родства в романе – это номинации родственников по прямой линии. Наиболее многочисленную группу номинаций родственников по прямой линии в исследуемом романе представляют их наименования в соседних поколениях. Это объясняется тем, что к данной группе относятся не только основные наименования конкретных родственников, которые далее классифицируются по степени родства, а именно: родители (*father, mother*), дети (*daughter, son*), но и (стилистические) синонимы данных терминов: детск. *papa* (= *father*); доверит. *mamma, lady-mother* (= *mother*), а также термины-гиперонимы, которые объединяют номинации отдельных лиц по признаку родства: *parents* (*father* и *mother* вместе).

Система кровных родственных связей не по прямой линии также разнообразна и обширна, однако А. Шмелёв [4] выделяет в этом случае только родственников в одном, в соседних поколениях и через поколение. В материале исследования представлены только первые две группы: *cousins* – термин-гипероним, именующий родственников не по прямой линии в одном поколении, а *aunt, nephew, uncle* – лексемы для именования родственников той же степени – в соседних поколениях.

В заключение стоит отметить, что перевод номинаций лица, связанных с родством, преимущественно осуществляется с максимальным учётом семантики исходного слова в оригинальном тексте. Проанализировав семантическое наполнение терминов кровного родства, а также их переводные соответствия на материале романа Ш. Бронте «The Professor», можно сделать следующие выводы:

1. Номинации родства в исследуемом романе представляют собой иерархичную систему родственных отношений, имплицитно при этом в ряде случаев семы статусности (напр.: *lady-mother*) и возраста (напр.: *son* / сын, *daughter* / дочь).

2. Отдельные лексемы приобретают стилистические коннотации, которые, как правило, сохраняются при переводе (напр.: *mamma* / маменька).

3. В некоторых случаях наблюдается семантическая и количественная асимметрия между номинациями родства в оригинале и в переводе (несколько вариантов перевода одной и той же номинации: *son* – сын, сыночек, отпрыск, малыш).

Список литературы

1. Николаева, Л.Б. Типология терминов родства. [Текст] / Л. Б. Николаева. – Донецк : ДонНУ, 2006. – 255 с. – (Типологические, сопоставительные, диахронические исследования; 3).

2. Толстая, С. М. Категория родства в этнолингвистической перспективе [Текст] / С. М. Толстая // Категория родства в языке и культуре. – М. : Индрик, 2009. – С. 7-22 : ил. – («Библиотека Института славяноведения РАН ; 16»).
3. Фрост, С. Г. Лингвокультурологический аспект исследования коннотаций : на примере коннотаций существительных тематической группы «семья» : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / С. Г. Фрост. – Челябинск, 2006. – 19 с. / [Электронный ресурс]. – Режим доступа : search.rsl.ru/ru/record/01003028023
4. Шмелев, А. Близкие родственники и родственные связи // Юридическая и налоговая консультация онлайн, 2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [yuridicheskaya-konsultaciya.ru/Родственные связи](http://yuridicheskaya-konsultaciya.ru/Родственные_связи)

Источники примеров

5. Бронте, Ш. Учитель : роман / Шарлотта Бронте; пер. с англ. Н. Флейшман [Текст] / Ш. Бронте. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. – 320 с.
6. Bronte, Ch. Учитель : книга для чтения на английском языке [Текст] / Charlotte Bronte. – СПб. : КАРО, 2012. – 384 р.

УДК 81'276.3 : 811.11

ОСНОВНЫЕ КАТЕГОРИИ АНГЛИЙСКОГО И НЕМЕЦКОГО МОЛОДЕЖНОГО СЛЕНГА

Токарева В.Г.,

Ус Ю.Н., канд. филол. наук

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

donnu.rector@mail.ru

1. Данный доклад посвящен основным категориям английского и немецкого молодежного сленга.

Актуальность исследования связана с частым употреблением новых лексических единиц на уровне нестандартной лексики и фразеологии.

Цель работы – выявить и изучить основные категории молодежного английского и немецкого сленга.

Эмпирический материал исследования получен из электронных словарей *Urban Dictionary* и *Multitran* путем сплошной выборки.

2. В результате проведенного анализа установлено, что в английском и немецком молодежном сленге существует 4 основных категории: оценочная коннотация, наркотические вещества, компьютерные игры и социальные сети.

2.1 Оценочные коннотации человека. Большая часть сленгизмов относится, в основном, к внешней, внутренней, и умственной характеристике человека, уделяя особое внимание тому, кем работает человек, какой его социальный статус, какова его манера поведения, кто он по расовой принадлежности, к чертам его характера, а в последнее время и его отношение к однополым связям и бракам напр.: *Du, Brillenschlange!*

You are four-eyes! ‘ты – очконафт’, такое выражение является оскорбительным для людей, которые имеют плохое зрение и вынуждены носить очки; *die Torte\ cracker* ‘симпатяжка’, ‘красотка’; *der Schmarotzer\ bum* ‘тунеядец’, ‘бездельник’; *der Brulle, der Polyp\ pow pow, cozzier* ‘мент’, ‘полицай’, ‘коп’, то бишь полицейский; *der Pennbruder\ dooser* ‘бомж’, ‘бродяга’, бездомный, человек, не имеющий постоянного места жительства; *die Plumpe, die Sack\ pot-belly, tubby* ‘туша’, ‘увалень’, ‘толстяк’; *der Strichjunge, der Homo\ daisy, limp freak* ‘гомик’, ‘педик’, ‘гомосексуалист’; *der Tollpatsch, der Wahnsinniger\ dum dum, divvy* ‘кретин’, ‘болван’, ‘слабоумный’, ‘придурок’; *der Braunarsch\ eightball* ‘ниггер’, ‘черножопый’, ‘афроамериканец’; *der Japs(e)\ Japs* ‘япошка’, ‘человек азиатской расы’; *die Nutte\ forty-four* ‘проститутка’, девушка легкого поведения, *das Leistungsschwein\ on the pitch* ‘карьерист’; *der Auswurf\ punk* ‘шпана’, ‘сброд’, *der Angsthase\ yellow-belly* ‘трус’[1].

Было выявлено 48 примеров немецких молодежных сленгизмов и 55 английских данного типа.

Стоит отметить, что, как и в английском, так и в немецком языках данный ряд сленгизмов имеет широкую синонимичность и повседневно употребляется молодёжью.

2.2 Наркотические вещества. На сегодняшний день наркотические вещества пользуются большим спросом среди молодежи. Так как они являются запрещенными, были придуманы новые лексические единицы, скрывающие название того или иного наркотического препарата. Данные сленговые единицы знакомы фактически каждому человеку, относящемуся к молодежи. Стоит также упомянуть, что данная сленговая тематика также распространена среди людей среднего возраста, людей, которые не употребляют наркотические вещества, а, по факту, знают определение той или иной зашифрованной лексической единицы или по крайней мере слышали и сталкивались с ними в жизни напр.: *Das Doping, der Hanf, das Hasch, das Kif(f)\ bush, acapulco red, African black, ace, Angola ashes, aunt Mary, Atshitsh pot, tea, MJ, weed, dank* ‘марихуанна’, ‘травка’; *der Fixer, der Drogi, der User, der Suchti\ acid head, acid dropper, acid freak, ad, add, snowbird, gold-duster, drugster, dope, hype, junk, sniffer, duster, hophead, burnout, smart cookie* ‘наркозависимый’, ‘нарк’, ‘торчок’[1].

В общей сложности было выявлено 16 примеров немецких сленговых слов и 105 примеров английских. Исходя из исследования, можно сделать вывод, что обилие немецких молодежных сленгизмов на тему наркотических веществ уступает английскому языку. Что касается английского языка, на каждый подвид наркотического вещества или его производного существует больше количество синонимов. Это может быть связано с тем, что английский язык является интернациональным и многие люди могут вносить туда свои понятия, из своей культуры или языка, которые позже становятся сленгизмами.

2.3 Компьютерные игры. Всё чаще в повседневную речь в связи с компьютерной эволюцией внедряется и игровой сленг. В период с 2010 по 2018 гг. стали очень популярными такие компьютерные игры, как *Dota 2*, *Counter Strike: Global Offensive*, *Call of Duty* и т.д. В связи с большой популярностью игр не только среди молодежи, а в частности и среди детей, и людей среднего возраста, зародился свой язык, свой игровой сленг, который понимают только игроки. Следует отметить, что игровой сленг также, как и сленг социальных сетей не принимает никаких изменений в немецком и британском английском и даже русском языках. Например, *middle* в игре *Counter Strike: Global Offensive* обозначает центральное место на карте; *roffle\ROFL (rolling on the floor of laughing)* в игре *Dota 2* обозначает сильно смеяться из-за чего-либо; в игре *Call of Duty* – *NC (nice shot)* ‘хороший выстрел’. Особой популярностью практически во всех играх пользуется сленговая аббревиатура *afk (away from keyboard)*, обозначающая, что игрок находится не на месте [2]. При изучении данной подтемы было выявлено 27 лексем.

2.4. Социальные сети. Ежегодно все больше пользователей регистрируются в таких социальных сетях как: *Instagram*, *Tinder*, *Twitter*, *Facebook* и т.д., в связи с этим зарождаются новые словообразования. Так как эти социальные сети были разработаны в США, это в первую очередь, сказалось на английском сленге напр.: *Igers* – слово, обозначающее человека, который пользуется Инстаграмом; *tinderoni* – обозначение для парней или девушек в Тиндере; *space tweet* – слово обозначает в Твиттере тех людей, которые пишут информацию о космосе; *de-friend* – в Фейсбуке означает удалить друга со своего аккаунта [2]. Все эти американские сленгизмы из социальных сетей, вошедшие в речь английской и немецкой молодежи не проходят через какие-либо лексико-семантико-грамматические изменения, а становятся общепринятыми и общедоступными, дабы иметь более широкое распространение на все группы языков, относящиеся к индоевропейской группе.

Было обнаружено 16 лексических единиц.

3. Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что существует 4 основных категории, на которые можно распределить молодежный английский и немецкий сленг: оценочная коннотация, наркотические вещества, компьютерные игры и социальные сети. В связи с развитием технологий и культурным прогрессом зарождаются новые сленгизмы и сленговые фразеологизмы, которые входят в ежедневный обиход молодежи. Сленг уже давно стал одним из важнейших компонентов речи молодежи, тем самым доказывая, что изучение данной темы необходимо с точки зрения языкознания. Также следует отметить, что тенденция к возникновению новых сленговых слов увеличивается быстрыми темпами.

Список литературы

1. Multitran [Электронный ресурс] – URL.: <https://www.multitran.com> (дата обращения : 13.09.2018).
2. Urban Dictionary [Электронный ресурс] – URL.: <https://www.urbandictionary.com> (дата обращения : 11.09.2018).

УДК 81

ЗАИМСТВОВАНИЕ НАЗВАНИЙ ОДЕЖД КАК ФАКТОР МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Усенова К.У.

Каракалпакский государственный университет имени Бердаха, Узбекистан
usenova@rambler.ru

Аннотация: В данной статье рассматривается использование заимствований на каракалпакский язык названий одежды из других языков как фактора развития межкультурной коммуникации. Определены адаптации и трансформации заимствованной лексики в каракалпакском языке.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, информация, средств массовой информации, интернационализм.

Межкультурная коммуникация одно из важнейших направлений в сфере взаимосвязи народов или отдельных народностей. По мнению А.Моля «Современный человек вырабатывает свою культуру не по дальнейшему развитию основ знаний, приобретенных им за годы образования, а под воздействием непрерывного потока отдельных элементов культуры, которые постепенно накапливаются в общем процессе культурной деятельности. Такое накопление не есть результат целенаправленных усилий по приобретению систематических знаний – это не соответствует самой сущности жизни в наш технический век; оно происходит вследствие постоянного притока из внешней среды самой разнообразной информации» [1, 45]. О.П.Хорошавцев говоря о влиянии средств массовой информации на межкультурную коммуникация делает такие выводы: «Говоря о влиянии средств массовой информации на межкультурную коммуникация на микроуровне, необходимо отметить, что общей характерной чертой всех типов является неосознанность культурных различий ее участниками (за исключением элиты. Дело в том, что пропагандируемая большинством средств массовой информации культура, характеризующаяся зрелищность, стереотипизацией, стандартизацией, доступность, понятностью, привела к тому, что создается видимость доступности для индивида иного, более легкого существования,

что должно способствовать подсознательному убеждению в преимуществах определенного образа жизни, его некритическому принятию и идеализации)» [2, с. 89].

Стоит отметить, влияние средств массовой информации на заимствование слов происходит всегда. Каждая культура создает свой язык одежды и моды. Названия одежды могут рассказать нам о быте и истории каракалпакского и других народов, рассказать о современных тенденциях моды и культуры.

Заимствованную лексику с точки зрения длительности применения можно разделить на два типа: освоенные заимствования и новые или неосвоенные. Освоенные – это заимствования, которые пришли в каракалпакский язык давно и уже не воспринимаются как чужие: футболка, брюки, юбка, куртка, жакет, джемпер, пиджак.

Большое количество интернационализмов вошло в каракалпакский язык из русского языка, которые были заимствованы преимущественно из французского (блуза, декольте, жилет, костюм, комбинезон, униформа, и др.); английского (кардиган, свитер, смокинг, френч и др.).

Заимствованные названия одежды из других языков можно разделить на такие:

Обуви:

Тапочка – Лёгкие туфли без каблуков (из русского языка);

Туфли – Лёгкая обувь (из немецкого языка);

Сандал – сделанный из кожи лёгкие летняя обувь (заимствованный из тюркского языка перенесенный из русского языка слово);

Головные уборы:

Кепка – Мужской мягкой головной убор с козырьком (из французского языка);

Малакай – Большая шапка на меху с широкими наушниками;

Шогирме – Большой головной убор, шитый из бараньей шерсти.

На основе проведенный нами анализа можно сделать вывод, что в лексике «одежды» XX- начала XXI вв среди новых слов доминируют интернациональные слова. Это в первую очередь влияние СМИ. Оно является основным инструментом в межкультурной коммуникации. К тому же можно отметить, из заимствованных слов в языке остаются те, которые обозначают понятия и явления, жизненно важные для народа, представляющие культурную ценность.

Список литературы

1. Моль А. Социодинамика культуры / А.Моль. – М., 2005. – С. 184.
2. Хорошавцева О.П. Изменения в процессе межкультурной коммуникации под влиянием средств массовой информации / О.П.Хорошавцева // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – М., 2008. – № 150.

Германские и романские языки в синхронии и диахронии

УДК 81'42+811.133

ЭКСПАНСИОНИЗМ ДИСКУРСОВ ФРАНКОЯЗЫЧНЫХ СМИ

Гапотченко Н.Е., канд. филол. наук, доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
nadya.gapotchenko@gmail.com

Дискурсология является одним из актуальных направлений современного языкознания. Уже первые научные работы дискурсологов в 60-е годы XX столетия создавались с учетом взаимного влияния речевой продукции и целого ряда условий и факторов, на фоне которых происходит коммуникация.

В современном языкознании особую популярность приобрел термин «экспансионизм», который используется в связи с широким привлечением опыта различных современных областей науки для объяснения глубинного содержания дискурсов разных типов.

Проблема экспансионизма неоднократно затрагивалась в работах Е.С.Кубряковой, Ю.С.Степанова, Т.Н.Хомутовой, Ж.-М. Адама, Ф.Ле Тузе, М.Фишера и других ученых. В первую очередь современные исследователи обращают внимание на новейшие области науки, объясняющие интеллектуальный экспансионизм – философию, информатику, когнитологию, социологию итд.

Сегодня экспансионизм является одним из основополагающих принципов языкознания [2, с. 207-208]. Использование инструментария других наук и междисциплинарных связей позволяет дискурсологам оптимизировать анализ речевой продукции. Изучение текстовой информации дискурсов с учетом экспансионизма предполагает исследование не только собственно языкового и речевого материала, но и анализ так называемого диалога текста с внешними, внетекстовыми структурами [4].

При исследовании франкоязычных СМИ принцип экспансионизма является востребованным, в частности, с целью экспликации имагологических, чужеродных составляющих дискурсов этого вида.

В большинстве дискурсов СМИ экспансионизм мотивирован [5]. Например, экспансионизм исторического опыта неизбежен при экспликации различных аспектов функционирования франкоязычных дискурсов СМИ, ведь именно в масс-медиа активно используются исторические и мифологические аллюзии, упоминания, метафоры, метонимии и другие

приемы, которые, с одной стороны, насыщают денотативный компонент дискурсов, а с другой – продлевают активный узус самих историзмов и мифологизмов за счет их актуализации в определенных жанрах дискурсов, предназначенных для массового адресата.

Кроме того, со времен существования Французской империи исторический экспансионизм приобрел особое значение во франкоязычных дискурсах массовой коммуникации, актуализируя в них национальные и этнографические особенности стран-франкофонов. Это в значительной мере связано с тем, что французский язык остается мажоритарным средством общения на территории бывших колоний [1, с. 187).

Традиционные популярные СМИ на французском языке и их он-лайн версии активно отображают изменения и тенденции франкоязычной национальной коммуникации в рамках отдельной страны-франкофона и межкультурной коммуникации в целом на устном и письменном уровнях.

Экспансионизм франкоязычных дискурсов СМИ в условиях мировой глобализации предполагает отображение в дискурсах на языковом и глубинном коммуникативном уровнях национальных культурных, бытовых и этнических особенностей. Экспансионизм позволяет объяснить прямую и косвенную актуализацию во франкоязычных дискурсах СМИ географических реалий, данных социологических исследований, психологических составляющих итд.

Подводя итоги, следует отметить, что экспансионизм принципиально расширяет возможности дискурсивного анализа, позволяя максимально учесть опыт, накопленный целым рядом смежных наук в течение всего их существования.

Список литературы

1. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. / Т. В. Жеребило. – Назрань : ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.
2. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века / Е. С. Кубрякова // Язык и наука конца XX века. – М. : Российский гуманитарный ун-т, 1995. – 407 с.
3. Макаров М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М. : Гнозис, 2003. – 202 с.
4. Цуциева М.Г. Парадигмальные составляющие современной лингвистики / М.Г.Цуциева // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина, 2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/paradigmalnye-sostavlyayuschie-sovremennoy-lingvistiki>
5. Lancien Th. Les médias sur Internet / Th. Lancien // Le français dans le monde. – 2005. – №337. – P. 23-26.
6. Mazière F. L'analyse du discours / F. Mazière. – P. : Presses Universitaires de France, 2005. – 128 p.

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ)**

Грицкова Н.В., канд. пед. наук, доцент
ГОУ ВПО «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко»,
г. Луганск, ЛНР
interpreter912@gmail.com

В теории и практике перевода понятие переводческой стратегии утвердилось давно. Под ним понимается порядок и суть действий переводчика при переводе конкретного текста. Иногда в этом случае применяется понятие «действия переводчика».

Однако в поле зрения переводоведов понятие переводческой стратегии попало сравнительно недавно. В последние годы оно разрабатывается такими теоретиками и практиками, как Д. Селескович и М. Ледерер, С. Басснетт-Макгайр и Х. Крингс и другие.

Вместе с тем с теоретическими обоснованиями понятия «переводческая стратегия» мы встречаемся крайне редко. К тому же при обсуждении стратегий преобладают директивные рекомендации. Данный процесс происходит потому, что его суть вытекает из практической деятельности переводчика и кажется само собой разумеющейся.

Выявим суть, а также наличие объективных и субъективных составляющих переводческой стратегии. При этом сразу разграничим понятия «переводческие действия» и «переводческая стратегия». Переводческими действиями мы будем называть всю совокупность возможных действий по осуществлению перевода, а переводческой стратегией – осознанно выбранный переводчиком алгоритм этих действий при переводе одного конкретного текста (или группы текстов) с французского или немецкого языков на русский язык.

Переводческие действия Х. Фермеер характеризует как экспертную деятельность по осуществлению межкультурной коммуникации, как ситуативно обусловленные действия, направленные в каждом конкретном случае на определённую цель; теорию «скопос» он считает составной частью этого более широкого понятия – теории переводческих (транслаторных) действий [5].

Ю. Хольц-Мянттари подчёркивает, что смысл переводческих действий заключается в первую очередь не в экспертной коммуникативной деятельности, а в создании определённого продукта для других людей и во имя определённой цели, который она называет «дизайнерским продуктом» [1]. К этой характеристике переводческих действий Х. Рискю добавляет

необходимость участия переводчика в общении с реципиентами. Это общение должно избавить переводчика от иллюзии, что он сам знает, какой текст нужен реципиенту.

Описывая переводческие действия как процесс создания «дизайнерского продукта», Ю. Хольц-Мянттяри перечисляет действия, необходимые для осуществления «дизайна текста»: уточнить свои представления о продукте и о потребности в нём; составить план действий; создавать текст; держать этот процесс под контролем; производить поиск средств перевода; модифицировать найденный материал, приспособив его для данного случая; аргументировать свои решения; производить постоянную адаптацию своих действий.

Большинство исследователей при обсуждении переводческих действий и порядка их следования (т.е. стратегии) имеют в виду письменный перевод. На этом фоне особенно ценным представляются выводы, сделанные М. Ледерер на материале синхронного перевода: они показывают, что переводческие действия в большинстве своем одинаковы для любого вида перевода [4]. М. Ледерер выделяет восемь операций, комбинация которых наблюдается во время работы переводчика-синхрониста: восприятие устной речи, понимание услышанного, интегрирование понятых единиц смысла в предыдущие знания, извлеченные из текста оригинала; формирование высказывания на ПЯ на базе когнитивной памяти, восстановление элементов высказывания на основе ИЯ с использованием прямых соответствий, осуществляемым автоматически; восстановление элементов высказывания на основе вербальной памяти (поиск слов для выражения понятого), слуховой контроль переводчика за собственной речью, осознание окружающей обстановки [3].

Из названных операций при письменном переводе отсутствует лишь седьмая – слуховой контроль за собственной речью. Остальные в том или ином виде имеют место, правда с некоторыми модификациями. Восприятие устной речи аналогично восприятию письменной, с той разницей, что при восприятии письменной речи задействованы зрительные рецепторы. Понимание базируется на этом восприятии. Интегрирование понятых единиц текста при письменном переводе включает и единицы смысла, воспринятые переводчиком не только из предшествующего, но и из последующего текста. Осознание окружающей обстановки можно для случая письменного перевода интерпретировать как осознание ситуативного контекста.

Следует отметить, что даже при синхронном переводе отдельные переводческие действия (операции) осуществляются последовательно, хотя, безусловно, существует феномен их наложения и даже одновременности. Так, восприятие и понимание в ситуации устного перевода накладываются и могут происходить почти одновременно, но всё

же понимание не может предшествовать восприятию и т. п. Целый ряд исследователей видит процесс перевода как череду этапов. Так, Ж. Делиль предлагает различать 3 этапа: понимание, перевыражение и подтверждающий анализ, а каждый из этих этапов разбивает на несколько стадий. С. Баснетт-Макгайр считает, что существует определённая, объективно обусловленная последовательность переводческих действий, которая является залогом создания эквивалентного перевода.

Во всех упомянутых выше трактовках переводческих действий и их последовательности подспудно содержится представление о переводческой стратегии. Первым на понятие собственно переводческих стратегий остановил своё внимание Х. Крингс. Опираясь на экспериментальный материал, собранный с использованием методики *think aloud* («думания вслух»), он предложил понимать под стратегиями перевода потенциально осознанные планы переводчика, направленные на решение конкретной переводческой задачи. Х. Крингс различает макростратегию – способы решения ряда переводческих задач и микростратегию – способы решения одной задачи. С точки зрения макростратегии в процессе перевода автор отмечает 3 этапа: предпереводческий анализ, собственно перевод и постпереводческую обработку текста. Поскольку Х. Крингс опирается на экспериментальный материал, связанный с самосознанием личности, первый и третий этапы, согласно свидетельствам некоторых переводчиков, оказываются факультативными [2].

Х. Крингс отмечает также различия в алгоритме переводческих стратегий при переводе с немецкого языка и на немецкий язык. Примечательно, что при переводе на иностранный язык, когда переводчик испытывает трудности при поиске эквивалента просто по той причине, что языковой системой чужого языка он владеет не в полной мере, ему приходится сначала зачастую перевыражать мысль на языке оригинала, чтобы облегчить себе поиск эквивалента. При переводе с иностранного языка, напротив, приходится делать выбор в арсенале ПЯ (родного языка), системой которого переводчик владеет в совершенстве.

Список литературы

1. Holz-Mänttari J. *Translatorisches Handeln. Theorie und Methode* / J. Holz-Mänttari. – Helsinki, 1964. – 210 S.
2. Krings H. P. *Was in den Köpfen von Übersetzern vorgeht* / H. P. Krings. – Tübingen, 1986. – 201 S.
3. Lederer M. *La traduction simultanée. Expérience et théorie* / M. Lederer. – Paris, 1981. – 199 p.
4. Seleskovich D., Lederer M. *Interpreter pour traduire* / D. Seleskovich, M. Lederer. – Paris, 1987. – 231 p.
5. Vermeer H. J. *Skopos and commission in translational action* / H. J. Vermeer // *Readings in Translation Theory*. – Finn Leclura, 2008. – P. 73 – 76.

СТРУКТУРНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ В СЛОВООБРАЗОВАНИИ

Калиущенко В.Д., д-р филол. наук, профессор
 ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
vladimirkaliuschenko@gmail.com

В работе рассматриваются отыменные глаголы (ОГ) в немецком языке [см. Kaliiščenko, 1988; Wellmann, 1972], а также их мотивирующие имена существительные (МИ).

Формальная структура МИ в немецком языке накладывает жесткие ограничения на его производительность в отношении глаголов. В качестве продуктивных производных МИ выступают МИ с суффиксами *-er*, (*-ler*, *-ner*, *-aner*) *-(e)l*), ср. *Schneider* ‘портной’ → *schneidern* ‘шить, кроить’, *Tischler* ‘плотник’ → *tischlern* ‘плотничать’, *Kreisel* ‘юла, волчок’ → *kreiseln* ‘крутиться’. Низкой производительностью в образовании глаголов обладают производные существительные с суффиксом *-e*, по-видимому, вследствие их преимущественно отглагольного или отадективного происхождения, ср. *Bitte* ‘просьба’ ← *bitten* ‘просить’, *Ferne* ‘даль’ ← *fern* ‘далеко, далекий’, *Röte* ‘краснота’ ← *rot* ‘красный’, но ср. *geben* ‘давать’ → *Gabe* ‘дар’ → *begaben* ‘одаривать’. Единичные глаголы образованы от существительных с суффиксами *-ling* (в выборке отмечен один глагол): (*Frühling* ‘весна’ → *frühlingen* ‘приближаться – о весне’), *-schaft* (в выборке содержится два глагола: (*Gesellschaft* ‘общество’ → *vergesellschaften* ‘обобществлять’, *Genossenschaft* ‘коллектив’ → *vergenossenschafteten* ‘коллективизировать’), а также в префиксами *an-*, *auf-*, *aus-*, *ein-*, *mit-*, *nach-*, *un-*, *ur-*, *vor-*, *zu-*, при условии, что у существительных с ними отсутствуют суффиксы (кроме *-e*, ср. *ausgeben* ‘выдавать’ ← *Ausgabe* ‘выдача’). Характерно, что ОГ образуются при этом в основном с помощью неотделяемых префиксов *be-*, *ver-*, ср.: *Antrag* ‘заявка’ → *beantragen* ‘подавать заявку’, *Anschlag* ‘оценка’ → *veranschlagen* ‘оценивать’, *Auftrag* ‘поручение’ → *beauftragen* ‘поручать’, *Einfluß* ‘влияние’ → *beeinflussen* ‘оказывать влияние’, *Mitleid* ‘сочувствие’ → *bemitleiden* ‘сочувствовать’, *Ursache* ‘причина’ → *verursachen* ‘вызвать, стать причиной чего-либо’, *Zuschuss* ‘дотация’ → *bezuschussen* ‘давать дотацию’.

С учетом сказанного могут быть выведены импликации двух типов: 1) запрещающие образование ОГ, формулируемые следующим образом: а) если имя существительное содержит в своей структуре какой-либо суффикс, кроме *-e*, *-el*, *-er* и его вариантов, *-ling*, *-schaft*), то от него не могут быть образованы отыменные глаголы; б) если имя существительное содержит в своей структуре глагольные неотделяемые префиксы *be-*, *ent-*,

ver-, *zer-* (ср., например, существительные *Bezug* ‘переезд’, *Entgelt* ‘вознаграждение’), то от него не могут быть образованы отыменные глаголы (исключение: *verbeamten* ‘делать чиновником’ ← *Beamte* ‘чиновник’); в) если существительное содержит в своей структуре глагольный отделяемый префикс *ab-*, *an-*, *auf-*, *aus-* и т.д. и суффикс, кроме *-e* типа *Ausgabe*, то от него не образуются глаголы; г) если существительное содержит в своей структуре глагольный отделяемый префикс *ab-*, *an-*, *auf-*, *aus-* и т.д. и не содержит суффикс, кроме *-e*, то образование глаголов от них возможно только при участии неотделяемых префиксов *be-*, *ver-* и *über-* (в его неотделяемом употреблении); 2) вероятностные градуальные импликации: а) если существительное содержит в своей структуре суффиксы *-ling* или *-schaft*, то существует большая вероятность того, что от него не образуются глаголы; б) если существительные имеют в своей структуре префиксы *an-*, *auf-*, *aus-*, *ein-*, *mit-*, *nach-*, *um-*, *ur-*, *vor-*, *zu-*, то существует большая вероятность того, что от них не образуются глаголы; в) если существительные (иностранного происхождения) оканчиваются на *-a*, *-ade*, *-atur*, *-ee*, *-eur*, *-i*, *-io*, *-ium*, *-o*, *-uk*, *-us*, то существует большая вероятность того, что в случае образования глагола данные финалы подвергнутся усечению.

В целом можно констатировать, что в немецком языке морфемная структура имени влияет следующим образом на его производительность в отношении глаголов: 1) наиболее высокими словообразовательными возможностями обладают производные существительные и существительные с суффиксами *-el*, *-er*; 2) образование глаголов от производных имен с другими суффиксами, а также префиксами, либо резко ограничено, либо невозможно (см. выше).

Характерно, что в английском, по-видимому, практически отсутствуют или весьма незначительны формальные (структурные) ограничения на тип основы имени при образовании от него глагола. Здесь возможно формирование ОГ, например, от существительных даже с элементами *-tion*, *-ment*, которые накладывают жесткое ограничение на образование в немецком языке (ср. *to audition* ‘аудировать’, *to requisition* ‘реквизировать’, *to compartment* ‘раскладывать по ячейкам’).

Список литературы

1. Kaliuščenko 1988. – Kaliuscenko V. D. Deutschen denominalen Verben // Studien zur deutschen Grammatik. – Tübingen: Narr. – 1988. – Bd. 30. – 180 s.
2. Wellmann 1973. – Wellmann H. Verbbildung durch Suffixe // Deutsche Wortbildung. Erster Hauptteil: Das Verb. – Sprache der Gegenwart. – Düsseldorf: Schwann, 1973. – Bd. XXIX. – S. 17-140.

**СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ В АНГЛИЙСКОМ
И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ
(НА МАТЕРИАЛЕ НАИМЕНОВАНИЙ ЧЕЛОВЕКА В ИСКУССТВЕ)**

Косицкая А.Г.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
alinakositskaya@mail.ru

Введение. Человек повседневно играет разнообразные роли в многочисленных жизненных ситуациях; его мировоззрение, оценки находят свое отражение в языке, в частности в использовании аналогий, в сравнении различных явлений на основании определенного ассоциативного сходства, что закономерно приводит к появлению в языке метафор, метонимий и т.д. [2, с. 28].

Изучение процессов и механизмов семантической деривации приобретает особую **актуальность** в связи с тем, что образность, которая возникла в результате наблюдений за явлениями окружающего мира и основывается на практическом, духовно-нравственном и социально-историческом опыте людей, предстает не только лингвистическим, но и психологическим феноменом. Сопоставление устойчивых образов в разных языках позволяет вскрыть общее и национально-специфическое [4, с. 56, 66; 7, с. 1211].

Объектом исследования выступают литературные и коллоквиальные наименования человека в искусстве (НЧИ) в английском и немецком языках, представляющие собой простые, сложные слова и словосочетания.

Предметом является семантическая структура данных НЧИ.

Материалом исследования послужили НЧИ, отобранные путем сплошной выборки из толковых, разговорных и сленговых словарей. В английском языке из 724 НЧИ 38 является метафорически и 65 метонимически переосмысленными образованиями. В немецком языке из 940 НЧИ 94 лексемы строятся на метафорических и 48 на метонимических переносах.

Цель настоящего исследования заключается в описании механизмов семантической деривации НЧИ в английском и немецком языках и выявлении моделей вторичной номинации человека в искусстве.

Для исследования используются следующие **методы и приемы** лингвистического анализа: описательный метод, метод компонентного анализа и метод словарных дефиниций, сопоставительный метод, этимологический метод, лингвокультурологический анализ, метод количественного анализа.

Результат. В структурном плане метафоризированные и метонимизированные НЧИ являются однословными и многословными, т.е.

словосочетаниями или композитами, образованиями. В многословных НЧИ рассматриваемых языков переосмыслению подвергается чаще второй (базовый) компонент [1, с. 292; 6, с. 96].

В английском и немецком языках выявлены общие (универсальные) семантические модели метафорического переноса, ассоциативной базой которых чаще выступают:

1) человек и такие его признаки, как, например:

а) род деятельности: англ. *professor* ‘профессор; преподаватель’ → *professor* разг. ‘пианист в баре’ (такое название появилось в связи с тем, что пианисты давали уроки игры на пианино); нем. *Beamter* ‘служащий’ → *Beamter* разг. ‘актер, играющий без воодушевления’ (этот актер похож на чиновника, выполняющего безучастно и равнодушно рутинную работу);

б) социальное положение: англ. *acting lady* букв. ‘леди, работающая актрисой’ → ирон. разг. ‘посредственная актриса’ (ирония строится на безуспешной попытке многих светских дам/леди повторить успех Лилли Лэнгтри – британской актрисы и «светской львицы»); нем. *Rampenvogt* букв. ‘управляющий рампой’ → *Rampenvogt* разг. ‘строгий и требовательный режиссер’ (он ведет себя, как властный, бесцеремонный управляющий-феодал (*Vogt*));

в) возраст: англ. *piano kid* букв. ‘ребенок-пианист’ → *piano kid* разг. ‘пианист (в барах Нового Орлеана, Нью-Йорка, Мемфиса и т.д.)’ (в которых первые пианисты обычно были юными); нем. *Leinwandnymphchen* букв. ‘экранная нимфетка’ → *Leinwandnymphchen* разг. ‘юная киноактриса’.

2) фауна: англ. *scorpion* ‘скорпион’ → *scorpion* разг. ‘очень юный и неопытный актер’ (который безобиден, словно скорпион, не имеющий жала в хвосте); нем. *Moderationsamöbe* букв. ‘диктор-амеба’ → *Moderationsamöbe* разг., уничиж. ‘третьесортный диктор в третьесортной программе’ (аналогия проводится между низшей ступенью развития амёбы – простейшего одноклеточного микроорганизма – и таким же интеллектуальным развитием диктора).

Метонимизация в сфере английских и немецких НЧИ происходит по 4 типам: каузальному, партитивному, атрибутивному и локальному [3; 5; 8, с. 362–376; 9, с. 217]. В обоих языках преобладает каузальный тип метонимического переноса. При этом НЧИ-метонимы английского языка образуются более продуктивно по модели «Инструмент / средство действия → субъект действия», а для НЧИ-метонимов немецкого языка чаще используется модель «Музыкально-драматическое произведение или его часть → исполнитель данного произведения», ср.: англ. *clarinet* ‘кларнет’ → *clarinet* ‘кларнетист’; нем. *Klaviertrio* ‘композиция для двух смычковых инструментов и фортепиано’ → *Klaviertrio* ‘фортепианное трио’.

Кроме того, в немецком языке продуктивным является также синекдохический тип метонимического переноса ‘часть целого → целое’ по модели «голос певца → певец с таким голосом»: *Bariton* ‘баритон (голос)’ → *Bariton* ‘баритон (певец)’.

Заключение. Выявленные метафорические и метонимические наименования человека в большинстве случаев используются не для номинации как таковой, а возникают и функционируют с определенной функционально-стилистической установкой и служат экспрессивно-оценочным речевым средством, часто для выражения сниженной, шутливой или отрицательной оценки человека искусства. Согласно количеству и разнообразию номинативно-мотивирующих признаков (антропоморфические, зооморфические, растительные, мифологические, опредметные, соматические) НЧИ немецкого языка в целом характеризуются бóльшим образным потенциалом по сравнению с НЧИ английского языка. Анализ вторичной номинации НЧИ позволил установить универсальное и специфическое в образном представлении человека искусства, а также выявить культурную коннотацию, содержащую элементы духовной культуры носителей английского и немецкого языков.

Список литературы

1. Антропова Н.А. Словообразование в сфере немецкой разговорной лексики (на материале имени существительного): монография / Н.А.Антропова – Москва: Прометей, 2005. – 350 с.
2. Басыров Ш.Р. Метафорические и метонимические наименования умного и глупого человека в немецком разговорном языке / Ш.Р.Басыров // И. А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика: VI Бодуэновские чтения. – 2017. – Т. 1. – С. 28–32.
3. Бич М.Я. Метонимическое использование имён собственных в современном русском, испанском и английском языках (на материале газетных текстов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 1995. – 18 с.
4. Землякова Н. В. Устойчивые образные номинации человека (Структурно-семантический и лексикографический аспекты): дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2005. 201 с.
5. Удинська А. Г. Метонімічні переноси на позначення людини в англійській і українській мовах: дис. ... канд. філол. наук. – Донецьк: ДонНУ, 2007. – 224 с.
6. Benczes R. Creative Compounding in English: The Semantics of Metaphorical and Metonymical Noun-Noun Combinations. John Benjamins Publishing, – 2006. – 205 p.
7. Goddard C. The ethnopragsmatics and semantics of «active» metaphors / C. Goddard // Journal of Pragmatics (Special issue on «Metaphor across languages»). – 2004. – Vol. 36. – P. 1211–1230.
8. Stern G. Meaning and change of meaning: with special reference to the English language / G.Stern. – Indiana University Press, 1964. – 490 p.
9. Ullman S. Semantics. An introduction to the Science of Meaning. – Oxford, 1964. – 127 p.

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ ОЦЕНОЧНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ С СЕМОЙ «ХАРАКТЕР»

Морозенко Е.А.,

Бессонова О.Л., д-р филол. наук, профессор

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

elenamorozenko20@gmail.com

Исследования категория оценки выполнялись в русле различных парадигм и на материале различных языковых единиц [1–4]. Категория оценки представлена в языковой картине мира различными языковыми средствами. Одними из наиболее продуктивных лексических средств выражения оценки служат имена прилагательные. К имени прилагательному относятся слова, которые обозначают признак предмета. Признаки, воспринимаемые органами чувств и осознаваемые человеком в результате одноступенчатой мыслительной операции сопоставления с «эталоном», называются эмпирийными признаками. Категория признаков, которые представляют собой оценку предмета, т.е. отношение объекта к субъекту, называются оценочными признаками. Формирование оценочного признака также начинается с восприятия органами чувств эмпирийных признаков предмета, с их соотнесения с «эталоном», и в итоге делается вывод о наличии у предмета нового (оценочного) признака. Объектом оценки прилагательных выступает человек, его деятельность, абстрактные и конкретные понятия, ситуации. Оценочное значение понимается как информация, содержащая сведения о ценностном отношении субъекта речи к определенному свойству обозначаемого объекта [3].

Имена прилагательные подвергаются значительным семантическим изменениям в связи с переменами в реальной жизни, а развитие семантической структуры оценочных прилагательных является следствием изменения внешних и внутренних факторов. Исследование оценочных прилагательных в рамках диахронического подхода дает возможность установления и описания особенностей эволюционных изменений, механизмов, лежащих в основе семантической деривации, и их результатов. Наиболее продуктивными способами пополнения корпуса оценочных прилагательных можно считать семантическую и морфологическую деривацию. Морфологически оценочное прилагательное может быть мотивировано как внутренней формой слова, так и префиксами и суффиксами. Данное исследование фокусируется на особенностях семантической деривации оценочных прилагательных.

Исследуя оценочные прилагательные в диахроническом аспекте, нужно обратить внимание на то, что основная часть лексикона в древнеанглийском языке состояла из моносемантической лексики, которая

описывала наиболее важные для человека того времени аспекты действительности – предметы, места, действия, состояния. Но с развитием общества появляется новая возможность непрямой номинации – использования слов в метафорическом и метонимическом значениях, благодаря чему слова становятся многозначными. Эволюция семантики оценочных прилагательных происходит благодаря механизмам метафоризации и метонимизации. В результате изменения денотативного значения семантический объем может расширяться или сужаться. Изменение коннотативного аспекта выражается в амелиорации или пейорации. Например: *Stern* ‘суровый’ – 1) *of a blow, a weapon: inflicting severe pain or injury* ‘присущий удару, оружию: причиняющий большую боль и увечья’ (возникло значение в древнеанглийский период OE); 2) *of the weather: severe, causing hardship* ‘о погоде: суровая, причиняющая трудности’ (значение возникло в среднеанглийский период ME); 3) *of a person: cruel, merciless* ‘о человеке: жестокий, безжалостный’ (значение возникло в конце XVIII века). В данном примере в результате изменения денотативного значения семантический объем лексической единицы расширился в пейоративном ключе.

Анализ материала показал, что наиболее продуктивным механизмом деривации оценочных прилагательных с семой «характер» является метафоризация. Чаще всего происходит расширение значения. Результатом изменения коннотативного аспекта в основном является пейорация. Например: *iron* ‘железный’ – 1. *consisting or made of iron* ‘состоящий или сделанный из железа’; 2. *physically hard or strong; tough, enduring* ‘физически крепкий или сильный; жесткий, выносливый’ (OE); 3. *cruel, merciless, implacable, stern, severe* ‘жестокий, безжалостный, суровый, строгий, непреклонный’ (ME). 4. *stubborn, obstinate, unyielding* ‘упрямый, неумолимый, жесткий’ (ME – NE). Так, слово, обладающее нейтральным значением в древнеанглийский период (OE), приобретает оценочное значение в среднеанглийский (ME) и новоанглийский (NE) периоды развития языка.

Случаи сужения и амелиорации значения являются немногочисленными.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д.Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 895 с.
2. Бессонова О.Л. Оценочные композиты-субстантивы как средство выражения категории «предметный мир» в английском языке / О.Л.Бессонова, Е.В.Трофимова // В сборнике: Учитель, ученик, учебник материалы VIII Международной научно-практической конференции: Отв. ред.: И.Л. Лебедева. –2016. – С. 166-172.
3. Бессонова О.Л. Структурные особенности оценочных наименований лица в английском, французском и украинском языках / О.Л.Бессонова // Записки з романо-германської філології. – 2010. — № 25. – С. 7-14.
4. Вольф Е.М. Грамматика и семантика прилагательного (на материале иберо-романских языков) / Е.М.Вольф. – М.: Наука, 1978. – 235 с.

ДВУХКОМПОНЕНТНЫЕ ОЙКОНИМЫ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА СМЕШАННОГО СЛАВЯНСКО-НЕМЕЦКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Томила Ю.В.,

Усова Н.В., канд. филол. наук

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

germanistik.dn@mail.ru

1. Ойконимия служит ценным источником для исследования истории языка, помогая восстановить черты исторического прошлого народов, определить границы их расселения, очертить области прошлого распространения языков. Названия населенных пунктов на востоке современной Германии, в составе которых вычленяются характерные для славянских языков семы, являются подтверждением славянских поселений на данной территории.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью понимания мотивации первоначального называния населенных пунктов для сохранения исторического наследия.

Объектом исследования являются ойконимы, в составе которых объединяются мотивационные слова, с одной стороны, славянского, а с другой – немецкого происхождения (далее – смешанная группа).

Предметом выступает семантика и словообразовательная структура указанных номинативных единиц.

Цель работы заключается в том, чтобы выяснить историческую семантику представленных в работе ойконимов на основе анализа их этимологически-мотивационной базы.

Материал исследования составляет ряд наименований населенных пунктов Германии, содержащих в своем составе славянский и немецкий компоненты.

2. Ряд топонимов относится к смешанной группе (по Э. Эйхлеру *Mischnamen*), о чем свидетельствует наличие в разных славянских языках схожих форм слова, представляющего первый компонент. А немецкая составляющая данных ойконимов подтверждается раннее засвидетельствованными формами.

Crinitzberg – первый компонент *crinitz* образован от слав. *krinica* ‘источник’, укр. *криниця*, для объективного толкования мотива выбора второго элемента – дрвн. слова *berg* ‘гора’, в срвн. имевшего форму *berc*, следует обратить внимание на географическое положение данного ойконима – поселение расположено на высоте 600 м над уровнем моря [2, с. 100].

Luckenwalde – (1217 *Lukenwolde*, нлуж. *Lukow*) предположительно, славянское наименование включало в себя краткую форму антропонима *Luk* (от *Lukomir*). Второй компонент *walde*, в дрвн. имел форму *wald* ‘лес’,

срннем. *wold*. Необходимо также отметить безусловное родство дрвн. *wald* 'лес' и дрвн. *wildi* 'дикий, глухой'. Вероятно, герм. *walbus*, имевшее значение 'глушь, непроходимое место', в дрвн. утратило его и приняло значение 'лес'. Такой семантический сдвиг был вполне возможен, ибо сами понятия были очень близкими: известно, что древние племенные границы часто представляли собой глухие лесные массивы [2, с. 111].

Lippendorf – первый компонент относится к слав. *lipina* 'заросли липы', влуж., нлуж. *lipina*, производной от слав. *lipa* 'липа', влуж., нлуж., польск. *lipa*, чешск. *lípa*, влуж. *lipe*, чешск. *lipí, lipoví*; влуж. *lipu*, нлуж. *lipowu*, а второй компонент от немецкого (нем.) *thurpa*, древневерхненемецкого (дрвн.) *thorf* 'деревня, двор, поместье', срвн. *dorf* 'деревня'. Возможно предположить, что топооснова *dorf* в германских диалектах имело значение 'хутор, сельский дом', что подтверждается сохранением указанного элемента в новошведском слове *torp* 'небольшой арендованный хутор, небольшой двор в сельской местности' [1, с. 48].

Oelsengrund – (1200 *Olsniz*) от слав. *olša* 'ольха', *Olešnica* 'место, заросшее ольхой' влуж. *wołša, wołšina*, нлуж. *wołša, wołšina*, сербск. *olša* чешск. *olša*, польск. *olcha, olsza*, русс. *olcha*. Второй компонент же восходит к дрвн. *grunt* 'земля', срвн. *grunt* 'лощина, узкая впадина, пропасть' [2, с. 101].

Roitzschwiese – составное наименование, включающее в себя слав. *gradc* 'город, укрепленная местность' [2, с. 204] и *wiese*, образованного от дрвн. *wisa*, срвн. *wise* 'луг, поляна' [2, с. 103].

Stralsung – (1234 *civitas Stralowe*) старое славянское поселение, изначально названное *Stralow*, с течением времени получило второй компонент срннем. *sund* '(морской) пролив', так как располагается между Поморским побережьем и островом Рюген [2, с. 127].

Zeißholz – (сербск. *Ćisow*) свое название данный населенный пункт получил от слав. *tis* 'тис', имеющего в сорб. форму *ćis*, всорб. *cis*, нсорб. *sis*, чешск. *tis*, польск. *cis*. Второй компонент восходит к дрвн., срвн. *holz* 'древесина, лес' [2, с. 53].

3. Проведенный анализ показывает, что названия населенных пунктов на востоке современной Германии включают в себя как славянские, так и немецкие мотивационные слова. В результате взаимодействия культур славянские ойконимы подверглись «онемечиванию» и в результате трансформаций утратили первоначальную форму и значение.

Список литературы

1. Кузиков В.В. Топонимика немецкого языка / В.В.Кузиков. – Уфа: Изд-во Башкирского ун-та, 1985. – 80 с.
2. Eichler E. Historisches Ortsnamenbuch von Sachsen / E.Eichler. – Berlin, 2001. – 397 s.

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ГРАФОНА В РОМАНЕ С.ФРАЯ «ТЕННИСНЫЕ МЯЧИКИ НЕБЕС»

Удинская А.Г., канд. филол. наук, доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
a-zhukova@yandex.ru

1. Интерес к изображению фонетических особенностей речи в прозаических и драматических произведениях периодически становится в центре внимания исследователей на материале разных языков, в частности, английского [1, 3, 4]. В работах последнего времени осуществляются также попытки разграничения графических и фонографических стилистических средств [2] и проводятся интернет-исследования с целью изучения отношения носителей английского языка к использованию графонов в повседневном общении в сети Интернет [5].

В данной работе рассматриваются случаи употребления различных графических и фонографических стилистических средств на материале романа современного английского писателя Стивена Фрая «Теннисные мячики небес», в котором они используются достаточно широко и разнообразно.

2. Термин «графон» был предложен В.А. Кухаренко и определяется как преднамеренное нарушение графической формы слова или словосочетания с целью отображения его истинного звучания [3, с. 14]. Также исследователь выделяет «чисто графические средства», которые не подразумевают нарушение графической нормы, а именно курсив, написание слов заглавными буквами, мультипликация морфем и написание слов с использованием дефиса [3, с. 15], которые В.А. Мальцев называет термином «специальная типографская техника» [4, с. 49].

2.1. Стилистически значимое отклонение от нормы несет дополнительную информацию о персонаже, в частности, о его национальной принадлежности и культурно-образовательном уровне. В исследуемом тексте встречаются примеры воспроизведения речи представителя одной из испаноязычных стран, в которых графическое нарушение норм английского языка сочетается также с отклонениями от грамматических норм, напр.:

(1) *I'm sorry disturbing you, Sir Oliver. I woss wunnering if you or Señor Cotter like maybe some cop of coffee? Or some bisskiss? I have bake yesty some bisskiss. I come in* [6, с. 371-372].

Также исследователи отмечают возможности графического обозначения особенностей детской речи. В романе, однако, не сам ребенок неправильно произносит слово, а взрослый, обращаясь к ребенку, искажает

произношение существительного с неопределенным артиклем *an apple* ‘яблоко’, напр.:

(2) *Let me consider now, Hoolia. Hoolia will choose I think a napple. Yes. Of this I am quite sure. A napple. Half eaten* [6, с. 368].

Исследователи отмечают, что «подлинное» произношение» невозможно отобразить стандартными графическими средствами, как это возможно сделать при помощи транскрипции, поэтому в художественном произведении, как правило, передаются наиболее узнаваемые признаки фонетических особенностей речи персонажей [2, с.126]. Так, С. Фрай в своем романе неоднократно прибегает к описанию особенностей речи представителя среднего класса, стремящегося приобрести безупречное аристократическое произношение, при помощи существующих в английском языке слов, гласные в которых произносятся сходным образом. В примере (3) расположение текста и курсив авторские, напр.:

(3) *Don't say good, say gid.*

Don't say post, say paste

Don't say real, say rail

Don't say go, say gay

Don't say – [6, стр. 28].

Такие фонографические стилистические средства представляют наибольшую сложность при передаче на язык перевода.

2.2. «Специальная типографская техника», в частности, курсив, используется в художественном тексте для передачи логического ударения при произнесении того или иного слова или словосочетания, помогая автору раскрыть эмоциональное состояние персонажа. Часто такое написание влечет за собой и нарушение орфографической нормы, напр.:

(4) ‘The great Cottini must think. He must *theeeenk...*’ [6, стр.367]

(5) ‘Olivia, because she is *vairrry* clever and *vairrry* beautiful, she would be choosing a fine horse, yes?’ [6, стр. 368].

Среди «чисто графических» стилистических средств С.Фрай также применяет подчеркивание, которое сочетается в тексте с написанием слова прописными буквами, максимально эмоционально передавая крайне нетерпимое отношение персонажа к своему имени, выраженное им в своем дневнике, напр.:

(6) *Firstly the name. Ashley. Ashley. ASHLEY. Write it and say it how you like, it just won't do* [6, стр. 22].

Список литературы

1. Емельянова Л.Л. Типы и функции графона в английской художественной речи: Автореф. дис. ...канд.филол.наук. – Одесса, 1977. – 24 с.
2. Куликова М.Н. О соотношении понятий «графические стилистические средства», «фонографические средства» и «фонографическая стилизация» / М.Н.Куликова // Вестник СПбГУ. Сер. 9. – 2010. – Вып. 2. – С. 125-128.

3. Кухаренко В.А. Практикум по стилистике английского языка. *Seminars in Stylistics: учеб. пособие* / В.А. Кухаренко. – 4-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2010. – 184 с.
4. Мальцев В.А. *Стилистика английского языка: учеб. пособие* / В.А. Мальцев. – Мн. : Выш. школа, 1984. – 117 с.
5. Ползунова М.В. Графон как феномен современного языкового пространства / М.В. Ползунова, С.С. Никитин // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* – Тамбов: Грамота, 2017. – №9 (75): в 2-х ч. – Ч. 1. – С. 149-152.
6. Fry S. *The Stars' Tennis Balls* / S. Fry. – London: Arrow Books, 2004. – 436 p.

УДК 81.374

СЛОЖНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ С СЕМОЙ 'БЕЛЫЙ' В НЕМЕЦКИХ ТЕКСТАХ XVI-XIX ВЕКОВ

Ус Ю.Н., канд. филол. наук

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

usjulia80@yandex.ru

1. Доклад посвящен исследованию сложных прилагательных с семой 'белый' в разножанровых немецкоязычных текстах XVI-XIX веков (общий объем выборки составляет 7229 страниц). Анализируемые лексемы дополняют систему цветообозначений (далее – ЦО) выбранного исторического сегмента.

2. В текстах XVI в. кроме основного ЦО *weiß* выявлено 2 сложных прилагательных с семой 'белый': *schneeweiß* 'белоснежный' и *weißrötlich* 'бело-красноватый'.

Сложное прилагательное-метафору *schneeweiß* можно развернуть в устойчивое сравнение *weiß wie der Schnee*. Я. Гримм и В. Гримм [2, с. 1242] отмечают, что *schneeweiß* передает цвет частей человеческого тела, а именно рук, лица; в переносном значении – седых волос либо символизирует преклонный возраст.

В исследованных текстах оба ЦО передают цвет кожи человека: *weißrötlich* используется в описаниях мужчин, в то время как *schneeweiß* – исключительный признак женской красоты, напр.:

Nimm sie bei der schneeweissen Hand und führ in den Rosenkranz – 'Возьми ее за белоснежную руку и поведи ее в венок из роз'.

3. В текстах XVII в. количество сложных прилагательных, обозначающих оттенки белого цвета, возрастает и составляет 5 единиц. Частотность *schneeweiß* заметно снижается, однако появляются новые сложные ЦО-метафоры с последним компонентом *-weiß*, употребляемые относительно цвета кожи и одежды: *alabasterweiß* 'белый, как алебастр, лилейно-белый' (*alabasterweiße Brüst* 'алебастрово-белая грудь'), *lilienweiß* 'белый, как лилия', *schwanenweiß* 'белый, как лебедь'. Метафора *lilienweiß*

используется для изображения образа Христа и получает дополнительные семы 'невинный', 'божественный'. Такую же коннотацию получает прилагательное *schneelicht* в сочетании с существительным *Kleider* 'одежда', так как белый цвет одежды в религии означает невинность и духовную чистоту.

4. Группа сложных прилагательных с семой 'белый' в текстах XVIII в. дополняется 4 новыми лексемами. Впервые зафиксировано ЦО *milchweiß* 'молочно-белый', *silberfarb*, *silberfarbig* 'серебристого цвета', *silberklar* 'серебристый'. Они передают оттенки тела и одежды. Следует также отметить, что вышеназванные ЦО встречаются в текстах XVIII в. исключительно в описаниях женщин. Так, например, *schneeweiß* передает цвет рук (*Hand*) и одежды (*Gewand*), а *milchweiß* подчеркивает белизну бедер (*Hüfte*). В прозаических произведениях *schneeweiß* реализует также значение 'невинности':

Alle Jungfrauen über vierzehn Jahre erschienen dabei in schneeweißem Gewand, mit aufgelösten fliegenden Haaren <...> – 'Все невинные девушки старше четырнадцати лет появились при этом в белоснежном одеянии с распущенными волосами'.

5. Группа сложных прилагательных с семой 'белый' пополняется новыми лексемами в XIX в. Впервые зафиксированы композиты со вторым компонентом *-weiß* (напр.: *blendendweiß* 'ослепительно-белый', *kreideweiß* 'белый, как мел'), которые употребляются для передачи цвета кожи и одежды. Семь лексем образованы по модели *weiß* + партицип II (напр.: *weißgestrichen*, *weißgetüncht* 'покрашенный в белый цвет'). Они констатируют наличие белого цвета в одежде или предметах:

<...> ein kleines weißgekleidetes Kind <...> – 'маленький ребенок, одетый в белое'.

В исследованном материале лексемы *schneeweiß*, *kreideweiß*, *schlohweiß* вступают в синтагматическую связь исключительно с подклассом ЧЕЛОВЕК, представленным существительными *Bart* 'борода', *Hände* 'руки', *Hemd* 'рубашка', *Kleid* 'платье'.

В свою очередь *blendendweiß*, *schmutzigweiß* подчеркивают интенсивность или чистоту цвета, напр.:

<...> die zahllosen schmutzigweißen Stühle und Tische standen durcheinandergeschoben <...> – 'многочисленные грязно-белые стулья и столы стояли вперемешку'.

В лирических произведениях XIX в. денотатами, с которыми традиционно ассоциируется белый цвет, выступают *Milch* 'молоко', *Schmalz* 'смалец', *Schnee* 'снег'. При помощи сложных прилагательных *milchigweiß* и *schmalzweiß* определяется цвет шпата (*Spatkugeln*) и венчика цветка (*Kelch*), тогда как словосочетание *in schneeweißem Kleide* 'в белой одежде' персонифицирует зиму и снег. Белый цвет молока становится основой для образования ЦО *milchfarb*.

Следует отметить, что анализ лексикографических источников свидетельствует о том, что ЦО *milchfarben* ‘цвета молока’ для обозначения белого цвета, употреблялась еще начиная с свн. периода [1, с. 2192]. Однако в анализируемом корпусе текстов данное ЦО появляется лишь в XIX в.

Композит *weißerblüht* ‘расцвевший белый’ является признаком людей. В свою очередь *weißgestirnt* ‘с белым лбом’ объединяет цвет с обозначаемым денотатом (*Stirn* ‘лоб’). К группе оттенков белого цвета относится сложное прилагательное *isabellfarben* ‘желтовато-белый’ с первым компонентом-заимствованием.

6. Проведенный анализ корпуса текстов XVI-XIX вв. позволяет сделать следующие выводы. Группа сложных прилагательных с семой ‘белый’ немногочисленна в XVI в. Однако в дальнейшем наблюдается ее развитие и рост активности отдельных лексем и их типов.

Тематика исследованных текстов, основные тенденции развития литературных направлений каждого века, жанровые особенности повлияли на формирование системы ЦО. Вследствие этого изменяется частотность анализируемых единиц и выбор эталонов сравнения касательно определения цветовых оттенков. Так, основными прототипами ЦО с семой ‘белый’ XVII в. – периода Барокко – стали снег, лебедь, алебастр и лилия. Поэтому закономерным является употребление соответствующих композитов-метафор, имеющих отношение к природе. В текстах XVIII-XIX вв. мотивы цветовой номинации черпались прежде всего из быта. Эталоном сравнения в XVIII в. становится, например, молоко (*milchweiß*), в XIX в. – молоко, смалец, мел (*milchigweiß*, *schmalzweiß*, *kreideweiß*).

Список литературы

1. DWB 12: Grimm J., Grimm W. Deutsches Wörterbuch: In 33 Bd-n / J. Grimm, W. Grimm. Nachdruck. Bd. 12. Nachdruck der Erstausgabe 1878. München: dtv, 1984. 2848 S.
2. DWB 15: Grimm J., Grimm W. Deutsches Wörterbuch: In 33 Bd-n / J. Grimm, W. Grimm. Nachdruck. Bd. 15. Nachdruck der Erstausgabe 1878. München: dtv, 1984. 2926 S.

УДК 81'373.2:811

ПОЭТОНИМИЗАЦИЯ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ТРАНСОНИМИЗАЦИИ

Усова Н.В., канд. филол. наук, доцент

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
germanistik.dn@mail.ru

1. В работе реконструируется один из видов трансономизации, поэтономизация, на примере ономной единицы (ОЕ) *Hans*. Выбор объекта и предмета исследования продиктован необходимостью тщательного

лингвистического и лингвокультурологического исследования ОЕ в динамике с целью дальнейшей разработки теоретических положений ономастики и их верификации.

2. В исторической перспективе личный антропоним (ЛА) *Hans* представляет собой гипокористическую форму имени собственного (ИС) *Johannes* [4]. В средневековье это личное имя (ЛИ) приобретает чрезвычайную популярность как крестильное, затем бытовое имя, а в период с XIV по XVII в.в. становится самым распространённым среди мужских ЛА [4]. Эти факторы вместе с социальной маркированностью предопределили процесс деонимизации, 'обнуления' идентифицирующей референта семы, и переход его в качество поэтонима. И одному, и другому процессу предшествовала стадия мезонимизации. Размывание референтного значения, а затем полная деонимизация и аппелятивация онима обусловили его употребление не в функции идентификации лица, а, напротив, для нивелирования его идентичности, а также для подчеркивания принадлежности [низшему] социальному классу. Употребление онима в функции апеллятива было зафиксировано в словаре Якоба и Вильгельма Гримм, который приводит также цитаты из источников раннего нового времени, в частности, у М. Лютера [4].

3. Деонимизация ОЕ послужила мотивационной основой для развития в ней семантики поэтического имени. Переход в качество поэтонима проходил первоначально в устном народном творчестве, когда деонимизированная ОЕ стала активно использоваться в разнообразных формах фольклора. Эта стадия промежуточного состояния ИС определяется как *фольклороним*, т. е. уже не оним, но ещё и не поэтоним. Имя становится базовым компонентом для образования множественных идиоматических выражений по типу словосочетаний *der blanke Hans (Blanker Hans)* 'Северное море', *die grossen Hansen* 'важные персоны', *Hans Guckindieluft* 'помозей' или сложносокращенных слов *Fabelhans* 'выдумщик, враль', *Prahlhans* 'хвастун', *Gaffhans* 'зевака' и т.п. [1], [2]. В силу своей чрезвычайной популярности антропоним часто встречался в песнях, присказках, поговорках, пословицах, где имел значение 'парень', 'тип', 'малый', 'жених': «*Wenn das nicht wahr ist, so heiß mich Hans*» oder «... *so will ich Hans heißen*», «*Hans Dampf in allen Gassen*», «*Was Hänschen nicht lernt, lernt Hans nimmermehr*; «*Jeder Hans findet seine Grete*», «*Hans ist seiner Grete wert*» и под. Со временем использование ОЕ *Hans* как средства номинации персонажей фольклорных произведений (сказок, легенд, преданий и т.п.) стало традицией. За этим ЛА закрепились определенные коннотации, поскольку он отвечал запросу социума на соответствие типичному характеру, внешности, поведению. Закреплению коннотативных свойств способствовало издание собранных и обработанных братьями Гримм народных сказок, в которых часто фигурирует персонаж по имени *Hans* («*Der starke Hans*», «*Der gescheite Hans*», «*Hans im Glück*» и др.).

Встречается и более подходящая для детского образа диминутивно-мелиоративная форма ЛА с суффиксом *el-* *Hänsel* («*Hänsel und Gretel*»). Указанные проприальные единицы можно квалифицировать как отконнотонимные поэтонимы, так же как и используемые в детской песенке: *HÄNSEL und GRETEL verliefen sich im Wald. / .../ HÄNSEL war hungrig, stibitzt ein Stück vom Dach. / Und auch die GRETEL macht es dem Bruder nach* [6].

4. Затем имя *Hans* появляется и в авторских текстах, в генерализованном значении ‘человек’, ‘(любой) мужчина’, ‘муж’. Так, в известном произведении С. Брандта «Корабль глупцов» семантика ОЕ балансирует на грани оним-апеллятив, поскольку степень генерализации значения приближает его к апеллятивной лексике [4]. Определенным этапом в процессе поэтонимизации стало функционирование исследуемой единицы в качестве имени персонажа балаганного театра *Hans Wurst / Hanswurst* (XV–XVII вв.). Растущая популярность образа способствует частому использованию именованию вне контекста в пейоративном значении и вместе с тем развитию в семантике антропонима коннотативного значения ‘шут’, ‘болван’, ‘глупец’, ‘дурак’. С этого момента можно говорить о функционировании этой лексемы как отпоэтонимного коннотонима.

5. В дальнейшем изменения в семантике онима происходят через этап коннотонимизации поэтонима. Популяризуясь распространением фольклорных и авторских произведений в качестве именования персонажей, ОЕ манифестирует в пространстве немецкоязычной культуры уже как отпоэтонимный коннотоним. ‘Шлейф’ накопленных коннотаций сопровождает новые употребления этой лексемы в качестве поэтонима. Фольклорные мотивы стихотворения «*Der arme Peter*» Г. Гейне [5] воплощаются, в частности, в оригинальном «решении поэтонимосферы» [1, с. 97], которую составляют ОЕ *Hans, Peter* и *Grete*. В конструировании художественного текста, в стилизации его под народную песню, в типизации изображаемых сцен центральное место занимает ЛА *Hans*. Композиция выстраивается на основе классического треугольника, составленного из оппозиций: *Hans – Grete* (*парень – девушка, жених – невеста*); *Hans – Peter* (*избранник – отвергнутый, счастливый – несчастный, радостный – печальный*); *Peter – Grete* (*отвергнутый влюблённый – чужая невеста*). Кроме того, в антитегических отношениях находятся, с одной стороны, ‘*бедный Петер*’ (*der arme Peter*), а с другой – *Ганс* и *Грета* (*Der Hans und die Grete*): несчастный одиночка – счастливая пара: (*Der Hans und die Grete / sind Bräut’gam und Braut*): *Der HANS und die GRETE tanzen herum, / Und jauchzen vor lauter Freude. / Der PETER steht so still und stumm, / Und ist so blaß wie Kreide* [5: 62]. Образ счастливой пары, обозначенный ЛА *Hans* и *Grete*, дополняется интралингвальными коннотациями на базе фольклорных реминисценций. ОЕ в стихотворении выступают уже в качестве отконнотонимных поэтонимов, хранителей фоновых знаний.

6. Эволюция ОЕ *Hans* от бытового имени к поэтическому по пути поэтонимизации представляет собой ‘многоступенчатую’ трансонимизацию, как межвидовую, так и внутривидовую. В результате исторических семантических преобразований устанавливается онимообразовательная цепочка, итогом которой на определенном этапе становится поэтоним. Поэтонимизация как разновидность трансонимизации актуализирует динамическую природу онима, его континуальность, обусловленные функционированием в (лингво)культуре, а также динамическую сущность самой лингвокультуры как среды.

Список литературы

1. Калинин В.М. К вопросу об оппозициях в поэтонимосфере художественного произведения / В.М.Калинкин // Теоретические и прикладные проблемы русской филологии: науч.-метод. сб. к 80-летию проф. О.Е. Ольшанского / Отв. ред. В. А. Глущенко. – Славянск: СГПИ, 2001. – Ч. I. – С. 93-97.
2. Усова Н.В. Оппозитивность как фактор организации поэтонимосферы / Н.В.Усова // Вісник ЛНУ ім. Т. Шевченка: Філологічні науки. – Луганськ, 2010. – Ч. II. № 14 (201). – С. 74-79.
3. Усова Н.В. Пути генезиса онима в немецком языковом пространстве / Н.В.Усова // Германистика в современном научном пространстве: материалы I-й Междунар. науч.-практ. конф. – Краснодар: Просвещение-Юг, 2011. – С. 91-97.
4. Deutsches Wörterbuch von J. Grimm und W. Grimm. 16 Bde. Leipzig: S. Hirzel 1854-1960. Quellenverzeichnis 1971. [Bd. 9, 10]. [Электронный ресурс]. Режим доступа к инф. : www.dwb.uni-trier.de
5. Heine H. Buch der Lieder. Aufbau-Verlag Berlin & Weimar, 1983. 375 S.
6. Volkslied: Hänsel & Gretel. Текст песни. [Электронный ресурс]. Режим доступа к инф.: <http://mirpesen.com/ru/volkslied/h-auml-nsel-gretel.html#ixzz3YARNUvg1>

Лингвокогнитивные и лингвокультурологические исследования

УДК 811.111:81'373.7

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ, ОПИСЫВАЮЩИХ ХАРАКТЕР ЧЕЛОВЕКА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Бандылюк В.А.,

Трофимова Е.В., канд. филол. наук, доцент

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

vbandylyuk@mail.ru

Характер человека является уникальным, так как каждый человек отличается от любого другого своими индивидуальными чертами характера. Более того, характер человека имеет большое значение в построении межличностных отношений в коллективе. Знание слабых и сильных сторон своего характера позволяет человеку избежать конфликтов и стрессовых ситуаций, помочь более органично организовать свою жизнь и профессиональную деятельность. В связи с этим наблюдается активный интерес к исследованию фразеологических и лексических языковых средств, используемых для характеристики человека.

В настоящее время широко изучаются разные типы фразеологических единиц (ФЕ), обозначающих разные сферы проявления жизнедеятельности человека. Например, А.М.Обжорин исследует ФЕ со значением психического состояния человека. ФЕ, характеризующие человека, стали объектом изучения Ю.П.Солодуба, Н.В.Богдановской, З.В.Сметаниной и др.

Данная работа посвящена исследованию семантики фразеологических единиц (ФЕ) английского языка, номинирующих черты характера человека.

Цель данной работы состоит в выявлении особенностей семантики фразеологизмов, вербализующих черты характера человека, а также в осуществлении семантической классификации.

Объектом исследования являются ФЕ, номинирующие черты характера человека в английском языке. Предметом исследования служат семантические особенности ФЕ, обозначающие характер. Материал настоящего исследования был отобран из фразеологических словарей английского языка. Объем выборки составляет 400 ФЕ.

Исследование ФЕ, репрезентирующих характер человека в английском языке, позволяет проследить особенности системы ценностей,

менталитета, национального характера представителей английской лингвокультуры. Как отмечает В. Н. Телия, фразеологический корпус языка дает богатый материал в рамках антропологического исследования языка, поскольку в нем, с одной стороны, концептуализированы знания о картине мира, а с другой стороны, транслируются эталоны и стереотипы национальной культуры [1].

Таким образом, ФЕ, номинирующие человека по чертам характера, являются отражением стереотипных представлений носителей языка о психологии личности, в связи с чем исследование особенностей языкового представления характера человека в английском языке является актуальным.

В ходе проведенного исследования ФЕ, номинирующих черты характера человека, были поделены на 10 семантических групп:

- Доброта: *the common touch* ‘добрый, искренний человек’, *put one’s best face on* ‘любезный, добрый человек’;
- Замкнутость: *as close as an oyster* ‘замкнутый, спокойный человек’, *keep oneself to oneself* ‘быть скромным, замкнутым’;
- Трудолюбие: *(as) busy as a bee* ‘трудолюбивый человек’, *be up and doing* ‘высидчивый, работающий’;
- Грубость: *a tough egg* ‘грубый, неотесанный человек’, *a rotten egg* ‘невоспитанный человек’;
- Щедрость: *all wool and yard* ‘щедрый человек’, *a man of men* ‘великодушный, щедрый человек’;
- Жадность: *a culture vulture* ‘жадный человек’, *as mean as cat’s meat* ‘скряга, скупердяй’;
- Уверенность: *a hot shot* ‘самоуверенный человек’, *on one’s toe* ‘быть всегда уверенным’;
- Неуверенность: *to have a yellow streak* ‘неуверенный человек’, *a gay dog* ‘застенчивый, нерешительный человек’;
- Волевые черты: *move heaven and earth* ‘настойчивый человек’, *have guts* ‘волевой человек’;
- Интеллектуальные черты: *as silly as a goose* ‘глуп как пробка’, *as smart as paint* ‘умен как черт’.

В целом, ФЕ передают в своей семантике черты характера, связанные с волей человека, интеллектуальными особенностями или качествами, связанными с темпераментом.

Список литературы

1. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В.Н.Телия. – М.: Наука, 1986. – 143 с.

МНОГОУРОВНЕВАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОЭТОНИМОВ РОМАНА ДЖ. ДЖОЙСА «УЛИСС»

Бартенева В.Г.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет», г. Донецк, ДНР
dravika2016@yandex.ru

Введение. Проблема Имени, его внутренней сущности является глубоко значимой для Дж. Джойса в языковом, этническом, религиозном, философском и др. аспектах. Решение многих художественных интенций и задач, поставленных автором в романе «Улисс», осуществляется за счет использования онимного материала. Одним из доминирующих приемов поэтики «романа века» становится языковая игра, в том числе и игра с именами, иногда очевидно «демонстративная» и выразительная, в других случаях – тонкая и трудно эксплицируемая. Понимание идейно-художественного содержания «Улисса» невозможно без определения функциональной нагруженности каждой онимной единицы, участвующей в конструировании текста. В предлагаемой концепции представлены *уровни интерпретации* поэтики онимов, выделение которых основано на отношениях конструктивности и интегративности. Герменевтический подход заключается в *комплексном* характере исследования, совмещающем анализ проприальных лексем на языковом (фонографемном, лексико-семантическом, лексико-словообразовательном), социолингвистическом, фоново-этническом и историко-филологическом уровнях.

Актуальность (социальная значимость) исследования обусловлена с одной стороны увеличением интереса к природе собственных имён (СИ), с другой стороны малоизученностью герменевтики как метода интерпретации поэтонимов. В литературной ономастике не проводился анализ онимов с использованием герменевтического подхода, который всё более явственно обретает черты эффективного средства исследования и позволяет реализовать достоинства традиционных приёмов трактовки и понимания применительно к онимному материалу.

Целью настоящего исследования является изучение онимного пространства «Улисса», определение взаимосвязей и соответствий Имени и Текста, поскольку СИ вступают в «контакт» с другими текстовыми элементами, образуя вместе и ними необычайно сложную, неоднозначно интерпретируемую (и открытую для новых интерпретаций) структурно-семантическую целостность.

Для решения поставленных в работе задач главное место отводилось методу системного анализа, опирающемуся на соотношение части и целого в тексте (включая методологию герменевтического круга), использованы

методы сравнительного, компонентного и контекстного анализа, описательный метод.

Результат. Семантизация СИ «Улисса» осуществляется с помощью фонетических приемов паронимии, криптографических зашифровок, аллитеративно-ассонансного повтора имени и окружающего контекста. В основе создания поэтонимов находится онимизация апеллятивов; окказиональные проприальные единицы, образованные с помощью приема контаминации и т.д. Интерпретация поэтонимов на социолингвистическом уровне обусловлена социальной стратификацией общества: принадлежностью персонажей к различным социальным, политическим, экономическим, культурным и т.д. слоям общества; разным поколениям, вероисповеданиям и пр. Все это предполагает различие персонажей в сфере общения, которое реализуется в романе спецификой речи действующих лиц, в том числе использованием собственных имен различных разрядов. Выделение историко-филологического уровня обусловлено необходимостью интертекстуального анализа тех собственных имен, которые обладают статусом «вымышленности» – существования в текстах «иных художественных миров». Важной причиной герменевтического анализа собственных имен с позиции интертекстуальности является содержательная связь романа «Улисс» (и поэтонимов как его составных элементов) с ранними произведениями Дж. Джойса («Дублинцы», «Портрет художника в юности», «Герой Стивен»).

Сочетание приемов интерпретации позволяет установить полисемантическую сущность большинства СИ романа, сформированных с учетом фонетических, смысловых, исторических, аллюзийных и т.д. связей с пространством текста «Улисса», общего текста, включающего все предшествующие «Улиссу» произведения и биографию писателя, и широкого историко-культурного контекста (интертекста).

Список литературы

1. Joyce, James Ulysses. – London: Published by David Campbell Publishers Ltd., 1992. – 1084 p.

CAN THE ENGLISH LANGUAGE NAME GLOBAL. TO THE QUESTION OF TERMINOLOGY

Garipova A.N., Candidate of pedagogical sciences, associate professor
Volga Region State Academy of Physical Culture, Sport and Tourism, Kazan, Russia
Alia-tggpy@mail.ru

The question of the globalization of modern English became relevant in the 21st century in the era of globalization of the world community. This problem is dealt with by linguists, historians, culturologists, economists and political scientists, since the causes of the globalization of language throughout the world cover all spheres of society. The questions of the international language are developed by D. Kristal, D. Graddol, S.G. Ter-Minasova, V.V. Kabakchi, K. Lomb, B. Bryson, R. Quirk.

According to most researchers, globalization is an ambiguous, but irreversible and legitimate process that the whole world is going through. Studies of linguistic globalization involve identifying the causes of this process, which, forming a new unified world space, leads to a change in the field of grammatical, lexical and phonetic aspects of the use of languages, as well as changes in the field of socio-cultural relations. Increased interest in the globalization of the world is expressed in the definition of a natural language that can serve as a common language of communication for the world's population, and this language for many researchers see English acquiring the status of global.

Both foreign and domestic linguists are engaged in this problem: D. Kristal, B. Bryson, J. Lakoff, V. Kroongauz, D. Graddol, S.G. Ter-Minasova, V.V. Kabakchi, K. Lomb, R. Quirk.

«Longman Dictionary of Language Teaching And Applied Linguistics» describes: «A language in widespread use as a foreign language or second language of international communication. English is the most widely used international language».

It should be noted that the term «international language» is fixed in linguistics, its various interpretations are given in all linguistic dictionaries and encyclopedias. So, by definition, O.S. Akhmanova, an international, language is an artificial auxiliary language, offered as a means of international communication [1, p. 25]. The modern role of English is unprecedented, as indicated by the fact that authors and compilers of dictionaries do not even consider natural language as international.

In the «Longman Dictionary of Language Teaching and Applied Linguistics» we find the definition of an international language: «A language in widespread use as a foreign language or second language of international

communication. English is the most used international language. «In this case, the emphasis is on a specific language – English.

The term «global language» was first introduced into linguistic usage by the English scientist David Crystal (Crystal 2001). Considering that to obtain a global status it is necessary to recognize the special role of language in most countries of the world, D. Crystal identifies three ways of acquiring this status or three different functions of the language. This, first, is the function of the main state language for residents of a large number of countries. Secondly, the language can acquire an official status and get spread in the institutions of power, the legal system, advertising, the media and the education system. In this case, potentially a global language can be either «second», giving the palm of primacy to the national language, and «first», and its study begins as early as possible. In this case, a foreign language can be the only official language or share this function with other languages; it can also be semi-official, being accepted in some, but not in all spheres of life. The third way of globalization of language is connected with the educational policy of the country, in which, having no official status, the language is a priority in the study. The reasons for choosing a particular foreign language are diverse. They can be conditioned by historical, political necessity, or the need for commercial, cultural or technological ties.

One of the main conditions necessary for any language to acquire a global status is the stable social position of the nation of the speakers of this language, since language is inseparable from the society in which it exists. The main factors Crystal calls sustainable economic, political and military situation in the country, whose language can become global. «Language becomes a means of international communication, when its special role is recognized by all countries.» [2, p.900].

In modern studies, you can find different views on the concept of «global English», also called «world English». Firstly, this is the English version of the English language common to all English-speaking people, «standard English». Secondly, the global or world English name artificially created for international communication a kind of English language, devoid of dialect features, «international English». Thirdly, the term «world English» is used as a collective language for describing all existing variants of the English language, including the British one, which in this case allows us to apply the already mentioned concept of «world Englishes» (Global English 2002).

From the point of view of R. Raleigh, who devoted her research to the problem of the globalization of the English language, it is necessary to note its close connection with the socio-cultural function of education. According to the author, at the moment the English language appears as an indispensable condition for a new world information order, an integral part of the world community. It is necessary to find out how the language received such privileges, taking into account the fact that the dominant role of English can not

be explained only from the economic point of view, it is necessary to take into account its cultural significance. In R. Railey's opinion, «such a rapid advance of the English language is closely connected with academic research, that is, with an intensive study of the language itself and the study of English literature.» [3, p.599].

International English is a political reality, but in a number of countries the role of English from a political point of view is controversial, besides, controversies and discussions continue in the world about the present and future of this language. English is indeed a language of international communication, which is confirmed by political and cultural figures made in English, numerous English-language indexes in various parts of the world.

The need for a single language is especially felt in scientific and business circles, when, in addition, as a result of the development of transport and electronic means of communication, the world's population has become more mobile. It can be said that there has never before been such a great need for a universal language of international communication as the present time.

According to leading experts such as D. Kristal, D. Graddol, B. Bryson, the situation with the spread of the English language has a qualitatively new level and significance, therefore the question of determining the language globalization remains topical and requires close attention of specialists. However, it is not possible to define linguistic globalization without considering the causes of this phenomenon.

References

1. Ахметшина Л.В. Современные тенденции в обучении иностранным языкам / Л.В.Ахметшина // Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции «Интегрированные коммуникации в спорте и туризме: образование, тенденции, международный опыт» // Краснодар, 2014. – С.23-28.
2. Garipova A.N. Development of professional bilingualism in learning a foreign language of students of sports specialties / A.N. Garipova / Problems and prospects of physical education, sports training and adaptive physical culture: Proceedings of the All-Russian scientific-practical conference with international participation. – Kazan: Volga State Academy of Physical Culture, Sports and Tourism. 2016. – P.899-901.
3. Павицкая З.И. Теоретические основы обучения речевому общению студентов спортивного профиля / З.И. Павицкая / Физиологические и биохимические основы и педагогические технологии адаптации к разным по величине физическим нагрузкам». – Материалы II Международной научно-практической конференции, посвященной 40-летию Поволжской государственной академии физической культуры, спорта и туризма. – Казань: 2014. – С. 598-601.

РЕАЛИЗАЦИЯ ОЦЕНКИ В БРИТАНСКИХ МЕДИАТЕКСТАХ ЖАНРА FEATURE

Гордиенко Е.В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
elena.gord2407@gmail.com

Целью настоящего исследования является изучение и описание способов актуализации категории оценки в элементах композиционной структуры медиатекстов жанра feature.

Объектом данного исследования выступают медиатексты, обозначаемые в англоязычной публицистике как «feature article / feature». Лингвистами отмечается отсутствие в отечественной журналистской практике эквивалента понятию «feature article», поэтому за основу берем словарную дефиницию данного типа медиатекстов: «a newspaper or magazine article or a broadcast programme devoted to the treatment of a particular topic, typically at length» [5]. Из приведенного определения понимаем, что главной особенностью текстов feature является детальное описание какой-либо темы. В словаре Курьянова feature article переводится как «занимательная статья, занимательный очерк, газетная или журнальная рубрика» [3, с. 109]. Для достоверности понятия, в данной работе мы используем англоязычный термин.

Как отмечает Т. Г. Добросклонская, feature articles, в отличие от новостных сообщений не только объективно освещают фактологическую сторону произошедшего события, но также «делают акцент на факторе человеческого интереса, на индивидуально-авторском видении той или иной темы» [2, с. 143]. Другими словами, в данном типе медиатекстов присутствует анализ фактов и ситуаций, обобщения и выводы, кроме того, feature articles отличаются от новостных сообщений более широкими временными границами [1, с. 14-17].

В ходе анализа было выяснено, что медиатексты группы feature по своей структуре, в отличие от новостных сообщений, которые строятся по принципу «перевернутой пирамиды» (inverted pyramid), напоминают «песочные часы» (hourglass structure), соответственно их можно представить в следующей композиции:

- The top (вводная часть – лид и «nut graph»)
- The turn (переход к деталям сообщения)
- The narrative (изложение события детально) [6]

Еще одним вариантом композиционной структуры текстов группы feature является вариант, предложенный Уильямом Бланделом:

- Лид
- Вводный параграф (т.н. nut graph)

- Основная часть
- Окончание [4]

В качестве примера разберем статью *'Nothing is ours anymore': Kurds forced out of Afrin after Turkish assault*, опубликованную 07.06.2018 в электронной версии британского издания «The Guardian».

В центре анализируемой статьи находится тот факт, что курды (этническая группа на Ближнем Востоке) вынуждены покинуть свои дома в Африне (Сирия) после турецкого нападения в январе 2018 года.

1. Непосредственно в заголовке *'Nothing is ours anymore': Kurds forced out of Afrin after Turkish assault* средством выражения рациональной оценки является использование негативнооценочной лексемы *assault* 'a military attack or raid on an enemy position'. Кроме того стилистический прием гиперболы, заключающийся в намеренном преувеличении, и представленный в данном примере в форме цитаты *'Nothing is ours anymore'*, служит в качестве интенсификатора оценочного значения.

2. В следующей структурной части анализируемой статьи, в так называемом « лиде », *Many who fled the violence January say their homes have been given to Arabs* категория оценки также находит свое выражение, в частности, с помощью метафоры *to flee violence* 'to escape from violence'.

3. Категория оценки также находит свое выражение и в основной части медиатекстов жанра feature.

В начале основной части приводятся обвинения в адрес Турции, выраженные преимущественно метафорическими средствами. В данном медиатексте контекст, в котором реализуется оценочное значение такого рода, в большинстве случаев является сверхфразовым (на уровне предложений), например, *'Ankara is quietly orchestrating a demographic shift'*, *'the conquering Turks and their Arab proxies swept in'*, *'creeping influence in the war is anchored'*. Реже оценочное значение актуализируется на фразовом уровне, т.е. в словосочетании, как в примере *'the chaos of war'*. Исходя из приведенных примеров, можно сделать вывод о том, что объект оценки (Турция) оценивается субъектом отрицательно на основании того, что действия Турции могут вызвать демографический сдвиг в Сирии, внести на территорию страны хаос войны и т. д.

В противопоставление вышеупомянутому, в продолжении анализируемой статьи читателя знакомят с «оправданиями» турецкой стороны. Так, автор данного медиатекста приводит цитату президента Турции, Реджепа Эрдогана, в которой отмечается, что *'Like Isis, the PKK installed a terrorist administration there by force...'* и *'rival Kurdish factions were silenced violently'*. Т.е. используя лексемы с негативнооценочными компонентами *terrorist* 'a person who uses unlawful violence and intimidation, especially against civilians, in the pursuit of political aims', *by force* 'involving the use of force', *rival* '[with negative] a person or thing that equals another in quality', *silenced violently* 'cause to become silent using physical force intended

to hurt, damage, or kill someone’, президент таким образом перекладывает ответственность за происходящее с Турции на Рабочую партию Курдистана, которая ко всему прочему сравнивается с ИГИЛом (*Like Isis*), что служит интенсификации негативного оценочного значения.

4. Заключение анализируемого медиатекста представлено в форме комментариев бывших жителей Африна, которые были вынуждены покинуть свой дом. Во всех комментариях присутствует негативная оценка текущей ситуации. Однако, в заключении, так же, как и в основной части статьи, присутствует два сложившихся мнения: одни жители обвиняют Турцию, другие же наоборот благодарны властям Турции.

Так, например, отмечаются последствия турецкого нападения: *Lands are being confiscated, farms, wheat, furniture, nothing is ours anymore; Kurds have been forcibly displaced; it’s a deliberate erasing of Kurdish culture.*

Однако многие жители наоборот отзываются о ситуации, сложившейся до «нападения» Турции крайне негативно: *Afrin was lawless and dangerous; The Turks try to stop the looting but some militias are very malicious.* Примечательно, что именно в заключительной части статьи находим пример реализации положительной оценки, которая актуализируется по отношению к Турции, а не просто негативная оценка к их противникам: *Turkey had used to lead the assault now holding aegis over the town.*

Таким образом, статья построена на противопоставлении взглядов на ситуацию, сложившуюся вокруг Африна, с точки зрения сторон, участвующих в конфликте. Проанализировав приведенные примеры, что в данном медиатексте жанра feature оценка в большинстве случаев является негативной, а объектом этой оценки являются обе стороны конфликта – и Турция, и Сирия.

Список литературы

1. Гедгафова Н. А. Типология газетных жанров / Н. А. Гедгафова // Вопросы филологии и переводоведения. – Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, 2015. – С. 14-17.
2. Добросклонская Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов: Опыт исследования современной английской медиаречи. Изд. 3-е. / Т. Г. Добросклонская. – М.: КРАСАНД, 2010. – 288 с.
3. Курьянов Е. И. Англо-русский словарь по средствам массовой информации (с толкованиями) / Е. И. Курьянов. – М.: Московская международная школа переводчиков, 1993. – 320 с.
4. Blundell W. Feature Writing help [Электронный ресурс]. URL: <http://blundellfeaturessac.blogspot.com/> (Дата обращения: 04.08.2018)
5. Oxford Dictionaries: English Dictionary, Thesaurus, & grammar help [Электронный ресурс]. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/> (Дата обращения: 21.07.2018)
6. Scanlan C. The Hourglass: Serving the news, serving the reader [Электронный ресурс]. URL: <https://www.poynter.org/news/hourglass-serving-news-serving-reader> (Дата обращения: 04.08.2018)

**ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗА В ПОВЕСТЯХ Ч. ДИККЕНСА
«РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ХОРАЛ» И «СВЕРЧОК НА ПЕЧИ»**

Данилова Д.В., Ненарочкина А.Г., канд. филол. наук, доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
ddv040695@gmail.com

Введение. Выпускная квалификационная магистерская диссертация посвящена выявлению лингвостилистического своеобразия повестей Ч. Диккенса, а именно, развернутой метафоры, которая лежит в основе создания художественного образа.

Жанр рождественского рассказа был создан Диккенсом в 40-х годах XIX века. В рождественских повестях изображается жизнь богатых и бедных, зло и несправедливость английского буржуазного общества, пороки господствующих классов. Диккенс верил в то, что общество можно исправить путем морального воздействия на буржуазию и ее перевоспитание. Именно эти убеждения и легли в основу рождественских рассказов Диккенса.

Первой рождественской повестью автора является «**Рождественская песнь в прозе**» (Charles Dickens. A Christmas Carol in Prose, 1843). Именно эта повесть полностью посвящена празднику Рождества. Несмотря на то, что работа над «Рождественской песнью» полностью «поглотила» Диккенса, заняла все его время, она также доставляла ему удовольствие. Он плакал, смеялся и переживал вместе со своими героями.

«**Сверчок за очагом**» (Charles Dickens. The Cricket on the hearth. 1845) – третья по счету повесть о Рождестве, которая переполнена волшебством и домашним уютом. Все неживое в доме будто оживает и движется вместе с человеком. Автор олицетворяет все вокруг, создавая определенную атмосферу повести.

Актуальность исследования определяется важностью рассмотрения роли и функции метафоры в создании художественного образа. Проблема индивидуально-художественного стиля и разнообразные способы его создания до сих пор остаются актуальными для исследователей. Для каждого отдельного художественного произведения характерна одна определенная стилистическая черта, которая является доминирующей в его построении и в определении индивидуально-художественного стиля самого писателя.

Целью магистерской диссертации является выявление лингвостилистического своеобразия повестей Ч. Диккенса.

В ходе исследования были использованы следующие **методы**: метод контекстуального анализа и метод стилистического анализа художественного текста.

Повести содержат широкий регистр экспрессивных средств, а именно эпитеты, олицетворения, сравнения; но главным средством создания образности является метафора. Для создания образов Диккенс часто использует развернутую метафору, которая осуществляется с помощью широкого спектра лингвостилистических средств. Вместе с рассмотрением функций метафоры в работе также уделено внимание повествованию в тексте и экспрессивному потенциалу.

В **заключении** стоит отметить, что метафора – доминанта стиля Ч.Диккенса, средство, с помощью которого авторское видение мира облекается в словесную форму литературного произведения. Таким образом осуществляется наиболее тесное проникновение лингвостилистических элементов во внутреннюю структуру художественного произведения.

Оперируя словом как материальной данностью художественного произведения, писатель нагружает его дополнительным смыслом.

Метафора выступает как доминанта стиля, благодаря которой раскрывается концептуальная информация, создается образ, предлагается возможность различного толкования информации, содержащейся в художественном тексте.

Список литературы

1. Аристотель. Поэтика. Аристотель. Риторика / Под ред. О. А. Сычева и И. В. Пешкова. М.: Лабиринт, 2000, – 224 с.
2. Кассирер Э. Сила метафоры / Э. Кассирер // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 89
3. Мезенин С.М. Образные средства языка (на материале произведений Шекспира): Учебное пособие / С.М.Мезенин. – М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1984. – 100 с.
4. Петрова Е.Г. Языковая природа стилистического приема «развернутая метафора» и его роль в создании целостности художественного текста (на мат. англ.-амер. худ. прозы 19-20 вв.) Авт. к.ф.н. – М., 1982. – 25 с.
5. Galperin I.R. An essay in stylistic analysis / I.R.Galperin. – Moscow: Higher School Publishing House, 1981.
6. Dickens Ch. A tale of two cities. A Christmas Carol. The Cricket of the Hearth. Octopus books Limited. — L., 1995.
7. Henle P. Language, Thought and culture. – USA, 1978.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА КУЛЬТУРНЫХ РЕАЛИЙ РОССИИ ПО РОМАНУ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

Диденко А.А.

ГОУ ВПО «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко»,

г. Луганск, ЛНР

dancinglady94@yandex.ua

Введение. В наше время уникальные национально-специфические лексические единицы стали предметом пристального рассмотрения целого ряда новых лингвистических направлений. Это связано с развитием перевода и смежных лингвистических дисциплин: лингвострановедения, лингвокультурологии, этнолингвистики, сравнительной лингвистики и теории межкультурной коммуникации, в которых данный феномен изучается с разных сторон и разными методами.

Актуальность статьи обусловлена тем, что в наше время уникальные национально-специфические лексические единицы стали предметом пристального рассмотрения целого ряда новых лингвистических направлений. Это связано с развитием перевода и смежных лингвистических дисциплин: лингвострановедения, лингвокультурологии, этнолингвистики, сравнительной лингвистики и теории межкультурной коммуникации, в которых данный феномен изучается с разных сторон и разными методами.

Целью настоящего исследования послужило: проанализировать особенности перевода национально-культурных реалий в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» средствами английского языка.

Именно тематическая классификация позволяет наиболее полно систематизировать реалии, очертить основные сферы российской действительности, которым принадлежат денотат этих слов.

Для исследования используются следующие **методы**: общенаучные – анализ, синтез, индукция, дедукция. Принципы: объективности, аксиологического подхода. Для реализации цели проведен ряд исследований по изучению особенностей перевода национально-культурных реалий в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» средствами английского языка. При анализе особенностей передачи национально-специфической лексики в английских переводах романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» учитывался вид использованных реалий. Вид реалий определялся их отнесенностью к различным тематическим группам.

Результат. Отобранный материал соотнесен с тематическими группами. Все реалии разделены на три основные группы, которые характеризуют особенности географических условий, этнографии и общественно-политического уклада России XIX в.: географические, этнографические и общественно-политические реалии. Эти группы, в свою очередь, разбиты на подгруппы, с целью изучения зависимости вида реалий на выбор того или иного переводческого приема.

Большое количество этнографических реалий в Ф. М. Достоевского связано с названиями предметов одежды и названиями профессий. Данные реалии находят свое отражение в переводе на английский язык.

Таким образом, очень продуктивным для изучения многообразия переводческих решений является использование множественных повторных переводов того же текста. Параллельные переводы позволяют подвергнуть анализу лексические единицы текста оригинала и их переводные эквиваленты, а также варианты перевода в параллельных переводах, выполненных в разное время или разными авторами.

В **заключении** стоит отметить, что при сохранении этнографических реалий, представляющих наименования профессий в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», переводчик, как правило, находит адекватные лексические средства при их переводе, но некоторые из них, можно считать, были переведены неверно.

Список литературы

1. Влахов С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин // Монография. – М.: Высшая школа, 1986. – 384 с.
2. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание / Ф. М. Достоевский. – Роман в шести частях с эпилогом. – Л.: Художественная литература, 1975. – 559 с.
3. Томахин Г. Д. Реалии-американизмы. / Г. Д. Томахин // Высшая школа, 1988. – 239 с.
4. Crime and punishment / Fyodor Dostoyevsky; transl. by Constance Garnett. – Mineola (N.Y.): Dover, 2001. – 589 p.

УДК 81.246

ЯВЛЕНИЕ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ И ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ОШИБОК

Жданова Е.В., Еромянц И.С.

ГОО ВПО «Донецкий национальный медицинский университет
им. М. Горького», г. Донецк, ДНР
inostrannie-yaziki@dnmu.ru

В условиях современного развития общества, интенсивных межкультурных контактов и особых требований к владению иностранным

языком в различных сферах профессиональной деятельности особенно актуальным становится вопрос изучения взаимовлияния языковых систем. Развитие открытого информационно-коммуникативного пространства создает предпосылки и условия для распространения двуязычия или билингвизма как ведущей тенденции языкового развития современного общества. Однако недостатком этой ситуации является интерференция, которая невольно возникает при условии владения двумя и более языками. Исследование вопроса межъязыковой интерференции неоднократно находилось в центре внимания как отечественных, так и зарубежных ученых. Много научных исследований таких лингвистов, как У. Вайнрайх, Ю.В.Виноградов, Н.Комиссарова, А.С.Дьяков, С.Б.Куделько сосредоточены на изучении особенностей этого явления. У всех людей есть явления интерференции (явление отрицательного воздействия первого языка на второй) и трансфера (положительный перенос навыков одного языка на другой). Как отмечал еще Л.В. Щерба, там, где мы имеем дело с языком, имеющим в своем составе разнородные элементы, лингвистические методы недостаточны. [5, с.428] Поэтому исследование интерференции в лингвистических целях не может не опираться на данные смежных наук и их некоторых методик: физиологии, психологии, психолингвистики, акустики речи. Причиной «смешений» становятся недостаточная компетентность в одном из языков или, наоборот, стремление наиболее точно отразить свою мысль.

В.Ю.Розенцвейг считает, что «интерференция – это нарушение билингвом правил соотношения контактирующих языков, которое проявляется в его речи в отклонении от нормы» [4, с. 28]. Следует отметить, что учебная ситуация является одной из благоприятных условий возникновения интерференции. При этом важным аспектом изучения этого явления становится прогнозирование ошибок, что позволяет предотвратить их возникновение в процессе обучения иностранному языку. В.В. Алимов в своём пособии «Интерференция в переводе» выявил следующую классификацию уровней интерференции: 1. звуковая, 2. орфографическая; 3. грамматическая (морфологическая, синтаксическая и пунктуационная); 4. лексическая интерференция; 5. семантическая интерференция; 6. стилистическая интерференция; 7. внутриязыковая интерференция. [1, с. 99].

Причиной интерференционных ошибок при изучении немецкого языка и английского языков студентами является асимметричность языковых систем на всех уровнях. Безусловно, процесс взаимопроникновения слов из одного языка в другой – вполне закономерен. Студенты довольно часто руководствуются нормами родного языка, иногда буквально «примеряя» один на другой. Целью этой статьи является сравнить и проанализировать причины возникновения типичных интерференционных ошибок при изучении иноязычной медицинской литературы.

К грамматическим ошибкам можно отнести неправильное употребление или отсутствие артиклей, глаголов-связок «sein», «be»; образование и перевод составных существительных в немецком языке, разнообразие сложных временных форм, неправильное употребление предлогов, ошибки при склонении местоимений. Причинами выше перечисленных ошибок могут быть: несоответствие категории рода в немецком и полное отсутствие в английском;

Der Wirbelsäule (нем. die Wirbelsäule, по срав. с русским позвоночник),

Der Auge (нем. das Auge по срав. с русским глаз);

нулевая глагольная связка «быть» в составном именном сказуемом в русском языке;

Muscles are the active part of the motor apparatus. – Мышцы-активная часть двигательного аппарата.

несоответствие образования временных форм глаголов в русском, немецком и английском языках.

The cardiologist determined that the heartbeat rate increased on exertion. - Кардиолог установил, что частота сердцебиения повышается при физической нагрузке.

GP said that he had had examined the patient a day before. – Терапевт сказал, что осмотрел больного день назад.

К интерференционным ошибкам относится неправильное употребление возвратной частицы «sich», которая в русском языке не склоняется и отсутствует в английском.

Например:

Ich fühle mich gut. - Я чувствую себя хорошо.

Die Betroffenen fühlten sich gut. – Пострадавшие чувствовали себя хорошо.

The injured persons felt well. – Пострадавшие чувствовали себя хорошо.

Или такая интерференция:

Around 450 million of people currently suffer from such conditions, placing mental disorders among the leading causes of ill-health and disability worldwide., где ошибочно употреблен предлог of. В русском языке выражения отношений передаются родительным падежом, в английском языке в этом случае используется предлог of. Однако, в данном предложении есть выражение 450 million people, которое всегда употребляется без предлога.

Основной причиной синтаксических ошибок интерференционного происхождения является относительно свободный порядок слов в русском предложении: Для лучшей работы используйте новые методы лечения:

To ensure proper work, use new methods of treatment. (правильно)

Use new methods of treatment for proper work. (неправильно)

Особенно часто появляются интерференционные ошибки, связаны со структурой построения сложноподчиненного предложения. Например: *Die Mehrheit der Jugendlichen nicht weiß, wie das HI-Virus übertragen werden kann oder wie man sich vor dieser Krankheit schützt.* (правильно)

Die Mehrheit der Jugendlichen nicht weiß, wie das HI-Virus kann übertragen werden oder wie man schützt sich vor dieser Krankheit. (неправильно)

Разнообразие интерференционных проявлений в профессионально ориентированной и межкультурной коммуникации, как правило, проявляется при контакте родного и иностранного языков на разных этапах изучения. Внимание ученых, а также методистов и преподавателей сконцентрировано на отрицательном результате интерференции, его прогнозировании, анализе, исследовании и предупреждении, поскольку отрицательный языковой материал дает более четкую картину отклонения от норм одного языка под влиянием другого.

Список литературы

1. Алимов В.В. Интерференция в переводе (на материале профессионально ориентированной межкультурной коммуникации и перевода в сфере профессиональной коммуникации) / В.В. Алимов. – М.: Эдиториал УРСС, 2005. – 232 с.
2. Афанасьева В.В. Английский язык для медиков и проблема политкорректности / В.В.Афанасьева, Т.Л.Черезова // Языки в современном мире: Материалы VI междунар. конф.. – М. : КДУ, 2007. – С. 69-71.
3. Комиссаров В.Н. Проблема интерференции в теории перевода // *Interferenz in der Translation*. Herausgegeben von Heide Schmidt VEB Verlag Enzyklopädie. – Leipzig, 1989. – С. 103-108.
4. Розенцвейг В.Ю. Языковые контакты. – Л.: Наука, 1972.
5. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность: сборник работ/ Под ред. Л.Р. Зиндер, М.И. Матусевич. – М.: УРСС, 2004. – 432 .
6. Diebold A. Incipient bilingualism // *Language*. – 1961. – V. 37, №1. – P. 98.
7. Hockett Ch. *A Course in Modern Linguistics*, No.4. – N.Y., 1958. – 621 p.

УДК 85'25

ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ ДИСКУРС В КОНТЕКСТЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА

Захарова А.Л., кан. филол. наук, доцент

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

angelikaleon@mail.ru

Изучение и переосмысление переводческого дискурса остаётся актуальным для многих исследователей дискурсивных практик в сфере профессиональной коммуникации.

Как известно, дискурс – это комплекс вербальных продуктов (текстов), отражающих взгляды на мир или определенные его манифестации, закрепленные в системе символических знаков – языковых кодов. Дискурс не является неизменным, он подвержен изменениям в зависимости от окружающей действительности. В процессе борьбы и взаимодействия различных дискурсов формируются новые взгляды и концепции как рецепция и герменевтическая интерпретация ранее существовавших.

Формирование лингвистической теории перевода происходило под влиянием объективных условий развития современной цивилизации. Начиная с середины XX века значительно возросла необходимость обмена информацией между людьми, говорящими на разных языках. В результате происходило постоянное увеличение потребности в переводческой деятельности.

Следует отметить некоторые важные работы 1950-1960-х гг., оказавшие существенное влияние на развитие и формирование переводческого дискурса.

Так, в статье «О лингвистических аспектах перевода» (1959) Р.Якобсон акцентировал внимание на том, что практически любое преобразование высказывания при условии сохранения инвариантного смысла является переводом. В связи с этим предлагалось различать отдельные разновидности перевода такие, как внутриязыковой перевод, межъязыковой перевод и межсемиотический перевод. Знаменитая цитата Р.Якобсона по-прежнему является предметом академических дискуссий: «Equivalence in difference is the cardinal problem of language and the pivotal concern of linguistics» [Цит. по: Прунч Э., 2015, с. 33].

Ж.Мунэн в работе «Теоретические проблемы перевода» (1963) рассматривает вопросы расхождения семантических структур языков, специфику членения данных опыта в каждом языке, а также отражение в языке особенностей культуры и истории общества. Ж.Мунэн подчеркивает несовпадение в различных языках означающих и означаемых. Как считает французский лингвист, для полноценного перевода недостаточно только замены слов одного языка словами другого. Перевод предполагает также определенные преобразования в зависимости от структурной организации языков.

Американский лингвист Ю.Найда в работе «К науке переводить» (1964) относит к проблемам перевода прежде всего семантические проблемы, связанные с интерпретацией переводчиком содержания текста оригинала и интерпретацией рецептором перевода содержания переводимого текста. Ю.Найда подчеркивал, что для адекватной передачи содержания исходного сообщения необходимо не только подобрать соответствующий эквивалент из имеющихся, но и в ряде случаев изменить формальную структуру текста, ибо специфическое в каждом языке сегментирование действительности может влиять на передачу смысла.

И.И. Ревзин и В.Ю. Розенцвейг (работа «Основы общего и машинного перевода», 1964) обосновали идею о дескриптивном (описательном), а не прескриптивном характере теории перевода. Процесс перевода исследователи рассматривают как преобразование текста оригинала в текст перевода. Авторы выделяют два способа данного преобразования: собственно перевод и интерпретацию. Для теории перевода, по мнению авторов, чрезвычайно важным является понимание того, что семантическое сегментирование отличается в разных языках. Все категории как способы членения действительности грамматическими или лексическими средствами И.И. Ревзин и В.Ю. Розенцвейг подразделяют на семантически пустые (несущественные для перевода) и семантически полные (содержат экстралингвистическую информацию).

Важное значение для формирования переводческого дискурса имела работа Дж.Кэтфорда «Лингвистическая теория перевода» (1965), подготовленная в русле сравнительного языкознания. Развивая идеи лингвиста Дж.Р. Ферса, Дж. Кэтфорд отмечает, что значение является имманентным свойством языка. В качестве основной проблемы теории перевода исследователь рассматривает проблему эквивалентности. По мнению Дж. Кэтфорда, при переводе происходит замена значений в одном языке значениями в другом языке. В основе такой замены лежит частичное совпадение семного состава соотнесенных высказываний в оригинале и переводе.

Существенное влияние для формирования лингвистической теории перевода оказали работы болгарского исследователя А.Людсканова, наиболее известной из которых является работа «Человек и машина в роли переводчика» (1967). По его мнению, человеческое общение (включая языковое) имеет знаковый характер. Перевод исследователь рассматривает как ряд семиотических преобразований. Целью перевода является передача инвариантной информации. А.Людсканов не соглашается с распространенным мнением, что, поскольку количество формальных соответствий больше в одних жанрах (научно-технический перевод), чем в других (художественный перевод), степень точности перевода может быть различна. Он указывает, что точность перевода заключается в сохранении функционального инварианта, а это требование остается неизменным при любом соотношении означающих.

Представители Лейпцигской школы перевода все языковые структуры рассматривали в сопоставительном аспекте в контексте возможных отношений эквивалентности. Так, Каде О. разработал типологию эквивалентности, которая предполагала выявление соответствующих комбинаций структурных элементов языка оригинала и языка перевода.

В своей работе «Прагматические аспекты перевода» (1968) А. Нойберт, представитель Лейпцигской школы, постулировал, что адекватный перевод должен сохранять прагматику оригинала. По его мнению, прагматические отношения коммуникантов к тексту опреде-

ляются как принадлежностью коммуникантов к определенной национальной, социальной или профессиональной группе, так и использованием в тексте единиц различных функциональных стилей.

Возникшая в рамках сопоставительной лингвистики Лейпцигская школа в дальнейшем обогатила свои теоретические исследования осмыслением коммуникативных подходов.

Благодаря трудам исследователей 50-60-х гг. к концу 60-х годов в целом сформировалась лингвистическая теория перевода как новая научная дисциплина. В дальнейшем развитие данной теории происходило путем обогащения новыми идеями, концепциями и теориями.

Список литературы

1. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз./ В.Н. Комиссаров. – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.
2. Прунч Э. Пути развития западного переводоведения. От языковой асимметрии к политической / Пер. с нем. / Э. Прунч.— М.: Р.Валент, 2015. – 512 с.
3. Сдобников В.В. Теория перевода: учебник для студентов лингвистических вузов и факультетов иностранных языков / В.В. Сдобников, О.В. Петрова. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 448 с. – (Лингвистика и межкультурная коммуникация: золотая серия).

УДК 81'4/82-2

ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ КОММУНИКАЦИИ В ДРАМАТИЧЕСКОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ

Ковалева Т.А.,

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
tatjana.kovaleva2015@yandex.ru

Внутренняя коммуникация драмы (уровень персонаж-персонаж) в обобщенном виде должна рассматриваться как единый цельный знак внешней коммуникации (уровень автор – читатель). Таким образом, внутренняя коммуникация рассматривается как вложенный во внешнюю механизм внутренней коммуникации. При этом одним из способов усиления авторского иллюкативного посыла является возможность концентрации, очищение от второстепенного, от видимого присутствия автора и насыщение коммуникативно-когнитивными моментами для реализации авторского замысла. И выбор драматической формы произведения автором не случаен. Драматург пишет пьесу не только и не столько. Чтобы ее сыграли (или прочли), а потому что для реализации его художественного замысла ему необходима именно такая форма словесно-

художественного выражения [2: 65]. Диалог в драматическом произведении служит для объективирования внутреннего (и внешнего конфликта в произведении), что в свою очередь отражает внутренний или внешний конфликт, являющейся отправной точкой авторского замысла. Следовательно, авторский замысел, обличенный в форму диалога между персонажами в драматическом произведении, трансформируется и воспринимается читателем (или зрителем) сквозь призму его коммуникативных компетенций. Иллокутивный эффект в драматическом произведении может быть представлен следующей форме:

$$A3 \times (хдп) \rightarrow Ч,$$

где $A3$ – это авторский замысел, который трансформируется в художественный диалог между персонажами драматического произведения (хдп) и воспринимается читателем (Ч).

Перлокутивный эффект, осуществляющийся в художественном диалоге драматического произведения, не может однозначно рассматриваться и отождествляться с перлокутивным эффектом внешней коммуникации (уровень автор-читатель), так как в его основе могут быть заложены диаметрально противоположные замыслы и стратегии. Если персонаж драматического произведения призывает к акту насилия (терроризм, покушение, убийство), это может быть использовано автором для достижения совершенно противоположного эффекта – показать читателю неприятие и побудить у него отвращение к подобному виду действий. Перлокутивный эффект в драматическом произведении может быть представлен в виде следующей схемы:

$$A3 \times / \div (хдп) \rightarrow Ч$$

где $A3$ – это авторский замысел, который может как усиливаться напрямую в репликах персонажей, так и быть имплицитным в художественном диалоге между персонажами драматического произведения (хдп), и таким образом воспринимается читателем (Ч).

Перлокуция в рамках внутренней коммуникации в художественном диалоге имеет выражение в реальных вербальных и невербальных действиях персонажей, отраженных в тексте драматического произведения. В свою очередь перлокуция в рамках внешней коммуникации (реакция читателя на произведение, сделанные им выводы) только планируются автором произведения и не могут быть им предугаданы в полном объеме. Однако необходимо отметить, что и внутренняя и внешняя коммуникация в художественном драматическом произведении подчинена заданному автором эффекту перлокуции.

Таким образом, внутренняя коммуникация драмы подчиняется стратегиям внешней коммуникации. Восприятие читателем драматического произведения является результатом работы внешней коммуникации через систему внутренней.

Список литературы

1. Агапова С.Г. Прагматические особенности английской диалогической речи / С.Г.Агапова. – Ростов-на-Дону: АПСН, 2002. – 235 с.
2. Винокур Т.Г. Характеристика структуры диалога в оценке драматургического произведения / Т.Г.Винокур // Язык и стиль писателя в литературно-критическом анализе художественного произведения: сб.ст. – Кишнев: Штиница, 1977. – С.64-72.
3. Румянцева Е.Н. Регулятивные речевые действия как фактор успешности диалога и компонент коммуникативной стратегии партнеров по общению: дис. канд. филол. наук / Е.Н. Румянцева. – Орел, 2004. –174 с.
4. Серль Дж. Р. Что такое речевой акт? / Серль Дж. Р.// Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986. – С.151-16.

УДК 811.111:81'373.7

СЕМАНТИЧЕСКИЕ И СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С АНИМАЛИСТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Костюк А.К.,

Бессонова О.Л., д-р филол. наук, профессор

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

alina.k.kostiuk@gmail.com

Фразеологические единицы (ФЕ), являясь формальным комплексом лингвистических выражений, значение которого не выводимо из значений его составляющих [5], несут в себе отражение культуры, быта и мировосприятия народа. Этим объясняется как интерес исследователей к их изучению, так и устойчивое положение ФЕ в структуре языка. Они являются своего рода константами, кодами культуры и не подлежат какому-либо одному временному пласту [3]. В этнической культуре каждого народа большая часть выражений о духовных и социальных особенностях человека представлены, в основном, фразеологизмами, имеющими названия животных в их структуре [1]. Данный пласт ФЕ представляет собой интересный материал для наблюдений и обобщений не только лингвистического, но и культурологического характера.

Во фразеологическом фонде английского языка выявлено как минимум 673 ФЕ с анималистическим компонентом (например, *beat goose* букв. бить гуся; 'бить себя руками по бокам (чтобы согреться)'). Критерием отбора языкового материала стало наличие в ФЕ элементов, обозначающих животное. Стоит отметить, что большая часть отобранных ФЕ содержат названия домашних животных, традиционно разводимых людьми. Наиболее часто встречающимися наименованиями являются: *dog (help a lame dog over a stile* 'помочь кому-либо в беде, выручить из беды'), *cat (the cat*

shuts its eyes when stealing cream ‘людям свойственно закрывать глаза на свои грешки’).

В результате семантической классификации материала корпус исследованных единиц был разделен на такие семантические группы: «человек», «действие», «выражение эмоций», «состояние», «событие», «время», «количество», «номинация животного», «номинация предмета или явления», «отношение», «природные явления».

Количественный анализ материала показывает, что в количественном отношении превалирует группа «человек» (*an old bird* ‘1) стрелянный воробей; опытный, осторожный, бывалый человек; 2) старикашка, старушонка’), в которую вошли 172 ФЕ, что составляет 24% от общего количества единиц). Группы «событие» (*an Irish bull* ‘очевидный абсурд, явная нелепость’) и «действие» (*like a scalded cat* ‘1) сломя голову; 2) истошным голосом’) имеют небольшой количественный разрыв и представлены 140 ФЕ и 134 ФЕ соответственно (по 19% каждая). Наименее представленными по количественному наполнению (по 1% каждая) являются группы «выражение эмоций» (*stone the wombats!* австрал. ‘черт возьми! нечего сказать!’), «количество» (*like flies* ‘во множестве, в большом количестве’), «время» (*in two shakes of a lamb’s tail* ‘очень быстро, в два счета, мигом’), «природные явления» (*the old woman is picking her geese* ‘идет снег’) составляющие 9 ФЕ, 8 ФЕ, 6 ФЕ и 3 ФЕ соответственно.

Структурный анализ показал, что ФЕ с анималистическим компонентом английского языка представлены преимущественно словосочетаниями. Большинство ФЕ выраженных словосочетанием являются глагольными (*feel like smth. the cat has brought in* ‘неважно, неловко себя чувствовать’) либо субстантивными (*a bull in a china shop* ‘слон в посудной лавке; неуклюжий, неловкий человек, «медведь»’); заметно меньше адъективных; адвербиальные и междометные словосочетания составляют меньшинство.

Среди ФЕ со структурой предложения количественно преобладают повествовательные и простые предложения (*the still sow eats up all the draft* ‘в тихом омуте черти водятся; тихие воды глубоки’). Среди сложных предложений наиболее представлены сложноподчиненные, в частности, сложноподчиненные предложения с определительными придаточными (40%, *it is a good horse that never stumbles* ‘конь о четырех ногах, да и то спотыкается’).

Таким образом, ФЕ с анималистическим компонентом представляют интерес для изучения, так как они отображают реалии из жизни, культуру и историю лингвокультурного сообщества. В английском языке данные ФЕ имеют разнообразную структуру и представлены разными типами словосочетаний и предложений. При этом стоит отметить, что наиболее частотными структурами являются глагольные и субстантивные словосочетания. Это можно объяснить тем, что исследуемые ФЕ чаще всего

используются для номинации человека или явления, либо для их сравнения с поведением животных. Данное предположение подтверждается тем фактом, что в семантической классификации количественно преобладают группы «человек», «событие» и «действие».

Список литературы

1. Антрушина Г.Б. Лексикология английского языка: Учеб. пособие для студентов. 3-е изд., стереотип / Г.Б.Антрушина, О.В.Афанасьева, Н.Н.Морозова. – М.: Дрофа, 2001. – 288 с.
2. Бессонова О.Л. Отражение культурных кодов во фразеологической картине мира // Multilingual education: theories and practices: International Forum Proceedings. Arkalyk: Arkalyk State Pedagogical Institute after Y.Altynsarin, 2017. P.13-23.
3. Ковшова М.Л. Анализ фразеологизмов и коды культуры / М.Л.Ковшова // Известия РАН. – М., 2008. – Т. 67, № 2. – С.60-65.
4. Byessonova O. Teaching idioms: challenges and approaches / In: Current Higher Education Environment: Views and Perspectives : non-conference proceedings / editors: Seitbek Bekenovich Kuanyshbayev, Eva Smetanova. – 1. vyd. – Arkalyk : Arkalyk State Pedagogical Institute, 2017. – S. 36-42.
5. Lipka L. An outline of English lexicology : lexical structure, word semantics, and word-formation / Leonhard Lipka. 2. ed. Tubingen: Niemeyer, 1992. – 212 p.

УДК 81

ЕДИНИЦЫ ФРАЗЕОСЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ГОВОРЕНИЕ» НА ШКАЛЕ «СОВРЕМЕННОЕ – УСТАРЕВШЕЕ»

Кравцов С.М.¹, д-р филол. наук, доцент,
Прохорова А.П.²

¹Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

²Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Россия
serg.cravtzov2017@yandex.ru

Динамические изменения фразеологии в составе языка проявляются в неологизации – появлении в языковой системе новых фразеологических единиц (ФЕ) – и в архаизации уже существующих. Процесс архаизации интересен для постижения сущности того или иного периода лингвокультурной жизни, поскольку уход на периферию лексических и фразеологических единиц может быть связан с утратой значимости в лингвокультуре соответствующего концепта.

Естественной и закономерной оказывается агнонимичность архаичной лексики и фразеологии, даже такой, которая связана с важнейшими концептами, например, *разводит турусы на колесах* – «заниматься пустой болтовней, говорить чепуху, глупости». Эта ФЕ содержит в своем составе типичный историзм: *турусы* – часто упоминаемые в русских

летописях осадные башни из бревен, которые перекатывались на низких и толстых деревянных колесах. Такие башни применялись на Руси во времена монгольского нашествия. Турусы подкатывались к городской стене, и с их помощью в осажденный город запускались стрелы, камни и зажигательные снаряды. Рассказы о таких передвижных осадных башнях, которые передавались от поколения к поколению, обязательно дополнялись невероятными подробностями и потому воспринимались как выдумка и глупости [Кравцов 2008: 223]. Данная ФЕ не только содержит устаревшую лексическую единицу (историзм «турусы»), но и занимает сегодня место на периферии фразеологической системы.

Интересно, что ФЕ, имеющая в своём составе устаревшую лексему, может оставаться актуальной и современной. Так, ФЕ *притча во языцех* интерпретирующаяся в словарях как предмет общих разговоров, то, о чем все говорят, сопровождается пометой «церковнославянское, разговорное, шутовое», но не «устар.». Форма *языцех* не объясняется с позиции современных типов склонения: она представляет собой застывшую форму старого местного падежа множественного числа, сохранившуюся благодаря идиоматичности и устойчивости всей ФЕ. Невозможность замены данной формы с помощью соответствующей современной формы (*языках*) обуславливается специфической семантикой оборота в целом, семантической «архаичностью» составляющих его компонентов.

С точки зрения Р.Н. Попова, на долю единиц, содержащих архаичные элементы, приходится четвертая часть всего фразеологического корпуса [Попов 1976: 3]. Если принимать во внимание 4000 фразеологизмов, которые фиксируются во «Фразеологическом словаре русского языка» под ред. А.И. Молоткова, то насчитывается примерно тысяча подобных ФЕ. Согласно сведениям Р.Н. Попова, в составе 650 единиц содержится хотя бы один лексический архаизм, а в составе остальных – хотя бы один морфологический или синтаксический архаизм, при этом имеются в виду частотные фразеологизмы [Попов 1976: 3].

Архаичные элементы ФЕ исследуются также В.М. Мокиенко. Он отмечает как парадоксальный и несомненный следующий факт: архаичные элементы не препятствуют, а наоборот, активизируют использование подобных единиц в современной речи [Мокиенко 1986: 127-128].

ФЕ с архаичным компонентом используются как средство стилизации в исторических произведениях и в современных текстах:

Кутайсов был пленный турка, дареный цирюльник, – а теперь ведал всеми лошадьми государства, граф и кавалер. Притча во языцех (Ю.Тынянов. Пушкин);

Прокурор потянулся к своему носу, намереваясь его пошатавать, но руки не донес. Эта привычка – в задумчивости пошатывать нос – стала притчей во языцех. На новогоднем вечере даже была пропета частушка: «Когда вопросы он решает, то нос усиленно шатает. Хорошо шатает свой, а не чей-нибудь чужой» (С. Родионов. Долгое дело).

ФЕ с архаичными элементами могут использоваться в тексте в трансформированном, усеченном виде, причем узнаются они именно по архаичному элементу. Ср.: *Глас вопиющего в пустыне* и его трансформацию:

*Реальность очевидна, она **вопиет** о себе...* (З. Прилепин. Кто виноват – Колобок?).

Усилительный фразеологизм *благим матом*, ограниченный в современном языке сочетаниями с глаголами *кричать* и *орать*, у писателей XVIII-нач. XIX вв. встречается также с глаголами движения:

- *Вот нашел, о чем заботиться, – промолвил урядник, – показать только линек – и так **благим матом вспрыгнешь**, словно заяц с капусты* (А. Бестужев-Марлинский. Лейтенант Белозор). Пример из работы: [Шмелев 1964: 235].

В составе ФСП «Говорение» есть не только единицы с лексическими и морфологическими архаизмами, но и единицы, в которых компоненты связаны устаревшими синтаксическими отношениями: *шутка сказать, чего греха таить*. Исследование семантики архаичных ФЕ или ФЕ с архаичными компонентами позволяет рассмотреть универсум сквозь призму этнолингвистического мышления, ибо они хранят информацию этнокультурного характера. Эта информация представляет присущий определенной лингвокультуре образ мира, запечатленный во фразеологической семантике и прагматике. Ср.: *кричать во всю Ивановскую* – очень громко кричать. Собств. русское. С XVII в. – от громкого оглашения царских указов на Ивановской площади в Московском Кремле.

Анализ использования архаизмов позволяет наблюдать характерную для языка последних десятилетий тенденцию – движение периферийных языковых средств к центру и, напротив, утрата своих позиций прежде частотными и актуальными единицами, а также эластичность, гибкость современной нормы. Периферийные фразеологизмы появляются на первом плане, а ранее общеупотребительные ФЕ уходят в тень. В этой связи представляется вполне справедливой точка зрения Т.В. Коростелевой, согласно которой умелое использование архаизмов не препятствует, а способствует формированию всех главных качеств хорошей речи – ясности, правильности (соответствия контекстной норме), уместности и красоты [Коростелева 2015].

Список литературы

1. Коростелева Т.В. Архаизмы как тропеическое средство в современном русском литературном языке: лингвопрагматический анализ: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2015. – 180 с.
2. Кравцов С.М. Картина мира в русской и французской фразеологии (на примере концепта «Поведение человека») / С.М.Кравцов. – Ростов н/Д: ИПО ПИ ЮФУ, 2008. – 312 с.

3. Мокиенко В.М. Образы русской речи: Историко-этимологические и этнографические очерки фразеологии / В.М.Мокиенко. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. – 280 с.
4. Попов Р.Н. Фразеологизмы современного русского языка с архаичными значениями и формами слова / Р.Н.Попов. – М.: Наука, 1976. – 200 с.
5. Прилепин З. Кто виноват – Колобок? [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://bg.ru/society/kto_vinovat_kolobok-6046/
6. Родионов С.В. Долгое дело. Камень. Криминальный юмор / С.В.Родионов. – М.-Л.: «Химия», 1991. – 544 с.
7. Тынянов Ю.Н. Пушкин. Роман / Ю.Н.Тынянов. – М.: Художественная литература, 1987. – 543 с.
8. Шмелев Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка / Д.Н.Шмелев. – М.: Просвещение, 1964. – 244 с.

УДК 347.78.034

СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ ИМПЛИЦИТНОЙ ИНФОРМАЦИИ В ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Романова И.В., канд. филол. наук, доцент
Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия
irene.romanova@mail.ru

В последнее время все больше возрастает интерес к французской культуре, в общем, и к французской литературе в частности. Именно благодаря не угасающему интересу к французскому языку и, следовательно, популяризации французского языка среди русских читателей, возрастает потребность в качественном переводе французской литературы на русский язык.

На материале романов Anny Duperey «Les chats de hasard» и Amélie Nothomb «Antéchrista» на французском языке и перевода последнего романа, осуществленного переводчиком Н.С. Мавлевич, нами были выявлены и проанализированы способы и особенности передачи имплицитной информации в художественном тексте при переводе с французского языка на русский, а также приведены статистические данные относительно частотности употребления тех или иных способов.

На первом этапе нашего исследования мы проанализировали способы передачи имплицитной информации на материале перевода романа Amélie Nothomb «Antéchrista», а затем попытались применить их, создав собственный вариант частичного перевода романа Anny Duperey «Les chats de hasard».

Расшифровка имплицитной информации, заложенной в тексте, представляет немало трудностей, но порой почти невыполнимой задачей является передача этой информации в переводе, при условии сохранения

стиля, слога, настроения автора. Существует несколько способов передачи имплицитной информации, таких как сохранение имплицитной информации, переводческая экспликация, лексическая трансформация, утрата имплицитного смысла, сверхперевод (термин был введен чешским исследователем перевода И. Левым в 1974 г.). Под сверхпереводом понимается чрезмерная эксплицитность. Включение в перевод той информации, которая автором в данной ситуации не подразумевалась [1].

Стоит отметить, что выбор того или иного способа зависит лишь от переводчика. Некоторые из этих способов используются чаще других, некоторые используются крайне редко.

Проведя анализ частоты использования различных способов передачи при переводе имплицитной информации, мы пришли к выводу:

Так как переводчик в романе «Антихриста» больше ориентирован на подрастающее поколение, он реже оставляет имплицитную информацию не раскрытой (сохранение ИИ всего 66 случаев из 101), он чаще стремится её объяснить (экспликация – 7 из 101), иногда при этом добавляя своих эмоций, мыслей (сверхперевод – 9 из 101). Но, упрощая информацию, он иногда убирает её вовсе (утрата – 4 из 101), чего, по нашему мнению, делать не стоит.

Анализ примеров, содержащих имплицитную информацию в романе Anny Duperey «Les chats de hasard», а также в романе Amélie Nothomb «Antéchrista» позволил нам сделать следующие выводы:

Во-первых, исходя из анализа переводческих решений, осуществлённых профессиональным переводчиком, мы пришли к выводу, что выбор определённого способа передачи имплицитного содержания при переводе с французского языка на русский, представляет собой крайне спорный вопрос. Во многих случаях, мы не могли согласиться с вариантом переводчика, считая, что предложенный нами вариант передал бы имплицитное содержание в наиболее полном объёме. А так как большую роль в реализации авторского замысла и передачи точки зрения автора играет именно имплицитная информация, то, по нашему мнению, решение данной переводческой проблемы стоит изучить более тщательным образом.

Во-вторых, какой бы скрытой информация ни была, задачей переводчика является её «подготовка» для читателя. В начале произведения читатель попадает в художественный мир романа и начинает расшифровывать подтекст, дабы полностью прочувствовать ситуацию, отношения между героями, личное отношение автора к происходящему. А к концу произведения, при верной интерпретации полученной информации, читатель убеждается в завершенности авторского замысла. Переводчик выступает в этих отношениях автор – читатель в роли невидимого, но крайне необходимого проводника, без которого интерпретация замысла бывает порой неосуществима.

В-третьих, автор способен намекать на скрытую информацию с помощью различных сравнений и аллюзий, как делает это автор в романе «Antéchrista». Стоит отметить успешный выбор названия романа. Не менее интересным является название романа Anny Duperey «Les chats de hasard». К сожалению, мы не можем сравнить вариант, предложенный нами, с другими вариантами перевода, но, по нашему мнению, название стоит переводить максимально имплицитно. Ведь в этом случае мы вызовем у потенциального читателя максимальный интерес к данному роману.

В-четвёртых, собранные сведения по анализу примеров, содержащих имплицитную информацию, позволили нам провести подсчёт частоты употребления каждого из способов передачи имплицитной информации при переводе. Результаты исследования по обоим романам распределились следующим образом:

1 место – сохранение имплицитной информации (использовано в 151 примере из 219);

2 место – лексическая (переводческая) трансформация (49 из 219);

3 место – переводческая экспликация (10 из 219);

4 место – сверхперевод (4 из 219);

5 место – утрата имплицитного смысла (5 из 219).

Список литературы

1. Кашичкин А.В. «Имплицитность в контексте перевода»: Дис.канд. филол. наук: 10.02.20: Москва, 2003.
2. Мавлевич Н. «Антихриста». – Иностранка, 2007.
3. Amélie Nothomb «Antéchrista». – Editions Albin Michel S.A., 2003.
4. Anny Duperey. «Les chats de hasard». – Editions Seuil, 2005.

УДК 811.111

АНГЛОЯЗЫЧНОЕ НАЗВАНИЕ КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ КАК СПЕЦИФИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Рылова В.В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
vlada-rylova@yandex.ru

Кинопроизводство – самое молодое искусство – всегда стремилось стать важным элементом социальной жизни, настойчиво внедряясь не только в массовую, но и в художественную культуру, перенимая многовековые традиции литературного мастерства, и наследуя культурный опыт других сфер искусства. За более половины века своего существования кино все же удалось достичь вершины развития, прочно обосноваться в

культурной сфере человеческого общества, и продолжить непрерывно совершенствоваться и обогащать свои выразительные возможности.

Кинематограф непрерывно совершенствуется, расширяя культурные рамки и завоевывая признание по всему миру. Порой, он выступает единственной точкой соприкосновения культур разных людей, народов и стран. Наличие языкового барьера не позволяло донести смысл, раскрыть идею произведения и правильно трактовать его проблематику. Все эти факторы и обусловили возникновение потребности перевода кинематографических произведений.

Перевод кинокартины, как и любого другого произведения, начинается с перевода заглавия. Специфическая лингвистическая природа англоязычного названия фильма, его многогранность и информационная нагрузка заметно осложняют процесс перевода. Они требуют не только применения ряда новых подходов к передаче заглавия, но и понимания его основных функций, языковой сущности и коммуникативных возможностей.

Англоязычное название кинофильма представляется относительно автономным составляющим элементом фильма как целого. Его рассмотрение и анализ с точки зрения таких научных областей, как лингвистика, философия и переводоведение, способствует определению степени важности и роли образа-смысла кинопроизведения, который влияет как на выбор названия, так и непосредственно на его перевод.

Исследуя понятие заглавия, ученые-лингвисты анализировали роль последнего, описывая его медиатором между вертикальным контекстом и реципиентом, который воспринимает информацию, опираясь на багаж имеющихся фоновых знаний и свою эмоционально-ценностную систему. Соответственно, создание и дальнейшее функционирование заглавия базируется на ряде принципов, основными из которых являются принцип ориентации на фоновые знания и принцип экономии языковых средств.

Заглавие считается важнейшим семантико-композиционным элементом, который способен отразить истинный смысл и раскрыть семантическую многомерность произведения. При этом первоначальное декодирование смысла заглавия, до ознакомления с сюжетом кинокартины, оказывается чаще всего ретроспективным.

Это означает, что настоящая идея наименования может раскрыться лишь при непосредственном просмотре картины. Это, несомненно, служит доказательством тесной и неразрывной взаимосвязи заглавия с содержанием, подтверждая и тот факт, что наименование может являться составляющей образа-смысла.

Передача англоязычных названий кинофильмов – это сложная переводческая проблема, разрешение которой невозможно без знания основных функций и типов заглавия, его особенностей, а также учета ряда социокультурных факторов. Сам процесс перевода названия

кинопроизведения можно смело назвать большим полем экспериментов, ведь перед переводчиком предстает целый ряд стратегий адаптации. Однако недостаточно уметь применять нужные переводческие трансформации, необходимо также уметь задействовать экстралингвистические знания, проявить творческое мышление, определить культурно-языковую специфику оригинального наименования и, самое главное, ознакомиться с содержанием кинокартины.

Существует тесная взаимосвязь между формой и функцией англоязычного названия, где доминантой отношений, предопределяющей структуру и вид заглавия, выступает именно функция. Всего выделяют три основные функции названия кинокартины: номинативная, ретроспективная и информативная. Важнейшей из них считается последняя, поскольку она продуктивно объединяет в себе два элемента, предопределяющие дальнейший успех и кассовые сборы кинопроизведения.

Семантический аспект является приоритетным при изучении англоязычных названий кинолент, поскольку они, подобно литературным заглавиям, в лаконичной форме отражают идею произведения, представляют главного героя или же соотносят произведение с основными категориями художественного мира – временем действия или пространственными координатами. Именно поэтому специфика семантики англоязычных наименований фильмов позволяет считать их особым рядом имен собственных. Поскольку наименование кинофильма является некой точкой отсчета всего того, что демонстрируется на экране и непосредственно отражается в сюжете, оно определяет основной образ картины.

Список литературы

1. Влахов С.И. Непереводимое в переводе / С.И.Влахов, С.П.Флорин. – Москва: Международные отношения, 1980. – 360 с.
2. Веселова Н.А. Оглавление в структуре текста, оглавление как текст: постановка проблемы / Н.А.Веселова – Тверь: Лилия Принт, 2005. – 278 с.

УДК 81'373.2:82-047.48

СПЕЦИФИКА ОНОМАСТИКОНА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Санченко Е.Н., канд. филол. наук, доцент

ГОУ ВПО «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко», ЛНР
ghostofangel25@mail.ru

В языке художественной литературы формируется новейшее течение в исследовании имен собственных, которое появляется на стыке ономастики и стилистики, лингвистики текста, лексической семантики,

поэтики. Литературная ономастика исследует отображение элементов настоящей и вымышленной ономастики, которую можно расценивать как связь общего (языкового) – отдельного (речевого) и особенного (индивидуального) в семантико-стилистической системе языка автора, элементами которого являются имена собственные.

В тексте художественного произведения, вопросами изучения имен собственных, занимались такие исследователи, как В. К. Банкетов, И. А. Банникова, Ю. О. Карпенко, В. А. Кухаренко, В. Н. Михайлов, В. Нива, Н. В. Васильева, А. Ф. Рогалев, О. И. Фоякова и др.

Некоторые исследователи, занимающиеся проблематикой сложности литературной ономастики, акцентируют внимание на ее специфике по отношению к ономастике в целом.

Целью статьи является анализ ономастического пространства художественного произведения в теоретическом аспекте.

Так, несколько существенных признаков выделяет Ю. А. Карпенко: «1) второстепенность литературной ономастики, это когда общеязыковая концепция предоставляет писателю собственные модификации и нормы в соответствии с местом временем и социальной средой изображения; 2) писательская ономастика появляется на основе беспрепятственного креативного творческого поиска, подбора, осуществляемого писателем в соответствии с жанром и стилем текста – в отличие от естественного и длительного исторического развития реальной ономастики в определенной социальной среде и языке народа; 3) литературная ономастика выполняет риторическую функцию, когда имя собственное обычной речевой коммуникации называют, чтобы различать объекты, а имя собственное в художественной речи функцию совмещает с эстетической, изобразительной функцией и как бы подчиняется ей; 4) в случае если настоящая ономастика принадлежит в целом словарному составу языка его действительному, то литературная ономастика – это факт речи, и не просто речи, а речи художественной, так как функции собственных имен в речи ежедневной и художественной абсолютно разнообразны; 5) литературно-художественное произведение всегда имеет заглавие, что является основным компонентом ономастического пространства» [2, с. 8].

Специфические черты литературной ономастики, по мнению ряда исследователей, своего рода универсалии, присущие всем литературно-художественным текстам. Художественное произведение – это такая особенная область функционирования имен собственных. И. А. Банникова подчеркивает, что в тексте слова соотношены «с реальной и изображаемой действительностью, с современным литературным языком и языком художественного произведения» [1, с. 22]. Это дает возможность читателю как бы заново воссоздать ассоциативные связи слова, что, в свою очередь, способствует даже переосмыслению его семантики. И все это, по мнению лингвиста, способствует пониманию замысла автора произведения.

И именно поэтому имена собственные выступают ценнейшим компонентом в системе средств художественной выразительности.

В настоящее время в отечественной ономастике особенно рассматриваются вопросы, связанные с анализом фактического материала. Благодаря системному анализу О.И. Фоняковой, выделены общие направления имен собственных в контексте творения согласно последующим противоположениям их дифференциальных свойств, а именно: согласно предмету исследования имен собственных – текстовой и внетекстовой; по характеру коннотаций – стилевые (внутренние) и внестилевые (внешние); по содержанию вне текстовой информации – лингвистический (ономастический, коннотативный) и экстралингвистический (энциклопедический, социальный, историко-культурный); по охвату ономастического пространства художественного текста – полный и дифференциальный; по соотношенности к уровням семантической композиции художественного текста – ономастический и ономапоэтический; по типам системных связей имен собственных в художественном тексте – парадигматический и синтагматический; по аспектам семантно-стилистического анализа онимов – структурный и функциональный [3, с. 27].

Особого внимания в семантической структуре художественного текста заслуживают имена собственные, которые выступают своеобразным «ключом» в раскрытии художественного замысла писателя, так отмечает В. Нива [4, с. 90]. Опираясь на наблюдения исследователя, в ономастике художественного произведения наибольшую смысловую нагрузку несут на себе антропонимы, которые являются неотъемлемым компонентами в системе средств художественной выразительности. Каждый писатель для передачи экспрессивных оттенков при выборе имен обращает внимание на их фонетику, морфетику. При подборе имен, автор все-таки ориентируется на реальное существительное, общепринятую формулу, с помощью которой можно передать информацию о возрастном, национальном, социальном статусе именуемого лица писателя [4, с. 92]. В ономастическое пространство входят и производные образования от имен собственных, и контекстуальные имена собственные, и местоименные субституты, и перифразы ближайшего контекста.

Характеризуются имена собственные в художественном стиле идентичным набором функций, не смотря на это, своеобразие каждого стиля накладывает определенный отпечаток на выдвижение роли той или иной функции. Основными функциями имени собственного в художественном тексте выступает функция создания подтекста. Данная текстообразующая функция реализуется через участие имен собственных в качестве ключевых слов произведения, а экспрессивная, символическая и интегрирующая функции, в свою очередь, использует потенциал имен в образовании многомерности смысла художественного текста.

Литературные антропонимы значительно отличаются от наиболее распространенных антропонимических единиц, это видно на примере, если сравнить антропонимы, носителями которых выступают составляющие какого-либо коллектива, с некоторыми антропонимами отдельно взятого произведения, то можно отметить, что в литературном произведении нашему взору предстает упорядоченная система, которая играет важную роль в процессе реализации идейно-художественного замысла автора. Выбирая имена, автор акцентирует внимание на их морфемике и фонемике, которые способствуют расстановке экспрессивных акцентов. Писатель, выбирая или подбирая имена, ориентируется на реальное существительное, используя общепринятую систему, при помощи которой можно передать информацию о возрастном положении, национальной составляющей и социальном уровне именуемого лица писателя. От эстетической и социальной точки зрения автора художественного произведения зависит также состав и сочетание антропонимов, которые в свою очередь являются проекцией общей культуры писателя, а также культуры той среды, в которой находится персонаж. В ходе анализа выявилась необходимость дополнительного исследования конкретных произведений, так как авторы используют ономастическое пространство в своих произведениях с целью полнее раскрыть характер персонажа, познакомить читателя со своей трактовкой, полемизировать с ним.

Список литературы

1. Банникова И. А. Имя собственное как фактор организации художественного текста / И. А. Банникова // Текстобразующие потенции языковых единиц и категорий. – Барнаул, 1990. – С. 19–26.
2. Карпенко Ю. О. Специфика имени собственного в художественной литературе / Ю. О. Карпенко // *Onomastica*. – 1986. – Т. XXXI. – С. 5–22.
3. Фоякова О. И. Имя собственное в художественном тексте / О. И. Фоякова. – Л.: ЛГУ, 1990. – 103 с. 4. Niva W. «No-names» in literature / W. Niva // *Names*. – 1964. – vol.12, № 2. – P. 89–97.

УДК 80.81

ВИДЫ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТАХ АВИАЦИОННОЙ РЕКЛАМЫ

Строева Ю.Ю., канд. филолог. наук.

Самарский университет государственного управления
«Международный институт рынка», г. Самара, Россия
stroyuyy@bk.ru

Введение. В современном мире реклама становится все более и более значимой. Реклама – это комплексный вид деятельности, состоящий из нескольких функциональных блоков. Как известно, главная цель

рекламы – заставить потребителя купить товар или услугу. Эта цель достигается как с помощью эмоционального воздействия на органы чувств, так и с помощью правильного построения текста и использования лексических средств, способствующих манипулированию аудиторией. Следовательно, текст является основным компонентом рекламного сообщения.

Материалом исследования послужили тексты рекламы на английском и немецком языках, опубликованные в печатных журналах Lufthansa magazine и Austrian airlines, которые предлагаются пассажирам соответствующих авиакомпаний, а также рекламные сообщения, представленные на двух языках в сети Интернет (общим количеством более 40 000 печатных знаков).

Отличительной особенностью рекламных текстов в анализируемых журналах, является то, что тема рекламы имеет два основных направления – авиация и туристические услуги. Благодаря детальному и глубокому освещению этих тем, журналы могут предназначаться широкому кругу лиц, путешествующих самолетами авиакомпании Lufthansa, владеющими немецким и/или английским языком.

Актуальность обусловлена тем, что особенности рекламного дискурса в двуязычных журналах по авиации еще не достаточно хорошо изучены и описаны. В наше время техника и наука развивается все быстрее и быстрее. И именно авиационная отрасль наиболее быстро адаптируется к изменениям. В первую очередь эти изменения можно видеть в журналах по авиации, где рекламируются технические инновации, различные товары и услуги.

Целью настоящего исследования является выявление лингвостилистических особенностей рекламного дискурса в двуязычных журналах по авиации, а именно выявление и описание англоязычных заимствований в немецкоязычных текстах авиационной рекламы.

Для достижения цели исследования использовались следующие **методы**: метод структурно-семантического анализа, позволяющий вычленивать единицы анализа и установить их специфику и функции в тексте, а также метод сопоставительного анализа при сравнении функционирования языковых явлений в рекламных сообщениях на английском и немецком языках.

Для анализа рекламного дискурса основным является лингвокультурологический подход, так как современный подход к интерпретации текста уделяет внимание культурно-национальным коннотациям и особенностям ментально-лингвального комплекса.

Результат. В рассмотренных в ходе исследования примерах англоязычных заимствований в немецкоязычных рекламных сообщениях, встречаются следующие виды заимствованных языковых единиц: англоязычные термины, обозначающие детали летательных аппаратов,

обозначения моделей летательных аппаратов, сокращения англоязычных терминов, англоязычные названия международных организаций, а также лексика высокого стиля. Например:

Die Abbildung zeigt die Zeitzonen der Welt sowie deren Standard-Abweichungen von der Universal Time Coordinated (UTC).

The above illustration shows the world's time zones with their standard variation from Coordinated Universal Time (UTC).

В приведенном примере терминологическое словосочетание Coordinated Universal Time (всемирное скоординированное время) и его сокращение (UTC) используются в немецкоязычной рекламе, так как этот термин относится не просто к авиации, а используется именно при управлении воздушным движением. А в этой сфере английский язык является международным. Это сокращение будет использоваться в англоязычном варианте и в русскоязычном дискурсе.

Встречаются случаи, когда англоязычные заимствования в немецкоязычной авиационной рекламе выходят за рамки терминологии. В основном, к таким заимствованиям относится прецизионная информация, а также лексемы, которые заимствуются и становятся широко употребительными во многих языках.

В нижеприведенном примере лексема start-up употребляется и в немецкоязычном и в англоязычном варианте рекламы. Данное слово становится все более популярным и употребительным.

Star -up – myProduct liefert per Mausklick leckere Feinkost direkt vom Bauernhof.

Start-up – myProduct delivers delicacies fresh from the farm, at the click of a mouse.

Рассмотрим еще один пример:

Edel, smart, selten. Die Kölner bordbar-Manufaktur upcyclt original Flugzeugtrolley.

В немецкоязычной рекламе употребляется слово upcyclt (переработка с целью усовершенствования). Это слово имеет основу, заимствованную из английского языка upcycle (от recycle – перерабатывать) и немецкоязычный суффикс. На этом примере мы можем наблюдать, как слова, заимствованные из английского языка, «адаптируются» в немецком языке, принимая грамматическую форму, свойственную этому языку.

Из приведенных примеров видно, что англоязычные заимствования в немецкоязычных рекламных сообщениях выступают, в первую очередь, средством привлечения внимания реципиента.

В **заключении** стоит отметить, что рекламный дискурс является объектом исследования как зарубежных, так и отечественных лингвистов [1–8]. Изучение лингвостилистических характеристик рекламного дискурса является одним из основных направлений современной теории дискурса.

Список литературы

1. Бове К.Л. Современная реклама / К.Л.Бове, У.Ф.Аренс. – Тольятти: Изд-во: Дом Довгань, 1995.
2. Гаран Е.П. Лингвокультурологические аспекты интерпретации рекламного дискурса (на материале русского и английского языков) – теория языка / Е.П.Гаран. – Ростов-на-Дону, 2009.
3. Ильинова Е.Ю. Рекламный дискурс: ценности, образы, ассоциации / Е.Ю.Ильинова // Рекламный дискурс и рекламный текст: коллективная монография. – М.: Флинта: Наука, 2013.
4. Карасик В.И. О типах дискурса / В.И.Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 2000.
5. Кубрякова Е.С. Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты / Е.С.Кубрякова // Сборник обзоров. Серия «Теория и история языкознания» РАН. – Изд-во: ИНИОН, 2000.
6. Куликова Е.В. Языковая специфика рекламного дискурса / Е.В.Куликова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2008. – № 4.
7. Левис Ю.Э. Вербальные и невербальные средства ответственности рекламных текстов / Автореферат дис. канд. филол. наук. – М.: МГЛУ, 2003.
8. Олянич А.В. Рекламный дискурс и его конститутивные признаки / А.В.Олянич // Рекламный дискурс и рекламный текст: коллективная монография. – М.: Флинта: Наука, 2011.

УДК 81

АНАЛИЗ ЭТНОГРАФИЗМОВ, СВЯЗАННЫХ СО СВАДЕБНЫМИ ОБРЯДАМИ КАРАКАЛПАКСКОГО НАРОДА

Усенова К.У.

Каракалпакский государственный университет имени Бердаха, Узбекистан
usenova@rambler.ru

«Слова, представляющие местные названия предметов, являющихся продуктом человеческой деятельности и известных на ограниченной территории, называются этнографизмами. Таковы слова, обозначающие многие бытовые предметы, некоторые сельскохозяйственные орудия, местные особенности жилых и хозяйственных построек и т.д.

Еще сравнительно недавно, в середине XX в., сохранялись местами старинные виды одежды, головных уборов, обуви. Существовавший во многих разновидностях женский сарафан был характерен для севера» [1].

А.В. Федоров в своей книге «Искусство перевода и жизнь литературы» замечает, что «особенности каждого языка и выражают, и обуславливают специфические особенности жизни и мышления народа, говорящего на нем» [2, с. 20].

Обычаи, обряды показывают уровень культуры любого народа. Обычаи – это передаваемые из поколения в поколение обряды, общие правила поведения, являются основным мериллом морали и этикета.

В ходе исследования можно выявить, что многие этнографизмы являются общими понятиями для многих тюркских языков. В каракалпакском языке встречаются следующие понятия связанные с обычаями народа.

Брачные торжества и связанные с ним обычаи очень своеобразны с точки зрения этнографизма. Х. Есбергенов и Ж. Хошаниязов в своих трудах «Этнографические мотивы в каракалпакском фольклоре» на материале героических эпосов, анализируют проблемы формирования традиционно-бытовой, общественной жизни народов Южного Приаралья [3, с. 155].

Аклай куда тусиу. – этот обычай встречается во многих тюркских народов. По мнению исследователя каракалпакской литературы И.Сагитова: «Этот обычай свойственно ко многим народам востока. Оно решает будущее молодых с согласия родителей и молитвы старших. До появления на свет молодожен родители договариваются между собой и делают благословение. Договорённость родителей становится как законом для молодых».

В каракалпакском толковом словаре истолковывается слово «аклай» так: Аклай – не известном времени, преждевременно, заблаговременно, раньше [4, с. 59].

Например: *Сенин улын болса, менин кызым болса, екеумиз куда болайык, – дейди. Сол жерде каргы тартып, мал байлайды. Аклай куда болады* (Из эпоса «Алпамыс»).

В лексическом составе каракалпакского языке встречаются слова: неке кыйыу (соединить брачные узы), неке сууы (брачная вода).

Например: *Омархан патша казы-каланларын жыйдырып. Гулайымнын некесин кыйдырып. Шорага берип, патша кызын узатыуга ыктыкат кылды* (Эпос «Ер Шора»).

По обряду во время бракосочетания свидетелями становятся две старожилы и две молодые люди. Для того чтобы они стали свидетелями нужно согласие молодых. Жених сразу даёт согласие, но невеста долгое время не может дать согласие. В одно время слышался голос невесты, произносивший слово «да» с плащом.

В «Толковом словаре каракалпакского языка» слово неке истолковывается так – это официально узаконивание новобрачных, контракт [4, с. 59].

Для каракалпаков рождение ребенка всегда было значительным и радостным событием. До сих пор сохранилась пословица «Балалы уй базар, баласыз уй мазар», что значит «Дом с ребенком – веселье и счастье, без ребенка подобен могиле»

У каракалпаков существует множество традиций и обычаев, связанных с рождением ребенка и его воспитанием.

К тому же в каракалпакском языке термин свадьба используется много раз. Потому что в лексическом составе собраны факты о жизни человека целиком.

Тусау кесу той (Разрезание пут). Ребенку начинающему ходить перевязывали ноги черно-белым шерстяным шнуром, который затем перерезала многодетная, энергичная, подвижная женщина, передавая ему тем самым свои качества. Разрезанный шнур затем сжигали.

Например: «Коблан еки жаска келгенде, кемпири бир кыз тууды, кыздын тойы менен баланын аяк тойы» деп бир ярим кун той берип, жети жасына келгенде, пайгамбар сунет еттирип, жети кун той берди. (Из эпоса «Коблан»).

Об этом фольклорист К.Мамбетов в своей книге «Каракалпаклардын этнографиялык тарихы» пишет так: «Когда ребенку исполняется два года, он начинает ходить. В это время ноги перевязываются шнуром, и оно перерезается ножом. Тогда говорится такие слова: «Теперь у тебя разрезано пут и ты можешь спокойно ходить».

Человек, который режет путы ребенку, должен быть шустрым, энергичным, уважаемым среди своего окружения. Наши предки верили, если такой человек будет резать пут ребенку, то его энергия будет передаваться малышу.

Стоит отметить, факты использования словосочетаний в свадебных обрядах каракалпакском народном эпосе имеют лингвистическое значение.

Список литературы

1. <http://aim.uz/referaty/56-istoriya/3306-etnografizmy-kak-raznovidnost-dialektnoj-leksiki.html>.
2. Феодоров А.В. Искусство перевода и жизнь литературы: очерки / А.В.Феодоров. – Л.: Советский писатель, 1983.
3. Есбергенов Х. Этнографические мотивы в каракалпакском фольклоре / Х.Есбергенов, Ж.Хошаниязов. – Ташкент: Наука, 1988. – 155 с.
4. Каракалпак тилинин тусиндирме созлиги. I том, Нокис, 1989. –Б.59.

Зарубежная литература: модус, жанр, стиль

УДК 821.111 (73)

ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА ОХОТНИКА-ФОНТИРСМЕНА В АМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX–XX ВВ. (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕНТАЛОГИИ ДЖ.Ф. КУПЕРА И МАЛОЙ ПРОЗЫ Э. ХЕМИНГУЭЯ)

Апостолова А.К.,

Теличко Т.Г., к.анд филол. наук, доцент

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

apostolova2208@gmail.com

Менталитет народа закономерно проявляется в его национальном языке и национальной литературе, он отражается как в фольклорных, так и в созданных писателями сюжетах и образах. В американской литературе, выросшей из фронта, закрепились два универсальных образа героя – это хитрец и ловкач, который всегда выходит сухим из воды, и охотник, человек своего слова, идущий на риск ради себя или своих близких. Оба персонажа вышли из фольклорной традиции и, по наблюдению А.П. Саруханян, даже имели реальных прототипов (ими были Дейви Крокетт и Дэниел Бун соответственно) [2, с. 227]. Отметим, что, несмотря на определенную хронологическую отдаленность между моментом появления образов героев во фронтирных шутках и рассказах, а затем и их реализацией в североамериканской художественной литературе, основные черты характера персонажей в целом остались неизменными. Так, к примеру, в образе Тома Сойера («Приключения Тома Сойера» Марка Твена) угадываются отголоски влияния героя-хитреца, а в характере Натаниэля Бампо (главный герой пенталогии о Кожаном Чулке Фенимора Купера) и Ника Адамса (сквозной герой серии рассказов Эрнеста Хемингуэя) прочитываются черты героя-охотника.

Образы двух последних персонажей, хотя они и отстоят друг от друга во времени практически на целое столетие, являются глубоко родственными. Тем не менее, можно отметить определенную эволюцию в трактовке образа охотника в начале XX столетия. И Натти Бампо, и Ник Адамс принадлежат американскому пограничью. Двадцатилетний Натаниэль Бампо, главный герой пенталогии, начинает свой путь на северо-востоке континента, от озера Отсега (роман «Зверобой») примерно в 1746 году и заканчивает свою жизнь на западе, в прериях штата Миссисипи (роман «Прерия», действия которого происходят в 1805 году). Он, охотник, а позднее, траппер, продвигается вглубь континента по мере того, как сдвигается линия фронта и всегда остается на крайней черте

пограничья, где жилища колонистов соседствуют с индейскими вигвамами. В душе героя сосуществуют христианская добродетель и уважение к верованиям и обычаям коренного населения Америки, и лучшим другом охотника становится индеец Чингачгук.

Семья Ника Адамса (герой Хемингуэя) живет в непосредственной близости к индейской резервации, но уже образца первой четверти XX столетия, и в силу обстоятельств (его отец – доктор, который оказывает помощь в том числе и жителям индейского поселения) ее члены постоянно контактируют с индейцами (рассказы «Индийский поселок», «Доктор и его жена»). Первой любовью Ника Адамса становится девушка-индианка Пруденс Митчел (рассказ «Десять индейцев»). При этом отношения героя Хемингуэя с индианкой Пруденс лишены той чистоты и жертвенности, какой были наделены чувства Ункаса, сына Чингачгука, к Коре, дочери полковника Мунро (роман «Последний из могикан») – девушка неверна Нику Адамсу. Впрочем, и сам юноша относится к индейцам из резервации не так уважительно, как относился к ним Натти Бампо ещё 150 лет назад: так, Ник позволяет своим спутникам язвительно отзываться о пьяных индейцах, возвращавшихся домой с городского праздника (рассказ «Десять индейцев»). Подобные изменения намечались еще у Купера в романе «Пионеры»: здесь постаревший Чингачгук, оставшийся без своего племени, ищет забвения в алкоголе. Однако он продолжает рефлексировать и приходит к выводу, что «огненная вода», принесенная цивилизацией, стала причиной его морального падения. Индейцам, которых знает Ник Адамс, рефлексия уже не свойственна; их поведение и привычки практически не отличаются от привычек потомков колонистов. Вероятно, этим и обусловлено довольно прохладное отношение героя к индейскому населению.

Жизнь в условиях пограничья обусловила и схожесть мироощущения героя Купера и героя Хемингуэя: они живут в едином ритме с природой и чутко улавливают любые изменения в ее состоянии. Единство с природой подтверждает сцена на Мерцающем озере (роман «Зверобой»): прозрачная гладь воды глубоко восхищает Натаниэля Бампо. Сцены охоты на оленя и убийства птицы, в свою очередь, позволяют заметить, с каким уважением охотник Натти Бампо относится к природе: «They call me Deerslayer, I'll own; and perhaps I deserve this name, in the way of understanding the creature's habits, as well as for sartainty in the aim; but they can't accuse me of killing an animal where there is no occasion for the meat, or skin. I may be a slayer, it's true, but I'm no slaughterer» [3] / «Знаю, меня называют Зверобоем, и, быть может, я заслужил эту кличку, так как понимаю звериный нрав и целюсь метко. Но, пока мне не понадобится мясо или шкура, я зря не убью животное. Я могу убивать, это верно, но я не мясник» [1, с. 46]. В этих словах – жизненное кредо главного героя: к природе нужно относиться бережно, использовать её ресурсы следует только в случае необходимости, а не ради забавы или наживы.

Уважительное отношение к природе разделяет и герой Хемингуэя Ник Адамс. Показательным является эпизод рыбалки в рассказе «На Биг-Ривер», когда герой ловит только самцов форели, стараясь не тревожить самок с икрой, таким образом, он не нарушает гармонию природы. Именно общение с природой возвращает бывшего фронтовика Ника Адамса в привычный довоенный мир, предвещает его внутреннее воскрешение. Пребывание на линии пограничья приносит обоим героям искомое ощущение ясности и гармонии.

Впрочем, глубоко нравственного отношения героев к природе оказывается недостаточно для того, чтобы оградить самих себя от преследования со стороны государства. Обоих – Натти Бампо в романе «Пионеры» и Ника Адамс в рассказе «Последние хорошие места» – обвиняют в браконьерстве, однако, со своей точки зрения, ни один из них не нарушил закона; уголовное разбирательство воспринимается, скорее, как репрессивное ограничение свободы, которой ранее обладали фронтисмены, стремление государства взять пограничье под свой контроль. Возникновение такой ситуации закономерно для времени Натти Бампо, когда начинают формироваться своды законов. Повторное использование данного сюжетного хода в рассказе Хемингуэя «Последние хорошие места», хронологически отнесенного к 10-м гг. XX в. обнажает полицейский характер государства и служит подтверждением того, насколько глубоко свободолюбие укоренено в сознании жителя фронта и – шире – в американской ментальности.

Можно заключить, что образ охотника-фронтисмена не теряет своей актуальности в американской литературе вплоть до XX столетия. Несмотря на то, что к началу XX века он лишается своего романтического ореола, а в спектр черт его характера входят и отрицательные качества (пренебрежительное отношение к индейскому населению у героя Хемингуэя), мы должны отметить, что доминантные черты типажа, прежде всего, стремление к свободе и независимости, нравственное поведение и бережное отношение к природе, остаются неизменными.

Список литературы

1. Купер Джеймс Фенимор Зверобой, или Первая тропа войны: Роман / Джеймс Фенимор Купер. Харьков: Прапор, 1986. – 448 с.
2. Саруханян А.П. Проблема фронта в американской литературе / А.П. Саруханян // Проблемы становления американской литературы / Отв. ред. Я.Н. Засурский. – М.: Наука, 1981. – С. 217–250.
3. Cooper James Fenimore The Deerslayer; or the First War-Path. A Tale [Электронный ресурс] / James Fenimore Cooper. URL: <http://www.gutenberg.org/ebooks/3285> (дата обращения: 20.09.2018).
4. Hemingway E.M. The complete short stories of Ernest Hemingway: The Finca Vigia Edition. / E.M. Hemingway. – N.Y.:Scribner, 1987. – 535 с.

ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕМЫ ЛЮБВИ В РОМАНЕ И. ВО «ВОЗВРАЩЕНИЕ В БРАЙДСХЕД»

Голуб О.В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
nowy@list.ru

«Возвращение в Брайдсхед» (1945 г.) считается одним из самых глубоких произведений Ивлина Во, который в английской литературе представляет традицию «католического романа». Хотя традиционно в русскоязычном литературоведении основное внимание уделялось сатирической составляющей творчества И. Во, в последнее время все более живой интерес привлекает его религиозно-философское наследие.

Основной темой «Возвращения в Брайдсхед», как утверждает сам автор, является скрытое за хаотичностью кажущихся случайностей действие Святого Духа в судьбах людей. Концепция романа хорошо раскрывается в категориях философии христианского платонизма. Согласно христианским трактовкам платоновской философии, подлинная Любовь, Благо и Красота существуют только в Боге. Всякая земная любовь является, с одной стороны, отблеском Божественной любви, лишенным подлинности и полноты первообраза, а с другой – теофанией, явлением божественного в профанном мире.

Главный герой романа Чарльз Райдер последовательно проходит четыре стадии, связанные с разными типами любви.

Юношеская любовь-дружба, реализующаяся в привязанности к Себастьяну Флайту, который наделяется чертами андрогинности. Это период первозданной невинности и неразделенности, покоя, открытия Другого и узнавания в нем самого себя.

Любовь к Прекрасному как таковому, раскрытие собственных творческих способностей и становление Чарльза как профессионального художника.

Любовь-эрос, вспыхивающая между Чарльзом Райдером и Джулией Флайт во время шторма посреди Атлантики. Этот тип любви предполагает присутствие мужского и женского начала как абсолютных противоположностей, непреодолимо притягивающихся друг к другу.

Деятельная любовь-служение своей родине во время войны, Сам капитан Райдер называет ее своей «любовью к армии», подразумевая не склонность к муштре или убийствам людей, а реализацию рыцарского идеала самопожертвования и воинской славы.

Каждая стадия развивается по схожей схеме: внутренняя тоска/потребность – полная погруженность – опыт потери и

опустошенность. Каждая новая любовь выходит из предыдущей, развивается во многом благодаря опыту предыдущей любви, но имеет более глубокие личностные корни. Опыт потери любви не менее важен, чем опыт ее переживания, и несет двойную смысловую нагрузку: освобождения пространства для нового этапа, а также подчеркивания относительности и кратковременности каждого типа земной любви.

В эпилоге романа Ивлин Во символически сводит все четыре этапа в одной точке. Перед вновь зажженной лампадой в часовне разоренного поместья Брайдсхед капитан Чарльз Райдер, окруженный каменными надгробиями баронов Флайтов, рыцарей-крестоносцев, вспоминает годы своей юности и размышляет о причудливости и непредсказуемости судеб мира. Пылающая лампада становится метафорой пятого этапа возгонки духа к Любви Истинной, к Богу.

УДК 8.80

МИФ ОБ АРГОНАВТАХ: К ПРОБЛЕМЕ ДИАЛОГА ИСКУССТВ

Никулина И. Н., канд. филол. наук, доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
nikulainna@gmail.com

Погружаясь в изучение одной проблемы, ученый вовлекается в диалог с различными родами и видами искусств. Любое литературное произведение не застывает в своем времени, а обогащается новыми условиями, знанием. Ход повествования обростает новыми деталями. Накопленные веками смыслы прорастают в новых прочтениях поистине вечных произведений. Чем больше мы познаем мир, тем больше он становится. Вербальные и визуальные коды фиксируют познаваемый мир как текст в единой знаковой системе. Писатель развивается в определенной цивилизационной системе, осознанно и неосознанно цитируя своих предшественников. В этой связи возникает особый интерес к различным синтетическим формам и жанрам на основе литературы. При этом возникают диалоги: литература-музыка, литература-живопись, литература-архитектура. Елена Рэзи (Elena Raisi) отмечает: «*les mots peinture et poésie sont interchangeable, parce que la poésie est muet peinture et la peinture est poésie parlante*» 'слова живописи и поэзии – взаимозаменяемые явления. Поскольку поэзия – это молчаливая живопись, а живопись – говорящая поэзия' [1]. Порождаемая закономерность, согласно которой возникают горизонтальные и вертикальные связи, предполагает наличие историко-культурологической необходимости синтеза литературы и живописи.

В 1-м веке, римские зодчие создали терракотовый рельеф, который хранится в Британском музее, в Лондоне. Что же запечатлено в те далекие времена? Строительство Арго. На рельефе по праву изображена Афина и кормчий Тифий, и Арг, герой который создал корабль сам по совету Афины. Этот корабль был назван «Арго» в честь мастера, а герои, отправившиеся на нем в поход – аргонавты.

Каждый вдохновленный греческим эпосом не может оставаться равнодушным. «А когда, засверкав очами ясными, Эос Взором окинула Пелиона крутые вершины. И по берегам зашумело ветром гонимое море ...» [2, кн.1; 516-517]. «...они под кифару Орфея веслами били Моря воду тугую. Кругом же волны плескались Пенной, а здесь и там бежали темные струи, Страшно кипя и бушуя. Под силой мужей многомогущих Несся корабль, и под солнечным светом сверкали, как пламя, Снасти его, а за ним непрерывно белели дорожки, Словно заметная глазу тропинка на поле зеленом. В день тот все боги смотрели вниз с широкого неба» [2, кн.1, 537-544].

Лоренцо Коста (Lorenzo Costa), итальянский художник эпохи Возрождения подарил одну из встреч с Арго. На деревянной панели царит корабль (работа хранится в Гражданском музее, Падуя). Он, практически, полностью перекрывает пространство и несколько сглаживает перспективу. Не совсем понятно, стоит ли он на воде или же парит в воздухе, поскольку у корабля отсутствуют весла, а паруса наполнены ветром. Синь небес, жемчужное море, зеленые кроны деревьев, изумрудные травы и белые вершины Пелиона. Все изысканно и торжественно в миг, когда Ясон с товарищами отправляются в поход.

Вильям Рассел Флинт (sir William Russell Flint), шотландский художник 19-20 вв., акварель «Аргонавты». Вот и остался позади, окрашенный пурпурным светом зари Пелион. Нежно ласкает солнце гребцов, грациозно скользит корабль по глади морской, отражаясь в ее задумчивом зеркале. Парус наполнился ветром и разом запела душа и позвала за собой загадочная и манящая даль.

Образ корабля, передаваемый в разные эпохи, транслирует общее направление: радость движения и надежду на будущее.

Главный герой мифа – Ясон. Отец Ясона Эсон боялся, что Пелий, царь Иолка может убить его сына. Впрочем, его опасения были не беспочвенны. Царь Пелий незаконно восседал на троне. Он отнял у Эсона власть и всячески старался ее удержать. Поэтому Ясон был прямой угрозой его жизни и власти. Так Эсон, создал иную реальность, в которой Ясон умер. А в это время мальчика отправили на склоны Пелиона в пещеру к кентавру Хирону. До двадцати лет жил Ясон у кентавра и обучался науками искусству владения мечом, копьем и луком. Прежде всего он предстает на полотне Вильяма Рассела Флинта (sir William Russell Flint) «Ясон у кентавра Хирона». В дальнейшем Ясон предстает как герой,

борющейся с драконом (Итальянский живописец, график, поэт и музыкант 17 века Роза Сальваторе (Rosa Salvatore) (1665-1670), Музей изящных искусств, Монреаль, «Ясон, усыпляющий дракона»; Борис Вальехо (Boris Vallejo) современный американский художник-прикладник перуанского происхождения изображает Ясона, победившего дракона).

Интерес к античным мифам не иссякает. Человек обращается к ним, изучая и иллюстрируя, извлекает уроки, но не всегда внемлет им.

Список литературы

1. Raisi Elena. – Elena, Raisi La parole qui peint, l'image qui parle. Représentation du mythe entre le XVIe et XVIIe siècle www2.lingue.unibo.it
2. Родосский Аполлоний. Аргонавтика
<http://litresp.ru/kniga/ru/%D0%A0/rodoskij-apollonij/argonavtika>

УДК 821.111

МОТИВ ОКАМЕНЕЛОСТЕЙ В РОМАНЕ ДЖ. ФАУЛЗА «ЖЕНЩИНА ФРАНЦУЗСКОГО ЛЕЙТЕНАНТА»

Пилипенко Е.М., Сапегина Л.В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

miraiu1_2_@ukr.net

Отличительной особенностью английской литературы второй половины XX века является повышенный интерес к национальному прошлому, который, в частности, находит отражение в специфической трактовке викторианской эпохи, реконструируемой в рамках постмодернистского романа. Подобное переосмысление затрагивает различные уровни текста, и прежде всего мотивный.

В романе Дж. Фаулза «Женщина французского лейтенанта» одним из таких мотивов, которые способствуют наиболее полному воссозданию викторианства в самых различных его проявлениях, становится мотив окаменелостей, связанный как с образом главного героя, Чарльза Смитсона, так и рядом второстепенных персонажей (доктор Гроган, придерживающийся патриархальных взглядов, Эрнестина, направляющая все свои силы на создание образа благопристойной английской леди, и миссис Поултни, лицемерно выступающая в роли «благодетельницы» Сары Вудраф) – носителями так называемого «окаменелого» (типично викторианского) мышления.

Мотив окаменелостей в романе вводится описанием мола Кобб, который выступает своего рода границей между «твердой землей», городком Лайм-Риджис, жизнь которого размеренна и спокойна, и морем, непредсказуемой и изменчивой стихией, которая коррелирует с образом

главной героини произведения, Сары Вудраф. Мол Кобб, состоящий из древних пород, богатых окаменелыми останками доисторических животных, которые являются предметом «научного» интереса Чарльза, является местом сопряжения двух времен – современности (Сара, эмоционально и интеллектуально эмансипированная подобно женщинам XX века) и древности («окаменевшие» стереотипы викторианской эпохи), а потому играет важную роль в пространственно-временной структуре романа. Именно здесь происходит первая встреча Чарльза с Сарой – встреча с непредсказуемой реальностью, которая вопреки представлениям мистера Смитсона оказывается далекой от «классификаций викторианского рационализма» [1, с. 30].

Чарльз в своем увлечении палеонтологией придерживается позиции стороннего наблюдателя, к поиску окаменелых морских ежей – экземпляров, ценных лишь тем, что их «панцири очень красивы» – он подходит методично, уделяя, однако, больше внимания собственному внешнему облику (в этом отношении характерным является описание «экипировки» Чарльза: «грубые, подбитые гвоздями башмаки», «гетры, натянутые поверх толстых суконных брюк», «широкополая парусиновая шляпа» вряд ли подходят для похода и проведения раскопок), нежели самому предмету изучения; во всем чувствуется нарочитость, свойственная «дилетанту» [2, с. 49]. Наблюдения Чарльза в отношении ископаемых подчинены лишь одной цели – упорядочить, классифицировать, при этом у героя нет стремления к совершению принципиально новых открытий, ведь для этого необходимо уметь выходить за рамки стереотипного мышления [4, р. 19]. Чарльз же является типичным английским джентльменом своего времени, который видит мир в фокусе сложившейся эпистемы, интересуясь наукой и отдавая предпочтение такому виду познания, который признает только то, что можно увидеть собственными глазами, к чему можно прикоснуться. Поэтому интерес Чарльза к окаменелостям «псевдонаучен», палеонтология в его жизни является не более чем увлечением: «But if you wish at once to do nothing and be respectable nowadays, the best pretext is to be at work on some profound study...» [3, р. 44] («Но если в наши дни вы хотите одновременно ничего не делать и быть уважаемым – лучше всего притвориться, будто вы работаете над какой-то серьезной научной проблемой...» [2, с. 47]).

Окаменелые гребешки, обломки с отпечатками аммонитов, с которыми привык иметь дело Чарльз, лишены жизни, а соответственно и способности изменяться. Сара же, напротив, оказывается «живой», непредсказуемой в своем стремлении стать независимой, освободиться от всех сковывающих условностей и предрассудков викторианского общества. В отношениях с мисс Вудраф Чарльз также занимает позицию стороннего наблюдателя – тактика, которая подходит для работы с

окаменелостями, но оказывается провальной в общении со своенравной Сарой, а потому с первой встречи героиня предстает перед Чарльзом «загадкой» и таковой остается на протяжении всего романа. Чарльз оказывается заложником викторианской «репрессивной» системы, которая подавляет настоящие человеческие чувства и объявляет вне закона страсть и воображение.

Таким образом, в романе Фаулза «Женщина французского лейтенанта» окаменелости мола Кобб становятся метафорой косности, лейтмотивом звучащей на протяжении всего произведения. Увлечение Чарльза палеонтологией, с одной стороны, вписывается в общую парадигму интересов английского джентльмена второй половины XIX века, а с другой стороны, контрастируя с витальностью Сары Вудраф, ее бунтарской натурой, указывает на чрезмерный консерватизм взглядов, убеждений и представлений викторианского общества в целом.

Список литературы

1. Тарабакина А. К. Мотив уединенного места в прозе Джона Фаулза: языковые техники имплементации [Текст] / А. К. Тарабакина // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Т. 7., Вып. 2. 2009. С. 27-41.
2. Фаулз Дж. Любовница французского лейтенанта: Роман [Текст] / Пер. с англ. М. И. Беккер, И. Б. Комаровой. СПб.: Северо-запад, 1993. 509 с.
3. Fowles, J. *The French Lieutenant's Woman*. Boston; Toronto: Little, Brown and Company, 1969. 480 p.
4. Morton, N. *Freeing Fossils: The Novel as Organism in John Fowles's The French Lieutenant's Woman* [Text] / N. Morton. Haverford College, 2008. 38 p.

УДК 821.111 Маккензи

ТОПОС МАСКИ В РОМАНЕ КОМПТОНА МАККЕНЗИ «КАРНАВАЛ»

Сапегина Л.В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
lilsapeg18@mail.ru

«Активное обращение художников, принадлежащих к разным национальным и культурным традициям, <...> работающих в разных жанрах, к образу маски, к темам, так или иначе связанным с маскарадом, перевоплощением, притворством, обманом, к мотиву маски, к проблемам подлинности и неподлинности, аутентичности и разрыва с собственной сущностью, утраты своего лица и т.д. представляется одной из важнейших особенностей литературы нашего столетия» – отмечает Гринштейн А. Л. в своей известной работе «Карнавал и маскарад: два типа культуры» [1,

с. 29]. В данной статье исследователь выдвигает гипотезу о том, что в первые десятилетия XX века происходит окончательное оформление «маскарадной культуры», зародившейся во второй половине XVI – начале XVII века в недрах культуры карнавальной, усвоившей язык и атрибутику карнавала (маска, игра, праздник, смех), но наполнившей её совершенно иным, зачастую противоположным смыслом. Если карнавал транслировал идеи обновления и возрождения, абсолютной свободы, бунта, вечного настоящего, созидания, объединения, маскарадная культура, используя ту же топику, концентрируется на идеях несвободы, одиночества и отчуждения, профанности времени, смерти и др.

Особую роль в превращении карнавала в маскарад суждено было сыграть комедии дель арте, «комедии масок, которая, являясь венцом развития карнавальной культуры, одновременно знаменовала собой смещение акцентов в рамках этой культуры: маска из второстепенного, вспомогательного атрибута, каким она была в карнавале, превращается в основу новой культуры» [1, с. 26].

К концу XVIII века комедия дель арте по сути заканчивает своё существование, но её маски обретают новую жизнь в живописи и литературе рококо. Образы Пьеро, Арлекина, Коломбины, Панталоне появляются в произведениях известных художников (К. Жило, А. Ватто «Мецетен», «Жиль», «Итальянские комедианты») и писателей (Лесаж, Мари-во). Однако, характер масок существенно меняется. «Театральность рококо – маскарадная, защитная, хотя кажется откровенной и легкомысленной. < ... >Театральность рококо – это прятки под маску, а маска оберегает интимный мир», – отмечает М. Молодцова [3]. В целом, движение идёт от буффонного в сторону психологического и даже лирического.

Маски и приемы комедии дель арте активно используются в дальнейшем романтическом искусстве, благодаря чему будут внесены радикальные новации в драматургию и театр. Разрабатывая знаковые романтические темы двойничества и двоemiрия, авторы-романтики также активно использовали топосы маски, игры, театральности, прибегая в том числе к образам комедии дель арте.

Огромное значение маске придавали символисты, разработав целую теорию амбивалентности маски. По словам искусствоведа Л. В. Левицкой: «Именно литература и эстетика символизма дают в начале XX века новую жизнь и новый смысл мифу о всеобщем маскараде как о законе человеческого бытия. ... Маска в эту эпоху – явление неоднозначное: она воспринимается как символ «безличия», «безликого бытия» современного человека, и способ раскрыть неповторимую индивидуальность творческой личности, является признаком обновленной жизни, ставшей искусством, и символом смерти, открывает новые выразительные возможности в искусстве и передает мертвенность повседневной жизни, лишенной творчества и красоты» [2].

Интерес к маске, игре, театрализации был общеевропейским. Свой вклад внесли и английские писатели и художники, которые в своем творчестве зачастую соединяли весьма разнородные традиции и тенденции. Подобным примером стилевой эклектики можно считать роман Комптона Маккензи «Карнавал» (1912).

Топос маски и жизни-игры определяет своеобразие поэтики второго романа Маккензи, «Карнавал». Роман повествует о короткой жизни Дженни Пёрл Рэйберн, девушке из мелкобуржуазной среды лондонских кокни, ставшей танцовщицей балета, пережившей драматическую любовную историю и погибшей от рук ревнивого мужа. В «Карнавале» очевидна традиция жизнеописательного или биографического романа, с линейным развёртыванием времени и пространства. Художественное время действия охватывает четверть столетия – двадцать пять лет жизни Дженни, от её рождения до гибели. В романе нет точных исторических дат, но имеется целый ряд показательных сюжетных деталей: появление электричества, сосуществование извозчиков и первых такси в Лондоне, упоминание Уильяма Гладстона, бывшего премьер-министром Великобритании четвёртый раз в 1892-1894 годах, портрет Ллойд Джорджа, популярного политика 1890-х – 1900-х, упоминание о войне (очевидно, англо-бурской 1899-1902), демонстрации суфражисток (с 1907 года), – всё это позволяет локализовать время действия как «стык столетий»: последнее пятнадцатилетие XIX – начало XX века.

Обратившись к изображению женской судьбы, Маккензи оказался в мейнстриме современной ему литературы. Практически все известные писатели рубежа веков (Гиссинг, Мур, Гарди, Беннет, Голсуорси, Форстер, Лоуренс) обращались к разработке женского характера. «Феминизация» литературы и темы «молодого человека», её трансформация в «тему молодой женщины» отчасти связаны с поиском новых способов драматизации (обострения) сюжета и углубления психологизма.

В истории Дженни Рэйберн очевидно влияние позитивистских и натуралистических тенденций. В романе тщательно прописан социальный фон, дана предыстория семьи героини: по сути, речь идёт о достаточно характерной для натурализма истории деградации социального статуса. С другой стороны, в романе есть главы-интерлюдии («Спящая Коломбина», «Коломбина на рассвете»), которые не связаны напрямую с сюжетным действием, но они вносят в повествование символический план, проецируя на Дженни образ Коломбины и превращая сюжетное действие в вечный танец масок, а человеческую жизнь – в бесконечное лицедейство. При этом тема жизни-игры, дополняется реалистическим изображением английского театра. Действие в романе «Карнавал» часто разворачивается за кулисами, даётся изображение театральных нравов. Жизнь театра у Маккензи – это не богемный мир, а история «маленьких» жизней простых девушек, наполненных тяжёлым трудом и личными драмами. История гибели

Дженни получает двойную мотивировку: с одной стороны – конфликт с дикими нравами Корнуолла и религиозным фанатизмом мужа, с другой – исполнение «роли» в сценарии с фатальным концом, напоминающем сюжеты оперы Масканьи «Сельская честь» и Леонкавалло «Паяцы», которые неоднократно упоминаются в тексте.

История Дженни Перл прочитывается и как еще одна история «маленького человека», не сумевшего реализовать свой талант, и в то же время – героиня предстаёт как карнавальная сущность (воплощение живости, смеха, праздника, бунта), родившаяся в эпоху маскарада. Дженни с рождения навязывается маска – и только смерть освобождает её.

Список литературы

1. Гринштейн А.Л. Карнавал и маскарад: два типа культуры / А.Л. Гринштейн // «На границах». Зарубежная литература от средневековья до современности: Сборник работ/ Отв. ред. Л.Г. Андреев. – М.:ЭКОН, 2000. – С. 22-43.
2. Левицкая Л.В. Маска и лицо в русском искусстве конца 19 – начала 20 веков. Диссертации на соискание учёной степени кандидата искусствоведения. – М., 2001. [Электронный ресурс] / Л. Левицкая. – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/maska-i-litso-v-russkom-iskusstve-kontsa-19-nachala-20-vekov#ixzz40taR1pJr>
3. Молодцова М. М. Комедия дель арте (История и современная судьба).- Л., 1990. – 219 с. [Электронный ресурс] / М. Молодцова. – Режим доступа: <http://dereksiz.org/molodcova-m-m-komediya-dele-arte-istoriya-i-sovremennaya-sudeb.html>

УДК 821.111

ЛЕКСИКАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «СТРАХ» В РОМАНЕ У.ГОЛДИНГА «ПОВЕЛИТЕЛЬ МУХ»

Строева Ю.Ю., канд. филол. наук,
Кузнецов Р.А.

Самарский университет государственного управления
«Международный институт рынка», г. Самара, Россия
stroyuyu@bk.ru

Введение. Художественные, текстовые или сегментные концепты, то есть концепты, рассматриваемые в рамках одного или нескольких произведений, привлекают внимание ученых разных наук – лингвистов, психологов, культурологов, философов в виду того, что художественные концепты отражают культуру любого народа также как и язык, фонема, морфема [1-9]. Благодаря концептам ученые могут составлять семантическое пространство конкретного языка, а уже по семантическому пространству судить о структурах знаний в их конкретно-национальном преломлении.

Представленное исследование посвящено изучению структуры и способов лексического выражения концепта «страх» в романе Уильяма Голдинга «Повелитель мух». Материалом исследования послужил роман на английском языке «LORD OF THE FLIES» (by William Golding).

Актуальность обусловлена тем, что концепт «страх» ни разу не рассматривался в рамках одного произведения, а роман Уильяма Голдинга «Повелитель мух» ни разу не являлся материалом лингвистического исследования.

Целью настоящего исследования является выявление структуры концепта «страх» в романе Уильяма Голдинга «Повелитель мух» и описание способов лексической реализации элементов структуры на английском языке.

Для достижения цели исследования использовался **метод** структурно-семантического анализа, позволяющий вычлениить единицы языка, относящиеся к ядру и периферии концепта «страх» в романе Уильяма Голдинга «Повелитель мух», а также изучить их специфику и функции в романе. Кроме того, был использован метод количественной выборки.

Результат. В результате проведенного исследования было выявлено, что концепт «страх» в романе Уильяма Голдинга «Повелитель мух» по способу репрезентации в языке является текстовым концептом, так как рассматривается в рамках одного произведения. По виду мыслительного обобщения концепт «страх» относится к художественному (литературному) концепту, так как данный концепт прошел через призму восприятия окружающей среды автора. Он является эмотивным концептом, а также является элементом общечеловеческой картины мира, так как эмоция страх преследует человечество с начала его возникновения. По своему содержанию и степени абстракции передаваемой информации концепт «страх» относится к фреймам, так как фрейм помогает собрать наиболее полную информацию, ассоциированную с концептом «страх», а также исследовать представление языковой личности о фрагменте действительности.

В романе Уильяма Голдинга «Повелитель мух» исследуемый концепт эксплицируется с помощью следующих лексем: fear, beast, darkness, forest, fright, terror, awful, awe, afraid, apprehension, startled, intimidate, dismal. Воссозданный на основе анализа романа «Повелитель мух» фрагмент языковой картины мира, связанный с концептом «страх», имеет полевую структуру.

Ядро концепта составляет лексема fear, которая имеет прямое значение «страх». Используя метод количественной выборки, было определено, что лексема fear и её производные в произведении встречаются 25 раз.

Выделение приядерной зоны концепта «страх» обусловлено тем, концепт прошел через призму восприятия автора произведения, а также

находится в искусственной среде (романе). Концепт состоит из личностных оценок, эмоций, образов и ассоциаций, которые формируют индивидуальную составляющую картины мира. Данные элементы являются неотъемлемыми частями приядерной зоны. Поэтому приядерную зону составляют лексемы *beast*, *forest* и *darkness*, которые являются контекстуальными синонимами только в рамках конкретного художественного произведения. Лексема *beast* (зверь) и её производная *beastie* на протяжении всего романа встречается 111 раз, лексема *darkness* (тьма) – 44 раза, а лексема *forest* (лес) – 40, несмотря на то, что сама лексема встречается 100 раз. Это связано с тем, что лексема «лес» используется как в прямом значении, так и в переносном. В нашем исследовании мы учитывали только переносное значение данной лексемы.

Для определения лексем в дальнюю и ближнюю периферии использовался метод количественной выборки. В ближнюю периферию были отнесены слова, которые встречались в романе больше 10 раз, а в дальнюю периферию – меньше 10.

Лексемы *fright*, *terror* и *awful*, которые встречаются преимущественно во второй части романа, составляют ближнюю периферию концепта «страх». Лексемы *awe*, *afraid*, *apprehension*, *startled*, *intimidate*, *dismal* составляют дальнюю периферию концепта.

В заключение стоит отметить, что для современных отраслей лингвистической науки проблема описания сущности концепта остается актуальной. Концепты отвечают за создание языковой картины мира, функцией которой является отражение понимания человеком окружающей его действительности. Индивид, группа индивидов или целая нация, по сути, живут не столько в мире вещей и предметов, сколько в мире концептов, которые были созданы с целью удовлетворения интеллектуальных, духовных и социальных потребностей. Изучением проблемного поля концептов, а также осмыслением способов лексикализации языковой картины мира занимается сравнительно молодая область лингвистики – когнитивная лингвистика.

Список литературы

1. Абдуллина Н.У. 2014. Определение термина «концепт» в современной лингвистической науке / Н.У.Абдуллина // Журнал Вестник Актюбинского университета им С. Баишева. – URL: <https://articlekz.com/article/12276> (дата обращения: 20.09.17).
2. Арутюнова Н.Д. О движении, заблуждении, восхождении / Н.Д.Арутюнова // Логический анализ языка. Космос и хаос: Концептуальные поля порядка и беспорядка. – М.: Индрик, 2003. – С. 3-12.
3. Аскольдов С.А. Концепт и слово / С.А.Аскольдов // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / Под рук. проф. В. П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 267-279.
4. Иванищева Ю.А. Исследование реализации концептов на разных языковых уровнях. URL: https://vuzlit.ru/915611/issledovanie_realizatsii_kontseptov_raznyh_yazykovyh_urovnyah (дата обращения: 11.11.2017).

5. Иванищева Ю.А. Концептуальные исследования в лингвистике. – URL: https://vuzlit.ru/915610/kontseptualnyu_analiz (дата обращения: 17.07.2017).
6. Карасик В.И. Лингвокультурный концепт как единица исследования / В.И.Карасик, Г.Г.Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Сб. науч. тр. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 75-79.
7. Кольцова Ю.Н. О структуре концепта как категории культурологии / Ю.Н.Кольцова // Язык и культура. Лингвистика, поэтика, сравнительная культурология, теория перевода / Под ред. Н.К.Гарбовского. – М.: МГУ, 2001. – 152 с.
8. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие; 3-е изд., перераб. и доп. / В.А.Маслова. – Минск: ТетрасСистемс, 2008. – 272 с.
9. Стернин И.А. Типы и концепты / И.А.Стернин // Концептуальное пространство языка: сб. научн. трудов, посвященных юбилею Н.Н.Болдырева / под ред. Е.С. Кубряковой. – Тамбов, 2005. – С. 257-282.

УДК 821.111

МЕТАФОРА «МИР ЕСТЬ ТЕКСТ» В РОМАНЕ П. АКРОЙДА «ПРОЦЕСС ЭЛИЗАБЕТ КРИ»

Теличко Т.Г., канд. филол. наук

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г.Донецк, ДНР
telitan903@gmail.com

В романе современного британского писателя П. Акройда «Процесс Элизабет Кри» (*Dan Leno and Limehouse Golem*, 1994) постмодернистская метафора «весь мир есть текст» реализована посредством важнейшего в романе топоса читального зала Британского музея. Как известно, для основного постмодернистского корпуса текстов характерно введение образов книги и библиотеки в контекст произведений, начиная с «Вавилонской библиотеки» Борхеса, который «открывает» целую череду знаковых для современной литературы имен (У. Эко «Имя Розы», М. Павич «Хазарский словарь», А. Байет «Обладать», А. Перес-Реверт «Клуб Дюма»).

В романе Акройда читальный зал Британского музея объединяет всех основных участников событий: «Всем, кто вольно или невольно был причастен к этой истории, доводилось здесь бывать – Карлу Марксу, Джорджу Гиссингу, Дэну Лино и, конечно, Джону Кри. Нелишне будет отметить, что зал посещала еще одна важная для нашего повествования особа <...>, Элизабет Кри» [1, с. 335]. Читальный зал предстает «духовным центром Лондона» [1, с.335], средоточием его тайны, расширяющейся в романе до масштаба тайны мира и человека. В самом начале романного повествования в одно и то же время в читальном зале сходятся: Карл Маркс, который, вынашивая замысел своей поэмы «Тайные печали Лондона», делит внимание между Теннисоном и «Холодным домом»

Диккенса; Джордж Гиссинг, готовя статью об аналитической машине Чарльза Бэббиджа, просматривает статьи об искусственном разуме; и Джон Кри, нашедший наконец свою великую тему – жизнь беднейших слоев – читает о Роберте Уизирсе, столяре из Хокстона, доведенного до отчаяния бедностью и уничтожившего всю свою семью [1, с.54-59].

Каждый из них достаточно парадоксальным путем идет к постижению тайны Лондона: философ-материалист – через поэзию, писатель – через науку, социально благополучный Джон Кри – через страдание беднейших слоев. Они читают текст о Лондоне и одновременно «создают» каждый свой «текст». Рефреном в этой сцене звучит фраза, которую мысленно повторяет Джон Кри: «Грандиозная книга о Лондоне еще не написана» [1, с.56].

Акройдовская «книга о Лондоне» как мир формируется с учетом основных векторов представленной в романе «совокупности текстов» [3, с. 48]: литература, наука, метафизика и документальные источники. Внутри этой текстовой мозаики обращает на себя внимание образ Голема, который становится воплощением *genius loci* Лондона, «собирателем» различных компонентов лондонского сверткста.

Структура образа Голема вбирает в себя метафизические отсылки (каббалистическая концепция «клиппот»); документальные свидетельства о жестоких убийствах в Лондоне, актуализирующих городской миф Лондона XIX века о Джеке Потрошителе; литературные отсылки (У. Блейк, Де Куинси, Ч. Диккенс, Р.Л. Стивенсон, А. Конан Дойл, Дж. Гиссинг, С. Моэм, Э. Золя, С. Лем); интертекстуальные отсылки к научным текстам (теория и практика Ч. Бэббиджа, социально-философские концепции И. Бентама, К. Маркса). Для лондонского текста в романе важным становится интермедийный аспект, реализованный через живописные (графика Пиранези, театральные декорации) и театральные аллюзии (Дэн Лино, Гримальди, Ч. Чаплин, топос мюзик-холла). Необходимо также отметить важность шекспировской метафоры «мир-театр» и ветхозаветный аллюзивный ряд.

Особое место в романе отводится интертекстуальному диалогу с Диккенсом. При этом «слово» Диккенса «заземляется» натуралистическими аллюзиями (С. Моэм, Э. Золя) и теорией «исчисления добра» Бентама и Бэббиджа, что дает основание судить о намеренном «отходе» Акройда от идеализма Диккенса. В результате этого парадоксального цитирования в романе возникает ощущение «мира без Диккенса», что добавляет тревожный оттенок в картину поздневикторианского Лондона, поскольку содержит аллюзию, связанную с угрозой расчеловечивания современной читателю цивилизации.

Таким образом, постмодернистская интертекстуальная игра автора в романе «Процесс Элизабет Кри» позволяет за внешней криминальной историей увидеть попытку художественного освоения «города как мира»

через лондонский свертхтекст XIX-XX вв. и дает возможность читателю включиться в процесс осмысления судеб цивилизации и человечества.

Открытый финал в романе (несмотря на казнь Элизабет Кри) приобретает концептуальный смысл, поскольку, по словам М.М. Бахтина, «ничего окончательного в мире еще не произошло, последнее слово мира о мире еще не сказано, мир открыт и свободен, еще все впереди и всегда будет впереди» [2, с. 187].

Список литературы

1. Акرويد П. Процесс Элизабет Кри: роман [Текст]/ Питер Акرويد; пер. с англ. Л. Мотылева. – М.: АСТ: Астрель: CORPUS, 2009. – 351 с.
2. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского [Текст] / М.М. Бахтин // Собрание сочинений: В 7 т. Т. 6. – М.: Русские словари. Языки славянской культуры, 2002. – 505 с.
3. Пьеге-Гро Натали Введение в теорию интертекстуальности [Текст] / Натали Пьеге-Гро. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 240 с.

УДК 821.111

АНДРОГИННОСТЬ В ПОСТКОЛОНИАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (С. РУШДИ, А. ДЕСАИ, Х. КУРЕЙШИ)

Чуванова О.И.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
lambent87@gmail.com

Вторая половина XX века обогатила мировую литературу немалым количеством произведений, которые критики относят к постколониальной литературе. Обычно под этим названием объединяют писателей, которые тем или иным образом связаны с бывшими колониями, являются эмигрантами в первом / втором поколении и испытывают влияние двух и более культурных традиций.

Произведения таких «пограничных» авторов имеют ряд схожих характеристик. Это касается творческого наследия британских писателей индо-пакистанского происхождения Салмана Рушди (рассказ «Гармония сфер» / «The Harmony of the Spheres»; сборник рассказов «Восток, Запад», 1994) и Ханифа Курейши (роман «Будда из пригорода» / «The Buddha of Suburbia», 1990), а также индийской писательницы с бенгальско-немецкими корнями Аниты Десаи (роман «Посты, пиры» / «Fasting, Feasting» (1999)). Все они отмечены вариациями андрогинности как неизменным маркером персонажа, переживающего кризис национальной идентичности в постколониальном мире.

Безусловно, андрогинность в исследуемых текстах перекликается с античной традицией. Так, андрогинны упоминаются в диалогах

древнегреческого философа Платона («Пир») и являются одним из наиболее распространённых образов в западноевропейской литературе модернизма и постмодернизма. Однако подобный образ встречается и в источниках восточного происхождения, а именно – в древнеиндийской мифологии и образцах древнего эпоса. Наблюдаются переключки не только с древним мифологическим божеством Праджапати, являющимся одновременно и матерью, и отцом различных существ/божеств, но и с зооморфными богами индийского пантеона, которые лишены первичного лика и оттого вынуждены восстанавливать свою целостность иным образом (миф о слоноподобном боге Ганеша). Особую роль играют многорукие и многоликие боги и демоны, упомянутые в древнеиндийском эпосе «Махабхарата» и «Рамаяна» (боги Шива и Кали; ракшас Равана).

Под андрогинностью мы понимаем стремление персонажей-мигрантов обрести целостность и самодостаточность (прежде всего – определить свою национальную и культурную принадлежность) либо путём единения с персонажами другого (или того же пола), либо воплощая в себе самих противоречивое единство двух сущностей.

Персонажи в указанных произведениях по-разному проявляют свойство андрогинности.

В первом случае настойчивое стремление к единению может рассматриваться как попытка восстановить внутреннюю гармонию и адаптироваться в чужом для мигранта мире.

Результат подобного стремления – дисгармоничный «андрогин», чей образ далёк от платоновского сферического (а значит – совершенного и полноценного) создания. Примеры находим в рассказе С. Рушди «Гармония сфер», в котором индеец Кхан и британец Э. Крейн безуспешно пытаются обрести утраченную целостность посредством выстраивания отношений друг с другом и своими супругами.

Во втором случае андрогинность реализуется в описании внешности персонажа, который может одновременно проявлять и мужские, и женские признаки. Так, в романе Аниты Десаи один из главных персонажей – долгожданный сын Арун – дублирует имя своей старшей сестры, Аруны, и с течением времени начинает внешне напоминать юную девушку. В данном случае и внешность, и повадки Аруна не только диссонируют с надеждой отца на продолжение рода, но и деформируют героический культурный пласт (намёк на родство имени Аруна и мужественного воина Арджуны из эпоса «Махабхарата»).

В-третьих, андрогинность определенно проявляется в сексуальной ориентации персонажа: поиски гармонии могут быть нераздельно связаны с поисками и выражением любви по отношению к людям обоих полов. В романе Ханифа Курейши «Будда из пригорода» главный персонаж Карим пользуется популярностью и среди юношей, и среди девушек. Намеренное нежелание Карима придерживаться традиций и устоев восточного мира

напрямую связано с неустойчивыми представлениями о своих корнях и попыткой «переписать» особенности своей национальности.

Персонажи упомянутых произведений по причине миграции или смешанного происхождения являются продуктом западно-восточного воспитания, что затрудняет их выбор в пользу одного из начал – мужского или женского. Однозначным становится тот факт, что ни один из персонажей не самодостаточен в рамках своей идентичности. А достигнутая (или изначально присутствующая в персонаже) андрогинность являет собой обманчивый и призрачный симулякр. Ожидаемая целостность «пограничного персонажа» (т.е. находящегося на границе между двумя и более культурами) оборачивается ещё большим расколом его сознания, крушением бытийной гармонии.

Список литературы

1. Desai A. *Fasting, Feasting* / A. Desai. – London: Chatto & Windus, 1999. – 228 p.
2. Kureishi H. *The Buddha of Suburbia* / H. Kureishi. – London: Faber and Faber; Boston, 1991. – 284 p.
3. Rushdie S. *East, West* / S. Rushdie. – London: Vintage, 1995. – P. 125-146.

Лингводидактика и методика преподавания иностранных языков

УДК 372.881.1

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ ПОРТРЕТ «ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ» В ТЕОРИИ И МЕТОДИКЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

Глоба Т.Н., канд. пед. наук, *Белых А.Я.*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
tat-globa@yandex.ru

Обучение иностранным языкам невозможно лишь на уровне овладения языковым кодом. Необходимо сформировать «поликультурную языковую личность», подготовленную к взаимодействию с представителями различных лингвокультур. Языковая личность – это личность, выраженная в языке и через язык, это совокупность способностей, определенных умений и навыков, коммуникативных, лингвистических, социокультурных, эмотивных компетенций, обуславливающих это взаимодействие [1, с. 64]. Эффективность формирования и развития такой личности зависит от того, насколько в процессе обучения иностранным языкам учитываются:

- существующие объективные закономерности, согласно которым происходит активный процесс усвоения иностранного языка;
- индивидуально-психологические особенности каждого учащегося.

Современная образовательная парадигма ставит во главу угла обучение как процесс открытия языка, как исследовательский и экспериментальный процесс. От бихевиоризма к когнитивизму, который стал ведущим принципом преподавания иностранных языков. И оптимальное овладение языком представляет собой применение последовательных систем когнитивных стратегий, учитывающих как «универсальность когнитивной деятельности учащегося» при его лингвистическом развитии на иностранном языке, так и «индивидуальность этого процесса» [4, с. 130]. Образование концепта лингвистического знания происходит по определенной схеме: наблюдение, абстрактная концептуализация, тренировка, коррекция, активизация, самокоррекция, интериоризация.

Но общая схема реализуется индивидуально. Это происходит путем использования индивидуального набора познавательных приемов и стратегий, когда учащийся выступает активным деятелем процесса обучения.

В рамках когнитивизма развился «коннекционизм», разъясняющий, как происходит процесс обработки информации в сознании обучающихся

[5, с. 259]. Следующая теория интеракционизма обращает внимание на личность учащихся в качестве «ключевого фактора» эффективности обучения иностранным языкам. Познание происходит через взаимодействие с другими обучаемыми, в результате чего студент составляет собственные представления о мире (ролевые игры, деловые игры, проектные работы и т.д.) и переходит на более высокий уровень познания. В рамках когнитивизма зародились следующие гипотезы:

- гипотеза идентичности, которая понимает процесс овладения иностранным языком как формирование активной, деятельностной, творческой личности;

- гипотеза усвоения материала и его естественного порядка;

- контрастивная гипотеза предполагает анализ двух языков (иностранного и родного) с целью прогнозирования возможных сложностей при изучении языковых явлений [3, с. 168]. Все эти гипотезы и определили коммуникативное направление в методике преподавания иностранных языков и сформировали коммуникативно-когнитивный подход к обучению иностранным языкам.

Итак, для эффективного процесса обучения иностранным языкам и формирования «языковой личности» преподавателю необходимо использовать различные направления и подходы в процессе преподавания иностранных языков. Но одной из важнейших тенденций современной педагогики является признание необходимости учета индивидуально-психологических особенностей каждого учащегося, которые, особенно, на первом курсе проявляют разный уровень слуховой дифференциальной чувствительности, неумения прогнозировать, выделять в материале необходимые для заполнения обобщающие признаки, ассоциировать слова и грамматические конструкции тематически и т.д. Коннекционизм объясняет, что информация хранится в головном мозге человека не локально, а распределяется по разнообразным ячейкам. И чтобы активизировать процесс запоминания, требуется активизация данных связей [2, с. 6]. Но коннекционизм не объясняет более сложные аспекты интеллектуальных способностей студентов, связанные с работой правого и левого полушарий, которая и определяет тип мышления учащихся. Доказано, что специализация больших полушарий головного мозга человека определяется способом переработки информации. Левое полушарие обеспечивает аналитический способ обработки информации, т.е. дедуктивное мышление. Правое полушарие использует синтетический способ обработки информации и обеспечивает эмоционально-образное, т.е. индуктивное мышление. И преподавателю необходимо понять такие индивидуальные особенности студента и учитывать их в своей работе. Каждый учитель самостоятельно выбирает, какие стратегии, приемы применять в конкретных ситуациях для создания психологической комфортности, которая максимально точно раскрывает резервные

возможности личности обучаемых как учащихся рационально-логического типа, так и учащихся с эмоционально-образным мышлением.

Таким образом, концепция лингвокогнитивного портрета «языковой личности» рассматривается в теории и методике обучения иностранным языкам как основа для выбора эффективных стратегий, подходов, методов и приемов, которые, в свою очередь формируют и развивают лингвокогнитивный портрет учащегося.

Список литературы

1. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С.Г.Воркачев // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64.
2. Львов М.Р. Языковая норма и культура речи (Теоретический аспект) / М.Р.Львов // Русский язык и культура речи. – 2006. – № 4. – С. 6.
3. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студентов высших учебных заведений / В.А.Маслова. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
4. Пискунова Е.Н. Формирование лингвистической компетентности студентов: диссертация кандидата педагогических наук: 13.00.01. Димитровград: Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова, 2010. – 231 с.
5. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э.Сепир. – М.: Прогресс, 1993. – 259 с.

УДК 378.147:81`1:37.091.26

КОМПЬЮТЕРНОЕ ТЕСТИРОВАНИЕ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ МЕТОД КОНТРОЛЯ ЗНАНИЙ СТУДЕНТОВ

Головина В.О., Гудова О.В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
skyo@mail.ru, golovina.victoria@yandex.ru

Введение. В современном мире владение иностранным языком является одним из важнейших условий для успешной профессиональной деятельности. Однако, в процессе овладения студентами языковой компетенцией преподаватели часто сталкиваются с проблемой выбора контроля знаний, так как существует множество форм контроля, каждый из которых имеет свои преимущества и недостатки.

Актуальность определяется важностью тщательного изучения разнообразных форм контроля, в частности, тестирования, которое в последние годы приобрело особую популярность среди преподавателей высших учебных заведений. Как отмечает А. Д. Жунусакунова, в наше время это является особенно актуальным, так как «педагогические тесты открывают перспективные направления повышения качества обучения

путем совершенствования системы контроля результатов обучения в условиях сотрудничества педагога и преподавателя» [2]. Существуют разные формы контроля знаний студентов, среди которых устный опрос, фронтальный опрос, итоговый контроль, перевод предложений с использованием изученных грамматических явлений и активного вокабуляра и т.д. На современном этапе в основном преподавателями используются два вида контроля: устный опрос и письменная работа. Тем не менее, устный опрос не всегда отражает полную картину усвоенного материала и его проведение обычно занимает много времени; письменная работа выполняется студентами за определенное время, но ее проверка требует от преподавателя большого количества времени. Оба эти методы могут не привести к объективной оценке полученных студентами знаний.

Цель настоящего исследования – рассмотрение преимуществ и недостатков компьютерного тестирования перед другими видами контроля знаний студентов в обучении иностранному языку.

Результат.

Выделяют тесты двух видов:

– с множественным выбором варианта ответа (закрытые тесты). Они представляют собой набор предложений с пропусками для вставки пропущенных слов и вариантами возможных вставок. С помощью этих тестов в основном хорошо закрепляется грамматический материал, а также изученный лексический материал по теме;

– с пропуском (открытые тесты): небольшие тексты, в которых сделаны пропуски для заполнения. Студенту необходимо самому понять, какое слово пропущено. Существуют также тесты, в которых дается слово, которое нужно использовать в правильной форме в зависимости от контекста. Такие тесты даются студентам, у которых уже достаточно высокий уровень владения иностранным языком.

Изучив функционирование компьютерного тестирования в процессе обучения, выделим несколько их основных преимуществ перед другими формами контроля:

– оценивание тестирования осуществляется сразу же по завершении студентом теста и может храниться на электронном носителе долгое время;

– возможность создания необходимого количества вариантов теста по изученным темам;

– составление тестов для студентов с разным уровнем языка по одной и той же изученной теме;

– отсутствует необходимость в тестах, напечатанных на бумаге и листах ответа. Это важно с точки зрения обеспечения секретности, так как подготовка бумажных вариантов теста занимает долгое время и обычно такие тесты готовятся несколькими людьми, что может привести к утечке информации еще до начала тестирования;

– компьютерное тестирование позволяет каждому студенту самому выбирать темп работы с тестом, при этом не забывать о фиксированном времени его окончания;

– тестирование, выполненное на компьютере, занимает обычно в два раза меньше времени, чем если оно выполняется на бумаге, что ведет к уменьшению усталости студента во время тестирования, что также является важным показателем в его результатах.

Любое тестирование, в том числе и компьютерное, содержит и ряд недостатков:

– использование тестирования не позволяет в полном объеме сформировать речевую компетенцию, т.е. умение последовательно излагать свои мысли, а также строить логические заключения на основе имеющихся знаний;

– полученные в результате тестирования данные о пробелах в знаниях не могут способствовать устранению этих пробелов. При устном ответе преподаватель ведет со студентом диалог, задает наводящие вопросы, заставляя студента проиллюстрировать практическими примерами имеющиеся у него теоретические знания;

– в тестировании всегда присутствует элемент случайности: студент, не ответивший на простой вопрос, может дать правильный ответ на более сложный вопрос. Причиной этого может быть простое угадывание ответа, особенно в тестах невысокого уровня сложности. Стандартные наборы тестовых заданий для большинства дисциплин разработаны в довольно простой форме и рассчитаны на выбор одного или нескольких правильных ответов из числа предложенных вариантов.

В **заключении** стоит отметить, что тестирование является неоднозначной формой контроля знаний студентов. В учебном процессе каждый преподаватель использует различные методы и формы обучения и контроля знаний, руководствуясь принципом их обоснованности. Использование компьютерных программ возможно только в случаях, когда они обеспечивают получение или контроль знаний, являясь наиболее продуктивными по сравнению с другими технологиями. Таким образом, именно тестирование является одним из эффективных инструментов контроля результатов обучения. Тем не менее, наиболее результативным является сочетание классической методики устного ответа с различными видами компьютерного тестирования.

Список литературы

1. Аванесов В.С. Композиция тестовых заданий / В.С.Аванесов. – М.: Центр тестирования, 2002. – 239 с.
2. Жунусакунова А.Д. Методы контроля и оценки результатов обучения в учебном процессе / А.Д.Жунусакунова // Молодой ученый, 2016. – №20. – С. 26-29.
3. Нохрина Н.Н. Система тестового контроля / Н.Н.Нохрина // Высшее образование в России. 2002. – №1. – С. 106-107.

**ОПТИМИЗАЦИЯ ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ
НЕЯЗЫКОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ
(НА ПРИМЕРЕ РАБОТЫ В ТЕХНИЧЕСКИХ ГРУППАХ
В НИУ МИЭТ)**

Грабарник К.Л.,

Юрченко Е.И., канд. социол. наук

Национальный исследовательский университет МИЭТ, г. Москва, Россия
mietonline@mail.ru

В настоящее время отношение к обучению иностранному языку значительно изменилось. Причинами этому явились многочисленные внутренние и внешние факторы. Стремительное развитие информационных технологий, геополитическая ситуация в стране, процесс глобализации – это лишь некоторые из возможных причин.

Итак, условия обучения, а также компетенции, которые необходимо выработать в процессе обучения иностранному языку студентов неязыковых специальностей в соответствии с новыми образовательными стандартами, имеют определенную направленность.

Цель курса иностранного языка – формирование коммуникативно-прагматической компетенции в устной и письменной формах делового общения. В рамках курса студенты должны научиться познавательной деятельности, раскрыть сущность учебного материала и даже выйти за его рамки, сформировать устойчивую мотивацию заниматься иностранным языком в дальнейшем. Для этого необходимо оптимизировать процесс обучения.

Как считает Ю.К. Бабанский, «оптимальный – это наилучший для имеющихся сегодня условий, для реальных возможностей учеников и учителя в данный момент, с точки зрения определенных критериев» [1].

Оптимизация не есть какой-то метод или прием обучения. Это целенаправленный подход к построению процесса обучения, при котором в единстве рассматриваются принципы обучения, особенности содержания изучаемой темы, арсенал возможных форм и методов обучения, особенности данного класса, его реальные учебные возможности и на основе системного анализа всех этих данных сознательно, научно обоснованно (а не стихийно, случайно) выбирается наилучший для конкретных условий вариант построения процесса обучения [2].

Методологической основой для разработки теории выбора оптимальных педагогических решений является системный подход. Только в том случае, когда при принятии решения учитываются все закономерные связи между компонентами системы, можно ожидать, что будет избран оптимальный вариант [4].

По мнению М.М. Поташника, реальные учебные возможности – это новое понятие, которое введено в теорию оптимизации. Реальные учебные возможности отражают в себе единство внутренних (здоровье, уровень знаний, развития мышления, отношения к учению, ответственность) и преломляемых личностью внешних условий (влияние семьи, сверстников) [5].

Общепризнанной классификацией критериев оптимальности является система Ю.К. Бабанского. Первым критерием оптимальности результатов учебного процесса в современных условиях принято считать достижение каждым учеником реально возможного для него в данный период уровня успеваемости, воспитанности и развитости, но не ниже удовлетворительного в соответствии с принятыми нормами оценок.

Вторым критерием оптимальности обучения является соблюдение учениками и учителями установочных для них норм времени на урочную и домашнюю работу.

Третьим критерием оптимальности обучения является затрата усилий учеников [3].

Необходимо помнить, что теория оптимизации не формулирует новых задач для процесса обучения, она учит находить наилучшие пути решения.

В современных условиях считают, что каждый учащийся усваивает материал на уровне своих максимальных (реально достижимых) возможностей в данный момент (на «отлично», «хорошо», «удовлетворительно»), одновременно продвигаясь вперед в своей воспитанности и развитости. Поэтому оптимизация обучения предполагает обязательное изучение реальных учебных возможностей обучаемых.

Педагогу важно знать не только сегодняшний уровень реальных учебных возможностей учащегося, но и зону их ближайшего развития, т.е. ему надо знать, какие задания, какого уровня трудности могут выполнить учащиеся при его направляющей помощи и руководстве.

«Оптимальным, – пишет академик Ю.К.Бабанский, – мы считаем процесс обучения, отвечающий одновременно следующим критериям: оптимальным, можно считать только такой учебно-воспитательной процесс, который протекает без перегрузки учащихся и учителей, работающих в то же время с максимально возможной для них отдачей [6]».

Применяя системный подход оптимизации учебного процесса при обучении студентов технических групп в Национальном исследовательском университете МИЭТ, мы пришли к выводам, что не существует единого оптимального пути решения для учебной дисциплины, так как каждая группа уникальна. Такие факторы как исходный уровень, мотивация и заинтересованность студентов являются во многом определяющими. Безусловно стоит отметить важную роль и таких факторов как заданное количество часов, отводимых на обучение иностранному языку в неязыковом вузе, наличие учебных материалов,

построение учебного процесса или методики обучения, наличие средств обучения и т.д.

Для осуществления индивидуального подхода студентам группы, а это, как правило, 25-27 человек, предлагается пройти тестирование с целью определения уровня владения языком. Как правило, в одной группе есть студенты как начального, так и продвинутого уровней. Дальнейшее обучение происходит с применением ИКТ.

Студенты разделяются на группы в соответствии с уровнем владения языком и выполняют задания в виртуальных классах, имея индивидуальный прогресс, а также возможность осуществлять коммуникацию с преподавателем как аудиторно, так и внеаудиторно, что немаловажно при изучении иностранных языков.

Таким образом, процесс обучения становится непрерывным, систематизированным, индивидуализированным, а значит, более эффективным для каждого обучающегося в группе.

Основными ресурсами, применяемыми нами для обучения студентов, являются:

-Google Classroom (аккумулирует в себе весь банк заданий)

-Readworks.org, breakingnewsenglish.com (содержат в себе тексты с заданиями разных уровней владения языком)

-Quizlet (платформа для эффективного запоминания новых слов)

Применение современных технологий и ресурсов не только повышает эффективность обучения иностранным языкам, но и мотивирует студентов к выполнению заданий. Как правило тексты, разработанные на указанных ресурсах, являются современными, чаще всего основанными на реальных новостях из различных сфер жизнедеятельности человека. Многие обучающие сайты имеют мобильные приложения, позволяющие студентам обучаться и выполнять задания в любой момент.

Список литературы

1. Бабанский Ю.К. Оптимизация процесса обучения (общедидактический аспект) / Ю.К.Бабанский. – М.: Педагогика, 1977.
2. Бабанский Ю.К. Рациональная организация учебной деятельности / Ю.К.Бабанский. – М.: Знание, 1981.
3. Бабанский Ю.К. Оптимизация учебно-воспитательного процесса / Ю.К.Бабанский. – М.: Просвещение, 1982.
4. Бабанский Ю.К. Избранные педагогические труды / Ю.К.Бабанский. – М.: Педагогика, 1989.
5. Поташник М.М. В поисках оптимального результата / М.М.Поташник. – М.: Педагогика, 1988.
6. Бабанский Ю.К. Оптимизация процесса обучения / Ю.К.Бабанский. – М., 1977. – 60 с.

ПРЕИМУЩЕСТВА ЭЛЕКТРОННОГО УЧЕБНИКА ПРИ ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ В ВУЗЕ

Коняева Л.А., канд. педаг. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет», г. Кемерово, Россия

loudmillakoni@mail.ru

В полилингвокультурном обществе эффективность обучения языкам тесно связана с лингвокультурологической концепцией лингвистического образования, в центре которой лежит идея взаимосвязанного изучения языка и культуры. Соизучение языка и культуры, выработка не только языковой, но и коммуникативно-культурологической компетенции становится генеральной линией и основной целью обучения иностранным языкам. Актуальность авторской разработки обусловлена распространением интернета и тем фактом, что возможности электронных учебников в преподавании недостаточно разработаны и освоены. Распространение интернета может обеспечить студентов практикой разговорной речи. Использование мультимедиа технологий в образовательной деятельности сегодня одна из самых новых и актуальных проблем педагогики XXI века – века стремительной компьютеризации, технических достижений, постоянного роста и совершенствования технологий информатизации – приобретает особое значение.

Современные технологии передачи информации открывают перед педагогами совершенно новые возможности. Мультимедиа – это технология, позволяющая объединить данные, звук, анимацию и графические изображения, переводить их из аналоговой формы в цифровую и обратно. Приобщение к информационной культуре – это не только овладение компьютерной грамотностью, но и приобретение этической толерантности, эстетической, культурологической и интеллектуальной чуткости. Не вызывает сомнений то, что обучаемые могут с легкостью овладевать способами работы с различными электронными, компьютерными новинками, при этом важно, чтобы они не попали в зависимость от компьютера, а ценили и стремились к живому, человеческому эмоциональному общению [4].

Электронный учебник – это новая педагогическая реальность, его цель – обеспечение и сопровождение учебного процесса. Это инструмент изучения любого иностранного языка, который позволяет решить проблему нехватки аутентичной речи и устного общения на практике. Можно выделить общие цели электронных учебников: дидактическая, информационная, коммуникативная. Такой учебник может предоставлять студентам возможность выполнения разнообразных видов деятельности –

от простых, элементарных тренировочных, контрольных заданий и тестов, до творческих, направленных на развитие и активизацию разных способностей обучаемого или типов интеллекта по Говарду Гарднеру [1].

Электронный учебник – интеллектуальный продукт, построенный по принципу гипертекста, он может быть размещен в депозитарии электронной информационно-образовательной среды университета – сайте, где расположены самостоятельные разработки преподавателей по предметам и другие учебные материалы, к которым у обучающихся имеется свободный доступ. У подавляющего большинства современных студентов имеются смартфоны и планшеты, это позволяет использовать подобные электронные учебники в обычных аудиториях, а не только в компьютерных классах. Рефлексируя, студенты осознают необходимость серьезного, глубокого и всестороннего изучения английского языка, и в то же время, испытывают чувство удовлетворения от успешного применения полученных в школе знаний. Представленный материал выстроен в логической последовательности и способствует активности учебной деятельности, познавательных интересов студентов, формированию самостоятельного мышления. Преимуществом данной работы является адекватное использование приёмов и методов развития познавательной самостоятельности студентов, гармоничное сочетание принципа научности с принципом доступности, принципа наглядности с принципом абстрактности, а используемые средства ИКТ облегчают усвоение материала. Электронный учебник «Грамматика английского языка: практикум: мультимедийные учебные материалы» зарегистрирован ФГУП НТЦ «Информрегистр», имеет Регистрационное свидетельство № 36771, ссылка в библиотеке Кемеровского государственного университета:

<http://edu.kemsu.ru/res/res.htm?id=15097>. Составители учебника участвовали в разных Международных конкурсах, награждены дипломами, а в Общероссийском конкурсе «Университетская книга» (г. Москва) электронный учебник был признан «Лучшим электронным изданием по функциональности».

Электронное издание может быть использовано при личностно-ориентированном обучении: в команде, ситуативном, индивидуальном обучении, как база для самостоятельной работы, на основе совместной деятельности, решения проблемных ситуаций, проектном методе и т.д.; широкий спектр сопутствующих аутентичных видео- и аудиоматериалов имеет значительные дидактические возможности; учебные материалы интернет-среды озвучены носителями английского языка и организованы по принципу «от простого к сложному»: найдены приёмы, которые делают усвоение сложного материала доступным, понятным, интересным; гипертекстовые ссылки обеспечивают более широкую и гибкую доступность теоретических материалов и упражнений, т. к. студенты получают значительно больше возможностей экстенсивного использо-

вания всего массива аутентичного учебного контента; возможно внеаудиторное обучение, самообразование посредством практики. Тематическая подборка соответствует требованиям ФГОС [3, 530].

Цели и задачи электронного учебника: – формирование, развитие и совершенствование коммуникативной компетенции студентов; – стимулирование процесса формирования и порождения ими собственных мыслей, идей и поиска эффективных грамматических и языковых средств и форм их адекватного выражения в процессе коммуникации; – развитие заинтересованного, свободного, творческого общения на иностранном языке в среде аутентичности, релевантности и интерактивности; – активизация, закрепление и расширение знаний по английскому языку, приобретенных в школе, дальнейшее развитие общей лингвистической компетенции и улучшению результатов учебной деятельности; – создание оптимально комфортных условий для формирования навыков работы в новом формате и подготовка студентов к овладению теорией и практикой коммуникативной грамматики; – мотивирования студентов к осуществлению коммуникативной деятельности с учётом их интересов и на уровне, соответствующем требованиям ФГОС. Данный электронный дидактический материал может быть использован в образовательных заведениях инновационного типа при обучении основным темам грамматики иностранного языка от начального до продвинутого уровней.

Преимущества электронного издания «Грамматика английского языка»: – создаются комфортные условия для успешного овладения аутентичным учебным материалом на основе принципа наглядности, реализующегося благодаря широким возможностям – цвет, видео, музыка, графика, красочные и забавные рисунки, анимация; – способствует оптимизации учебного процесса, более заинтересованному и глубокому усвоению сложного грамматического материала; – является неисчерпаемым ресурсом аутентичных интернет – источников для самостоятельной работы – «квизы», тесты, блоги, новые образовательные сайты, аудио- и видеофайлы для аудирования, перевода, порождения высказывания, имитирующего аутентичное, в искусственной языковой среде; – оживляется рутинная работа преподавателя по контролю знаний студентов. Использование электронных учебников при обучении иностранному языку в вузе имеет несомненные плюсы. Аудитория университета становится информационной образовательной средой, исследовательским пространством, которое предоставляет больше свободы студентам фокусироваться на их предпочтениях и интересах в рамках программы. Обеспечивается возможность успешной работы в различных режимах коммуникации. Новейшие мультимедийные технологии позволяют быстро и эффективно освоить все виды речевой деятельности, например, освоить правильное произношение, имитируя фонетическое, ритмическое и интонационное звучание устной речи носителей языка после многократного

прослушивания. Каждому обучающемуся предоставляется возможность для эффективного индивидуального взаимодействия между преподавателем и студентами, которым требуются советы и руководство.

Список литературы

1. Гарднер Г. Структура Разума. Теория множественного интеллекта / Г.Гарднер. – М.: ООО «И.Д. Вильямс», – 2007. – 512 с.
2. Горчеева А.И. Аббревиация в интернет – языке как социолингвистическое явление // Молодой ученый. – 2018. – №2. – С. 241-245. – URL: <https://moluch.ru/archive/188/47722/> (дата обращения: 26.09.2018)
3. Коняева Л.А. Использование ИКТ на уроках иностранного языка в вузе (на примере образовательного блога) / Л.А.Коняева // Сборник Категория «социального» в современной педагогике и психологии: Мат-лы 4-й всерос. н-пр. конф.- Тольятинский госуд. у-нт. – Научно-образ. центр «Перспектива». – 2016. – С. 529-533.

УДК 378.147147.159.9

АНАЛИЗ ВНУТРЕННЕЙ МОТИВАЦИИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА В ДОНЕЦКОМ МЕДИЦИНСКОМ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ЛИЦЕЕ-ПРЕДУНИВЕРСАРИИ

Косенкова-Дудник Е.А., Якобчук А.В., Парамонова Т.И.

ГОО ВПО «Донецкий национальный медицинский университет имени М.Горького»,
г. Донецк, ДНР
eldudnyk@mail.ru

Введение. Одной из основополагающих целей усовершенствования современной средней школы является воплощение идей углубленного образования, которое даст возможность учащимся получить обширные и прочные знания по профильным дисциплинам, сформировать навыки самостоятельной когнитивной деятельности и сориентировать в широком круге проблем, связанных с выбранной профессией. Концепция организации системы образования на основе принципа непрерывности обучения является относительно новой, однако имеются все предпосылки для создания целостной многоуровневой подготовки специалиста, который будет не только носителем специальных знаний.

Актуальность. С древних времен и до наших дней изучение и познание медицины немислимо без базисных знаний терминов, понятий и выражений на латинском языке. Язык, именуемый «мертвым», продолжает верно служить человечеству и мировой цивилизации. В связи с этим приведем высказывание А.В. Подосинова, автора учебника латинского языка: «Если латынь и «мертва», то ее «смерть» – была прекрасной – она «умирала» тысячу лет и оплодотворила большинство европейских языков» [3, с.3].

Прежде всего, использование латыни является данью традиции. Одной из причин неумирающего использования латинского языка в медицине является его универсальность. В средние века Европа была раздроблена на десятки государств, в каждом из которых был свой язык, точнее, свои языки. Когда появились первые университеты, в которых учились представители разных государств, объединяющим началом стала латынь, которая облегчила общение философов, врачей, юристов [2, с. 168].

Осознание лицеистами важности изучения латинского языка, перспективы ее использования, связи с профессиональными дисциплинами является мощным фактором эффективности усвоения сложной терминологической лексики, способствует формированию профессионально-терминологической компетентности будущего медицинского работника [1, с. 26].

Цель работы – проанализировать доминирующие мотивы при изучении латинского языка учащимися Донецкого медицинского общеобразовательного лицея-предуниверсария, выявить направленность учебной мотивации и уровень внутренней мотивации.

Результаты и обсуждение: С целью анализа мотивации при изучении латинского языка нами был проведен мониторинг учеников 11-х классов ДМО Лицея-предуниверсария ГОО ВПО ДонНМУ им. М. Горького. Одним из видов мониторинга мы выбрали анкетирование. Всего в опросе приняло участие 95 учеников, которым предлагалось ответить на следующие вопросы и выразить свое отношение к изучению латыни:

1. Считаете ли Вы, что изучение латинского языка является обязательным в лицее.
2. Считаете ли Вы, что нет необходимости в отдельной дисциплине, поскольку медицинская терминология в университете изучается и на занятиях по профильным дисциплинам.
3. Латинский язык мне интересен, и я хочу знать его как можно лучше.
4. Домашние задания мне неинтересны; я их выполняю, потому что этого требует учитель.
5. Возникающие трудности делают дисциплину для меня еще более увлекательной.
6. Самостоятельно выполняю все задания по предмету.
7. По возможности пытаюсь списать у своих одноклассников.
8. Для меня главным импульсом изучения латинского языка является желание получить хорошую оценку в аттестате.
9. Когда я не понимаю материал на занятии, я даже не пытаюсь овладеть им самостоятельно.
10. Мне не важно, какую дисциплину изучать, я стремлюсь быть лучшим в учебе среди одноклассников.
11. Дополнительные разъяснения сложных примеров, возможно, повысили бы мой интерес к изучению предмета.

Проведем анализ полученных данных. Абсолютное большинство учащихся (94,3 %) считают обязательным изучение латыни в медицинском лицее. Несколько меньший процент опрошенных (81,5 %) отмечают необходимость в отдельной дисциплине «Латинский язык», а 69,2 % – проявляют заинтересованность в ней. Тем не менее, 25,5 % лицеистов полагают, что латинской терминологией можно овладеть на занятиях по профильным дисциплинам, а 18,2 % – вообще не видят перспективу в изучении «мертвого языка», ставят под сомнение его практическое применение.

Такое распределение свидетельствует в пользу осознания лицеистами роли латинского языка в формировании профессиональной компетентности будущего врача. Однако, мотивы изучения дисциплины разнятся: 85,4 % школьников признают, что латынь необходима им для будущей профессиональной деятельности; вместе с тем 64 % утверждает, что главным стимулом изучения латыни для них является желание получить отличную отметку в аттестате, а для 39,8 % – это стремление быть лучшим среди сверстников, при этом, какую именно дисциплину изучать – им не важно. Таким образом, довольно весомый процент респондентов руководствуется при изучении дисциплины внешними стимулами (мотивами самоутверждения в коллективе и т.п.).

Достаточно интересным оказывается расхождение в понимании объективной необходимости изучения латинского языка (96,3 %) и субъективного отношения к соответствующей дисциплине, ведь лишь 61,1% избрали бы ее, при условии возможности выбора. Такой результат, вполне возможно, может быть объясним сложностью самого предмета, предопределенной как его абсолютной новизной, так и спецификой дисциплины. При осознании необходимости и желании изучать латынь лицеист сталкивается с проблемами учебного материала, который зачастую снижает заинтересованность к предмету. Так лишь 15,3 % анкетированных заявили, что трудности, делают для них эту дисциплину еще более привлекательной, соответственно для 84,7 % школьников такие трудности не являются позитивным толчком при изучении латинского языка.

Относительно домашних заданий, то лишь половина опрошенных лицеистов (51 %) выполняет их самостоятельно; 29,3 % признали, что могут выполнять их самостоятельно, но вынуждают себя это делать; 19,7 % сознаются, что задание им неинтересны и выполняются лишь потому, что это требует преподаватель, а 20 % – вообще пытаются списать их у одноклассников.

Несмотря на то, что 69,2 % студентов ответили, что эта латынь им интересна, и они хотят знать как можно больше, для подавляющего большинства (66,8 %) достаточно тех знаний, которые они получают на занятиях и только 25,5 % читает дополнительную литературу по латинскому языку.

Отметим, что явно выраженного негативного отношения к дисциплине не прослеживается, всего лишь 12,8 % безразлично относятся к занятиям.

Выводы: анализ полученных данных свидетельствует о том, что среди обучающихся в Донецком медицинском общеобразовательном лицее-предуниверсарии при изучении латинского языка преобладает средний уровень внутренней мотивации. При высоком уровне осознания необходимости изучения латыни, показатели учебной мотивации предопределены факторами как объективными (трудность самого предмета), так и субъективными (леность, пассивность, избегание нелёгких моментов). Анализ данных исследования подтвердил потребность поиска конструктивных методов для оптимизации учебного процесса, одним из путей которой может быть усовершенствование традиционных средств обучения.

Список литературы

1. Балалаева О.Ю. Дослідження мотивації вивчення латини студентами-ветеринарами / О.Ю.Балалаева // Науковий вісник Національного університету біоресурсів і природо- користування України: Серія «Педагогіка. Психологія. Філософія». – К.: Видавничий центр, 2014. – Вип. 199. – Ч. 2. – С.25-33.
2. Сокол А.Ф. О значении латинского языка в формировании профессиональной и общей культуры врача / А.Ф.Сокол, Р.В.Шурупова // Здоровье и образование в XXI веке. 2016. №7. [Электронный ресурс]. – Режим доступа URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/o-znachenii-latinskogo-yazyka-v-formirovanii-professionalnoy-i-obschey-kultury-vracha> (дата обращения: 10.05.2017).
3. Подосинов А.В. Lingua Latina. Введение в латинский язык и античную культуру / Н.И. Щавелева. – М., 1998. – С. 3- 4.

УДК 811:378.146/.147

МЕТОДЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Мариненко Л.А., Жданова Е.В., Еромьянц И.С., Колесникова Е.Ю.
inostrannie-yaziki@dnmu.ru

В системе современного образования иностранный язык является важным средством общения, познания мира и расширения этого мира. Знание иностранного языка становится все более востребованным в интеллектуальной и практической деятельности человека. Знание иностранного языка должно обеспечивать доступ к зарубежным источникам информации, без чего в настоящее время невозможна практическая и научная деятельность специалиста. Поэтому необходимо

искать пути повышения эффективного изучения иностранного языка в высшей школе.

В условиях современного образовательного процесса важно развить интерес к накоплению знаний, инициировать понимание ценности изучения иностранного языка как способа расширения жизненного и профессионального пространства. Иностранный язык является залогом успеха, будущей удачной карьеры студентов. Достижение высокого уровня владения иностранным языком возможно при фундаментальной языковой подготовке в высшей школе. Преподавателю важно знать новые методы преподавания иностранного языка, специальные учебные техники и приемы, чтобы оптимально подобрать тот или иной метод преподавания в соответствии с уровнем знаний, потребностей, интересов студентов. Целью данной статьи является обзор современных методов преподавания иностранных языков в высшей школе. Их мотивированное и рациональное использование на занятиях иностранного языка основывается на творческом подходе преподавателя.

Языковое образование постепенно модернизируется путем внедрения модульно-рейтинговой системы обучения иностранным языкам. Это ставит к преподаванию и преподавателю иностранного языка в вузах новые требования. Целью обучения иностранному языку в высшей школе на современном этапе является овладение студентами коммуникативными компетенциями, позволяющие реализовать их знания, умения, навыки для решения конкретных коммуникативных задач в реальных жизненных ситуациях. Студенты должны быть подготовлены на основе качественного современного аутентичного учебного материала к сознательному использованию иностранного языка в дальнейшей жизни и работе. На вузы возлагается ответственность в качественном обеспечении студентов комплексом языковых знаний, умений, навыков, и это, прежде всего, требует от учебного заведения систематически обеспечивать заведение надлежащей материально-технической базой, создавать условия для повышения квалификации своих педагогических работников. Качественная языковая подготовка студентов возможна при условии использования современных образовательных методов. Современные образовательные методы – это профессионально-ориентированное обучение иностранному языку, применение информационных и телекоммуникационных технологий, работа с учебными компьютерными программами по иностранным языкам (система мультимедиа), дистанционные технологии в обучении иностранным языкам, занятость в обучении создания презентаций, использование ресурсов интернета, обучение иностранному языку в компьютерной среде (электронная почта форумы, блоги), новые тестовые технологии. На современном этапе развития методической науки основными методами обучения иностранным языкам являются коммуникативные и конструктивистские

методы. Учебной целью коммуникативного метода является овладение коммуникативной компетенцией. Учебное содержание представлено текстами, которые должны показывать конфликты, которые побуждают студента к высказыванию собственного мнения. Язык становится средством коммуникации. Упражнения имеют коммуникативные направления. Учебная цель конструктивистского метода – активное обучение студентов. Задача преподавателя способствовать учебному процессу. Занятие ориентируется на действие. Учебное содержание: близость к действительности студентов, студентов побуждают самостоятельно конструировать свои знания. К современным методам обучения можно отнести: обучение с компьютерной поддержкой (CALL), метод сценария (story line method), метод симуляций, метод карусели, метод обучения по станциям, метод групповых пазлов, метод ролевой игры, метод «Кейс-стади» (работа над проблемными ситуациями, когда студенты анализируют ситуацию, представляют свои идеи и варианты решения проблемы в ходе дискуссии). Метод сценария (story line method). Данный метод основан на сочетании запланированных учебных смыслов. Студенты делают свой вклад в создание истории. Этот метод обходится без текстовых учебников. Речь идет о творческом планировании, подборе гипотезы, систематизации и презентации работы. Этот метод содержит также элементы ролевой игры. Преподаватель задает рамки действия и представляет отдельные эпизоды. Ученики ставят свои вопросы и находят сами на них ответы. Проектное обучение представляет собой организацию работы над проектом. Проектный метод ориентирован на действие, работу в команде, самоорганизацию студентов, ситуативную направленность, соотнесенность с реальной жизнью. Метод обучения по станциям представляет собой работу студентов над учебным материалом, который упорядоченный в виде станций (студенты получают рабочие планы с обязательными и выборочными задачами). При методе обучения по станциям студенты имеют возможность выбора по распределению времени, последовательности выполнения задач и социальной формы, (индивидуальная работа, парная работа, групповая работа). Работа по станциям позволяет осуществлять дифференциацию по способностям, интересам студентов, по степени сложности задачи. Метод симуляций представляет собой участие в различных симуляционных бизнес-играх, которые предоставляют студентам возможность отрабатывать свои навыки, применять знания с целью решения тех или иных задач, которые имитируют реальные ситуации. Симуляция предоставляет возможность студентам попробовать себя в определенной роли. Перед участниками игры ставят определенные задачи. Симуляции характеризуются высокой степенью заинтересованности участников, они погружаются в игру, воплощаются в свою роль, болеют за результат работы, поскольку от командного духа, скорости принятия решений зависит общий результат

игры. Благодаря симуляции формируется навык стратегического планирования студентов, развивается умение работать в команде. Симуляции упорядочивают знания учащихся, готовят их к необходимости принятия в будущей деятельности быстрых и мотивированных решений. Метод ролевой игры является активным методом обучения, средством развития коммуникативных способностей студента. Ролевая игра связана с интересами студентов, является средством эмоциональной заинтересованности, мотивации учебной деятельности. Ролевая игра выступает активным способом обучения практическому владению иностранным языком, помогает преодолеть языковые барьеры студентов, значительно повышает объем их речевой практики. Метод ролевой игры ориентирован на обучение в действии. Существует большое количество форм ролевой игры на занятиях иностранного языка.

Следует сделать вывод: преподавателю сегодня важно постоянно совершенствовать свои знания о методах обучения иностранным языкам, внедрять новые концепции в свою преподавательскую практику.

Список литературы

1. Волкова Н.П. Педагогика: Учебное пособие / Н.П.Волкова. – М.: Академвидов, 2007. – 616 с.
2. Гальскова Н.Д. Современная методика обучения иностранному языку: Пособие для учителя / Н.Д.Гальскова. – М.: АРКТИ-Глосса, 2000. – 165 с.
3. Кузьминский А.И. Педагогика: Учебник / А.И.Кузьминский, В.Л.Омельяненко. – М.: Знание-Пресс.2008. – 447 с.
4. Чеснокова Н.Е. Проблемы обучения специальности студентов неязыковых вузов / Н.Е.Чеснокова // Педагогика высшей школы. – 2016-№1 – С.77-81.

УДК 37.014.1

ВЛИЯНИЕ ГРАММАТИКО-ПЕРЕВОДНОГО МЕТОДА НА ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Маслёнкина Н.Г., канд. ист. наук

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г.Донецк, ДНР

В настоящее время иностранный язык является не только важнейшим средством международного общения, но и существенной составляющей успешной карьеры студентов неспециальных факультетов. Высокий уровень владения иностранным языком предполагает качественную языковую подготовку в высшей школе, формирует человека как личность и способствует ее развитию во всех сферах жизни. На сегодняшний день в высшей школе существует большое количество современных методик преподавания иностранного языка. К их числу относится и грамматико-

переводной или классический метод. Метод направлен на формирование у студентов навыков чтения и перевода учебных текстов путем изучения грамматических правил, а также на развитие логического мышления с помощью упражнений и письменной речи.

Предметом исследования выступают средства обучения и методические приемы, которые используются в процессе обучения иностранному языку и направлены на улучшение эффективности преподавания.

Объектом исследования является грамматико-переводной метод.

Цель работы заключается в том, чтобы изучить влияние грамматико-переводного метода на качество усвоения знаний студентов неязыковых специальностей в процессе обучения иностранному языку.

Актуальность исследования обусловлена насущной необходимостью в современных эффективных образовательных технологиях. Методисты и лингвисты, занятые проблемой улучшения качества знаний студентов, находятся в постоянном поиске наиболее эффективных методик преподавания иностранных языков. Этот факт подтверждается на практике наличием значительного количества научных работ, учебной и методической литературы.

К изучению особенностей грамматико-переводного метода в разное время обращались, как российские, так и зарубежные методисты: А.Н. Щукин, Н.Е. Кузнецова, Е. А. Рябова, М Левис, В. Тома и др. Они считали, что в обучении с использованием грамматико-переводного метода основное внимание должно уделяться изучению именно грамматических правил, которые развивают логическое мышление у студентов, способствуют более успешному чтению и переводу учебных текстов, а также помогают распознавать и объяснять то или иное грамматическое явление в письменном контексте. Грамматико-переводной метод является одним из основных в современной системе образования [4, с. 51].

Основы этого метода были заложены И. Мейдингером и Г. Оллендорфом в конце XVIII-го века. Он был широко распространен во многих странах Европы. Представители грамматико-переводного метода считают, что изучение иностранного языка должно иметь общеобразовательное значение и сводится к развитию логического мышления в результате систематического изучения грамматики [5, с. 234]. Тогда целью обучения иностранному языку, по их мнению, в рамках грамматико-переводного метода становится повышение уровня общего образования студентов, развитие логической догадки в результате перевода текстов и выполнения многочисленных упражнений, имеющих грамматическую направленность [3, с. 92]. Метод предусматривает подробное ознакомление с грамматической системой языка.

Единицей изучения грамматики является правило, которое необходимо понимать и уметь применять на практике. При этом важно вырабатывать у студентов навыки находить и различать грамматические конструкции в текстах с дальнейшим их объяснением.

В рамках грамматико-переводного метода обучения иностранному языку выделяется так называемый «контекстный подход», согласно которому все грамматические правила иллюстрируются на примерах в устном или письменном контексте. Примеры показывают, как то или иное языковое явление употребляется носителями языка в соответствующих коммуникативных ситуациях. Для снятия дополнительных трудностей предусматривается изложение всех грамматических правил и заданий с упражнениями на родном языке, которые в системе грамматико-переводного метода играют центральную роль. Главной целью обучения является чтение текстов и их перевод на родной язык, что достигается через знания грамматики. В этом и заключается суть грамматико-переводного метода.

Проанализировав особенности обучения иностранному языку при помощи грамматико-переводного метода, его сторонники обосновали его основные принципы [2, с. 87].

1. В основу обучения должна быть положена грамматика, овладение которой позволяет переводить тексты и выполнять упражнения грамматической направленности.

2. В качестве ведущих средств обучения рассматриваются синтез и дедукция. Сначала студенты должны заучивать слова и грамматические правила, а затем на их основе учиться конструировать предложения.

3. Основным приемом раскрытия значений лексических единиц и грамматических форм является дословный перевод, а средством их хранения в памяти есть заучивания наизусть.

Однако такое использование метода не может оказать положительного влияния на уровень усвоения знаний, как грамматики, так и лексики.

Дидактический материал, на котором строится обучение, составляют тексты, переводимые на родной язык с последующим анализом грамматических структур и лексики. Они служат средством ознакомления студентов с чужой иноязычной культурой и отражают ее специфику [1, с. 56].

Таким образом, вышеуказанные характеристики и принципы обучения свидетельствуют о том, что грамматико-переводный метод имеет, как свои преимущества, так и недостатки. Этот метод позволяет усваивать грамматику на достаточно высоком уровне, способствует развитию логического мышления у обучающихся, для которых является естественным восприятие языка как совокупности грамматических формул. Главными преимуществами грамматико-переводного метода являются некоторые приемы работы с текстом (анализ и перевод трудных мест, поиск в тексте изученного лексического, грамматического материала и др.).

Список литературы

1. Беленкова Н.М. Интерпретация традиционного метода обучения иностранным языкам зарубежными методистами / Н.М.Беленкова. – М.: Феникс, 2017. – 163 с.
2. Кузнецова Н.Э. Современные методики преподавания иностранного языка в высших учебных заведениях / Н.Э.Кузнецова. – М.: Высш. шк., 2010. – 172 с.

3. Рябова Е.А. Переводные методы обучения / Е.А.Рябова. – Н. Новгород, 2007. – 210 с.
4. Теория и методика преподавания иностранных языков. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 288 с.
5. Щукин А.Н. Обучение иностранным языкам: Теория и практика / А.Н.Щукин. – М.: Филоматис, 2004. – 416 с.

УДК 811.11:378.961:378.146/.147

РОЛЬ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В ИНТЕГРАЦИИ ИНДИВИДА С МЕЖДУНАРОДНОЙ КУЛЬТУРНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СРЕДОЙ

Мерхелевич Г.В., канд. пед. наук

Учебно-методический комплекс иностранных языков АРПИ, г. Донецк, ДНР,
ГОУ ВПО Донецкий национальный университет, г. Донецк, ДНР
info@arpi.com.ua, ktrp@mail.ru

Введение. Основной предпосылкой для решения проблемы повышения степени интеграции гражданина Донбасса и Российской Федерации (*далее* – индивида) с международным информационным культурно-профессиональным пространством являются следующие проблемы: проблема обеспечения смысловой *адекватности* восприятия иноязычной информации на языке ее изложения, то есть без перевода на родной язык; проблема качественной *передачи* смыслового содержания иноязычной информации средствами родного языка; проблема качественной *передачи* информации средствами иностранного языка.

Актуальность и социальная значимость данной проблемы обуславливается необходимостью непрерывного повышения степени *информированности* индивида о *достижениях, изменениях, тенденциях* и *прогнозах* возможного *развития* в области его персональных и профессиональных интересов, а также формированием у индивида *способности* передавать средствами иностранного языка информацию о собственных *достижениях, проблемах* и предлагаемых путях их *решения*.

Назначение настоящей статьи – поиск путей и формулирование принципов формирования у индивида любого возраста и социального положения способности к полноценной адаптации к условиям иноязычной информационной среды без помощи родного языка.

Особенности методологического подхода. Предлагаемый методологический подход предполагает достижение и последующее сохранение индивидом состояния *полноценного* владения иностранным языком на основе своей полной *разговорной* и *познавательной* самостоятельности. Наличие такой *самостоятельности* обуславливает

полную субъективную *независимость* индивида от необходимости обращаться по завершении курса обучения иностранному языку за помощью к преподавателям иностранного языка, переводчикам и учебно-методическим материалам. Такая независимость формируется и в дальнейшем поддерживается за счет *непрерывности* процесса обращения индивида с информацией, относящейся к области интересов и увлечений, не имеющих отношения к его профессиональной деятельности.

Основной и решающей особенностью предлагаемого *психолого-педагогического* подхода является уникальная возможность избавления индивида от его неподготовленности к полноценному устному общению (*разговорная самостоятельность*) и другим формам обращения с информацией на иностранном языке путем обучения его иностранному языку как инструменту обмена информацией в устном и письменном виде вместо традиционного изучения этого языка как учебной дисциплины.

Охватывая любые жизненные этапы личностного и профессионального развития индивида, предлагаемый подход и основанный на нем учебно-методический комплекс позволяет формировать разговорные и познавательные навыки на принципиально новом уровне и сохранять их на протяжении всего периода активной жизнедеятельности.

Основная цель (цель первого порядка): объединение усилий в содействии формированию у граждан Российской Федерации и Республик Донбасса способности к полноценной адаптации к условиям иноязычного культурно-профессионального информационного пространства с целью обмена постоянно обновляемой информацией без помощи родного языка.

Сопутствующая (производная) цель (цель второго порядка): сохранение чистоты русского языка от засорения псевдонеологизмами вследствие некачественного перевода, обусловленного непрофессионализмом переводчиков [1].

Предпосылки к исследованию и решению проблемы:

1) *противоречия* между:

- требованиями общества и государства к *уровню* общекультурной и профессиональной *компетентности* жителей стран-участниц, которая предусматривает свободное владение хотя бы одним иностранным языком, и фактическим уровнем готовности жителей к *полноценному* обмену информацией на иностранном языке;

- осознанием большинством из жителей стран-участниц проекта *необходимости* повышения уровня *иноязычной* компетентности и *отсутствием* у них знаний и способов деятельности как важного условия решения такой задачи;

- существованием в образовательном пространстве стран СНГ различных методик овладения иностранными языками и наличием фактов *неадекватности* этих методик *содержанию* конкретной профессиональной *деятельности*;

2) необходимость *формирования* у жителей стран-участниц личностных и профессиональных *качеств*, соответствующих международному уровню общекультурного и профессионального развития;

3) минимизация степени *ошибочного* понимания информации, воспринимаемой на иностранном языке и формируемой с его помощью для изложения (передачи) зарубежным потребителям;

4) предотвращения случаев *засорения* родного языка словами иноязычной транслитерации, являющегося следствием непрофессионализма переводчиков в областях узкой специализации и вызывающих опасность *искажения* содержания информации в результате некачественного перевода.

Задачи: обеспечение содействию индивида в

1) формировании активного запаса конструкций прямой речи путем их *механического* запоминания в ассоциации с соответствующими действиями, событиями или явлениями исключительно на *монологистической* (беспереводной) основе;

2) преодолении псих(олог)ического барьера при беглом общении с соответствующей интонацией;

3) формировании навыка смыслового восприятия (вначале упрощенного) текстовой и звуковой информации на беспереводной основе;

4) содействие специалистам языковых специальностей в повышении эффективности их педагогической деятельности, посредством выработки у преподавателей:

4.1) навыков *практического* применения преподаваемого ими иностранного языка в качестве рабочего инструмента посредством овладения технологией познания иноязычной информации средствами этого же (но не родного) языка;

4.2) осознания ими необходимости расширения сферы своей ответственности с чисто *преподавательской* (передача теоретической информации о языке средствами аудиторных занятий) до *педагогической*, включающей *развитие* и *воспитание* обучающихся на основе и в условиях языковой среды, создаваемой и поддерживаемой вокруг обучающегося посредством его *внеаудиторной* иноязычной деятельности коммуникативно-познавательного характера;

4.3) субъективного профессионального видения основных требований к процессу обучения иностранному языку на основе подхода, предусматривающего основополагающую роль *внеаудиторной* коммуникативно-познавательной деятельности как формы занятия, прочно вошедшей в повседневную жизнь преподавателя, становящегося *педагогом*.

Результат. Полученные в ходе исследования экспериментальные данные свидетельствуют о высокой эффективности решений и подходов, изложенных в статье.

В **заключении** следует отметить успешное решение поставленных задач как пути достижения сформулированной цели, что свидетельствует о

целесообразности расширения области применения апробированных методологических подходов до масштабов стран СНГ.

Список литературы

1. Мерхелевич Г.В. Английский язык: как учить(ся), чтобы обучить(ся) / Г.В. Мерхелевич. – 4-е изд., доп. – Донецк: ЧП АРПИ, 2014. – 260 с. – (Научно-техническая библиотека).
2. Мерхелевич Г.В. Двухуровневая подготовка специалиста вуза к преподаванию на английском языке / Г.В. Мерхелевич // Современные проблемы многоуровневого образования: сб. материалов V Междунар. науч.-методического симпозиума. – Ростов-на-Дону: Издательский центр ДГТУ, 2010. – С. 189-197.
3. Мерхелевич Г.В. Психолого-педагогические аспекты обучения иностранному языку в профильном вузе / Г.В. Мерхелевич // Актуальні проблеми викладання іноземних мов для професійного спілкування: зб. матеріалів всеукраїнської наук.-практ. конф., 6-7 квітня 2012 р.: в 3 т. Т. 3. – Дніпропетровськ: ДНУ, 2012. – С. 19-25.
4. Мерхелевич Г.В. Система отбора и подготовки преподавателя-филолога к процессу обучения иностранному языку специалиста любого профиля / Г.В. Мерхелевич // Современные проблемы многоуровневого образования: сб. материалов IX Междунар. науч.-методического симпозиума. – Ростов-на-Дону: Издательский центр ДГТУ, 2014. – С. 102 – 109, ISBN 978-5-7890-0981-9.

УДК 373

ИГРА И ИГРОВАЯ СИТУАЦИЯ КАК ОДИН ИЗ НАЙЭФФЕКТИВНЕЙШИХ МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Мишкина Н.Ю.

МОУ «Школа № 48 г. Донецка», г. Донецк, ДНР
dnmou48@mail.ru

*«Высшее искусство учителя – это умение
пробудить радость от творческого
выражения и получения знаний.*

А. Эйнштейн

Педагогическая наука рассматривает процесс обучения как целеустремленную деятельность учителя и обучающихся. Исходя из этого, обучающий процесс можно определить, как сотрудничество этих двух сторон, как полезную деятельность, результатом которой является партнерство между учителем и субъектом обучения. Учитель и ученик становятся друзьями и получают взаимное эмоциональное удовлетворение от данного сотрудничества. Ученик от того, что он выучил, а учитель от того, чему научил. Другими словами, не только результат, но и способ его достижения играет огромную роль в процессе обучения. Позитивные

эмоции, заинтересованность на уроке иностранного языка повышают мотивацию, что в свою очередь способствует лучшему усвоению и закреплению учебного материала.

Коммуникативно-игровой метод обучения – один из подходов к изучению иностранного языка, который обеспечивает ориентированное на личность обучение иностранному языку.

Применяя его, необходимо учитывать психологические и физиологические особенности обучающихся. Говоря о младшем школьном возрасте-это пластичность ума, гибкость умственных механизмов говорения, которые способствуют быстрому и качественному запоминанию, на основе которого легко реализуется перенесение в различные ситуации общения. Исходя из этого, психологи выделяют игру, как важную деятельность в жизни ребенка.

Удовлетворяя потребность ребенка в игре, перевоплощении, мы обеспечиваем условия для изучения иностранного языка. Такая форма обучения не утомляет нервную систему и организм ребенка, а реализуется за счет произвольных процессов восприятия и памяти. Игра, содержащая в себе элемент соревнования, мотивирует деятельность обучающихся, а мотивы – это стимуляторы активизации психических процессов, таким образом, она позитивно влияет на психическое развитие ребенка.

Игра – это сильный эмоциональный раздражитель, который снимает психологические барьеры, мешающие иноязычному общению, повышает инициативность и активность обучающихся. Приходя в начальную школу, чтобы научить иностранному языку, мы должны войти в роль ученика и проследить за этапами обучения с его позиции. Оптимальным способом обучения на данном этапе является игровая ситуация. Для этого необходимо найти образ того, кому учащиеся будут доверять, кого полюбят, и не будут бояться. Эффективным является использование мягкой игрушки – яркой, симпатичной. Готовясь к встрече с иноязычным другом, учащиеся с удовольствием будут учить необходимые речевые образцы, повторять слова, так как знают, что они пригодятся им для общения с «носителем языка». Теперь учитель на уроке становится соединительной чертой между учениками и их другом. Такая форма общения является благоприятной и помогает общаться даже самым скромным ученикам, для которых общение с полюбившейся игрушкой – это способ избавиться от своих комплексов.

После того, как найден контакт, следующей задачей является уничтожение монотонности. На каждом уроке должен быть элемент неожиданности, сюрприз, новинка, урок не должен быть предсказуем. Для достижения этой цели можно использовать разнообразные игры. Особенно популярными являются ролевые игры.

Одинаково эффективными являются как подготовленные, так и неподготовленные игры. Основное задание-это мотивация обучающихся к

речевой деятельности, использование из фантазии и воображения, реализации стремления каждого ребенка к самовыражению, поддержания интереса ребенка к предмету.

Важную роль на начальном этапе играет и развитие фонетических навыков, и тренировка правильного произношения и артикуляции. Выполняя фонетические упражнения, обучающиеся готовятся к слуховому восприятию определенных звуков, то есть эти упражнения становятся первой ступенью в развитии навыков аудирования. Так, во время изучения гласных, можно предложить обучающимся выбрать из трех слов слово с изучаемой буквой (звуком). Это упражнение хорошо тренирует селективное слушание.

Повторение фонетических единиц занятие довольно нудное, поэтому его можно разнообразить игровыми упражнениями, такими как «Сломанный телефон», упражнениями с «шепотом».

Немаловажным этапом урока является этап релаксации, который используется для короткого отдыха и может нести в себе эстетическую функцию, так как дети очень любят танцы и песни.

Таким образом, использование на уроках по иностранному языку игр и игровых моментов, является важным методом для стимулирования мотивации учебно-познавательной деятельности школьников;

Независимо от того, насколько динамичен учитель, всегда есть моменты, когда внимание учеников рассеивается. Быстрая, спонтанная игра повышает внимание, оживляет, улучшает восприятие.

Игры помогают снять скованность, особенно если исключить из них элемент соревнования или свести его к минимуму. Застенчивый и слабый ученик почувствует себя более уверенно и будет участвовать в игре активнее, если цель игры – просто повеселиться, а не считать очки и выигрывать. Хотя элемент соревнования часто добавляет оживление и повышает активность, именно он создает большое психологическое давление на учеников, они боятся не справиться с заданием, что выводит из игры застенчивых и отстающих.

Список литературы

1. Гальскова Н.Д. Современная методика иностранным языка / Н.Д.Гальскова. – Москва, 2000. – С.198.
2. Выготский Л.С. Игра и ее роль в психическом развитии ребенка / Л.С.Выготский // Вопросы психологии. Т.6. – 1966. – 340 с.
3. Агапова Г.Г. Профессионально-педагогическая подготовка учителя в США: Автореф. дисс. - канд. пед. наук. – М., 1973. – 29 с.
4. Ахметов Н.К. Игра как процесс обучения / Н.К.Ахметов, Н.Ж.Хайдаров. – Алма-Ата: Знание, 1985. – 48 с.

РОЛЬ ФАКУЛЬТЕТА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ МГГЭУ В ПОДГОТОВКЕ ЛИНГВИСТОВ И ПЕРЕВОДЧИКОВ

Ниязбекова А.У.¹, Бисенбаев Б.²

¹Российский университет дружбы народов, г. Москва, Россия

²Московский государственный гуманитарно-экономический университет,
г. Москва, Россия

akmusy@mail.ru, bbisen777@mail.ru

*«Знать много языков – значит иметь
много ключей к одному замку»*

Вольтер

Факультет иностранных языков (далее – ФИЯ) МГГЭУ в городе Москва – это мощный педагогический коллектив, который дает высокие качественные знания по основной и дополнительной подготовке по четырем иностранным языкам: английскому – турецкому; английскому – испанскому; английскому – немецкому языкам. Кроме вышеуказанных языков изучают русский язык и латинский язык [5].

За годы существования, идя в ногу со стремительно развивающимися требованиями современного общества, а также в соответствии с коренными изменениями системы высшей школы, ФИЯ МГГЭУ значительно расширил сферу своей деятельности, предоставив студентам возможность получить общегуманитарное образование и всестороннюю профессиональную подготовку [5], [3].

На ФИЯ обучаются студенты из различных регионов России, представители стран ближнего и дальнего зарубежья: Азербайджана, Армении, Грузии, Белоруссии, Украины, Молдовы, Таджикистана, Казахстана, Туркмении и Турции.

Кафедра романо-германских языков поддерживает прочные связи и активно развивает сотрудничество с Волжским филиалом Волгоградского Государственного университета, Московским филиалом Ассоциации Студентов РУДН, библиотекой им. М.И. Рудомино, информационным центром организации объединенных наций, австрийской библиотекой, Дагестанским государственным педагогическим университетом, Самарским государственным аэрокосмическим университетом им. С.П. Королёва, Международной ассоциацией по прикладной лингвистике, общероссийской общественной организацией «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов», международной Ассоциацией учителей английского языка, всероссийским научным журналом «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки», научно-аналитическим журналом «Инновации и инвестиции», Тамбовским ГУ им Г.Р. Державина,

научным журналом «Историческая и социально-образовательная мысль», Северо-Кубанским гуманитарно-технологическим институтом.

Научно-исследовательская работа обучающихся, выполнявших изыскания по кафедре романо-германских языков осуществляется под руководством к.фил.н, доцента Богатыревой С.Н. через студенческий научный кружок (далее – СНК) «Лингвопрагматические аспекты перевода и межкультурной коммуникации» реализуется по следующим направлениям: «Язык и перевод», «Перевод и межкультурная коммуникация».

Кафедра восточных языков готовит лингвистов и переводчиков. Занятия проводят высококвалифицированные преподаватели, в том числе носители турецкого языка. Кафедра ведет НИР по актуальным проблемам тюркологии и преподавания иностранных языков. Преподаватели кафедры восточных языков являются авторами более 25 учебников и учебных пособий, имеющих международный книжный номер ISBN и изданных тиражом более 1000 экземпляров [1].

В рамках СНК разрабатываются темы исследований в различных областях лингвистики, сопоставительного языкознания, перевода и межкультурной коммуникации [2].

Таким образом, факультет иностранных языков уделяет пристальное внимание важности изучения необходимых и столь нужных языков мира.

Результатом деятельности студентов является подготовка студентами докладов на научно-практические студенческие конференции, подготовка написания тезисов докладов и статей.

Список литературы

1. Богатырева С.Н. Межкультурная коммуникация в обучении испанскому языку как второму иностранному (статья) / С.Н.Богатырева // Лингвистика. Перевод. Межкультурная коммуникация: Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 5. – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2006. – ISBN 5-89966-330. – С. 121-124.
2. Богатырева С.Н. The Internet as a Teaching and Learning Tool. Использование Интернет-ресурсов в обучении иностранному языку. Материалы II МНПК «Информационные технологии в гуманитарном образовании» (22-23 апреля 2009 г.) – Пятигорск: ПГЛУ, 2009. – ISBN 978-5-89966-796-1.
3. Ниязбекова Ш.У. Обзор финансовой политики Московской области в сфере образования и науки / Ш.У.Ниязбекова, А.А.Иванова, Б.К.Исаева // В сборнике: Российская экономика: взгляд в будущее. Материалы IV МНПК: в 3 частях. 2018. – С. 327-334.
4. Соболев Т.С. Теория организации. Основы организации и управления. Система законов организации: Учеб. Пособие / Т.С.Соболев. – Электросталь: ЭПИ НИТУ МИСиС, 2011. – 155 с.
5. Официальный сайт МГГЭУ. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.mggeu.ru/faculties/faculty-of-foreign-languages/izuchaemye-yazyki/> – (дата обращения – 26.09.2018).

АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Омельченко Е.М., Панасенко К.В., Зуйкова О.В.

ГОО ВПУ «Донецкий национальный медицинский университет им. М. Горького»,
г. Донецк, ДНР
katyaomelchenko@yandex.ru

В процессе коммуникативно-направленного изучения иностранных языков лингвострановедческий компонент, не может быть каким – то побочным элементом, а является полноценной, неотъемлемой составной частью этого процесса. Лингвострановедческая направленность в преподавании предполагает соединение в учебном процессе языка и сведений из сферы национальной культуры. Ведь каждый национальный язык выступает носителем данного народа, отражением ее национально-исторического своеобразия.

Обучающийся, осваивая иностранный язык, получает реальную возможность приобщиться к национальной культуре и истории, к современной жизни народа, а также к культурам других народов, говорящих на этом языке.

Изучение культуры слов является важным условием успешного овладения иностранным языком. В свою очередь он входит в более широкий круг культурно-исторических значений соответствующей социальной действительности, усвоение которого – важное условие использования языка как средство общения.

Связь языка с культурой – это вопрос языкознания, изучение которого имеет практическую пользу. Во-первых, при изучении иностранного языка огромную важность имеет представление учащегося о степени глубины или достоверности связи тех или иных переводных эквивалентов. Без знания соответствующих коннотаций, присутствующих в иностранном языке, невозможно полностью понять весь смысл. Кроме этого существует другой аспект не менее важный – изучение такого понятия как язык культуры. Приобщение к культуре – это социализация личности. Культура способствует раскрытию и утверждению личности. Культура также может воздействовать и отрицательно, подчиняя человека разного рода мощным духовным воздействием. Это важно учитывать в области преподавания русского языка как иностранного, где преподаватель контактирует с носителями определенной культуры. Главной задачей преподавателя становится донести определенную информацию таким образом, чтобы никоим образом не обидеть представителя той или иной культуры простым названием традиций.

Преподаватель сталкивается с проблемой необходимости коррекции процесса культурологической ассимиляции, которая может выражаться в

разной степени. В настоящее время эта проблема стоит достаточно остро, т.к., необходимо найти способы адаптации субкультур, чтобы не подорвать их внутреннюю сущность, попытаться сделать контакты культур как можно менее разрушительными. Это усложняется тем, что каждая культура имеет свою систему защитных механизмов. Как бы тесно не сближались между собой культуры, всегда найдутся ценности и нормы взаимоисключающие друг друга. Задача преподавателя – максимально сблизить культуры, указав учащимся на общее при помощи вербальных и невербальных средств общения.

Язык – это средство хранения культурно-исторической информации. Знание такой информации важно, поскольку информативность является тем свойством языкового знака, которое лежит в основе его важнейшей функции наряду с коммуникативной – функции кумулятивной. Язык в этой функции выступает связующим звеном между поколениями, служит «хранилищем» и средством передачи внеязыкового коллективного опыта.

Связь истории и культуры народа с языком особенно ярко проявляется на фразеологическом уровне. Большое число пословиц, поговорок отражают специфические национальные черты, а корнями своими уходят в историю народа, его быт, обычаи, традиции.

Таким образом, трудно не признать тот факт, что отдельные слои лексики языка испытывают большое влияние культуры, окружающей людей.

Изучение фоновых знаний, объективных способов выделения культурного компонента значения является важной задачей, так как включение в лингвистический анализ социального измерения дает возможность глубже проникнуть в саму природу языка, полнее выявить условия его функционирования и динамику его развития, и позволяет представить его в новом свете.

Список литературы

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С.Ахманова. – М.: Советская энциклопедия, 1969.
2. Верещагин Е.М. Лингвострановедческая теория слова / Е.М.Верещагин, В.Г.Костомаров. – М.: Рус.яз., 1980.
3. Культура в странах Азии и Африки: Вопросы теории и практики. – М., 1989.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ GOOGLE CLASSROOM ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ АВТОНОМНОСТИ СТУДЕНТОВ

Сапожникова О.С., старший преподаватель

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», г. Москва, Россия

okcy77@inbox.ru

В конце прошлого столетия актуальной стала тема автономности в обучении и автономизации учебной деятельности [1; 3]. Несмотря на значительное число опубликованных работ зарубежных и отечественных авторов по данному вопросу, способы формирования автономности до сих пор исследованы не в полной мере. В частности, дальнейших исследований требуют способы и средства формирования и развития автономности. В настоящей публикации будет рассмотрена программа Google Classroom в качестве эффективного средства формирования автономности студентов неязыковых вузов.

Google Класс – это бесплатный сервис для учебных заведений, некоммерческих организаций и преподавателей, желающих перевести обучение студентов на новый уровень, не ограниченный пределами аудитории. Платформа Google Classroom была введена в практику преподавания различных дисциплин в 2014 году. Сейчас она работает на 42 языках и используется преподавателями в разных странах. Любой пользователь, имеющий аккаунт Google, может создать свой учебный «Курс» в Google Classroom [2, с. 186].

Остановимся подробнее на формировании автономности студентов в процессе обучения письменной форме речи и рассмотрим этапы автономизации. Преподаватель поэтапно формирует ответственность студентов за ход и результат процесса обучения. Переход к повышению степени автономности должен проходить постепенно, учащимся следует предоставить возможность анализировать способы выполнения заданий и создавать свой маршрут действий. Можно выделить 4 этапа перехода к автономной деятельности.

1 этап. Первоначально студенты под руководством преподавателя на аудиторном занятии читают статью, переводят ее, отвечают на вопросы по ее содержанию. Затем студенты получают доступ к тексту статьи в Google Classroom и домашнее задание в виде разнообразных подготовительных упражнений (письменно ответить на вопросы, установить соответствие содержания утверждений информации в статье (true/false), подобрать синонимы, продолжить или восстановить пропущенную часть высказывания, сконструировать предложения, составить слова из перемешанных букв и т.п.). Преподаватель проверяет письменные задания

учащихся в пространстве Google Класса, оставляет студентам комментарии и исправляет ошибки. Студенты получают проверенную работу обратно, просматривают комментарии преподавателя, анализируют свои ошибки, переписывают тексты заданий, исправляя все недочеты. Преподаватель еще раз проверяет работы студентов и выставляет баллы. Выполняя различные тренировочные упражнения, студенты осваивают навыки и умения, являющиеся основой для создания собственного письменного высказывания.

2 этап. Студенты получают статью, инструкции по выполнению заданий непосредственно в Google Classroom, что не подразумевает разбор статьи в аудитории. Срок сдачи задания выбирается более короткий, а обратная связь может быть менее активной, с учетом индивидуальных особенностей студентов. Преподаватель прикрепляет к тексту ряд подготовительных упражнений, уже знакомых учащимся по первому этапу, и добавляет речевые письменные задания (Writing). Речевые письменные упражнения нацелены на формирование умений создавать собственные высказывания, в которых студенты проявляют свою личностную позицию. Преподаватель может повышать уровень сложности письменных заданий. Вначале необходимо использовать простые речевые письменные упражнения (составление плана или заголовка, написание текста по образцу и т.п.), а затем переходить к заданиям, требующим большей степени самостоятельности учащихся (написание писем, рецензий, сочинений и т.д.).

На этом этапе учащиеся самостоятельно работают с текстом (чтение, перевод и т.п.) и создают свои высказывания на основе статьи. Преподаватель проверяет работы студентов, пишет комментарии, отмечает неправильные ответы. В новом письменном задании студенты сами исправляют ошибки, ориентируясь на пометки преподавателя. В данном случае учащимся приходится анализировать ошибки, находить справочный материал и исправлять недочеты. При необходимости студент получает помощь со стороны преподавателя в виде подробного разбора ошибок. Этот этап является промежуточным и должен сформировать у учащихся устойчивые навыки и умения выполнять письменные задания без жесткого контроля со стороны преподавателя. Получив положительные результаты на этом этапе, можно перейти к следующему, подразумевающему большую автономию учащихся в выполнении данного типа заданий.

3 этап. Сформировав у студентов определенный уровень автономности, преподаватель предоставляет им более высокую степень свободы действий. Учащимся дается несколько источников информации в пространстве «Курса», из которых они самостоятельно выбирают интересную для них статью. Сроки сдачи остаются примерно такими же, как на 2 этапе, а обратная связь осуществляется по запросу студентов.

Предполагается, что учащиеся самостоятельно могут приготовить обзор статьи, выразить свое мнение по теме текста в письменной форме. Дальнейшая работа зависит только от самого студента: выбор темы, работа с материалом статьи, написание аннотации. Преподаватель проверяет письменные работы учащихся, пишет комментарий по проделанной работе, просит выявить и исправить их самостоятельно. Студентам необходимо изучить свой текст, найти ошибки и исправить. После повторной проверки текста преподаватель оценивает работу учащихся.

4 этап. Постепенно, передавая студентам инициативу в процессе обучения, преподаватель дает им возможность самостоятельно подобрать материал и подготовить его по уже знакомой им схеме. Учащиеся последовательно проходят через все предыдущие этапы и продвигаются дальше, самостоятельно решая все более широкий круг учебных задач. На последнем этапе преподаватель формулирует в пространстве «Курса» задание, обговаривает со студентами срок сдачи и условия выполнения. Преподавателю остается лишь обсудить с учащимися ошибки, причины их появления и возможные способы решения проблем.

Выполняя сначала тренировочные, а затем речевые упражнения, студенты в результате своей деятельности осваивают умение брать на себя ответственность за организацию своей учебной работы в процессе обучения письменной форме иноязычной речи и повышают свою автономность. Использование программы Google Classroom позволяет постепенно снизить уровень контроля преподавателя за работой учащихся и повысить их автономность в процессе освоения письменной формы речи. Данный способ формирования автономности студентов может широко применяться в любой области знаний.

Список литературы

1. Евдокимова М.Г. Способы формирования и развития автономности учащихся в процессе овладения иностранным языком: метод. пособие для преподавателей / М.Г.Евдокимова. – М.: МИЭТ, 2010. – 96 с.
2. Евдокимова М.Г. Программа Google Classroom как инструмент формирования автономности студента в процессе личностно-деятельностного обучения иностранным языкам / М.Г.Евдокимова, О.С.Сапожникова // Вестник МГЛУ. – М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2018. Вып. 2 (796) – С.183-191.
3. Little, D. Learner Autonomy 1: Definitions, Issues, and Problems / D. Little. – Dublin, 1991. – 175 p.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ КОММУНИКАТИВНОГО ПОДХОДА ПРИ ОБУЧЕНИИ ГРАММАТИКЕ

Сирота Т.А.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
ansir2911@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются преимущества обучения грамматике в рамках коммуникативного подхода, анализируются современные тенденции в методике преподавания.

Ключевые слова: обучение грамматике, коммуникативный подход, грамматическая компетенция,

Введение. Коммуникативный метод обучения иностранному языку позволяет развивать как беглость речи, так и точность в использовании языковых структур. Он основан на использовании жизненных ситуаций, позволяющих обучающимся совершенствовать навыки говорения, проводить исследования и, таким образом, самостоятельно приобретать знания.

Актуальность. Коммуникативный подход в обучении дает положительные результаты. Однако студенты, обучающиеся с помощью коммуникативных программ и обладающие беглой речью, допускают ошибки при использовании грамматических структур, а знание грамматики не всегда гарантия успеха в ситуациях общения. Поэтому коммуникативно-ориентированные задания должны включать в себя и умение того, как использовать язык для различных целей и способность использовать его в различных ситуациях общения (письменное и устное общение, беседы, интервью, повествование).

Предмет исследования – формирование и развитие коммуникативных грамматических умений и навыков.

Объект исследования – процесс обучения коммуникативной грамматике.

В преподавании грамматики можно использовать два основных подхода: **дедуктивный** и **индуктивный**. **Дедуктивный** подход предполагает представление правил и примеры их использования. **Индуктивный** подход направлен на предоставление некоторых примеров использования определенного правила, а затем выводится само правило. Очевидно, что использование только одного из методов при обучении грамматике малоэффективно, поэтому наилучшим выходом будет умелое сочетание дедуктивного и индуктивного подходов.

Сторонники различных направлений коммуникативного подхода трактуют обучение грамматике по-разному, но имеют общие тенденции. Лексический подход (**Lexical approach**) предполагает работу с текстами,

содержащими повторяющиеся лексические единицы.[1:140] Фразовые глаголы, идиомы и фразеологизмами дают представление о культуре и мышлении носителей языка и являются элементами грамматических конструкций. В них невозможно переставить компоненты или ввести новые слова. Однако уместное их использование говорит о глубоких знаниях языка.

Согласно подходу **Language Awareness** грамматические явления вводятся в контексте и обращают на себя внимание новыми формами. Рассмотрение грамматических форм в контексте формирует представление о языке в целом. Например, вопросы к тексту, сформулированные определенным способом, могут подвести к особенностям употребления грамматической формы:

Which tense is used most frequently? Why?

Which sentences are written in the Present Perfect? Why?

Представители направления **Task – Based Learning** считают неправильным сначала вводить грамматическую конструкцию, а затем отрабатывать ее в различных упражнениях. Поэтому обучение грамматике происходит на последнем этапе. После выполнения аутентичной задачи (опрос, отбор понятий) отрабатывается грамматическая конструкция.

Сторонники подхода **Dogme** критикуют доминирование учебных материалов и средств, отвлекающих от процесса обучения. Ситуация, по их мнению, должна создаваться учащимися во время занятия, а роль преподавателя заключается в том, чтобы привлечь внимание к новым для них грамматическим явлениям и направить работу таким образом, чтобы закрепить эти структуры в речи.[2:43]

Выводы. Приемы и методы, используемые для обучения грамматике, должны быть тщательно продуманы с учетом индивидуальных способностей и интересов обучающихся. Преподавание грамматики в рамках коммуникативного подхода предполагает следующие тенденции:

1. Грамматические структуры вводятся и отрабатываются в контексте.

2. Акцент делается на поисковой работе с текстом в целом и грамматикой в отдельности.

3. Язык – это целостное явление, а грамматика его неотъемлемая составляющая

4. Важно развивать общеучебные умения наравне с языковыми.

Список литературы

1. Lewis M. The lexical approach. London: Language Teaching Publications.1993.
2. Meddings L., Thornbury S. Teaching Unplugged. – Delta Publishing. – 2009. – 103 p.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 32.019.51; 323.232

СУЩНОСТНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОНЯТИЯ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА»

Ангелина Э.А., канд. филос. наук, доц.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
adjon@yandex.ru

В настоящее время проблема участия молодёжи в политике становится всё более актуальной. Всё чаще в жизненный мир детей, подростков, молодёжи включаются аспекты политического мира. Политические процессы, которые происходят в обществе, проецируются на каждого человека. В результате в сознании каждого человека складывается определённый образ политики, политика, власти, её символов, методов управления политикой и т.п.

Актуальность данной темы усиливается тем обстоятельством, что в реалиях смены социально-политического строя в Донецкой Народной Республике растёт интерес общества к политике, к политическому устройству Донецкого региона, мира в целом. Особенно остро эта проблема актуализируется именно в нашем регионе, где учащиеся вольно или невольно столкнулись с необходимостью осознания таких понятий как «патриотизм», «война», «Родина», «защита Отечества». Также проблема политического воспитания актуализируется в связи с глобальными мировыми процессами: терроризм, искажение исторических фактов, смена ценностных ориентиров.

Для того чтобы человек сформировался как гражданин, в нём нужно целенаправленно формировать политическую картину мира. Под политической картиной мира понимают подвижную систему связанных образов и представлений о власти, ее механизмах и конфигурации в окружающей действительности [5]. Политическая картина мира представляет собой уникальное отображение политической сферы в индивидуальном сознании [3]. В политическую картину мира входят представления о власти в конкретной политической системе, политические символы, образы «друзей» и «врагов» и т.п. Изменение политической картины мира происходит по мере накопления человеком знаний и жизненного опыта под влиянием системы факторов, институтов [1].

Понятие «картина мира» используется многими исследователями из разных областей научного знания. Так, в психологии картину мира рассматривали такие учёные как С. Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев и др.

В социологии картину мира рассматривали как процесс интериоризации внешних социальных норм во внутренние структуры личности (П. Лукман). Если говорить о социокультурном контексте понятия «картина мира», то это направление развивали такие учёные-социологи как В.С. Жидков и К.Б. Соколов. В антропологии – Л. Февр, Р. Шартье и др. В российской философии – А.Я. Гуревич. Российские философы считали, что картина мира определяет индивидуальное и коллективное поведение человека [4].

В картину мира человека включена и сфера политики. Термин «политическая картина мира» был сформулирован И.В. Самаркиной. По мнению учёного «политическая картина мира» – это существующая в индивидуальном сознании подвижная система связанных образов и представлений о власти и политической системе, ее структуре, механизмах и конфигурации в окружающей действительности [3]. Самаркина И.В. считает, что политическая картина мира складывается из целого ряда компонентов, взаимосвязанных между собой: власть, политические события; представления о насущных проблемах социально-политической сферы; образы политиков; глобальные проблемы цивилизации; образ Я в политике. Политическая картина мира – это динамическая система, в которую включены образы, представления о власти, о политике, о структуре политики, функциях политики в обществе [3].

Политическая картина мира – результат формирования внутреннего, личного отношения к политике благодаря усвоению устройства внешней политической деятельности политиков, государства. Самаркина И.В. пишет, что политическая картина мира содержит символические образы власти и государства (Родины) – это, по мнению учёного – ядро политической картины мира. Также политическая картина мира включает образы элементов политического мира и представления о способах коммуникации между ними – это базовый уровень политической картины мира. И инструментальный уровень включает в себя представления о возможных моделях политического поведения личности [4].

У каждого человека существует собственная система факторов (внешних, внутренних), которые характеризуют неповторимость политической картины мира. К факторам, влияющим на политическую картину мира личности, Самаркина И.В. относит: «...масштабность политической картины мира; четкость образов, составляющих структуру политической картины мира; степень эмоциональной окрашенности политической картины мира; световая тональность политической картины мира; преобладающая временная ориентация политической картины мира; согласованность образов политической картины мира; степень абстрактности политической картины мира; место образа-Я в политической картине мира; политическая субъектность носителя политической картины мира; знаковость/символичность политической картины мира;...степень и характер отражения политических коммуникаций в политической картине мира...» [4, с. 124-125].

Таким образом, политическая картина мира – это теоретическое и практическое политическое знание. В политическую систему знания также включена политическая идеология, которая является связующим звеном между теоретическим и практическим политическим знанием. Идеология определяет направление и придаёт значение представлениям и образам политической картины мира. Необходимо воспитывать у детей, молодёжи уважение к Родине, к правительству. Сформированное уважение затем переходит в уважение к политической власти и политическому авторитету, формируя политическую картину мира [2]. В этой связи необходимо упомянуть о том, что в Донецкой Народной Республике в 2015 году была утверждена и принята Концепция патриотического воспитания детей и учащейся молодёжи Донецкой Народной Республики. Патриотическое воспитание должно стать неотъемлемой частью формирования политической картины мира человека.

Список литературы

1. Истон Д., Деннис Дж. Дети в политической системе: основа политической законности // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. – 2001. – № 3. – С. 76-97.
2. Кудакина А. И. Образ Родины в картине мира российских дошкольников / Теория и практика общественного развития. – 2011. – № 3. – С. 239.
3. Самаркина И. В. Первое десятилетие XXI века: константы и новации в политической картине мира российских детей // Вестник Томского государственного университета. Сер. Философия. Социология. Политология. – 2011. – № 3 (15). – С. 5–21.
4. Самаркина И. В. Политическая картина мира: опыт концептуализации и интерпретации // Вестник Томского государственного университета. Сер. Философия. Социология. Политология. – 2013. – № 3 (23). – С. 117–127.
5. Самаркина И. В. Публичная сфера в политической картине мира: структура, практики взаимодействия и векторы трансформации // Трансформация публичной сферы и сравнительный анализ новых феноменов политики: сб. науч. ст. – Краснодар: Куб. гос. ун-т, 2010. – С. 62-73.

УДК 159.9

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА УСЛОВИЙ ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

Андреева И. А., канд. психол. наук, доц.
ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка
Irianna-andreeva@yandex.ru

Каждой эпохе и каждому периоду в жизни человечества присущи те или иные сложности. При этом последующее поколение считает, что именно на его долю выпали самые сложные жизненные испытания.

Однозначным является то, что в XXI веке появился целый ряд новых угроз международной, региональной и национальной безопасности, на которые мировое сообщество и отдельные государства не нашли еще адекватных ответов. К ним можно отнести политический терроризм, международную преступность, распространение по планете ядерного и обычного вооружения, новые чрезвычайные ситуации экологического и техногенного характера, нарастание социально-экономических проблем. Новый подход к политике безопасности, в центр внимания ставит уже не предотвращение мировой войны, вероятность которой, конечно же, сохранилась, а совокупность менее масштабных военных конфликтов и более широкие социально-экономические процессы. Этот подход, в меньшей степени ориентирован на военно-политические процессы, включает проблемы, связанные с глобализацией экономики, поставками энергоресурсов, региональной политической нестабильностью, преступностью, терроризмом и коррупцией, незаконным оборотом наркотиков, деградацией среды обитания человека. Социальные потрясения, природные бедствия, изменения климата, техногенные катастрофы, мировые финансово-экономические кризисы - все это не дает покоя современным людям [2; 4].

Угрозы безопасности, оказывающие деструктивное воздействие на различные сферы жизни и деятельности, находятся в тесной взаимосвязи и во взаимодействии друг с другом. В ходе этого взаимодействия возникает результирующий комплекс угроз, который не является простой их совокупностью. Безусловно, что эти процессы не могут не повлиять на психологическое состояние людей. Совершенно естественным для человека является желание жить в комфортных и безопасных условиях жизни, видеть свой завтрашний день.

Исходя из этого, обеспечить эффективное противодействие существующим и потенциальным угрозам можно только при учете особенностей каждой из них, а также специфики их проявления в единой системе деструктивных факторов. Отсюда следует вывод, что состояние безопасности любого объекта носит комплексный и системный характер.

Несомненное на психику современного человека оказывают влияние и некоторые факторы заметно изменившейся внешней среды. В частности, возросший уровень шумов, особенно в городской черте, делают их влияние практически постоянным. Такие шумы в отличие от естественных, природных (шум ветра, звон ручья, пение птиц и т. д.), оказывают негативное влияние на весь организм и на психику. В частности, меняются частота дыхания и артериальное давление, нарушаются сон и характер сновидений, развивается бессонница и др. Особенно сильно шумовые воздействия сказываются на детях, у которых отчетливее повышается уровень страха.

Согласно исследованиям современный человек по своим способностям (по ощущениям, памяти, фантазии и т. д.) не стал более

совершенным по сравнению с доисторическими людьми, и вряд ли мы в состоянии более совершенно логически осмыслить и обработать информацию, а наше творческое воображение богаче. Другое дело, что самой информации стало гораздо больше [1; 2; 4].

Развитие цивилизации шло в направлении имущественного расслоения и профессиональной специализации людей, необходимой для овладения новыми орудиями труда, увеличения сроков обучения и постепенного удлинения периода специализации части населения. С позиций жизни одного поколения все эти изменения происходили довольно медленно, на фоне относительно медленных изменений среды обитания и при сохранении высокого уровня двигательной активности. Все это не предъявляло каких-либо особых, выходящих за пределы сложившихся в эволюции требований к психике человека. Положение стало меняться с началом развития капитализма и прогрессирующей урбанизации, причем наиболее радикально – во второй половине XX века, когда образ жизни человека стал стремительно меняться, что, прежде всего, сказалось на снижении уровня двигательной активности. Это обстоятельство нарушило естественные биологические механизмы, в которых именно движение являлось конечным звеном жизнедеятельности. В конечном итоге эти процессы привели к снижению резервов адаптационных возможностей человека [3].

Таким образом, следует отметить, что на современного человека оказывает влияние множество факторов. К более значимым можно отнести социально-экономические потрясения, чрезвычайные ситуации, глобализацию и многое другое. Человек все дальше уходит от естественной среды обитания. Все это негативно действует на организм человека, особенно на его психику, деформирует ее. При этом страдает эмоциональная сфера, нарушается восприятие, снижается потенциал здоровья. Городская среда обитания человека, обедненная в естественно-природном отношении и представляющая собой мир камня и бетона, изолированных пространств и т. д., делает человека более агрессивным.

Защититься от эмоционально-информационных стрессов человеку становится все труднее, и он зачастую находится в состоянии сильного, а иногда довольно длительного психического напряжения, которое постепенно подтачивает его силы, снижая физическую и умственную работоспособность, иммунитет и нарушая нормальную работу мозга. Эти проблемы требуют научного изучения, а особенно психологической помощи для сохранения психического здоровья.

Список литературы

1. Бароян Р. О. Труд и здоровье / Р. О. Бароян. – М.: Знание, 1979. – 63 с.
2. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества [пер. с англ.] / З. Бауман. – М. : Издательство «Весь Мир». – 2004. – 188 с.

3. Вайнер Э. Н. Валеология: учебник для вузов / Э. Н. Вайнер. – М. : Флинта : Наука, 2008. – 145 с.
4. Воронкова В. Г. Формирование нового мировоззрения, нового человека, нового общества будущего / В. Г. Воронкова // Future Human Image. – 2014. – Философия. – С. 134 – 151.
5. Медведев В. И. Физиологические принципы разработки режимов труда и отдыха / В. И. Медведев. – Л., 1984. – 134 с.

УДК 159.9

ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ УРОВЕНЬ СУЕВЕРНОСТИ

Андрюшкова Н.П.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет» г. Донецк
andruchkova@rambler.ru

Взаимодействуя с реальностью, человек сталкивается с большим количеством явлений, которые сложно объяснить рационально. «Суеверие» определяется нами как вера в необъяснимое, явление или феномен окружающей действительности, а также нерациональные, «мистические» объяснения данных явлений, образ которых может быть порожден личностью или социумом, суеверия также могут включать в себя ритуальную деятельность. «Суеверность» же это личностный компонент, проявляющийся как предрасположенность к суеверно-ритуальной деятельности, и имеющий определенную степень выраженности. В условиях социальной и экономической нестабильности изучение феноменов «суеверие» и «суеверность» приобретают особую актуальность, так как они часто появляются именно в подобные моменты жизни общества (Б.С. Положий, В.И. Лебедев).

Если человек не достаточно приспособлен к постоянно меняющимся условиям жизни, то любая общественная нестабильность может повлечь за собой кризис идентичности. Один из вариантов проявления данного кризиса проявляется в бурном всплеске интереса к мистическому, необъяснимому, что влечет за собой повышение уровня суеверности. При рассмотрении природы суеверий и их особенности, суеверности в психологических концепциях и исследованиях уделяется недостаточное внимание. Настоящая работа является одним из первых шагов в изучении личностных особенностей определяющих суеверность. Эмпирическую базу исследования составили 305 человек. Возраст испытуемых 17–28 лет. Исследование проводилось в несколько этапов. На первом – подготовительном этапе исследования, был подобран пакет методик,

который помог бы рассмотреть личностные особенности и их взаимосвязь с суеверностью, с этой целью были подобраны следующие методики: методика «Опросник верований и суеверий» И.Я. Стояновой; методика «16- факторный личностный опросник Кеттелла» форма С; методика «Ценностный опросник Ш. Шварца); методика «Самоактуализационный тест» в адаптации Ю.Е. Алешина, Л.Я. Гозман, М.В. Загика и М.В. Кроз. На втором этапе исследования, при помощи методики «Опросник верований и суеверий» обследуемые были разделены на 3 группы в соответствии с их уровнем суеверности: 1 группа высокий уровень суеверности 88 испытуемых; 2 групп средний уровень суеверности 106 испытуемых; 3 группа низкий уровень суеверности 111 испытуемых. Также на данном этапе было проведено диагностическое обследование испытуемых. Третий этап был направлен на анализ полученных результатов, сравнивались показатели по всем методикам в группах с разным уровнем суеверности с помощью однофакторный дисперсионный анализ с апостериорным попарным сравнением t-критерием Шефе. Рассматривая ценностную структуру можно отметить, что для группы с высоким уровнем суеверности на уровне нормативных идеалов характерны ценности безопасности, универсализма, и власти.

То есть, как мы видим, наибольшую ценность приобретает безопасность, которая сочетается и реализуется совместно с ценностями вступления в социальные контакты, а также стремлением доминировать над ситуацией и людьми. Также в данной группе достаточно высокие показатели самоактуализации, шкала поддержки, гибкость поведения и контактность, что предполагает способность к быстрому установлению глубоких, тесных и эмоционально насыщенных контактов с людьми при этом гибкость во взаимодействии с окружающими людьми и достаточно быстрой реакцией на изменения из вне. Однако при этом в данной группе наиболее низкие показатели самоуважения, что может указывать на наличие внутренних противоречий и недостаточной оценки своих возможностей. Также в данной группе выражена доминантность, тревожность и практичность. Это указывает на достаточно развитую властность, напористость, твердость при этом сочетающуюся с высокой чувствительностью, ощущением чувства вины, тревоги и различного рода предчувствий. Рассматривая результаты группы с низким уровнем суеверности, можно отметить высокие показатели ценности стимуляция и достижение (как тактик поведения). Что характеризуется потребностью в разнообразии, поддержании оптимального уровня активности, стремление к успеху, социальному одобрению, личностному росту. В данной группе в отличии от высоко и средне суеверной менее выражена безопасность. При этом в реальном поведении (уровень индивидуальных приоритетов) значима ценность доброты как сохранения благополучия людей и

наименьшую выраженность среди групп имеет ценность традиции, то есть непринятие обычаев и идей которые существуют в культуре. Самоактуализация в данной группе также имеет достаточно высокий показатель. Наибольшую выраженность имеют шкалы поддержки, ценностных ориентаций и самоуважения, что указывает на способность принятия и оценки своих качеств и достижений, а также характеризуется в стремлении к самоактуализации и разделении ценностей характерных для самоактуализирующейся личности. Для данной группы свойственна доминантность, нормативность, практичность и спокойствие, что говорит о выраженности властности, настойчивости, также осторожности, сдержанности, рассудительности и низкой тревожности. Группа со средним уровнем суеверности в своем поведении стремится к независимости, автономии, доминированию и власти (ценности самостоятельность, достижение и власть). В данной группе уровень самоактуализации ниже, чем в двух других и имеет среднюю выраженность.

При этом в данной группе самый низкий уровень контактности, что сочетается с низкими показателями по ценностям универсализма и доброты. Отличием от предыдущих групп является выраженная покорность и мечтательность. Для данной группы более характерна собранность, уравновешенность и поглощенность своими идеями.

Исходя из полученных результатов мы можем предполагать, что высокая суеверность может быть обусловлена высокими показателями тревожности, при этом высоким стремлением к безопасности и контролю над ситуацией, а также низкими показателями уровня самоуважения, что, в свою очередь, может провоцировать обращение к различного рода суевериям и соответственно повышению уровня суеверности.

Список литературы

1. Саенко Ю.В. Психологические аспекты изучения суеверий // Вопросы психологии. – 2006. – №6. – С. 85–96.
2. Broch, T. B., Kristiansen, E. The margin for error: Ritual coping with cultural pressures // *Scandinavian Journal of Medicine*. – 2014. – No. 24(5). – P. 837–845.
3. Patrick Kwaku Ofori, David Tod, David Lavalley. Predictors of superstitious beliefs // *Journal of Psychology in Africa*. – 2016. – No. 27. – P. 1–12.

ПРИЕМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ САМОРЕГУЛЯЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОФИЛАКТИКИ НЕГАТИВНЫХ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ У СЕКРЕТАРЕЙ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРИЕМНЫХ

Асоев Р.В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

Posahov@list.ru

В настоящее время существует множество примеров использования методов и приемов психологической саморегуляции как инструмента психопрофилактики и формирования внутренних средств деятельности в работе психолога с различными профессиональными группами. В то же время необходима дополнительная адаптация и специализация используемой целостной программы в каждом конкретном случае [4–6]. Мы ставим перед собой задачу по реализации изучения отдельных «технических» элементов комплексных саморегуляционных приемов и их эффективности на контингенте, проживающем в условиях острой социогенной ситуации наблюдаемой в Донецкой Народной Республике.

В данном эксперименте нами изучается эффективность отдельных приемов психологической саморегуляции, основанных на базовых приемах широко применяемых в отечественной и зарубежной практике [5, 6] с некоторыми изменениями и дополнениями, использованием синестетических и суггестивных эффектов [1].

Исследование проводилось на базе центрального отделения общественного движения «Донецкая республика», в обучении приняли участие секретари общественных приемных из 22 населенных пунктов ДНР. Занятия прошли в течении 2-х дней с перерывом в три недели между первым и вторым занятием. Были изучены актуальные эффекты, оказываемые двумя упражнениями в первый день занятий, и пятью комплексными приемами во второй день.

Для изучения особенностей актуальных эффектов оказываемых данными упражнениями были использованы такие психодиагностические методы: методика «Шкала состояний» (адаптация А. Б. Леоновой, 1984), «Шкала ситуативной тревожности» Ч.Спилбергера (адаптация Ю. Л. Ханиной, 1977), «Шкала дифференциальных эмоций» К. Изарда (адаптация А.В. Леоновой и М.С. Капицы, 2003), «Шкала личностной тревожности» (русскоязычная адаптация Ю.Л. Ханина, 1977) [5], экспресс-тест «Конструктивный рисунок человека» (Либин В.В. Либин А.В) в модификации Ермошина А.Ф. [2, 3]. Тестирование испытуемых проводилось до практической части занятия и по ее завершении.

При исследовании изучаемых приемов психологической саморегуляции мы опирались, в том числе, на представления Ермошина А.Ф. [2, 3] о неоднородности самоощущения тела человека, которое имеет разрежения и сгущения, представляет собой заполненный объем.

На первом занятии в основном упражнении используется воспроизводимое и суггестивно усиленное ощущение «подъема», активизации внутреннего мышечного потенциала сопровождающего активные физические действия. Для воспроизведения и субъективного выделения этого ощущения слушатели сначала аналогично сеансу сенсорной репродукции погружаются в несколько вспоминаемых и представляемых состояний, это состояния требующие мобилизации внутренней активности и внезапного реагирования или мобилизации физических усилий, такие как низкий старт, разрешение конфликта, активная реакция при посягательстве на имущество. В ходе выполнения сеанса сенсорной репродукции внимание акцентируется на ощущениях в глубине тела, характерном напряжении и чувстве подъема, ощущении двигательного потенциала.

В следующей части этого упражнения такое ощущение выделяется и удерживается вниманием, которое особенно сосредотачивается на известных аутогенных эффектах естественно сопровождающих ощущение подъема: ощущении тепла, тяжести, наполненности. Далее данное ощущение суггестивно, максимально равномерно распределяется по телу.

В результате тестирования были получены данные указывающие на значимые изменения измеряемых психологических параметров: индексов ситуативной тревожности ($t_3=4,088$; $p<0,01$), острых негативных ($t_3=2,879$; $p<0,01$) и тревожно-депрессивных ($t_3=3,558$; $p<0,01$) эмоций.

Стоит отметить, что абсолютно у всех участников занятия произошли положительные изменения по одному или нескольким измеряемым параметрам и достигнута некоторая степень нормализации эмоционального состояния.

При анализе результатов теста «Конструктивный рисунок человека», мы опирались на следующие основные параметры изменения в рисунке до и после занятия: относительный размер головы, количество элементов на голове, наличие и количество элементов вписанных в состав лица и туловища, наличие шеи или просвета не ее месте, частота появления кистей и стоп, количество фигур составляющих туловище, изменение размеров рисунка, смена соотношения элементов разной формы в составе рисунка.

Явные положительные изменения проявились в рисунках 15 участников, у 3 наблюдались обратные изменения, в рисунках 5 не проявлено явных изменений. В 9 случаях наблюдался переход от треугольных и квадратных форм к преобладанию округлых, в 4 случаях с заменой всех элементов на округлые и 2 – когда остался только один элемент не округлой формы. Такие результаты указывают на изменение самоощущения

слушателей в сторону наполненности объема тела, а так же могут свидетельствовать о проявлении у них активации парасимпатической части автономной нервной системы, запуска процессов отдыха и восстановления.

Результаты, полученные в данном исследовании, позволяют говорить о положительных актуальных эффектах, оказываемых применяемыми упражнениями в форме группового очного занятия. В дальнейшем считаем важным исследование пролонгированных и отсроченных эффектов оказываемых такими приемами в различных формах применения: очное групповое занятие, индивидуальное консультирование, обучение удаленно (с помощью видео или аудио связи), по печатной текстовой инструкции, посредством видео или аудиозаписи.

Список литературы

1. Асоев Р.В. Проективное содержание и особенности формирования сенсорных проекций // Актуальные проблемы психологической теории и практики: Материалы ежегодной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (г. Донецк, 04.04.2017). Под общ. ред. кафедры психологии ДонНУ. – Донецк: ДонНУ, 2017. – С. 13-17.
2. Ермошин А.Ф. Вещи в теле: Психотерапевтический метод работы с ощущениями. – М.: Независимая фирма «Класс», 1999. – 320 с.
3. Ермошин А.Ф. Геометрия переживания: экспресс-тест «Конструктивный рисунок человека» в психотерапевтической практике // Журнал практикующего психолога / Киев: Центр консультативной психологии. – 2009/15. – С. 51-71.
4. Кузнецова А.С. Психологическая саморегуляция функционального состояния человека: ресурсы профессионального развития // Психология психических состояний / Под ред. О.А. Прохорова. – Казань: Центр инновационных технологий, 2004. – С. 329 – 358.
5. Леонова, А.Б. Психологические технологии управления состоянием человека // А.Б. Леонова, А.С. Кузнецова. – Москва: Смысл, 2007. – 311 с.
6. Леонова А.Б. Комплексная стратегия анализа профессионального стресса: от диагностики к профилактике и коррекции // Психологический журнал. –2004. – Т. 25. – № 2. – С. 75-85.

УДК 159.9

ВОЗДЕЙСТВИЕ ЭКО АРТ-ТЕРАПИИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Баранчикова Е. А.

ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка

Imku@mail.ru

В последние годы значительно расширилась область использования арт-терапии в отечественной и зарубежной лечебно-профилактической,

реабилитационной и коррекционной практике. Активно формируются и развиваются новые направления и методы в арт-терапевтической работе, связанные с социальной, клинической, и экологически ориентированной арт-терапией. Наблюдается тенденция к усилению связи с одной стороны с клинической медициной, и повышением внимания к социокультурным, экологическим факторам, с другой стороны, как одним из важных условий эффективности профилактических, реабилитационных и коррекционных мероприятий [1].

Достаточно новой научно-практической дисциплиной является психология окружающей среды, которая позволяет расширить и изучить отношения человека с окружающей средой, с природой и антропогенной средой. Психология окружающей среды, так же расширяет арт-терапевтическое представление о среде, поэтому понятие среды рассматривается широко, включая в нее не только природную среду, но и разные институциональные среды, архитектуру, информационную среду и многое другое. Одним из приоритетных направлений в развитии данной дисциплины являются исследования экологии окружающей среды, затрагивающие проблемы здоровья населения.

Изучением особенностей психологии окружающей среды занимались следующие зарубежные авторы Б. Э'Корт, К. Монтгомери, Р. Бергер, Дж. Кортни, К. Петерсон, М. Rugh, А. Cutillo, N. Rothore, N. Reynolds, L. Hilliard, M. Watkins, R. Metzner, A. Burls, L. Buzzell и др.

С различных позиций рассматривали психологию окружающей среды следующие отечественные авторы А.И. Копытин, С.Д. Дерябо, А.Н. Леонтьев, В.В. Рубцов, В.И. Слободчиков, В.И. Панов, И.В. Калашникова, Е.А. Святковская, О.Б. Гонтарь, Н.Н. Тростенюк, Л.Р. Шарафиева, Л.Д. Яковчик.

Одна из важнейших идей, заложенных в психологию окружающей среды, состоит в том, что люди способны к активному взаимодействию со средой, в том числе, в интересах своего выживания и исследует влияние среды на поведение, здоровье и психологическое благополучие человека. Эти идеи и исследования оказали значительное влияние на развитие эко арт-терапии и ставят в качестве одной из задач «повышения уровня вовлеченности граждан в обустройство среды обитания, а также в различные инициативы, направленные на поддержание ее в благополучном состоянии. Данное направление работы связано не только с экологическим просвещением, но и формированием у людей готовности к заботе о среде обитания» [4].

Развитие психологии окружающей среды и социально-ориентированных подходов в арт-терапии способствовало расширению представлений о терапевтическом пространстве, дальнейшее развитие этих представлений связано с экопсихологией и экотерапией. Т.Д. Doherty рассматривал экопсихологию как «широкое социальное движение,

признающее тесную связь между эмоциональным благополучием и здоровьем населения и благополучием природной среды. Эта идея приобретает особую актуальность в связи с развитием современного экологического движения, особенно, такого его крыла, как «глубинная экология» [5].

Термин «эко-терапия» обозначает различные методы физического и психологического целебного воздействия, основанные на контакте человека с природной средой [3].

Разнообразны методы и формы работы, используемые в эко-терапии: выполнение различных индивидуальных и групповых практик в парках и природной местности; взаимодействие с животными (анималотерапия); посадку растений и создание садов (гарденотерапия); телесно ориентированные практики; ведение рефлексивных дневников; техники, основанные на медитации и визуализации; терапевтический метод восстановления среды; терапия погружением в природную среду и др.

Обширно описаны теоретические основы и методы эко-арт-терапии и экологически ориентированной терапии искусством в работе «Зеленая студия: природа и искусства в терапии» [6], где автор в отдельную группу выделяет методы, основанные на творческом взаимодействии с природной средой и использованием разных экспрессивных форм: изобразительной деятельности, например, фотографию, инсталляции, лэндарт, ландшафтную скульптуру, ландшафтный театр и т.д.

Экопсихология и эко-терапия (включая эко-арт-терапию) придают важное значение восстановлению и укреплению индивидуальной и коллективной эко-идентичности как условие укрепления природосберегающих установок и образа жизни. Поскольку экопсихология и эко-терапия признают тесную связь эмоционального благополучия и здоровья человека с благополучием и «здоровьем» окружающей среды, эко-терапевтические практики используют преимущественно естественную природную среду [1].

Важное значение в арт-терапии имеет определение персонализации среды и это, во многом определяет характер взаимодействия участников занятий с окружающим их пространством и это выступает одним из важнейших задач арт-терапии, таких как: формирование или восстановление здорового образа Я; совершенствование адаптивных моделей поведения, основанных на творческом взаимодействии со средой, деятельности; поддержка художественной (творческой) идентичности личности; обретение экзистенциальных, духовных ориентиров и смыслов существования; коррекция нарушенных отношений личности.

Эти задачи и методы, применяемые в эко-арт-терапии, благотворно влияют на развитие младших школьников и помогают экологично, без насилия над личностью ребенка, проводить развивающие и терапевтические взаимодействия.

Полноценное развитие личности ребёнка в детстве связано с его эмоциональным развитием. Эмоциональная система, как и когнитивная, обеспечивает регуляцию поведения и ориентировку в окружающем мире. Эмоции – это система «быстрого реагирования» на любые важные с точки зрения потребности изменения внешней среды. Положительные эмоции повышают психическую активность, настраивают на решение той или иной задачи. Отрицательные эмоции снижают психический тонус и обуславливают пассивные способы защиты [2].

Эмоциональное раскрепощение в процессе творчества и взаимодействия с окружающей средой становится особенно актуальным для детей младшего школьного возраста, т.к. эмоциональное благополучие для них является важнейшим достижением в развитии личности. Через методы эко арт-терапии ребенок, может раскрыть свою личность, лучше понять себя, справиться со своими страхами и переживаниями, а так же научиться лучше взаимодействовать с окружающим его миром.

Список литературы

1. Копытин А. И. Техники ландшафтной арт-терапии / А. И. Копытин, Б. Корт. – М.: Когито-Центр, 2013.
2. Мухина В. С. Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество. – [2-е изд.] / В. С. Мухина. – М.: Издательский центр «Академия», 1997. – 546 с.
3. Buzzell L. Ecotherapy: Healing with nature in mind / L. Buzzell, C. Chalquist. – San Francisco CA: Sierra Club Books, 2009.
4. De Young R. Restoring mental vitality in an endangered world / De Young R. // Ecopsychology. – 2010.
5. Doherty T. J. Psychologies of the environment / T. J. Doherty // Ecopsychology. – 2011.
6. Копытин А. Green Studio: nature and the arts in therapy / А. Копытин, М. Rugh. – Happaug, NY : Nova Science Publishers.

УДК 159.9

ЛИЧНОСТЬ В ТРУДНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ

Баряхтар О.Ф.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
oksana-neverland@mail.ru

В психологической науке последнее десятилетие проблема трудной жизненной ситуации вызывает значительный интерес. Ученые и практики исследуют поведение человека в различных ситуациях (в частности трудных и кризисных), особенности стрессоустойчивости, жизнестойкости личности, различные проявления стрессовых и постстрессовых явлений,

влияние различных ситуаций на физическое и психическое здоровье индивида, факторы, определяющие выбор действий человека в трудных обстоятельствах, личностные ресурсы. Исследование психологических особенностей, проявляющихся в трудных жизненных обстоятельствах, приобретает особое значение, проявление личностных качеств, в частности, активности, жизнестойкости, обуславливают содержание необходимой психологической поддержки и помощи.

Жизненный путь человека, складывается из отдельных фрагментов, конкретных ситуаций (А. Адлер, Б.Г. Ананьев, С.Л. Рубинштейн). Согласно концепции научной школы С.Л. Рубинштейна субъектом жизненного пути выступает личность, в качестве объекта жизнедеятельности выступают дискретные жизненные ситуации.

Одинаковые ситуации, вызывают различные переживания: «... жизненные ситуации могут восприниматься людьми по-разному в зависимости от их жизненного опыта (прежде всего, от того, как он воспринимается и осмысливается самим человеком) и от объективно существующих обстоятельств, жизненных условий» [2, с. 53].

Ситуации неопределенности, фрустрирующие на субъективном уровне вызывают чувство трудности. Трудная жизненная ситуация выступает в качестве обусловленного внутренними и внешними факторами фрагмента действительности. Показателем трудности ситуации является нарушение адаптации, в результате чего субъект перестает удовлетворять свои основные жизненные потребности посредством внутренних моделей и внешних способов поведения, выработанных в предыдущие периоды жизни.

Н.Г. Осухова описывает техники, которые люди применяют в случаях, когда они вынуждены признать, что их попытки решить сложные задачи и улучшить жизненную ситуацию были неудачными. При таких обстоятельствах человек стремится сохранить или восстановить позитивное отношение к себе, ощущение личностного благополучия. Среди таких приемов автор называет: обесценивание объекта; коррекция своих ожиданий и надежд; принятие ситуации такой, какая она есть; положительное толкование своей ситуации [3]. Факторы, которые вызывают психическое напряжение, могут выходить за пределы диапазона возможностей человека; усложнять условия деятельности, которые субъективно воспринимаются, понимаются и оцениваются человеком как трудные, опасные; ведут к появлению состояния динамического рассогласования и требует максимальной мобилизации ресурсов организма.

Теоретический анализ современных исследований, позволил выделить особенности проявления ситуации на индивидуальном уровне: тревожность, активизация психофизиологической стрессовой реакции; активизация защитных психологических реакций человека; амбивалентность чувств, поведенческая и когнитивная дезориентация;

экстремальная мобилизация сил и возможностей человека; угроза безопасному существованию человека, в связи с возникновением опасных для жизни условий. Как следствие негативного влияния трудной жизненной ситуации, выделяют группу дезорганизующих «искаженных реакций»: неадекватная гиперактивность; обострение хронических соматических заболеваний; изменения в отношениях с родственниками, друзьями; возникновение враждебного отношения к определенным лицам; изменение привычных стереотипов поведения; аутоагрессивное поведение, которое наносит вред здоровью, социальному или экономическому статусу; тревожно-депрессивное состояние (расстройства сна, чувство никчемности, желание понести наказание, мысли о самоубийстве) [1].

Факторы, которые вызывают психическое напряжение, могут иметь отрицательное, дезорганизующее и положительное, мобилизирующее воздействие на человека. Рассмотрим положительные изменения в эмоциональной сфере личности, как ресурсное состояние, вызываемое действием таких ситуаций. К таким изменениям исследователи относят: способность быстро реагировать на все изменения условий окружающей обстановки; выносливость и работоспособность, проявляется неприхотливостью в дискомфортных условиях; волевые качества, этап принятия решения сокращается, прогнозирование развития ситуации оптимально сочетается со здоровым риском; активизацию деловых мотивов, чувство долга; активизацию познавательной деятельности, интуиции; проявление интереса, энтузиазма.

Р. Мосс, Дж. Шефер сформулировали пять основных видов задач, которые предстают перед человеком в трудных ситуациях [5, с. 10-13]:

1. Установить смысл ситуации (понять, что произошло) и определить его значение для себя.

2. Реакция человека на требования затруднительной и/или кризисной ситуации и попытка индивида противостоять ей.

3. Необходимость поддерживать отношения с членами семьи, друзьями, другими людьми, теми, кто способен оказать поддержку.

4. Сохранение разумного эмоционального баланса, управление негативными чувствами, возникающими вследствие неблагоприятных обстоятельств и ситуаций.

5. Сохранение и поддержание «образа себя», социальной идентичности, уверенности в себе.

Авторы делают вывод, что постепенное решение поставленных задач приводит к успешному преодолению затруднительной ситуации.

Для того чтобы изменить трудную ситуацию, большинство авторов предлагают следующие этапы: помочь человеку принять ситуацию; обозначить основные трудности в жизни человека; сгруппировать, классифицировать ситуации, происходящие в жизни; рассмотреть трудную ситуацию как возможность обретения нового опыта, нового качества, определить ее смысл и поучительное влияние. Для этого важно помочь

человеку избавиться от традиционно негативного взгляда на трудную ситуацию как ненужную и требующую немедленного решения. Следующий этап – непосредственное изменение трудной ситуации. На этом этапе важно установить, как человек представляет желаемый результат. Последним этапом должен стать выбор пути, который приведет к изменениям. Трудность на этом этапе будет составлять страх совершения неправильного выбора, сложность выбранного пути, необходимость четко придерживаться намеченного и стремления быстрых результатов и изменений. Кроме личностных и ситуативных факторов, определяющих успешность переживания трудных и кризисных ситуаций, представляет ценность социальная и психологическая поддержка, которая проявляется в психологическом направлении, организации рефлексии, осмысления, активизации, направлении активности человека в нужном русле [4, с. 159-162].

Именно поддержка и помощь от других лиц, социального окружения является тем дополнительным ресурсом, мобилизация которого должна привести к преодолению невзгод. Помощь может предоставляться любыми людьми: родными, близкими, друзьями, знакомыми или же специально профессионально подготовленными специалистами.

На уровне личности, можно выделить факторы, которые: способствуют недопущению развития трудных и кризисных обстоятельств, их предупреждению (жизнестойкость, стрессоустойчивость, психологическая устойчивость, личностный ресурс и его составляющие); определяют отношение личности к жизни в целом (уровень осознания, переосмысления, поисковая активность, ответственность, осуществление жизненного выбора); характеризуют действия человека в условиях преодоления затруднительных и кризисных ситуаций (копинг-поведение, поиск ресурсов).

Трудная жизненная ситуация может стать вызовом для человека, требуя осознанного, развернутого, аргументированного решения задачи на смысл, развития автономии, независимости от внешних и внутренних условий жизни; сформировать новое отношение к жизни.

Список литературы

1. Бурлачук Л. Ф. Психология жизненных ситуаций: учебное пособие / Л. Ф. Бурлачук, Е. Ю. Коржова. – М.: Российское педагогическое агентство, 1998. – 263 с.
2. Коржова Е.Ю. Психологическое познание судьбы человека. – СПб., 2002. – 334 с.
3. Осухова Н. Г. Психологическая помощь в трудных и экстремальных ситуациях: учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений / Н. Г. Осухова. – 2-е изд., испр. – М.: Академия, 2007. – 288 с.
4. Хухлаева О. В. Основы психологического консультирования и психологической коррекции: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / О. В. Хухлаева. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
5. Moss R. H. Life transitions and crises / Moss R. H., Schaefer J. A. // Coping with life crises. An integrative approach. – New York : Plenum Press, 1986. – P. 3-28.

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ ДОНБАССА

Безродный В.И., канд. психол. наук, доц.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
bezrodnuy@rambler.ru

Проблема этнической идентичности – одна из самых дискуссионных и широко обсуждаемых в философии, социально-гуманитарных науках, включая психологию. Так, теоретическая разработка проблемы этнической идентичности в философии рассматривается как разработка понятийного аппарата, методологических основ познания; в социально-гуманитарных науках – как социальное явление, конкретно в психологии – как социально-психологическое. При этом отмечается потребность в междисциплинарном подходе, как наиболее эффективном и продуктивном.

Актуальность проблемы этнической идентичности вытекает из противоречий, сложившихся в современном мире, переосмысления места человека в мире и понимания мира в рамках культуры постмодерна и технологического рывка.

Современная картина мира понимается как сочетание глобальных и локальных процессов, которые приводят к: трансформации представлений человека об окружающей действительности; поиску стратегий саморазвития социальных групп; необходимости решения проблемы самосохранения групп в период социального становления или кризисных явлений; планированию своего будущего [1].

Поиск идентичности человека в глобальном мире обозначается как «остросовременная» проблема самопонимания, самосознания, самопознания. Российский философ М. Мамардашвили в середине прошлого столетия обозначил проблему идентичности как общекультурную проблему настоящего столетия, сопоставимую с общеевропейской кризисной проблемой личности начала XX века: как проблему личности мыслящего, сознающего и переживающего человека; главное действие – найти себя, установить тождество с самим собой; главный страх перед акмэ – страх не сбыться, не осуществиться, «не родиться» как личность [2].

Э. Гидденс, английский социолог, связывал проблему идентичности с процессами глобализации, как «главное сражение будущего» на разломе экзистенциальных ценностей, предпосылкой которого являются два противонаправленных процесса: обращение к собственной этнической идентичности против тенденции «универсализма», размывания этнических форм бытия, подрывающие нормативность уклада жизни [3].

Современными исследователями отмечается, что психологические причины роста этнической идентичности едины для всего человечества. Психологический аспект широко изучается в рамках таких процессов, как изменение социальной среды, межэтническое взаимодействие и конфликты, формирование этнических общностей, сохранение традиционных форм жизнедеятельности, формирование и развитие жизненного пространства или жизненной модели социальных групп в ситуации угроз или внешнего давления и др. Динамика этих процессов такова, что комплекс проблем, переживаемых осознанно и неосознанно, практически для большинства людей представляет комплекс сложностей, включая психологические. Эти «сложности» обостряют проблему идентичности человека, подвергают сомнению ценность этнической идентичности, баланс которой может быть нарушен по любому критерию, будь то: статус этнической группы, личные или групповые притязания и интересы, культурные и ценностные нормы, употребление «родного» и «навязанного» языка и т.д. [4–6].

В условиях социально-культурных, экономических, политических изменений, происходящих на данном этапе исторического развития Донбасса, этнокультурной неоднородности региона существенным является факт наличия качественных изменений внутри этнокультурной системы, влияющих на формирование, трансформацию и поиск новых форм этнической идентичности, пересмотр социальных, этнических представлений.

Новые условия жизнедеятельности обусловлены рядом факторов. Во-первых, в результате исторического развития Донбасса сформировалась уникальная этнокультурная среда: народы прирастая к основному ядру, вносили свои мировоззренческие, эстетические, этические особенности, самобытный уклад жизни, в следствии чего был накоплен эффективный культурный, коммуникационный, жизненный опыт, позволяющий регулировать не только внешние формы поведения, но и решать проблему определенности человека, его представления о себе. Во-вторых, существует объективная возможность для возникновения специфических этнических маркеров, определяющих «узнавание» своих членов социума от других, совокупность которых особым образом может структурировать социальное поведение членов группы и влиять на формирование этнической идентичности представителей ДНР: изменение социальной реальности выражается в возникновении новых традиций, нормативно-ценностных ориентиров, идеалов, стратегий поведения, психологических границ, использование символов, отражающих принадлежность к Республике и др. В-третьих, изменение социальной реальности влияет на вытеснение прежних программ социального взаимодействия, что может вызвать стрессовые эффекты, изменение критериев оценки удовлетворенности от жизни как на личностном, так и

на групповом уровне, пересмотр человеком своего места в социальном пространстве и своей принадлежности к определенной социальной группе. Качественные трансформации в новых социальных условиях могут сказаться как на взаимоотношениях представителей этноконтактных групп, так и на отношении ее представителей к себе.

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что проблема этнической идентичности является предметом широких дискуссий среди ученых социально-гуманитарных наук, научному анализу подвергаются социально-психологические явления, возникающие в процессе глобальных и локальных тенденций.

Поиск идентичности рассматривается как проблема самопонимания, самосознания, самопознания. Психологические причины роста этнической идентичности актуализируются в период социальных трансформаций.

Исследование этнической идентичности в психологическом аспекте направлено на выявление этноспецифичных характеристик, взаимосвязей на индивидуально-групповом, личностном уровне в различных социально-психологических условиях.

В рамках данного исследования значимым является фиксация доминирующих тенденций в этноконтактирующих группах, трансформации этнической идентичности, ее особенностей и содержания у молодежи ДНР.

Список литературы

1. Заковоротная М.В. Идентичность человека. Социально-философские аспекты. Ростов-на-Дону: Изд-во Сев.-Кавк. научн. центра высш. шк., 1999. – 121с.
2. Гидденс Э. Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь: Пер. с англ. – М.: Весь мир, 2004. – 116 с.
3. Мамардашвили М.К. Философские чтения. – СПб.: Азбука-классика, 2002. – 832 с.
4. Сергиенко Н.Л., Муха В.Н., Семенова В.В., Харченко В.Д. Взгляд на проблемы этнического самосознания сквозь призму синергетического подхода [Электронный ресурс] / Н.Л. Сергиенко, В.Н. Муха, В.В. Семенова, В.Д. Харченко. – Электрон, дан. – Современные исследования социальных проблем, №12 (56), 2015.
5. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. – М.: Смысл, 1998. – 389 с.
6. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: Учебник для вузов /– 4-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2009. – 368 с.

ОСОБЕННОСТИ ЭТИКИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Бунтовский С.Ю., канд. экон. наук,

Борисенко Ю.Л.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет
имени И.Т. Трубилина», Россия, г. Краснодар

buntovskiy@rambler.ru, yulechka_borisenko1997@mail.ru

Этика государственных служащих, а также соблюдение ими нравственных ценностей и профессиональных установок ведет к позитивному формированию демократических устоев в обществе, что улучшает информационную прозрачность и работу государственных органов. Однако сейчас профессиональная этика госслужащих имеет определенную нестабильность, что обуславливается зависимостью от определенных обстоятельств, например, отсутствием каких-либо существенных санкций за ее несоблюдение. В российской сфере государственной службы сформированы определенные особенности профессиональной этики государственного служащего. Поэтому необходимо рассмотреть их поподробнее.

В первую очередь, на уровень профессиональной этики госслужащего особую роль оказывают его личностные характеристики. Помимо этого, становление и развитие социальной и профессиональной компетенции работников органов государственной власти на данный момент происходит в условиях преодоления кризиса. Следовательно, если граждане неудовлетворены работой государственных структур, то оценка деятельности чиновников значительно снижается, вследствие чего, и падает и уровень их этики [1].

Российским законодательством подробно регламентирован вопрос, связанный с организацией государственной службы, действуют определенные принципы и признаки ее функционирования. К тому же, в существующем законодательстве определен статус госслужащего, который за последнее время претерпел ряд изменений. За последние десять лет в нашей стране произошли значительные преобразования, касающиеся сферы расширения нормативного регулирования государственной службы: сформировалась специальная нормативная база, которая регулирует трудовые отношения госслужащих [3].

Обществу необходимы госслужащие с высокой квалификацией, которые владеют теоретическими и практическими знаниями управления, готовы работать в условиях жесткой конкуренции и соблюдать нравственные и этические правила в деловых отношениях, как с другими служащими, так и

с гражданами. От поступков и поведения госслужащего напрямую зависит образ и имидж органов государственной власти в целом. Каждый государственный служащий должен быть доброжелательным, корректным, внимательным, профессионалом своего дела, а также уметь проявить терпимость в нужный момент и выслушать желания граждан и коллег.

Следует обратить внимание, что в Российской Федерации имеется достаточный опыт действия этических кодексов. В настоящее время было принято уже более 30 кодексов, определяющих этическое поведение государственных служащих в органах власти. Такие нормативные документы действуют на базе положений Типового кодекса этики и служебного поведения государственных и муниципальных служащих РФ, который был одобрен решением президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции 23 декабря 2010 года.

На основании данного кодекса этики и служебного поведения можно определить основные принципы госслужащего. Например, он должен осуществлять свои должностные полномочия добросовестно и на высоком профессиональном уровне ради обеспечения эффективной работы, как органов государственной власти, так и местного самоуправления. Государственному служащему необходимо быть независимым от влияния отдельных граждан или социальных групп, а также способным исключать действия, связанные с влиянием любых личных, имущественных или других интересов. Не меньшую роль играет и способность максимально эффективно использовать ресурсы, находящиеся под его ответственностью [2].

Однако имеется определенная проблема по внедрению в этические кодексы нашего государства ответственности за их нарушения, которая заключается в особенностях отечественной правовой системы: возможность юридически оформить нормы и их принципы является достаточно ограниченной [1]. К примеру, понести наказание может лишь тот, кто нарушит правовую норму, а нормы этики оставляют возможность произвольного общения. Также следует обратить внимание, когда гражданские институты слабо развиты, то моральная ответственность попросту «не будет работать», а привлечь к юридической ответственности за этические действия не позволят принципы права. Ну, а если в нашем законодательстве предусмотрена юридическая ответственность за коррупционные нарушения, то дублировать их в кодексе этики попросту не имеет смысла. Рассматривая трудовое законодательство, можно заметить, что невыполнение норм морали также не является основанием для применения каких-либо мер ответственности. Следовательно, единственными санкциями к государственному служащему за невыполнение кодекса этики является моральное осуждение.

Таким образом, чтобы добиться максимально высокого уровня соблюдения этических норм и правил в государственной службе, необходимо начинать обучать им уже не только дома и в школе, но и в

высших учебных заведениях. Именно вузы должны быть ориентированы на обучение навыкам поведения, которые необходимы в профессиональной деятельности государственного служащего. Значение таких знаний очень велико, так как именно в ходе обучения студенты получают всю необходимую теоретическую базу и практические навыки, которые им пригодятся в дальнейшей деятельности.

Список литературы

1. Гериханов С. С. Особенности этики государственного служащего [Текст] // Актуальные проблемы права: материалы V Междунар. науч. конф. (г. Москва, декабрь 2016 г.). — М.: Буки-Веди, 2016. — С. 34-37.
2. Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих (одобрен решением президиума Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции от 23 декабря 2010 г. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113505/ (дата обращения: 22.09.2018)
3. Шатова Т. А. Регулирование труда государственных служащих: постановка проблемы [Текст] // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы V междунар. науч. конф. (г. Казань, октябрь 2016 г.). — Казань: Бук, 2016. — С. 87-90.
4. Бунтовский С. Ю. Экономическая наука и вызовы новейшего времени / С. Ю. Бунтовский // Итоги научно-исследовательской работы за 2016 год. Материалы 72-й научно-практической конференции преподавателей (29 марта 2017 г.). Краснодар. КубГАУ. — 2017. — С. 451-452.
5. Бунтовский С. Ю. К вопросу о некоторых актуальных угрозах для Российской Федерации / Пятые стольпинские чтения. Публичная политика и социальные науки: материалы науч.-практ. конф. с международным участием. / от вред. В.М.Юрченко. — Краснодар: Кубанский государственный университет 2016. — 573 с.

УДК 159.9.172

ЧУВСТВО ОДИНОЧЕСТВА И АГРЕССИВНОСТИ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

Вильдгрубе С.А., канд. психол. наук, доц.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
S.Vildgrube@mail.ru

Введение. В настоящее время в нашей стране, в связи с изменениями в общественном сознании, вырос интерес к различным формам агрессии и одиночества среди детей и подростков. Общесистемный кризис приводит к постоянному увеличению группы риска, вследствие чего возрастает вероятность различных проявлений агрессивного поведения и одиночества и расширяется социально неадаптированный слой населения, среди которого дети и подростки, отягощенные проблемами отчужденности и одиночества.

Актуальность. Подростки – зеркало перемен, происходящих в обществе и микросоциальной среде. Неудивительно, что в настоящее время возрастает количество подростков, склонных к агрессии, которая является фактором риска противоправного поведения. Заострение противоречий, которые сопровождают переломные периоды развития общества, неопределенность в смысле жизни и отсутствие уверенности в будущем способствуют росту отклонений в поведении подростков. Как свидетельствует практика работы современной школы, это явление чаще наблюдается среди учеников подросткового возраста, который сам по себе является критическим с точки зрения психофизиологических изменений.

Учащение агрессивных проявлений является сегодня одной из острейших социальных проблем нашего общества. Агрессия, в какой бы форме она не проявлялась, представляет собой поведение, направленное на причинение вреда или ущерба другому живому существу. Издревле человечество проявляло интерес к феномену агрессии. И в наше время агрессия является предметом активных научно-практических исследований. Также в настоящее время не существует единого мнения о феномене одиночества - это норма или патология. Однако общим в различных психологических подходах является понимание одиночества как тяжелого эмоционального переживания, овладевающего чувствами, мыслями, поступками личности и возникающего в результате неудовлетворения потребностей в разделении чувств, общении и понимании человека значимыми людьми.

Актуальность настоящего исследования очевидна, так как агрессивное поведение и переживание одиночества у подростка может перерасти в устойчивое негативное психическое состояние, накладывающее отпечаток на все остальные чувства и переживания и даже стать препятствием для личностного развития.

Изучением проблемы агрессии и одиночества в подростковом возрасте занимались такие отечественные и зарубежные исследователи, как: А. Басе, Л. Берковиц, Р.С. Вейс, Т.Б. Джонсон, Т.В. Драгунова, Л.Э. Пепло, К. Рубинстайн, Т.Г. Румянцева, М. Кляйн, И.С. Кон, О.Ф. Кернберг, К. Лоренц, Г.С. Салливан, У.А. Садлер, Л. Семенюк, К. Хорни, Ф. Шейвер. Между тем проблема связи чувства одиночества и агрессивности у подростков в психологической научной литературе мало исследована. Это обстоятельство обусловило выбор темы настоящего исследования.

Целью настоящего исследования послужило: изучить связь чувства одиночества и агрессивности у подростков.

Для исследования используются следующие **методы**: теоретические – анализ, синтез, систематизация, сравнение, обобщение научной литературы и эмпирических материалов, которые касаются объекта исследования; эмпирические – наблюдение, беседа. Психодиагностический:

«Диагностический опросник «Одиночество» С.Г. Корчагиной», «Методика субъективного ощущения одиночества Д. Рассела и М. Фергюсона», «Фрейбургская анкета агрессивности», «Методика диагностики показателей и форм агрессии А.Басса и А.Дарки». Методы математической статистики: описательная статистика, коэффициент корреляции r-Пирсона.

Результат. Экспериментальные данные свидетельствуют о том, что низкий уровень переживания состояния одиночества, говорит об умении подростков находить новых друзей, раскованно себя чувствовать с окружающим людьми и легко идти на контакт. Средний уровень переживания чувства одиночества характерен для подростков, у которых нехватка общения, их межличностные отношения с окружающими носят поверхностный характер, они тоскуют по компании. Подростки с высоким уровнем чувства одиночества ощущают нехватку общения, беспомощность, отсутствие понимания со стороны близких и друзей. Таким образом, подростки, которые переживают чувство одиночества на низком и среднем уровнях, неизбежно сталкиваются с состоянием «разговор с собой», которое в свою очередь помогает им в этом обособлении, индивидуализации, развитии его личности. Осознание состояния одиночества связано с актуализацией расширяющихся социальных потребностей, присущих подростковому возрасту. Среди них: потребности в установлении значимых межличностных отношений; потребности в расширении дружеских отношений, в знакомстве с людьми различных социальных ориентаций и социального опыта; потребности в причастности, признании и с различным социальным опытом, желании быть принятым различными социальными группами. Потребностью в подростковом возрасте является и потребность в уединении, поскольку только наедине с самим собой подросток может осмыслить и «переварить» происходящие с ним изменения, оценить себя и свои отношения, определить линию своего поведения и свою позицию. Однако, постоянное желание подростка быть в одиночестве служит тревожным сигналом и показателем его негативных взаимоотношений со сверстниками, агрессивности, а возможно, и деструктивных изменений во внутреннем мире. Высокий уровень агрессивности свидетельствует о том, что подросток не умеет «переключить» агрессию на деятельность и неодушевленные объекты. Средний уровень агрессивности предполагает возникновение у подростка эмоционального отчуждения при общении с окружающими, сопровождаемое подозрительностью по отношению к ним. Низкий уровень агрессивности указывает на спокойное, выдержанное внутреннее состояние подростков.

Таким образом, наличие уровней агрессивности у подростков свидетельствуют о бурных физиологических изменениях, происходящие в организме подростков, о повышенной чувствительности подростков к тем или иным воздействиям извне, что в свою очередь обеспечивает

повышенную агрессивность подростков. Установленные корреляционные связи подтверждают, что чем больше глубина переживания одиночества, специфического чувства полной погруженности в самого себя, остро субъективного, сугубо индивидуального и часто уникального переживания, тем больше нарушается внутренняя целостность личности подростка, вызывая негативные переживания и агрессивность у подростков.

Список литературы

1. Вербицкая С.Л. От описания особенностей восприятия одиночества – к его определению // Прикладная психология. – 2002. – № 5. – С. 1-9.
2. Выготский Л.С. Педагогическая психология. М.: Педагогика-Пресс, 1996. – 536 с.
3. Глушкова Н.И. Психологические подходы к проблеме одиночества подростка // Успехи современного естествознания. – 2007. – № 1. – С. 59-60.
4. Кудрявцев И.А., Морозова Г.Б., Потнин А., Корзякова А., Семенова О. Психологический анализ смыслообразующих факторов деликвентного поведения подростков // Психол. журн. 1996. - Т. 17, № 5. - С. 76-89.
5. Малышева С.В. Особенности чувства одиночества у подростков.// Вестник Московского Университета. Сер. 14. Психология. 2001. – №3. – С. 61-65.
6. Массен П., Конджер Д., Каган Дж., Хьюстон А. Развитие личности ребенка / Психология подростка. Хрестоматия. Сост. Ю.И. Фролов. М.: РПА, 1997. — С. 141-175.
7. Реан А.А. Агрессия и агрессивность личности // Психологический журнал, 1996. – Т.17. – № 5. – С. 3-19.

УДК 159.964

ТОЛЕРАНТНОСТЬ К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ КАК ИНТЕГРАЛЬНАЯ ЛИЧНОСТНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Вилюзжанина Т.А., канд. психол. наук, доц.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
vilyuzhanina@mail.ru

Феномен толерантности к неопределенности тесно связан с актуальными проблемами современности, поскольку все возрастающие потоки необходимой информации и стремительное ускорение темпа жизни породили проблему глобальной неопределенности человеческого существования. Условия жизнедеятельности требуют от личности проявления психологической гибкости и выдержанности, умение принимать решения в ситуациях избыточного или ограниченного доступа к информации, применение внутренних ресурсов для успешного функционирования в неопределенных ситуациях, способности к личностной трансформации.

Жизнеспособность, успешность, благополучие и качество жизни человека во многом зависят от его возможностей справляться с неопределенностью бытия. В психологической науке такая возможность нашла свое выражение в конструкте «толерантность к неопределенности».

Толерантность к неопределенности трактуется как интегральная личностная характеристика, при этом показана связь этого феномена с когнитивно-стилевыми и личностными характеристиками человека (М.Н. Юртаева), развитием идентичности личности (А.И. Гусев), особенностями принятия решения в ситуации личностного выбора (Д.А. Леонтьев, А.Ю. Мандрикова), обнаружены социальная, культурная, профессиональная и возрастная специфика проявления толерантности к неопределенности.

Толерантность как интегральная характеристика личности формируется в результате воздействия социальных и психологических факторов, действующих в одном направлении и определяющих способность человека в проблемных и кризисных ситуациях активно взаимодействовать с внешним миром с целью восстановления своего нервно-психического равновесия, успешной адаптации, недопущения конфронтации и развития позитивных отношений с собой и с окружающим миром [1].

Особенно актуальны в контексте толерантности исследования поведения человека в кризисных, экстремальных ситуациях (техногенные и природные катастрофы, стихийные бедствия, военные действия, террористические акты), сложных проблемных ситуациях, связанных с профессиональной деятельностью, которые требуют огромного напряжения психологических и физиологических систем человека, нервно-психической устойчивости, проявления предельных возможностей, способности быстро и уверенно реагировать на изменение обстоятельств и принимать решения.

В ряде работ выделены следующие характеристики неопределенных ситуаций: новизна, противоречивость, сложность; множественная вариативность выборов и решений; непредсказуемость развития и вероятности события; невозможность управлять развитием событий, противостоять неожиданностям, предусмотреть их. При этом остается недостаточно исследованной связь между тем, как человек интерпретирует ситуацию неопределенности, и особенностями поведения в ней.

В ситуациях жизненной неопределенности человеку нужны дополнительные внутренние силы для преодоления различных трудностей и проблем, на поведение влияет способность к поиску адекватной информации и экстраполяции, умение прогнозировать [3]. Люди, не обладающие толерантностью к неопределенности, те, кто излишне стремится к определенности, упрощая явления окружающего мира, отличаются стереотипностью мышления, преувеличенным уважением к

власти, неумением понимать людей и анализировать их поступки, наличием серьезных личностных проблем, проявляют категоричность, а также оказываются неспособными к изменениям.

Люди различаются по уровню толерантности к неопределенности.

Е.Т. Соколова описала пять типов переживания субъективной неопределенности [5, с. 45-46]: 1) всепоглощающий негативный аффект, содержание которого составляет непереносимая тревога; 2) более «легкие» отрицательные эмоциональные состояния: двусмысленность, амбивалентность, многозначность, непредсказуемость, противоречивость, запутанность, сложность; 3) непереносимость неопределенности как ситуации отсутствия доступа к внутренним ресурсам «Я»: крайняя зависимость от социального окружения, конформизм, подчинение авторитету, власти, нивелирование собственного Я; 4) нарциссически-перфекционистский тип – маниакальная проекция, опьянение, хаос, отсутствие границ, любых сдерживающих нормативов и правил; 5) позитивные переживания: любопытство, надситуативная активность, игра фантазии, порождение новых смыслов, радость, азарт, инсайты, приводящие к творческому и осмысленному преобразованию ситуации неопределенности.

Таким образом, позитивное отношение к неопределенности возможно, и именно оно оказывается наиболее продуктивным для личностного развития и сопротивляемости стрессам. С. Мадди описывает готовность действовать в условиях неопределенности, готовность идти на риск без гарантий успеха как один из главных предикторов устойчивости к стрессам [4].

В контексте проблемы неопределенности О.А. Кондрашихина рассматривает конструктивную активность. Конструктивная активность в условиях неопределенности – это способствующая повышению адаптации личности система свободных, добровольных, рефлекслируемых действий, осуществляемых в целях преодоления, уменьшения, принятия неопределенности. В противовес конструктивной, неконструктивная активность проявляется в том, что между целью и результатом активности складываются противоречивые отношения: намерение не совпадает с деянием, замысел – с воплощением, побуждение к действию – с его итогом. Автор выделила характерные признаки конструктивной активности в условиях неопределенности: 1) повышение уровня адаптации (для надситуативной активности – развитие ситуации, появление новых вариантов решения и др.), 2) направленность на достижение результата, цели, 3) оптимальное соотношение цели и средств, затраченных на ее достижение 4) экологичность (соотнесенность с целями и благополучием других людей [2]).

Таким образом, неопределенность является неотъемлемой характеристикой жизни в современном мире, фундаментальным условием

бытия. Признание неопределенности и толерантность к ней выступает условием и признаком психологической зрелости и здоровья. Толерантность к неопределенности как качество личности противопоставляется стереотипности и авторитаризму, считается необходимым условием для успешной адаптации к новым неожиданным условиям и обнаружения новых возможностей, реализации личностного потенциала.

Список литературы

1. Гусев А.И. Проблематика научной классификации толерантности к неопределенности // Наука и образование. – 2005. – № 5–6. – С. 42-45.
2. Кондрашихина О.А. Характерные признаки, уровни и формы конструктивной активности в условиях неопределенности // Перспективы науки и образования. – 2014. – № 2 (8). – С. 158-162.
3. Леонтьев Д.А. Вызов неопределенности как центральная проблема психологии личности // Психологические исследования. – 2015. – Т.8, №40. – С.2. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения 27 сентября 2018).
4. Мадди С. Смыслообразование в процессах принятия решения. // Психологический журнал. – 2005 – № 26(6). – С. 87–101.
5. Соколова Е.Т. Клиническая психология утраты Я. – М.: Смысл, 2015. – 895 с.

УДК 159.9

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО АКТИВНОЙ ЛИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Волошко А.И.

ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка
nastena_volochko@mail.ru

В нашем постоянно меняющемся обществе, все более значимым становится социальное развитие человека. Все чаще мы убеждаемся, что только активная личность, которая способна успешно функционировать во всех сферах жизнедеятельности, может справиться с ответственностью за собственное будущее. Социальная активность – это осознанная и целенаправленная деятельность человека и ее целостное, социально-психологическое качество. Проявление социальной активности современной молодежи наблюдается в трудовой, общественно-политической и познавательной-творческой деятельности и заключается в том, чтобы быть полезным и для общества, и для себя [1]

Формирование социально активной личности – ответственная задача, в ходе которой происходит развитие определенных качеств, без которых деятельность, совершаемая личностью в обществе, редко может завершаться успехом. Каждая сформированная, социально активная

личность имеет определенный запас знаний, умений и навыков, желание постоянно его увеличивать, расширять кругозор, познавать мир.

При постановке цели, обязательно присутствует видение результата, к которому необходимо прийти в конечном итоге. Собственно, поэтому, необходимо понимание того, как характеризуется личность молодого активиста.

Итак, активная жизненная позиция, прежде всего, означает отсутствие равнодушия к обществу и к тому, что происходит вокруг человека. Именно поэтому, социально активная личность характеризуется заинтересованностью, небезразличным поведением и высоким уровнем эмпатии.

Отсюда появляется потребность в таких развитых качествах: коммуникабельность, дружелюбие, внимательность и уважительность по отношению к людям. Активисту присуще умение успешно выстраивать взаимоотношения в коллективе на основе взаимодействия и сотрудничества. Это обосновано тем, что любая деятельность активного в обществе человека осуществляется в коллективе, который в свою очередь требует гуманного отношения. В противном случае, на пути к запланированному результату и достижению общей или личной цели непременно возникнут проблемы в связи с разногласиями в группе.

Немаловажное значение имеет наличие такого качества, как жизнерадостное мироощущение. Человек, который отличается частым грустным видом, самочувствием, не умеющий радоваться мелочам, ценить позитивные моменты и получать удовольствие от того, что делает, не сможет позитивно влиять на окружение и изменить настроение общества, в случае проблем и негативных ситуаций. Человек, осознающий свой достойный смысл жизни, заражает оптимизмом, оживленностью, бодростью, ведь поставленная цель и успешное движение к ней создает соответствующее настроение у самого активиста. Также, активная личность умеет самостоятельно контролировать собственное поведение, ведь отличается высоким самоконтролем и дисциплинированностью.

Одним из наиболее важных качеств является уверенность в собственных силах. Только личность, обладающая уверенностью в себе, способна проявлять инициативу, отстаивая целесообразность своих идей, взглядов и мнений, быстро принимать решения в нестандартных ситуациях, с уверенностью в том, что его действия не усугубят ситуацию и не причинят вред окружающим. В процессе работы человеку необходимо знать, что он способен успешно достичь цели [2].

Уверенная в себе личность способна совершать заметные перемены в жизни общества, применяя творческие способности, знания по различным направлениям, навыки общения и т.д. Следует также отметить развитые многокультурные навыки, высокую обучаемость и умение делать правильный выбор.

Рассмотрев характеристику социально активной личности, необходимо также отметить, что человек получает определенный опыт, который способствует возникновению новых потребностей и личностных качеств, в результате выполнения различных форм активной деятельности (например, волонтерство, социальное проектирование и т.д.) [3].

Наиважнейшим методом поддержки уровня социальной активности, по нашему мнению, выступает потенциальное развитие и рост. Проявление социально значимой активности требует огромных затрат сил, энергии, терпения и времени, поэтому, при отсутствии условий для успешной самореализации присутствует вероятность ослабления мотивации. Собственно поэтому, для человека очень важно, успешно обретая знания, умения, навыки и опыт, реализуясь на местном уровне, при наличии стремления иметь возможность реализации на региональном, государственном, и даже мировом уровнях.

Подводя итоги, следует сделать вывод, что в обществе существует потребность в усиленном стремлении формировать социальную активность у современной молодежи, уделять внимание развитию качеств, необходимых для успешной деятельности в обществе, ведь общество действительно нуждается в социально активных личностях, которые выражают устойчивую позицию, осуществляют деятельность, имеющее значение в обществе. В результате, социальная активность успешно развивающейся личности может стать проявлением позитивных нововведений, которые так необходимы обществу.

Список литературы

1. Ситаров В. А. Социальная активность личности (уровни, критерии, типы и пути ее развития) / В. А. Ситаров, В. Г. Маралов // Знание. Понимание. Умение. – М.: Изд-во Москов. гум. ун-та, 2015. – Вып. № 4. – С. 164–176
2. Проскурякова Т. В. Самореализация личности – это что такое? Как связаны самоопределение и самореализация личности [Электронный ресурс]/Т.В.Проскурякова.–2016. – <http://fb.ru/article/285477/samorealizatsiya-lichnosti-eto-cto-takoe-kak-svyazanyi-samoopredelenie-i-samorealizatsiya-lichnosti>.
3. Тетерский С. В. Социальные инициативы детей и молодежи: поддержка общества и государства: монография / С. В. Тетерский. – М.: РЕГЛАНТ, 2003. – 214 с.

АНАЛИЗ ПРИРОДЫ И ХАРАКТЕРА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭТИКИ

Габаташвили Е.В.,

Бунтовский С.Ю., канд. экон. наук, доц.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет
имени И.Т. Трубилина», Россия, г. Краснодар
egabatashvili@bk.ru

На протяжении всей своей жизни люди формируют определенный набор ценностей и идеалов, которые в дальнейшем будут играть очень важную роль в принятии того или иного решения. Как правило, такие вещи устанавливаются у нас в подсознании еще с раннего детства. Несмотря на то, что ребенок в 6 лет может понимать далеко не все вещи, они могут откладываться у него глубоко внутри. Подобным образом дети усваивают этические нормы, наблюдая за поступками, которые совершают их родители или близкие родственники. Так формируется морально-этический облик человека, который впоследствии будет шлифоваться и трансформироваться под влиянием внешних сил.

Этика, по своей природе, является фундаментом для нравственности и морали. Она находит свое проявление во множестве сфер жизнедеятельности человечества, в том числе и в политической. Под политической этикой понимается совокупность моральных ценностей и норм, которые имеют прямое или косвенное отношение к политике, к ее институтам, взаимосвязям между субъектами, мировоззрению и поведению отдельных членов всей системы.

Отдельной областью, базирующейся на изучении особенностей власти и государства, можно назвать политическую философию, которая выступает в роли нормативной теории, основывающейся на определении ценностей каждой отдельной личности и всей системы государственной власти в целом. В процессе анализа понятия «власть» и поведения правителей страны, философы в различных периодах истории человечества пытались понять, что в деянии руководителей стран должно быть направлено на продуктивное изменение в лучшую сторону и как им предотвратить ухудшение существующей обстановки. В рамках политической философии необходимо уделить внимание ее особенному элементу – политической этике. При возникновении функциональных подсистем происходит выделение политики в виде специализированной деятельности, для которой характерно наличие своих целей, институтов, норм, ценностей и определенных связей [2].

Возникновение морали основано на потребности общества в регулировании поведения как одного человека, так и группы лиц в различных сферах жизнедеятельности. Мораль также выступает в качестве одного из способов осознания людьми сложных процессов, протекающих в

социуме, что является, в свою очередь, одной из проблемы морали.

Политической борьбе свойственно возникновение столкновений морально-установленных понятий. Помимо этого ей характерны определенная тактика и стратегия, а также цели, которые подкреплены внутренней моральной ориентацией. Необходимо отметить взаимовлияние морали и политики: мораль может оказывать определенное влияние на политику посредством нравственных оценок, но и политика, в свою очередь, может оказывать воздействие на общепринятую мораль, порой противореча ей.

По мнению большинства авторов, политический лидер в своей деятельности должен соизмерять поступки с этическими нормами, и оценивать свои действия не как реализацию личных интересов (повышение популярности, славы, стремление к власти), а как готовность нести конкретную ответственность за совершаемые поступки. Ему необходимо заботиться об обществе через призму своих интересов, которые, в свою очередь, должны приносить общественные блага, отвергая любые желания получить все больше власти над другими, показывая свой доминирующий потенциал.

Каждый политический деятель обязан достойно принимать успехи и поражения в своей деятельности; работать сообща с другими политическими субъектами и населением; основываться на таких моральных ценностях, как справедливость, бескорыстие, верность, правдивость; понимать интересы и задачи политики, а также последствия, которые могут возникнуть после принятия им управленческого решения [1].

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что существует определенная двойственность в проявлении политической этики, она как направляет политическую волю, так и ограничивает вариативность действий политика. Она необходима для легитимизации власти народных представителей и она же препятствует наиболее эффективным, но аморальным действиям в борьбе за власть и реализацию политических амбиций. Действующий политик вынужден постоянно маневрировать, ища наилучшее соотношение между моралью и целесообразностью в конкретных исторических условиях, и его успех зависит от того, насколько точно соблюдается баланс между двумя крайностями: морализаторством и аморальностью.

Список литературы

1. Гериханов С. С. Особенности этики государственного служащего [Текст] // Актуальные проблемы права: материалы V Междунар. науч. конф. (г. Москва, декабрь 2016 г.). — М.: Буки-Веди, 2016. — С. 34-37.
2. Кутуб-Заде А.О., Никитин Г.М. Источник и природа политической этики // EuropeanScientificConference: сборник статей победителей III Международной научно-практической конференции: в 2 частях. — 2017. — С. 131-133.
3. Бунтовский С. Ю. Законодательная техника / Бунтовский С. Ю., Бондаренко А.О. // Экономика и управление в XXI веке: стратегия устойчивого развития: сборник статей II Международной конференции / под общ.ред. Г.Ю. Гуляева — Пенза: МЦНС «Наука и просвещение», 2017. — С. 165-167.

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ОКРУЖАЮЩЕГО МИРА ДЕТЬМИ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Галинская Н.А.,

Яновский М.И., канд. психол. наук, доц.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

Одной из главнейших проблем детской психологии является проблема условий и причин двигающих развитие психики ребенка. Длительное время одни авторы считали, что решающее значение имеет наследственность, другие предпочтение отдавали среде. По мнению Выготского, Рубинштейна, Леонтьева и др. в развитии ребенка, вместе с двумя первыми, возникает еще одна форма это – социальный опыт который ребенок усваивает на протяжении всего детства. В процессе усвоения этого опыта происходит не только приобретение детьми определенных знаний и умений, но и осуществляется развитие их способностей, формирование их личности. Ребенок приобщается к духовной и материальной культуре, созданной обществом, в процессе деятельности с помощью общения со взрослыми [1].

Старшие дошкольники воспринимают сведения об окружающей среде достаточно быстро, включая воспринятое в собственный жизненный опыт. Большинство высказываний, оценок детей еще не являются результатом их размышлений, хотя непосредственно наблюдая, у них уже сложились определенные отношения на основе причинно-следственных зависимостей.

Современный мир переполнен техническими и информационными технологиями. Компьютерные игры, мобильные телефоны, интернет являются основным источником информации и времяпровождения современных детей.

Из этого вытекает гипотеза данного исследования: современные информационные технологии являются основными объектами восприятия окружающей действительности у детей старшего дошкольного мира.

Цель данного исследования – изучение особенностей восприятия окружающего мира детьми старшего дошкольного возраста.

Основными методами в работе с детьми дошкольного возраста являются проективные методики. Начиная, с 4–5-летнего возраста дети постепенно расширяют количество изображаемых объектов, тематику рисунков и при поддержке взрослого преодолевают привычные графические шаблоны. В это время дети рисуют особенно много, причем не, только реальные объекты, но и фантастические персонажи. Поэтому в данном исследовании для изучения особенностей восприятия окружающего мира детьми старшего дошкольного возраста использовался

рисуночный метод. Именно по средствам детского рисунка можно узнать о внутреннем мире ребенка, о его восприятии окружающей среды. То, что ребенок практически еще не в состоянии выразить вербальными средствами он выразит с помощью рисунка [2].

Исследование проводилось в дошкольном учреждении города Донецка. В исследовании приняло участие 28 детей старшего дошкольного возраста из двух групп. Основным критерием, по которому были выбраны испытуемые, составившие данную выборку, это дети старшего дошкольного возраста (5,5 и 6 лет).

Исследование проводилось в групповой форме. Детям предлагалось после предварительной беседы нарисовать рисунок на тему «Я люблю свой мир», после чего дети презентовали свои рисунки, рассказывая, что они нарисовали. В процессе исследования дети проявили интерес к выполнению рисунков.

Полученные результаты обрабатывались с использованием контент-анализа, где анализировались: общая тематика рисунка и элементы рисунка (детали).

В результате анализа рисунков детей старшего дошкольного возраста были выделены следующие содержательные темы (табл. 1).

Таблица 1

Общая тематика рисунков

№ п/п	Содержательная тема рисунка	Количество повторов
1	Природа	9
2	Космос	7
3	Люди	5
4	Строения	4
5	Транспорт	3
	Сумма	28

Согласно полученным данным в таблице 1 наиболее часто повторяющимися содержательными темами, представленными в детских рисунках, являются природа и космос, менее представленными являются строения и транспорт.

В результате анализа изображенных элементов в каждом детском рисунке были получены следующие данные (табл. 2).

Согласно данным в таблице 2 наиболее часто повторяющимися в детских рисунках являются элементы, относящиеся к живой природе (33 элемента) и неживой природе (30 элементов). Менее встречающиеся относятся к группе транспорт (4 нарисованных элемента).

Таким образом, полученные результаты опровергают поставленную гипотезу, и современные информационные технологии не являются основными объектами восприятия окружающей действительности у детей старшего дошкольного возраста.

Таблица 2

Изображенные элементы рисунка

Тематика		Нарисованные элементы	Количество повторов
природа	живая	трава	11
		цветы	11
		деревья	6
		насекомые	2
		грибы	1
		животные (кошка)	1
		птицы	1
		Всего	33
	неживая	солнце	13
		небо (облака)	8
		радуга	3
		море	3
		дождь	2
		горы	1
		Всего	30
Космос	планеты	6	
	инопланетяне	1	
	космические аппараты	1	
	Всего	8	
Люди	люди	5	
	Всего	5	
Строения	дома	4	
	детские площадки	1	
	Всего	5	
Транспорт	машины	2	
	светофор	1	
	корабль	1	
	Всего	4	

Полученные данные необходимо для достоверности проверить на большей выборке и сравнить с разными возрастными группами (младшим школьным и средним). Также на достоверность полученных результатов могла повлиять предварительная беседа с детьми.

Список литературы

1. Мухина В.С. Психология дошкольника / Под ред. Л.А. Венгера. - М.: Просвещение, 2005. – 239 с.
2. Мухина В.С. Изобразительная деятельность ребенка как форма усвоения социального опыта. – М.: Педагогика, 1981.
3. Немов, Р.С. Психология [Текст]: Учеб. для студентов высш. пед. учеб. заведений в трех книгах / Р.С.Немов. –2-е изд. – М. Просвещение: Владос, 1995. – Книга 1. – 576 с.

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ О ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ПОНЯТИЯ «СОСТРАДАНИЕ»

Голышева Н.В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

golysheva-nadya@mail.ru

Большое значение в профессиональной и личностной компетенции будущего психолога занимает способность к состраданию, эмпатии. Отечественный психолог Ф.Е. Василюк в труде «Молитва и переживание в контексте душепопечения» указывает на «три типа этических реакций на беду другого – содействие, совет, сочувствие». Автор подчеркивает, что «чаще всего нам остается лишь одна возможность – сочувствия, сострадания человеку в беде»[1, с. 115-116].

Сострадание – высшее этическое чувство, которое дает возможность психологу прочувствовать, понять переживания другого человека и в итоге использовать адекватные способы взаимодействия в процессе оказания психологической помощи. Будущий психолог, по нашему мнению, должен не только обладать определенным уровнем способности к состраданию, но и понимать смысл и значение данной категории.

Целью нашего исследования является анализ психосемантической структуры понятия «сострадание».

В исследовании приняли участие студенты специальности «Психология» 1–5 курса, дневной и заочной форм обучения. 270 испытуемых из них 225 женщин, 45 мужчин в возрасте 17–49 лет.

На предварительном этапе исследования с помощью контент-анализа научных текстов был выделен набор категорий, входящих в состав понятия «сострадание». В список вошла 31 категория – наиболее весомых (частотных). Список был дополнен антонимами и объединен в опросный лист по типу семантического дифференциала. Далее респондентам было предложено оценить понятие «Сострадание» по шкале от 3 до -3 с помощью предложенных пар характеристик [2].

На основе полученных ответов вычислялись средние значения и ранги каждой категории.

По результатам ранжирования данных (табл. 1) можно отметить, что наиболее выражены в понятии «сострадание», по мнению респондентов, следующие категории: отзывчивость, сочувствие, милосердие, понимание, мягкосердечность. В пятерку наименее представленных категорий входят: произвольность, печаль, интуитивность, внушаемость, ситуативность [2].

Результаты для полной выборки представлены в табл. 1.

Таблица 1

Результаты распределение категорий в понятии «сострадание» по рангам

Шкалы	Среднее	Ранг	Шкалы	Среднее	Ранг
Отзывчивость	2,4	1	Сопричастность	1,7	18
Сочувствие	2,3	2	Доверие	1,7	18
Милосердие	2,2	4	Впечатлительность	1,7	18
Понимание	2,2	4	Сензитивность	1,5	20,5
Мягкосердечность	2,2	4	Надежда	1,5	20,5
Содействие	2,0	8,5	Согласованность чувств	1,3	22
Дружелюбие	2,0	8,5	Позитивность	1,0	23
Чувствительность	2,0	8,5	Социальность	0,9	24
Добро	2,0	8,5	Сознательность	0,8	25
Душевность	2,0	8,5	Безоценочность	0,1	26
Бескорыстие	2,0	8,5	Непроизвольность	- 0,1	27,5
Альтруизм	1,9	12	Печаль	- 0,1	27,5
Деликатность	1,8	14,5	Интуитивность	- 0,5	29
Искренность	1,8	14,5	Внушаемость	- 0,7	30,5
Открытость	1,8	14,5	Ситуативность	- 0,7	30,5
Симпатия	1,8	14,5			

Далее с помощью t-теста (критерия Стьюдента) были проверены различия между старшими и младшими курсами по средним значениям всех категорий. По результатам сравнения средних значений категорий, представленных в понятии «сострадание», в группах младших и старших курсов можно констатировать, что в группе студентов 1-2 курса в понятии «сострадание» более высокими баллами оцениваются такие категории, как отзывчивость ($t = 2,980$; $p \geq 0,01$), симпатия ($t = 3,543$; $p \geq 0,001$), доверие ($t = 2,839$; $p \geq 0,01$), добро ($t = 2,207$; $p \geq 0,05$).

Сравнения средних показателей категорий, представленных в понятии «сострадание», между группами испытуемых обучающихся на очной и заочной форме обучения значимых различий не выявили.

Таким образом, предварительный анализ результатов исследования показал, что в понятии «сострадание» наиболее представлены, по мнению будущих психологов, такие категории как: отзывчивость – понятие, которое отражает нравственно-духовное качество человека, проявляющаяся в способности откликаться на просьбы и в готовности оказать помощь; сочувствие – является одной из форм эмпатии, которая усиливает степень отождествления с другими, снимает чувство дискомфорта и напряжение при виде переживаний другого, способствует удовлетворению потребности в собственном благополучии; милосердие – сострадательное, доброжелательное, заботливое отношение к другому человеку, противоположно равнодушию; понимание – способность постичь смысл и значение чего-либо. Состояние человека, без которого невозможно продолжения общения, координация действия и какие-либо

другие осмысленные действия и воздействия; мягкосердечность – душевная мягкость, отзывчивость, доброта [3].

Не выражены категории: произвольность, печаль, интуитивность, внушаемость, ситуативность.

Также, установлены различия в оценках категорий между студентами младших и старших курсов по таким параметрам шкалы, как отзывчивость, симпатия, доверие, добро. Студенты 1-2 курсов оценивают эти категории более высоким баллом.

Результаты исследования в перспективе могут быть использованы с целью создания методики для диагностики способности к состраданию у психологов.

Список литературы

1. Василюк Ф.Е. Молитва и переживание в контексте душепопечения // [Электронный ресурс] Консультативная психология и психотерапия. – 2003. – № 3. – С 114-128. – URL: http://psyjournals.ru/files/22457/mpj_2003_n3_Vasilyuk.pdf
2. Гольшева Н.В. Эмпатия и сострадание: психосемантический анализ понятий // Донецкие чтения 2017: Русский мир как цивилизационная основа научно-образовательного и культурного развития Донбасса: Материалы Международной научной конференции студентов и молодых ученых (Донецк, 17-20 октября 2017 г.). – Том 6: Психолого- педагогические науки / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2017. – С 25-27.
3. Словари и энциклопедии на Академике. - Режим доступа: <https://dic.academic.ru/>

УДК 159.9

СИСТЕМА ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ОПАСНОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ ДОНБАССА

Гордеева А.В., канд. психол. наук, доц.,

Марунчак Н.И.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

a.valer@mail.ru

Представления об опасности в психологической литературе вводятся через родственные понятия риска, страха, тревоги и др., что с необходимостью ставит вопрос об исследовании феноменологии представления об опасности в образе мира человека. Человек, как сложная открытая система, нуждается в постоянном взаимодействии со средой, в результате чего возникает риск возникновения опасной ситуации. Возникает проблема защиты человека от вероятных опасностей. Человек является сложной системой, подверженной влиянию многочисленных факторов. Можно предположить, что в результате взаимодействия со

средой, он овладевает разными методами защиты от негативного воздействия, постоянно совершенствуя их. Актуальность исследования факторов, помогающих справиться с опасными ситуациями и представлениями о них, не вызывает сомнений. Анализ психологических исследования показал, что когнитивная составляющая представления об опасности может формироваться в результате оценки ее отдельных параметров.

Безопасность, как отсутствие опасности, А. Маслоу определяет как одну из потребностей человека А.А. Кирюшкин считает, что опасность – это факт наличия у объекта основной количественной характеристики на уровне, способном нанести вред организму человека [2]. Индивидуально-психологические характеристики личности, предрасположенной к опасности отмечались в работах П.Б. Ганнушкина, А.Е. Личко, В.Г. Норакидзе, К.К. Платонова, Л.М. Шварца. Анализируя разные подходы к объяснению фактора опасности можно отметить их схожесть в понимании ее как «негативного» воздействия, влекущего за собой неминуемые изменения или последствия. Существует достаточно классификаций опасностей, исходя из источников, причин возникновения, реальности последствий.

В 2017 году нами было проведено контент-аналитическое исследование представлений об опасности у студентов донецкого региона. Испытуемые почти четыре года проживали в ситуации длительного военного конфликта, поэтому данная ситуация не могла не отразиться в их субъективной картине мира, в которую входят и система представлений об опасности. Под системой опасностей личности мы понимаем субъективное целостное представление индивида об опасностях, которые ей угрожают. Отметим, что индивидуальная оценка в отношении той или иной опасности может значительно отличаться от ее объективных показателей и быть обусловленной индивидуальным опытом и особенностями личности.

На основании полученных эмпирических данных и изученных классификаций опасностей нами была создана авторская классификация опасностей. Виды опасностей были разделены на группы, в соответствии с источником опасности, а далее на категории. Была получена иерархия опасностей донецких студентов: биологические опасности, военно-политические действия, физические состояния, техногенные факторы, психологические и эмоциональные состояния и экологические факторы. Выявлены гендерные различия в структуре представлений об опасности: у девушек на первый план вышли личностные (биологические) опасности, у юношей – средовые, связанные с факторами социальной среды, конкретно с военно-политическими действиями [1].

В 2018 году исследование было продолжено с целью не только продолжить изучение системы представлений об опасности, но и выявить их причины, а также особенности гендерной детерминации опасностей.

Мы предположили, что существуют взаимосвязи категорий представлений об опасности с личностными особенностями, а также со степенью рассогласования в мотивационно-личностной сфере личности.

На новом этапе были использованы следующие методики: многофакторный личностный опросник FPI (И. Фаренберг, Х. Зарг, Р. Гампел), тест «Определение доминирующего состояния» (Л.В. Куликов), модифицированный вариант методики «Уровень соотношения «ценности» и «доступности» в различных жизненных сферах» (Е.Б. Фанталова), метод свободных ассоциаций.

В выборку вошли 32 студента Донецкого национального университета. Корреляционный анализ данных женской подвыборки выявил следующие значимые связи: уровень невротичности и спонтанной агрессивности прямо коррелируют с уровнем опасности, связанной с близкими людьми ($r=0,55$; $p\leq 0,05$). Высокие оценки по шкале принятия себя предполагают низкую критичность и недостаточную адекватность при самооценке, что прямо связано с низкой оценкой значимости опасности от местности (нахождение в неблагоприятном месте, в небезопасное время суток) ($r=-0,63$; $p\leq 0,05$). Для девушек с высокой ценностью семейных отношений и любви значимыми оказались опасности военных событий ($r=0,49$; $p\leq 0,05$). И, наоборот, у девушек, для которых ценны безопасность жизнедеятельности в быту и на рабочем месте, менее значимы опасности военных действий ($r=-0,55$; $p\leq 0,05$). Чем больше обследуемая обеспокоена безопасностью в стенах своего дома, тем менее значимым становится фактор безопасности за его стенами ($r=0,46$; $p\leq 0,05$).

Для мужчин характерны следующие связи: чем выше значения фактора общительности, для которого характерно яркость эмоций отзывчивость и забота, тем выше опасность, ощущаемая от военных событий ($r=0,43$; $p\leq 0,05$). Прямая связь прослеживается между высоким уровнем экстраверсии и ощущением опасности от военных событий и неблагоприятного взаимодействия с социальной средой (драки, ссоры, шантаж, предательство) ($r=0,44$; $p\leq 0,05$). Экстраверты часто стремятся к общественному признанию, охотно берут на себя главенствующие роли во взаимоотношениях с окружающими. Эти лица обладают большой социальной ловкостью, живой речью, высокой активностью, они придают большое значение социальному успеху, всеми способами добиваются общественного признания своих личных заслуг. Это объясняет такую зависимость экстравертированных лиц от общественных событий, и взаимоотношений человека не только со значимыми близкими, но и с социумом в целом.

Обобщая полученные результаты, можно отметить что, чем выше внутренний конфликт ценности, связанной со стабильностью в стране, тем меньше человек опасается опасностей, связанных со значимыми близкими. В обстановке, недостижимости стабильности в стране, угроза со стороны

асоциальных элементов становится меньше, на первый план личности выходят другие опасности. Чем выше личность ценит отсутствие опасностей животного мира, тем чаще упоминает опасность от местности (лес, море). Чем выше человек ценит профессиональный и служебный рост, тем меньше ожидают опасности от взаимодействия с внешней средой (неудачи, риски).

Таким образом, установлено, что рассогласования в мотивационно-личностной сфере и некоторые особенности личности связаны с определенными видами опасности, имеющими значимый вес в ее системе представлений об опасности.

Список литературы

1. Гордеева А.В., Марунчак Н.И. Контент-аналитическое исследование системы опасностей студентов Донецкого региона. // Донецкие чтения 2017. Том 6: Психолого-педагогические науки / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2017. – С. 63-66.
2. Зинченко Ю.П. Актуальность разработки стратегий обеспечения психологической безопасности // Материалы V Международного симпозиума «Стратегии обеспечения психологической безопасности в условиях неопределенности» 10-11 июля 2014 г. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2014. – С. 21-25.

УДК 159.9

САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ И ЛИЧНОСТНЫЙ ВЫБОР

Ильина Т.Б., канд. психол. наук

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

kafedra.ilynaUMO@yandex.ru

Современный мир с его динамикой, ослабеванием социальных требований во многих сферах: внешнего облика, выбора профессионального пути, образа жизни, семейно-брачных отношений, обуславливает актуальность рассмотрения самоидентификации. Под самоидентификацией понимаем процесс обретения собственной идентичности, устойчиво переживаемая во времени и пространстве тождественность Я, все то, что человек включает в структуру, содержание Я (социальные группы, образы, архетипы и т. д.). Самоидентификация выражает и сохраняет индивидуальность и в тоже время, позволяет человеку занять свое уникальное место в обществе (с выполнением соответствующих социально одобряемых действий). Самоидентификация тесно связана с моралью. Сохранение идентификационного статуса-одна из наиболее значимых мотиваций выполнения моральных норм или взятых на себя обязательств (слово офицера, дворянина, честное купеческое

слово, честное пионерское, слово коммуниста, ты мужчина или кто?, порядочные женщины так себя не ведут и т. д.) [1].

Самоидентификация основывается на осознании внешних, культурных, информационных отличий от других. Усвоение ценностей и норм социокультурной общности связано с противопоставлением с иной ценностно-нормативной системой. Выделение «свой» и «чужой» наблюдалось уже в эпоху первобытности. В условиях традиционного общества самоидентификация не вызывала особых затруднений и не являлась предметом обсуждения. В обществе модерн, когда динамика социальной структуры была очевидной в рамках одного поколения, самоидентификация предстала в качестве проблемы самоопределения. Еще острее эта проблема обозначилась в условиях современного постиндустриального общества. В этой культуре, из-за переизбытка информации, границы явлений начинают расплываться, чрезвычайно затруднительно иметь четкие представления о действительности, определить социальную группу как «свою». Мы в мельчайших подробностях можем описать объект, выявить его свойства, определить закономерности, но утрачиваем способность постигать явление в целостности, присущую человеку традиционного общества. Трансформируются пространство и время, появляются феномены «нового кочевничества», «туриста», «фрилансера», «дауншифтинг» и т. д. Однако такое скитание по миру хотя и дает значительные возможности для реализации своего потенциала, но существенно затрудняет обретение прочных социальных связей, стабильной идентификации.

С нашей точки зрения, представляет интерес кластерная модель сознания, предложенная М.А.Щербаковым. В соответствии с ней выделено семь уровней самоидентификации (С.И.) : социально-профессиональный, семейно-клановый, национально-территориальный, религиозно-идеологический, эволюционно-видовой, половой идентичности и духовный. Самоидентификация понимается как единая голографическая картина. Чем выше уровень, тем сильнее он подвергается воздействию окружающих условий, связан с социальными взаимодействиями и влияет на поведение человека, имеет большую фрагментарность (например, соц.-проф. уровень имеет много относительно обособленных подуровней). Чем глубже уровень, тем менее вербальным становится его содержание. Духовный уровень трудно определить прямо вербально. Это тот комплекс ощущений, мировосприятия и связанной с ними непосредственно системы ценностей, который определяет наши отношения с Богом. Речь идет о системе ценностей, связанных с личным духовным опытом, а не системой знаемых ценностей, предлагаемой церковью или социальной группой. Духовный уровень целостный, не имеет деления [4].

В случае разрушения или резкой деформации одного из слоев (чаще в результате внешних обстоятельств) система переходит в состояние кризиса

и необходимости перестройки. В этом случае применимы основные модели взаимодействия с кризисами: подавить проблему с помощью средств, изменяющих сознание; построить новые экраны в той же области (уровни С.И. рассматриваются как глобальные экраны: стены, ступеньки), т. е. сделать вид, что ничего не произошло и пытаться жить в соответствии со старыми моделями, слегка приспособив их к изменившейся ситуации; растворить границы слоев С.И. и слить их в более гармоничную структуру; перенести большую часть энергии на другой уровень С.И.[3]. Если человек привык себя жестко идентифицировать, то в случае кризиса наиболее простой путь – найти новые способы жесткой идентификации. Чем более жестко задана структура С.И., тем проще с ней взаимодействовать, т. к. не нужно много думать и искать ответы на жизненные проблемы самому [2].

Кризис С.И. порождает крушение моральных ценностей, с ней связанных. Если ценности связаны в большей степени не с духовным опытом, а с соответствующей идентификацией, то наступает почти полный моральный вакуум, который, скорее всего, будет быстро замещен новой структурой С.И. В период крушения привычных социальных и экономических отношений акценты могут смещаться на другие уровни С.И. Легче всего направить энергию на близлежащие к разрушенному уровню. Отсюда легко объясним повышенный интерес части общества к своему национальному статусу. То, что еще несколько лет не привлекало внимания, вдруг стало настолько важным, что начались национальные войны и безудержный «парад суверенитетов» (в том числе и церковных). В условиях нестабильности общества кризис социальных видов идентичности ощущается как утрата смысловой насыщенности прежних форм социальной идентификации и поиск новых, отвечающих базальной потребности человека в смысле и способствующих наиболее адекватной адаптации. В исследованиях многих авторов (С.Д. Лебедев, В.Н. Павленко и др.) подтверждается влияние социальных условий на процесс идентификации. Снижается значимость одних видов идентификации и повышается других. Человек стремится выжить в новых социальных условиях и поэтому определяет себя членом тех групп, где эта потребность удовлетворяется максимальным образом. Кризис идентичности изменяет ее структуру: на первый план выступает ее семейный, этнический или религиозный компоненты. Человек цепляется за самые надежные связи, обращается к своим корням. Но для продвижения вперед и выхода из кризиса необходимо конструирование новой идентичности, желательно более широкой.

Таким образом, кризис самоидентификации преодолевается разными путями: кто-то пускается во все тяжкие, кто-то замещает старые жесткие нормы на новые, тоже жесткие, но уже не одинаковые (национально-территориальные, религиозные, семейные и пр.), кто-то становится более целостным и духовным.

Список литературы

1. Лысак И.В. Особенности самоидентификации человека в условиях современного общества // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2008. – № 6. – С. 37-42.
2. Мандрикова Е.Ю. Моделирование «экзистенциальной дилеммы»: эмпирическое исследование личностного выбора // Вест. МГУ. – Сер.14. Психология. – 2005. – № 4. – С.37-42.
3. Щербаков М.А. 7 путешествий в структуру сознания. – М.:Секачев, 1998.-288с.
4. Щербаков М.А. Модель уровней самоидентификации личностей [Электронный ресурс]. URL: [http://www. Ipd.ru/artides /ident_ar-ticle.shtml](http://www.Ipd.ru/artides /ident_ar-ticle.shtml).

УДК 159.92

ЧУВСТВО ВИНЫ КАК МЕХАНИЗМ САМОРЕГУЛЯЦИИ

Куликовская Е.А.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет» г. Донецк
kulikovskaya1979mail@rambler.ru

Проблема, которая рассматривается в представленной работе, вызвана научно-познавательным интересом к изучению чувства вины, что связано с наличием множества белых пятен в концептуальном поле указанного феномена, и потребностью в соответствующих прикладных исследованиях. Данная проблема представляет особую актуальность, так как чувство вины, возникающее вместе с появлением социальных норм, стандартов, идеалов является важнейшим регулятивным механизмом социального контроля в современном обществе.

Как показывает обзор научной литературы, первоначальное исследование феномена вины в зарубежной психологии провел З. Фрейд. Можно согласиться с точкой зрения автора, что развитие «Я-концепции» в целом играет важнейшую функцию в формировании образа «Я-идеальное». При разграничении «Я-идеал» и «Super Ego», – появляется: стыд – индивид не может выполнить положительную программу деятельности, воплощенную в его «Я-идеале», а вина – когда он нарушает запреты, – и превращается в «Super Ego». При этом соотношение образов «Я-реальное» и «Я-идеальное» является одним из важнейших механизмов саморегуляции, не только основой чисто логического сопоставления образов, но и основой эмоционального переживания, которым становится чувство вины.[2]

Отечественные психологи рассматривают феномен чувства вины, как правило, в рамках теории морального развития или в контексте исследования самосознания.

Ю.М. Лотман в своей работе «О семиотике понятий «стыд» и «страх» в механизме культуры» предложил рассматривать вину как

психический механизм, сформированный культурой, гарантирующий соблюдение определенных норм и обязанностей по отношению к «своим». [3] Тогда, как в традиционном подходе наблюдается противопоставление чувства вины как ориентации на внешнюю оценку «что скажут?» или «что подумают окружающие?» и ориентации на самооценку.

С нашей точки зрения, психологическая вина – это, прежде всего форма тревожности, связанная с самооценкой. Чувство вины выражает озабоченность по поводу личных качеств, за которые индивид чувствует себя полностью ответственным. Вина ощущается тогда, когда личность оценивает себя по шкале «хороший - плохой» и считает себя плохим человеком.

Следует отметить, что некоторые исследователи определяют феномен вины как моральную тревожность. Индивид не всегда может точно определить, какое именно чувство (страха, стыда, вины, смущения, тревоги и т. п.) он испытывает, ведь это зависит как от ситуации, так и от вербальных способностей и прошлого опыта человека.

Таким образом, происходит определенная ориентация в системе общественных норм и ценностей с последующим их усвоением. В результате чувство вины обеспечивает формирование моральной идентичности, благодаря которой общественные и нравственные ценности становятся личностно значимыми [1] и играют роль переживания, являющегося сенситивным по отношению к усвоению моральных норм и ценностей, что обосновывает необходимость их дальнейшего изучения.

Список литературы

1. Дружиненко Д.А. Особенности переживания чувства вины подростками [Электронный ресурс] : автореф. дис. канд. психол. наук: 19.00.13 – психология развития и акмеология (психологические науки) / Д.А. Дружиненко. – М. – 2007. – 31 с.– Режим доступа: <http://nauka-pedagogika.com/psihologiya-19-00-13/dissertaciya-osobennosti-perezshivaniya-chuvstva-viny-podrostkami>
2. Куликовская Е.А. Рефлексивный уровень самосознания: феномен «чувство вины» / Е.А. Куликовская // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития / Отв. Ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. – С.736-742.
3. Лотман Ю.М. О семиотике понятий «стыд» и «страх» в механизме культуры // – тезисы докл. IV Летней школы по вторичным моделирующим системам. – Тарту, 1970. – С. 98-101.

ВЗАИМОСВЯЗЬ АГРЕССИВНОСТИ И СУИЦИДАЛЬНЫХ НАКЛОННОСТЕЙ В ЗРЕЛОМ ВОЗРАСТЕ

Лякина В.И.,

Лучшева Л.М., канд. психол. наук

Новокузнецкий институт (филиал) ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет», г. Новокузнецк, Россия
lera.vita.1009@mail.ru, lucseva@mail.ru

Зрелость – это пик развития человека: как организма, так и личности. Самый активный и продуктивный период жизни, когда уже есть опыт и понимание своих желаний, а также силы, чтобы задуманное осуществлять или сдаваться вовсе.

Поскольку, по рейтингу стран с высоким уровнем суицида, Россия занимает 15-ую строчку, проблема суицидальных наклонностей более чем актуальна. Проблема суицидальных наклонностей является актуальной как в научном, так и в теоретическом плане.

Исследования показали, что наибольшее число завершенных самоубийств совершается в период от 40 до 65 лет [1]. Количество самоубийств выше среди мужчин, типичными причинами являются ситуация развода, потеря близкого человека, увольнение с работы, финансовый кризис, смерть членов семьи, кризис зрелого возраста.

Взрослость, несмотря на кажущуюся устойчивость, такой же противоречивый период, как и другие. Человек, находящийся в периоде зрелости одновременно переживает и чувство стабильности, и смятение по поводу того, действительно ли он понял и реализовал настоящее предназначение своей жизни [2]. Данные переживания могут привести к самоедству, самокопанию, недовольству собой, агрессии.

В. П. Зинченко, под агрессивностью [от лат. *aggressio* – нападать] понимает стабильную, устойчивую характеристику, свойство, отражающее осознаваемую или неосознаваемую предрасположенность личности к достаточно последовательному агрессивному поведению, целью которого является причинение объекту физического или психологического вреда [4].

Необходимо отметить тенденцию в отечественных работах по изучению данного феномена проявляющуюся в изучении только отдельных аспектов агрессивности. Кроме этого, почти отсутствуют экспериментальные исследования о формировании агрессивного поведения в периоде зрелого возраста.

В ходе исследования нами было выдвинуто предположение, о существовании взаимосвязи между агрессивностью и суицидальными наклонностями в зрелом возрасте, а именно, чем выше уровень агрессивности, тем выше выражены суицидальные наклонности.

В нашей работе применялись следующие методики: проективный тест «Ваши суицидальные наклонности» (З. Королёва); «Диагностика состояния агрессии» (опросник Басса–Дарки); тест «Агрессивное поведение» (Е.П. Ильина, П.А. Ковалева); методика выявления склонности к суицидальным реакциям (ср-45).

Проведенный анализ полученных результатов позволяет сделать вывод о том, что у респондентов агрессивность проявляется в пределах нормы у 85 % опрошенных (методика «Диагностика состояния агрессии» (опросник Басса-Дарки)) и 75 % респондентов (методика «Агрессивное поведение» (Е.П. Ильин, П.А. Ковалев)). По полученным результатам методики «Диагностика состояния агрессии» (опросник Басса-Дарки) можно сделать вывод, что наиболее частой проявляемой формой агрессии у опрошенных является подозрительность (35 %) и косвенная агрессия (35 %). Полученные результаты по методике «Агрессивное поведение» (Е.П. Ильин, П.А. Ковалев) позволяют говорить о том, что наиболее преобладающим агрессивным поведением респондентов является прямая вербальная (45 %) и косвенная физическая агрессия (40 %).

У большинства опрошенных респондентов (70 %) не выявлена тенденция к суицидальным наклонностям. Только у 30 % испытуемых суицидальная реакция может возникнуть на фоне долгой психической травматизации.

В методике выявления склонности к суицидальным реакциям (ср-45, П.И. Юнацкевич) было выявлено, что 50 % респондентов имеют низкий уровень склонности к суицидальным реакциям, 45 % опрошенных имеют риск суицидальных реакций на уровне ниже среднего. У 5 % опрошенных уровень склонности к суицидальным реакциям на среднем уровне, «потенциал» склонности к суицидальным реакциям не отличается высокой устойчивостью.

С помощью коэффициента корреляции Пирсона проверялась гипотеза о взаимосвязи между агрессивностью и суицидальными наклонностями в зрелом возрасте, а именно, чем ниже уровень агрессивности, тем выше выражены суицидальные наклонности. Обнаружена сильная положительная взаимосвязь между агрессивным поведением (Е.П. Ильин, П.А. Ковалев) и суицидальными наклонностями (З. Королева) ($r=0,9$ при $p \leq 0,01$). Чем выше физическая прямая и косвенная агрессия, вербальная прямая и косвенная агрессия, тем выше у человека суицидальные наклонности, которые выражаются в предрасположенности субъекта к сознательному стремлению отказа от жизни. Выявлена положительная взаимосвязь между состоянием агрессии (опросник Басса-Дарки) и суицидальными наклонностями респондента (З. Королева) ($r=0,55$ при $p \leq 0,05$) говорит о том, что тем больше проявляются у человека суицидальные наклонности, тем больше этот человек проявляет агрессивность.

Гипотеза, в ходе эмпирического исследования подтвердилась. Можем сделать вывод о том, существует взаимосвязь между суицидальными наклонностями и агрессивностью в зрелом возрасте, а именно, чем выше суицидальные наклонности субъекта, тем выше уровень агрессивности.

Список литературы

1. Постовалова, Л. И. Сравнительно - возрастные исследования в суицидологии [Текст] / Л. И. Постовалова. – Москва: Эдева, 2014. – 98 с.
2. Кулагина, И. Ю. Психология развития и возрастная психология. Полный жизненный цикл развития человека: Учебное пособие [Текст] / И.Ю. Кулагина, В.Н. Коллюцкий. – Москва.: Академический проект, 2015. – 201 с.
3. Ермолаев, О. Ю. Математическая статистика для психологов [Текст] / О.Ю. Ермолаев. — Москва: Флинта, 2003 – 117 с.
4. Зинченко, Б. Г. Психологический словарь [Текст] / Под ред. В. П. Зинченко, Б.Г. Мещерякова. – Москва : Педагогика-Пресс, 1999. – 16 с.

УДК 159.922.7

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РОДИТЕЛЬСКОГО ОТНОШЕНИЯ

Максименко Е.Г., д-р психол. наук, проф.
ГОУ ВПО «Донецкий педагогический институт», г. Донецк
emaksimenkodon@gmail.com

Введение. Жизненный путь человека ознаменован историческими событиями, связанными с изменениями в образе жизни, системе семейных отношений, приоритетности ценностей и в целом жизненной программе. Этапы жизненного пути вплетены в онтогенез человека, как и стадии возрастного развития, составляя интегральную характеристику периодов роста и развития индивида. Под влиянием социальной среды и особенностей воспитания складывается определенный тип адаптации у ребенка, ориентации в окружающем мире, особенностей восприятия и переработки информации. С самого рождения эмоциональное, социальное и когнитивное развитие ребенка тесно связаны. Успех адаптации зависит от его умения определять различия между внутренним (потребности, чувства) и внешним (социальный и предметный) миром. Вопросы семейного воспитания, эмоционально-родительского отношения сохраняют свою **актуальность**, особенно в сложных изменчивых политических и социально-экономических условиях. **Целью** исследования являются особенности родительского отношения как базисного фактора формирования и развития личности ребенка.

Результат. Семья – это естественная группа, в которой со временем возникают стереотипы взаимодействия (С. Минухин). Стереотипы создают

структуру семьи, определяющую функционирование ее членов, очерчивающую диапазон их поведения и облегчающую взаимодействие между ними. Та или иная жизнеспособная структура семьи необходима для выполнения главных задач семьи – поддерживать индивидуальность, в то же время создавая ощущение принадлежности к целому» [6, с. 372].

Основным признаком здоровой семьи является ее способность решать проблемы, т.е. ее адаптивные способности (Г. Марголин, Н. Якобсоном). «Любая семья сталкивается с трудностями, однако здоровые отношения создаются в тех семьях, в которых супруги способны обсуждать проблемы, намечать перспективы» [там же, с. 210]. В основе семейных дисфункций лежат неэффективные паттерны общения, исключающие поддержку между партнерами, родителями и детьми в трудных жизненных обстоятельствах.

В психодинамической теории (А.Адлер, М. Кляйн, К. Хорни, А. Фрейд) семья рассматривается как дискретный ряд индивидов, имеющих свою личностную организацию, свою историю жизни в родительской семье. Каждый из супругов является носителем собственной модели семьи, которую он стремится реализовать в супружеских и детско-родительских отношениях [4]. Родительское отношение инициируется самим ребенком, потребностями и задачами психовозрастной стадии. Поэтому все родительские стратегии, ориентированные на отвержение, безразличие, контроль негативно влияют на базовые личностные установки формирующейся личности. У ребенка возникает чувство опасности, непредсказуемости, неподконтрольности среды, минимальной собственной ответственности за ее изменения в направлении обеспечения комфортного существования. Дефицит родительской отзывчивости на нужды ребенка способствует возникновению чувства «выученной беспомощности», что впоследствии нередко приводит к апатии и даже депрессии, избеганию новых ситуаций и контактов с новыми людьми, недостатку любознательности и инициативы.

Способность ребенка отделяться от матери является конечным продуктом линии развития (М. Малер). Резкая сепарация, вызванная различными причинами (госпитализация, отъезд, смерть матери и др.) вызывает тяжелейшее эмоциональное переживание ребенка. В результате возникает расстройство привязанности, которое выражается в нарушении общения с окружающими [2].

А. Миллер, описывая «черную педагогику» [3], отмечает связь между родительской жестокостью в воспитании и формированием агрессивного, садистического характера (вплоть до маниакального уровня), основываясь на анализе развития личности убийц (Адольф Гитлер, Юрген Барч, Мери Белл). Маниакальность преступлений вызывается непреодолимым желанием «воссоздания ситуации глубочайшего унижения, ощущения полного бессилия, отчаяния и страха,

в которой когда-то находился маленький мальчик» [там же, с. 184] и далее, «ребенок, с которым так жестоко обращались родители, повзрослев, непременно захочет хоть как-то отомстить за совершенное над ним насилие» [там же, с. 189]. А. Миллер отмечает, что чувство вины, невозможность открыто выразить свои эмоции и чувства, скрытая, постоянно сдерживаемая ненависть приводят к саморазрушению развивающейся личности, развитию деструктивного отношения к миру.

В. Сатир [5], характеризуя проблемные семьи, отмечает атмосферу принуждения, в которой члены семьи стараются избегать общения друг с другом, как источника конфликта. Традиционное представление о семье как пристанище, где всегда можно найти любовь, взаимопонимание и поддержку, в проблемных семьях превращается в образ безнадежности, безисходности и одиночества. «Людям из проблемных семей, которые сталкиваются с бесчеловечностью даже в собственном доме, любые неприятности переживать во много раз труднее» [там же, с. 21].

К. Витакер [1] акцентирует, что развитие семьи строится на тех же основаниях, что и развитие личности и так же является «площадкой» для реализации потребности в саморазвитии. Однако данный процесс, как правило, осуществляется по привычному «сценарию», но с другими «актерами».

Анализ научных подходов позволяет выделить следующие типы родительского отношения: 1) депривирующий, который характеризуется игнорированием, фрустрацией потребностей ребенка, лишением его права быть значимым в семье. Все варианты депривирующего отношения оставляют негативный след в психике ребенка, формируя и закрепляя черты тревожности, мнительности, робости, агрессии, раздражительности, девиантности, маргинальности, асоциальности и т.д. Отчуждение родителей от потребностей ребенка приводит к формированию самоотчуждения и дистанцирования от общества в целом; 2) требовательно-демократичные типы воспитания несколько односторонне влияют на формирующуюся личность, акцентируя деловые, профессиональные качества, что не достаточно для ощущения целостности, гармонии, учитывая значимость для человека отношений с окружающими людьми, прежде всего, с близкими; 3) органично-поддерживающие типы родительского отношения, которые способствуют раскрытию природных задатков, уверенности в себе, позитивной самооценке, целеустремленности, направленности на сотрудничество и достижение.

Заключение. Обобщая вышеизложенное отметим, что семейные взаимоотношения и практика родительского воспитания, являясь главным источником формирования личности, несут ответственность за все базовые характеристики психологии и поведения человека. Ребенок, усваивая модель мира, созданную и транслируемую семейной, культурной общностью, получает в наследство опору для построения индивидуальной

картины мира, определяющими факторами которой есть, во-первых, влияние культуры взрослых (родителей, воспитателей, учителей); во-вторых, индивидуальная активность собственно развивающейся личности; в-третьих, воздействие складывающихся отношений со сверстниками, сиблингами, создающими особую, детскую субкультуру.

Взрослые, как инициаторы жизненного пространства детей, вводят различные смысловые координаты, направленные на организацию и осмысление личного опыта ребенка. Формы родительского отношения (поддержка, поощрение, наказание, лишение) являются мощным средством воздействия на формирование личности, осознание своего существования в окружающем мире взрослых и детей, собственного места в этом мире и способности оказывать на него (мир) свое собственное, личное воздействие.

Список литературы

1. Витакер К. Танцы с семьей. Семейная терапия. Символический подход, основанный на личном опыте / К. Витакер, В. Бамберри ; пер. с англ. — М. : Класс, 1999. — 176 с.
2. Малер М. С. Психологическое рождение человеческого младенца: симбиоз и индивидуация / М. С. Малер, Ф. Пайн, А. Бергман ; пер. с англ. — М. : Когито-Центр, 2011. — 413 с. — (Библиотека психоанализа).
3. Миллер А. Вначале было воспитание / А. Миллер ; пер. с англ. — М. : Академ. проект, 2003. — 464 с.
4. Минухин С. Техники семейной терапии / С. Минухин, Ч. Фишман ; пер. с англ. А. Д. Иорданского. — М. : Класс, 2012. — 304 с.
5. Сатир В. Вы и ваша семья / В. Сатир ; пер. с англ. — М. : Ап-рель Пресс, ЭКСМО-Пресс, 2000. — 320 с.
6. Слепкова В. И. Психология семьи / В. И. Слепкова. — Минск : Харвест, 2006. — 496 с.

УДК 159.9.072.432

ВЗАИМОСВЯЗЬ КОММУНИКАТИВНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ СО СТРАТЕГИЯМИ ВЫХОДА ИЗ КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЙ СОТРУДНИКОВ СИЗО

Мировская С. С., Лучшева Л. М., канд. психол. наук
Новокузнецкий филиал-институт Кемеровского Государственного
Университета, г. Новокузнецк
svetik09.07.97@mail.ru

Общение является важнейшей социальной потребностью, без реализации которой замедляется, а в дальнейшем и прекращается формирование и развитие личности, поэтому процесс коммуникации

является необходимым условием жизнедеятельности. Коммуникация – это процесс обмена информацией между двумя и более людьми посредством языковой системы, целью которого является обеспечить передачу и понимание информации, являющейся предметом обмена активных сторон коммуникации [4]. В процессе коммуникации каждый индивид определяет свою стратегию и тактику коммуникативного поведения, накапливая определенный опыт, посредством включения личности в разные сферы общественных отношений и деятельности [2]. Специфика деятельности сотрудников СИЗО связана с постоянным столкновением и работой с нарушителями правопорядка и закона, что требует не только мобилизации всех ресурсов сотрудника, но и развитости коммуникативных способностей. Одним из главных показателей развитых коммуникативных способностей является умение говорить и слушать. Без сформированности этих умений, процесс коммуникации может быть малоэффективен, а в большинстве случаев может перерасти в конфликт [4].

Конфликты неизбежны, они появляются при любых жизненных обстоятельствах и сопровождают нас на протяжении всей жизни. Под конфликтом понимается наиболее острый способ разрешения значимых противоречий, возникающих в процессе взаимодействия, заключающийся в противодействии субъектов конфликта [1]. Деятельности сотрудников СИЗО обусловлена столкновением с различного рода конфликтами, вследствие чего, происходит увеличение эмоционального напряжения. Широкое распространение в конфликтологии получила разработанная К. Томасом и Р. Киллменом двухмерная модель стратегий поведения личности в конфликтном взаимодействии. В основе этой модели лежат ориентации участников конфликта на свои интересы и интересы противоположной стороны. Авторы выделили 5 стратегий поведения в конфликтной ситуации, такие как: соперничество, избегание, приспособление, компромисс и сотрудничество [3]. Важно отметить, что ни одна из приведенных стратегий поведения в конфликте не является эффективной – каждая из них в отдельности может привести к положительному результату, когда используется в зависимости от конкретных обстоятельств. Особенно это актуально для сотрудников СИЗО, т.к. они имеют дело с различным контингентом людей, что предполагает коммуникативную подстройку под определенную ситуацию общения.

В исследовании на выявление взаимосвязи коммуникативных способностей со стратегиями выхода из конфликтных ситуаций приняли участие 110 сотрудников СИЗО отдела охраны и режима, в возрасте от 30 до 58 лет.

Для выявления уровня коммуникативных способностей была применена методика оценки уровня общительности В.Ф. Ряховского. В результате применения методики было определено, что у большинства респондентов преобладают ниже среднего (33 %) и низкий (29 %) уровни

развития коммуникативных способностей. Респонденты с низким уровнем развития коммуникативных способностей не общительные, с трудом выполняют работу, которая требует межличностного взаимодействия. Респонденты с уровнем «ниже среднего», также характеризуются низкой общительностью и разговорчивостью, с новыми людьми сходятся достаточно трудно, однако в кругу близких коллег чувствуют себя раскованно, но в спорах и дискуссиях участвуют неохотно. Меньше всего респондентов со средним (11 %) и очень высоким (7 %) уровнями развития коммуникативных способностей. Респонденты со средним уровнем развития коммуникативности, охотно слушают собеседника, проявляют терпимость в общении с другими и могут отстаивать свою точку зрения, приводя аргументы и доводы. Респонденты с очень высоким уровнем развития коммуникативных способностей, довольно часто могут выступать причиной различного рода конфликтов в силу того, что такие люди навязчивы в общении, легко «раскидываются» словами, иногда не задумываясь над смыслом сказанного. Также у респондентов был выявлен высокий уровень развития коммуникативных способностей (20 %). Для них характерна быстрая ориентация в сложных ситуациях, они непринужденно ведут себя в коллективе, инициативны, предпочитают самостоятельность в выборе и принятии решений, умеют отстаивать свое мнение.

Для выявления преобладающих стратегий поведения в конфликтной ситуации был использован опросник описания поведения в конфликтной ситуации К. Томаса (адаптация Н.В. Гришина). Полученные результаты позволяют утверждать, что преобладающими стратегиями поведения в конфликтной ситуации у сотрудников СИЗО являются: компромисс (26 %), избегание (24 %) и приспособление (27 %). Респонденты, использующие стратегию компромисса, стараются найти и сохранить баланс интересов обеих сторон в возникшей конфликтной ситуации. Те испытуемые, которые используют стратегию избегания, испытывают желание не ввязываться в конфликт и не участвовать в различных спорных ситуациях. Сотрудник СИЗО, выбирающий стратегию приспособления, стремится уйти от конфликта, иначе говоря, уступить, например, осужденному или руководству СИЗО. Стратегии соперничества (9 %) и сотрудничества (14 %) свойственны меньшему числу сотрудников СИЗО. Стратегия соперничества характеризуется конкурентной борьбой, и желанием отстаивать свою позицию и интересы, используя такие методы как власть, сила, давление, авторитет и пр. Те, кто использует стратегию сотрудничества, напротив, одинаково на высоком уровне оценивают, как свои интересы, так и интересы соперника, рассматривая различные решения проблем, и приходят к согласию друг с другом.

Для выявления взаимосвязи между уровнем коммуникативных способностей и стратегией выхода из конфликтных ситуаций был применен коэффициент корреляции r -Пирсона. Анализ полученных

результатов, показал, что, выявлена прямая сильная ($r = 0,551$, $p = 0,05$) корреляционная взаимосвязь между коммуникативными способностями и стратегией выхода из конфликтных ситуаций «Сотрудничество». Так же выявлена обратная сильная корреляционная взаимосвязь ($r = -0,548$, $p = 0,05$) между коммуникативными способностями и стратегией выхода из конфликтных ситуаций «Приспособление».

Таким образом, в исследовании было выявлено, что у преобладающего большинства сотрудников СИЗО уровень коммуникативных способностей находится на низком уровне, а преобладающими стратегиями поведения в конфликтных ситуациях являются стратегии компромисса, избегания и приспособления. В ходе корреляционного анализа было установлено, что чем выше уровень коммуникативных способностей у сотрудников колонии, тем более выражена у них стратегия сотрудничества, чем ниже уровень коммуникативных способностей, тем более выражено проявление стратегии приспособления. Полученные результаты позволяют говорить о необходимости продолжения психологической работы с сотрудниками СИЗО для формирования у них коммуникативных способностей и выбора наиболее эффективных стратегий выхода из конфликтных ситуаций.

Список литературы

1. Анцупов А. Я., Шипилов А. И. Конфликтология: учебник для вузов. – СПб.: Питер, 2007. – 496 с.
2. Батарашев, А.В. Диагностика способности к общению. – СПб.: Питер, 2006. – 176 с.
3. Ворожейкин И. Е., Кибанов А. Я., Захаров Д. К. Конфликтология. – М.: Инфра-М, 2004. – 240 с.
4. Ильин Е. П. Психология общения и межличностных отношений. – СПб.: Питер, 2009. – 576 с.

УДК 159.9.07

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ И ОТНОШЕНИЯ К ДРУГИМ ЛЮДЯМ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ КАРТИНЫ МИРА ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОЙ ОБСТАНОВКИ

Набатова С.В.,

Устинова Н.В., канд. психол. наук, доц.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

kuf_donnu@mail.ru, psy.donnu@gmail.com

Введение. Картина мира – это многослойная конструкция, хранящая в себе все знания об устройстве окружающего мира в виде представлений и/или образов, «уложенных» в соответствии с определённой

«архитектурой» [1]. Представление и отношение человека к другим людям является одной из составляющих картины мира личности, наряду с такими категориями как знания и отношение к себе, к деятельности и к окружающей действительности в целом [2; 3; 5].

Жители Донбасса уже несколько лет находятся в экстремальных, опасных для жизни условиях, что оказывает сильное влияние на их представления об окружающем мире, а соответственно – на их отношение к другим людям. Данные представления, в свою очередь, влияют на адаптацию человека в обществе, на характер его взаимодействия с окружающими его людьми [4].

Актуальность исследования. Изучением организации опыта взаимодействия человека с окружающим миром занимались такие учёные, как Б. Г. Ананьев, Е. Ю. Артемьева, Дж. Брунер, Дж. Келли, А. Н. Леонтьев, Ч. Осгуд, В. Ф. Петренко и др. Однако до сих пор не было проведено исследования особенностей картины мира личности, находящейся в экстремальных условиях.

Поэтому **целью исследования** является изучение особенностей представлений и отношения к другим людям личности в условиях военной обстановки.

Методы исследования: теоретический анализ проблемы в научной и методической литературе; психодиагностический метод – тест репертуарных решёток (Дж. Келли); математико-статистический метод – *t*-критерий Стьюдента для независимых выборок.

Результаты. В исследовании участвовали 62 мужчины, проживающие в Донецкой народной республике, среди которых – 31 военнослужащий гаубичного артиллерийского дивизиона и противотанкового дивизиона ДНР и 31 человек, профессиональная деятельность которых не связана с воинским делом. Проведение методики «Репертуарные решётки» (Дж. Келли) позволило выявить особенности представлений и отношения испытуемых к другим людям, а именно – к воюющим мужчинам и женщинам, гражданским мужчинам и женщинам, детям, противникам и единомышленникам. Для выявления статистически значимых различий был использован *t*-критерий Стьюдента. Так, военнослужащие считают, что *воюющий мужчина* обладает такими качествами, как смелость и мужественность ($x_{cp} = 1,0$), уверенность, ответственность и гордость ($x_{cp} = 0,9$), дисциплинированность ($x_{cp} = 0,8$), стойкость ($x_{cp} = 0,7$). Он также является, скорее, добрым, чем злым ($x_{cp} = 0,5$). Военнослужащие, в отличие от мирных жителей, воспринимают мужчин, имеющих отношение к военному делу, более добрыми, гордыми (значимость на 1 % уровне), смелыми, ответственными и уверенными (значимость на 5 % уровне). По мнению гражданского населения, данные качества воюющего мужчины имеют меньшую степень выраженности, к тому же они считают воюющих мужчин скорее злыми, чем добрым ($x_{cp} = -0,2$).

Гражданский мужчина, по мнению военнослужащих, в большей степени обладает такими качествами, как доброта ($x_{cp} = 0,6$), ответственность и гордость ($x_{cp} = 0,4$). При этом их выраженность значительно меньше, чем у воюющего мужчины. Также военные воспринимают гражданского мужчину, скорее, как несмелого, недисциплинированного и нестабильного человека ($x_{cp} = 0$). В представлении военнослужащих гражданский мужчина является более добрым и менее мужественным, чем в представлениях самих гражданских мужчин (значимость на 5 % уровне).

Воюющая женщина, по мнению военнослужащих, обладает такими качествами, как смелость ($x_{cp} = 1,0$), гордость ($x_{cp} = 0,9$), дисциплинированность, ответственность и уверенность ($x_{cp} = 0,7$). Такая женщина является доброй ($x_{cp} = 0,6$) и стойкой ($x_{cp} = 0,5$). Также женщина, участвующая в военных действиях, имеет больше маскулинных черт характера, чем феминных. В представлении образа воюющей женщины у военнослужащих более ярко выражены такие качества, как гордость, ответственность, доброта, а также смелость и стойкость, чем в данном образе у гражданских мужчин (значимость на 1 % уровне).

Гражданская женщина, по мнению военнослужащих, является доброй ($x_{cp} = 0,7$) и ответственной ($x_{cp} = 0,6$). Она также может обладать уверенностью и гордостью ($x_{cp} = 0,5$), смелостью ($x_{cp} = 0,4$). Также женщина, не принимающая участия в военных действиях, характеризуется военнослужащими как женственная, обладающая больше феминными качествами, чем маскулинными. Гражданская женщина в представлении военнослужащих является более доброй (значимость на 1% уровне) и ответственной (на 5% уровне), чем в представлении гражданских мужчин.

Ребёнок, по мнению военнослужащих, является добрым ($x_{cp} = 0,8$), при этом его нельзя назвать ответственным, стойким или гордым ($x_{cp} = 0$). В их представлении дети являются более добрыми и дисциплинированными, чем в представлении мирных жителей (значимость на 5% уровне). В отличие от военнослужащих гражданские мужчины кроме доброты в описание ребёнка включают также безответственность, нестабильность (значимость на 1% уровне) и некоторую женственность.

Противник, по мнению военнослужащих, является злым ($x_{cp} = -0,8$), а также, скорее, безответственным и нестабильным ($x_{cp} = -0,4$) человеком. В представлении гражданских мужчин противник является более уверенным, гордым и менее злым (значимость на 1 % уровне), а также более стойким (значимость на 5 % уровне), чем в представлении военнослужащих.

Единомышленник, по мнению военнослужащих, обладает такими качествами, как дисциплинированность ($x_{cp} = 0,9$), смелость, уверенность и гордость ($x_{cp} = 0,8$), ответственность, доброта и мужественность ($x_{cp} = 0,7$). Он также является скорее стойким ($x_{cp} = 0,5$). Гражданские мужчины наделяют единомышленника такими же характеристиками, как и

военнослужащие. Однако в представлениях испытуемых о единомышленнике наблюдается различная степень выраженности этих качеств: у военных она значительно выше (значимость на 1 % уровне).

Таким образом, знания и отношение военнослужащих и мирных жителей к другим людям имеют множество различий. Так, военные имеют более положительную установку по отношению к воюющим людям, чем к мирным жителям, которые, в свою очередь, имеют иные представления о гражданских лицах. После установления мира на Донбассе данные различия в представлениях о людях и в социальных установках по отношению к ним могут стать причиной возникновения непонимания и конфликтов между военнослужащими и гражданским населением. Поэтому полученные результаты могут быть использованы для составления программ коррекции смысловой и эмоциональной сферы жителей Донбасса.

Список литературы

1. Большой психологический словарь / Под общ. ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. – СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2004. - 672 с.
2. Леонтьев А. Н. Образ мира: в 2 т. // Избранные психологические произведения. – М.: Изд-во «Педагогика», 1983. – С. 251-261.
3. Набатова С.В. Особенности картины мира личности в условиях проведения боевых действий // «Актуальные проблемы психологической теории и практики. Прикладной вектор современной психологии» [Текст]: Материалы научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (г. Донецк, 06.04.2018). Под общ. ред. Кафедры психологии ДонНУ. – Донецк, 2018. – С. 130-133.
4. Реан А. А., Кудашев А. Р., Баранов А. А. Психология адаптации личности: Учебно-научное издание. СПб.: Медицинская пресса, 2002. 352 с.
5. Смирнов С. Д. Мир образов и образ мира // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. – 1981. – № 2. – С. 15-29.

УДК 153.32 + 154.9 + 155.458

ПОСТУПОК КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ КОРРЕКЦИИ ОБРАЗА ЖИЗНИ ЛИЧНОСТИ

Некрасова И.Н., канд. психол. наук, доц.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
inn1769@mail.ru

Постановка проблемы. Задача коррекции образа жизни личности достаточно часто встречается в психологической практике. Для успешной коррекционной работы по изменению образа жизни необходима предварительная диагностика и психологическая оценка личностных

характеристик субъекта, его продуктивного личностного потенциала, что должно предшествовать началу коррекционной работы.

Актуальность статьи обусловлена недостатками существующего теоретического анализа закономерностей психологической коррекции и структуры образа жизни. *Цель* статьи – описать механизм условия психологической коррекции образа жизни личности.

Задача исследования: анализ психологического механизма трансформации субъективной модели образа жизни.

Изложение основного материала исследования. Трансформация модели жизненных отношений человека всегда предполагает содержательную перестройку иерархии его ведущих жизненных потребностей, ценностей и смыслов [1–9; 15–19; 21–23]. Однако, концепции трансформации образа жизни отличаются недостаточной референтной проработкой структуры данного понятия. Это значительно затрудняет психологическое измерение и дескрипцию образа жизни, поскольку как любой исследовательский конструкт, образ жизни нуждается в преодолении абстрактности через воплощение в контенте регистрируемых событий [20, с. 79–109].

Отметим, что наиболее полно образ жизни как психологическая категория представлен в исследованиях Б. Братуся, Г. Заракковского, Д. Леонтьева, С. Рубинштейна, [19], а также представителей отечественного системного подхода к анализу жизненного пути и образа жизни личности Н. Волошко, Ю. Ильиной, В. Татенко, Т. Титаренко, Чепелевой, Ю. Швалба, [7; 10; 12; 21; 23]. Образ жизни рассматривается как определенная целостная характеристика бытия индивида и социума [23], как совокупность форм, способов, образа действий, присущих людям как представителям той или иной социокультурной общности [19; 20]. В основе психологической дескрипции образа жизни находится типология экзистенциальных отношений личности [12; 21; 23], основанная на дифференциации ведущих ментальных ценностей человеческой жизни в различных культурных и социальных системах.

Как было показано ранее [14–19; 23], глубинные слои ценностно-смысловой сферы личности являются наиболее инертными. Для их перестройки требуется или радикальный перелом жизненных условий, или же целенаправленная работа по созданию новых ценностных ориентиров жизни личности, вследствие чего, субъективные возможности управлять жизненной ситуацией и контролировать ее становятся резко ограниченными. В отличие от глубинных ценностно-смысловых слоев, верхние слои сознания, к которым относятся смыслы и ценности отдельных действий или актуальных текущих жизненных ситуаций, обладают большей подвижностью и могут меняться достаточно произвольно [3–5; 11]. Поэтому легче всего начинать с коррекции тех смысловых приоритетов, структурно-динамические показатели которых

отличаются наименьшей сопротивляемостью. Для этого не следует резко менять жизненные отношения и смысловые приоритеты клиента.

Выход из ситуации жизненного тупика, требующий замены модели образа жизни, легче начинать с активного, а иногда и волевого, то есть, принудительного, включения клиента в процесс актуальной привычной деятельности. При этом, ценности и смыслы, обслуживающие актуальную деятельность, должны участвовать в формировании новой системы «краевых» смыслов, или же, наоборот, в контексте старых жизненно важных ориентиров выступать как средство формирования новых жизненных стратегий их достижения.

Механизм таких смысловых изменений при выполнении коррекции образа жизни личности двоякий и предполагает либо так называемую «инсталляцию сверху», когда меняются условия жизни, и человек вынужден внедрять в соответствии с этим в свою ценностно-смысловую систему новые ценности, формировать новые смыслы, или же клиентом субъективно принимается решение теперь уже об «инсталляции снизу». Тогда человек волевым решением производит иерархическую и содержательную перегруппировку имеющихся смыслов и ценностей. При этом, актуальный смысл «здесь и теперь» жизни клиента, может быть представлен сразу несколькими смыслами. По крайней мере, об этом свидетельствует опыт консультативной практики, когда на основе анализа жизненной истории клиента психолог формирует одновременно несколько актуальных жизненных ценностей и соответствующих им ведущих смыслов. Понять внутренние психологические закономерности упомянутых выше «смысловых инсталляций» можно проанализировав взгляды Б. Братуся на формирование и возможности коррекции аномальной личности [4]. Так он вводит понятие «смыслопродуктивность», которое трактует как психологический индикатор способности человека противостоять жизненным коллизиям и сохранить себя как целостную личность. Чем богаче жизненный опыт личности и чем шире в нем представлены конструктивные модели поведения в контексте совладания с возникающими жизненными трудностями, тем легче человеку осуществить перспективное целеполагание.

Таким образом, моральный выбор определяет содержательно-смысловую направленность модели образа жизни личности. Готовность совершать поступки в отношении «значимого другого» с позиций его очевидной самооценки для человека, осуществляющего моральный выбор, рассматривается как индикатор субъективного жизненного благополучия, необходимой личностной зрелости и моральной ответственности. Следовательно, образ жизни это уникальный и присущий только данной личности экзистенциальный сценарий осуществления ею собственных моральных выборов. Это позволяет придать поступку апперцептирующее значение и трактовать поступок как инструмент преобразования человеком не только внешнего мира, но и собственной жизни.

Выводы. 1. Поступок – это форма воплощения морального выбора и реализации нравственного потенциала личности, форма объективации апперцептивного опыта личности. Это инструмент изменения человеком своей субъективной модели образа жизни, который с точки зрения психофизиологии является проявлением функции опережающего психического отражения, а на субъективно-личностном уровне отражает способность человека к социальной антиципации.

2. Трансформация образа жизни основывается на изменении содержания и иерархии значимых ценностно-смысловых образований личности. Чем радикальнее меняются материальные и духовные условия жизни человека, тем более рельефные изменения произойдут в его образе жизни, тем более глубинные и субъективно значимые слои ценностно-смысловой иерархии должны быть перегруппированы.

3. В основе изменения модели жизненных отношений личности находится апперцептивный механизм трансформации, который представляет собой моделирование личностью оптимального решения проблемной жизненной ситуации на основе использования имеющегося жизненного опыта применительно к новым условиям. Смыслообразование и перспективное целеполагание рассматриваются как составляющие апперцептивного механизма трансформации образа жизни.

4. На философско-мировоззренческом уровне апперцептивный механизм трансформации проявляется в осуществление личностью морального выбора в форме реализации определенного, согласующегося с внешне заданными условиями проблемной жизненной ситуации и собственной внутренней ценностно-смысловой иерархией поступка. Поступок следует рассматривать как инструмент изменения человеком своего образа жизни и форму объективации его апперцептивного опыта.

Список литературы

1. Анцыферова Л.И. Психологическая опосредованность социальных воздействий на личность, ее развитие и формирование // Психологические исследования социального развития личности / Отв. Ред. И.А.Джидарьян. – М.: ИП АН СССР, 1991. – С. 5-38.
2. Апресян Р.Г. Идея морали и базовые нормативно-этические программы. – М.: ИФРАН, 1995. – 353 с.
3. Апресян Р.Г. Природа морали // Философские науки. — 1991. — № 12. — С. 53-64.
4. Братусь Б.С. Аномалии личности. – М.: Мысль, 1998. – 127 с.
5. Волошко Н.І. Головні підходи до аналізу проблеми здорового способу життя / Н.І.Волошко // Проблеми загальної та педагогічної психології. Збірник наукових праць Інституту психології ім. Г.С.Костюка НАПН України / За ред. С.Д.Максименка. Т.ХП, част. 4. – К., 2010. – С.75-83.
6. Зараковский Г.М. Качество жизни населения России: Психологические составляющие. – М.: Смысл, 2009. – 319 с.
7. Ільїна Ю.М., Смульсон М.Л.. Трансформація ментальних моделей в осіб середнього віку у кризових життєвих ситуаціях. Автореф. Дис. На здобуття ступеню канд.. психол. Наук: спец. 19.00.07 «Вікова та педагогічна психологія». – К., 2007. – 21 с.

8. Леонтьев А.Н. Образ мира. Избранные психологические произведения. – М.: Педагогика, 1983. – С. 251-261.
9. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-е, испр. изд. – М.: Смысл, 2003. – 487 с.
10. Мазилев В.А. Методология психологической науки /В.А.Мазилев. – 11. Ярославль: МАПН, 2003. – С.12-19.
11. Максименко С.Д. Генезис существования личности / Максименко С.Д. – К.: Изд-во ООО «КММ», 2006. – 240 с.
12. Особистісний вибір: психологія відчаю та надії / За ред.. Т.М.Титаренко. – К.: Міленіум, 2005. – 336 с.
13. Пешков И.В. М.М.Бахтин: от философии поступка к риторике поступка. – Изд-во «Лабиринт», Москва, 1996. – 176 с.
14. Поршнева Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). – М.: Изд-во «Мысль». – 1974. – 256 с.
15. Психология личности и образ жизни: [сб. статей АН СССР Ин-та психологии / Отв. ред. Шорохова Е. В и др.]. – М.: Наука, 1987. – 219 с.
16. Резник Ю. М. Стратегия жизни. / Резник Ю. М., Смирнов Е. А. – М.: Наука, 2002. – 370 с.
17. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. – М.: Изд-во АПН РСФСР. - 1957. – 226 с.
18. Рубинштейн С.Л. Человек и мир. – М.: Педагогика, 1973 . – С. 47-68.
19. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии / С.Л.Рубинштейн – СПб.: Питер, 2002. – 720 с.
20. Смит Н. Психология. Современные системы. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. – 543 с.
21. Татенко В.А. Предмет и метод психологии с позиций субъектного подхода. В кн.. Татенко В.А. Психология в субъектном измерении. Монография. - К.: "Просвіта", 1996, с. 311-373.
22. Толстых В.И. Образ жизни: Понятие, реальность, проблемы/В.И.Толстых. – М.: Политиздат, 1975. – 184 с.
23. Швалб Ю.М. О соотношении категорий «жизненный путь» и «образ жизни» личности // Актуальные проблемы психологии. – Т.7, вып. 24. – К., 2010. – С. 274-283.

УДК 159.9

ХАРАКТЕРИСТИКА ИСТОРИКО-ЭВОЛЮЦИОННОГО ПОДХОДА К ИЗУЧЕНИЮ ФЕНОМЕНА ЛИЧНОСТИ В ЭКСТРЕМАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ

Новикова Н.В.,

ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка
nrv.novikov2010@yandex.ru

На современном историческом этапе развития человеческого общества, характеризующегося сложностью, противоречивостью и радикализмом, особо значимым становится решение глобальных

гуманитарных проблем, находящихся в широком тематическом поле феноменологии развития и бытия личности.

Современные исследователи отмечают ряд особенностей познавательной ситуации изучения личности, к которым прежде всего относятся многомерность и междисциплинарный статус феномена личности [6].

Междисциплинарный статус феномена личности приобретает особую актуальность в XXI веке, когда все более выраженной становится тенденция к интеграции научных знаний о человеке, представленных практически во всех социальных, естественных и технических науках, а также в культуре, искусстве и повседневной практике.

В этой связи возникает проблема поиска общего, точек соприкосновения между различными сферами физического, биологического и социального изучения человека, т. е. проблема создания общей научной теории развития личности.

Сегодня данная проблема решается и активно разрабатывается в рамках системного историко-эволюционного подхода к изучению человека, который реализуется как в общенаучных принципах познания мира, так и в различных областях человекознания.

Центральным положением данного подхода является положение о том, что современный человек с его психологическими качествами и личностными свойствами есть продукт истории развития человечества. Так, в психологии важность и необходимость изучения человека с опорой на закономерности историко-эволюционных процессов, происходящих в природе и обществе, подчеркивалась Б. Г. Ананьевым, Л. С. Выготским, А. Н. Леонтьевым, А. Р. Лурией, С. Л. Рубинштейном, Д. Н. Узнадзе и др. отечественными учеными. Основная характеристика историко-эволюционного подхода заключается в том, что данный научный подход позволяет выделить универсальные принципы и закономерности развития человека в биогенезе, социогенезе и персоногенезе, в контексте эволюции природы, истории общества и становлении индивидуальной жизни личности соответственно.

По мнению современных исследователей историко-эволюционный подход в психологии личности предлагает новую схему детерминации развития личности, раскрывающую взаимоотношения между природой, обществом и личностью [1].

В русле системного историко-эволюционного подхода к изучению личности разработано множество концепций и теорий. В частности, особого внимания заслуживает современная концепция феномена развития и бытия личности В.С. Мухиной, в которой человек представлен в двух исторически свойственных ему аспектах: как социальная единица и как уникальная личность [2]. Идеи и положения концепции реализуются в практической деятельности В. С. Мухиной, направленной на оказание психологической помощи людям в экстремальных ситуациях, значение которой трудно переоценить.

Сегодня одним из актуальных направлений феноменологии развития и бытия личности является исследование феномена развития и жизнедеятельности личности в экстремальных условиях. Это обусловлено прежде всего спецификой исторического периода, переживаемого современным человечеством и характеризующегося переходом от стабильной фазы исторического развития к динамической, в которой происходит ломка традиционной системы ценностно-смысловых ориентаций, обостряется поиск личностной и групповой идентичности, возрастает влияние индивидуальных свойств и действий личности на направление развития исторического процесса.

Современный исторический этап, переживаемый сегодня в Донецкой Народной Республике, является не просто динамическим, но и экстремальным, так как сопровождается военным конфликтом [3].

Ситуация военного конфликта рассматривается как экстремальная ситуация антропогенного происхождения, непосредственно обусловленная результатами человеческой деятельности и характеризующаяся различными факторами экстремального содержания [4; 5].

В этой связи значительно возрастает степень влияния человеческого фактора на перспективу развития человечества, а также уровень ответственности личности перед настоящим и будущим поколениями.

Одной из важнейших проблем, имеющих большое теоретическое и практическое значение, является исследование индивидуально-психологических особенностей переживания личности в ситуации военного конфликта.

Список литературы

1. Асмолов А. Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. [3-е изд., испр. и доп.] / Александр Асмолов. – М. : Смысл : Издательский центр «Академия», 2007. – 528 с.
2. Мухина В. С. Феноменология развития и бытия личности: Избранные психологические труды. Серия «Психологи Отечества» / В. С. Мухина // Акад. пед. и соц. наук, Моск. психол.-соц. Ин-т. – М.: Московский психолого-социальный институт, Воронеж : НПО «МОДЭК», 1999. – 640 с.
3. Новикова Н. В. Теоретический анализ экстремальной ситуации военного конфликта в Донбассе / Новикова Н. В. // Актуальные проблемы психологической теории и практики: Материалы III Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (г. Донецк, 04.04.2017). Под общ. ред. кафедры психологии ДонНУ. – Донецк : ДонНУ, 2017.
4. Правдина Л. Р. Психология экстремальных ситуаций: учеб. пособие / Л. Р. Правдина, О. С. Васильева. – Ростов-на-Дону, 2007. – 149 с.
5. Психология экстремальных ситуаций для спасателей и пожарных / Под общей ред. Ю. С. Шойгу. – М.: Смысл, 2007. – 319 с.
6. Слотина Т. В. Психология личности: учеб. пособие / Т. В. Слотина. – СПб.: Питер, 2008. – 304 с.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЗАСТЕНЧИВОСТИ С КОММУНИКАТИВНЫМИ СПОСОБНОСТЯМИ И ОДИНОЧЕСТВОМ В ЗРЕЛОМ ВОЗРАСТЕ

Процай Т.Г.,

Лучшева Л.М., канд. психол. наук, доц.

Новокузнецкий институт (филиал) ФГБОУ ВПО «Кемеровский
государственный университет», Россия г. Новокузнецк

prlcauy@gmail.com

Некоторые люди рождаются с повышенной чувствительностью и ранимостью, из-за чего они стараются избегать конфликтных ситуаций, которые являются для них травматичными. Однако застенчивость и возникающие в результате коммуникативные трудности являются одной из главных психологических проблем современности в связи с тем, что большее количество людей проживает в городах, где межличностное взаимодействие и отношения особенно необходимы.

Застенчивые люди становятся замкнутыми, что ведет к проблемам в коммуникации, т.е. застенчивость препятствует эффективному общению и им сложно завести новые знакомства, новых друзей из-за недостаточно развитых коммуникативных способностей. Коммуникативные трудности снижают социальную активность личности, порождая целый ряд трудностей в сфере общения и межличностных отношений, что в результате ведет к одиночеству. Одинокый человек теряет ощущение себя из-за отсутствия близких контактов с другими людьми, которым можно доверить свои мысли, и которые его поймут. Последствием одиночества могут стать психосоматические заболевания, депрессия, преждевременная смерть и суицид.

В начале исследования было выдвинуто предположение, о существовании взаимосвязи между застенчивостью, коммуникативными способностями и одиночеством, а именно, чем выше уровень застенчивости и одиночества, тем ниже уровень коммуникативных способностей.

В нашем исследовании рассматривается понятие «застенчивость» как качество личности, которое проявляется в затруднении коммуникации с людьми, неуверенности в себе, ложном чувстве стыда и страха перед людьми, боязни осуждения и негативной оценки. Данная поведенческая реакция человека, вероятнее всего, может сформироваться в юношеском возрасте как свойство личности и может встречаться в подростковом возрасте, что в результате накладывает отпечаток на развитие личности в дальнейшем [1–3].

Коммуникативные способности рассматриваются нами, как способность воспроизводить понятную для окружающих речь, отвечающую внешним условиям общения, реагировать на эмоциональные

связи и особенности поведения, самочувствие собеседника, умение управлять процессом общения с таким расчетом, чтобы возникающие конфликты были улажены мирным способом [1].

Под одиночеством мы понимаем гнетущее чувство, при котором человек не ощущает самого себя, преследует ощущение опустошенности, в результате неудовлетворения социальных потребностей или потери истинного «Я» под воздействием общества. Главным составляющим одиночества является отношение к людям [5].

В исследовании применялись следующие методики: оценка коммуникативных и организаторских способностей (В. В. Синявский, В. А. Федорошин), методика «Определение уровня коммуникабельности» (В. Ф. Ряховский), методика диагностики застенчивости (К. С. Чечулина), шкала застенчивости из FPI (И. Фаренберг, Х. Зарг, Р. Гампел), диагностика застенчивости (А. Б. Белоусова, И. М. Юсупов), методика субъективного ощущения одиночества (Д. Рассел, М. Фергюсона), диагностический опросник «Одиночество» (С. Г. Корчагина).

Общая выборка исследования составила 27 испытуемых периода зрелого возраста от 35 до 50 лет, студенты очно-заочной и заочной формы обучения юридического факультета НФИ КемГУ.

Для исследования взаимосвязи застенчивости с коммуникативными способностями и одиночеством использовался коэффициент корреляции r -Пирсона.

При анализе полученные результаты мы установили, что между застенчивостью и коммуникативными способностями существует сильная обратная взаимосвязь ($r = -0,903$, $p \leq 0,01$; $r = -0,817$, $p \leq 0,01$). Полученные результаты позволяют констатировать, что застенчивость, которая проявляется в страхе перед людьми, в зависимости от мнения окружающих, приводит к замкнутости, неразговорчивости, избеганию общения с большой аудиторией и авторитетными для человека людьми.

Так же можно утверждать, что между застенчивостью и одиночеством есть прямая взаимосвязь ($r = 0,827$, $p \leq 0,01$; $r = 0,836$, $p \leq 0,01$). Из этого следует, что чем больше человек испытывает страх к людям, неуверенность в себе, зависимость от мнения окружающих, тем больше он испытывает чувство потерянности в мире и собственной неполноценности, хронической неудовлетворенности собой, недовольства жизнью.

Кроме этого, была выявлена обратная взаимосвязь между застенчивостью и одиночеством ($r = -0,799$, $p \leq 0,01$; $r = -0,731$, $p \leq 0,01$). Таким образом, для застенчивых людей характерны затруднения при знакомстве, возникающие отрицательные эмоции в ходе общения, трудности в выражении своего мнения, излишняя сдержанность.

Анализируя полученные результаты можно утверждать, что между застенчивостью и одиночеством есть сильная прямая взаимосвязь

($r = 0,652$, $p \leq 0,01$; $r = 0,628$, $p \leq 0,01$). Данные результаты позволяют сделать вывод о том, что застенчивый человек опаслив, не расположен к встречам и контактам, впечатлителен, склонен к уединению, скрытен и как следствие он чувствует себя изолированными от других, т.к. у него отсутствует близкое доверительное общение.

Также выявлена сильная обратная взаимосвязь между застенчивостью и коммуникативными способностями ($r = -0,789$, $p \leq 0,01$; $r = -0,797$, $p \leq 0,01$), поэтому, мы можем утверждать, что застенчивые люди становятся замкнутыми, что ведет к проблемам в коммуникации, т.е. застенчивость препятствует эффективному общению, таким людям сложно завести новые знакомства, новых друзей из-за слабо развитых коммуникативных способностей.

Между застенчивостью и одиночеством выявлена сильная прямая взаимосвязь ($r = 0,696$, $p \leq 0,01$; $r = 0,763$, $p \leq 0,01$), которая позволяет констатировать, что в результате имеющейся застенчивости, а именно страха перед людьми и зависимости от мнения окружающих, снижается социальная активность личности, что ведет к ощущению себя изолированным от других, к отсутствию близкого доверительного общения.

Итак, по полученным результатам можно сделать вывод о том, что существует взаимосвязь между застенчивостью, коммуникативными способностями и одиночеством. Застенчивые люди зрелого возраста имеют выраженные проблемы в коммуникации и межличностных отношениях, которые приводят к ощущению одиночества.

Список литературы

1. Болотова А. К. Социальные коммуникации. Психология общения. – Москва: Юрайт, 2016. – 277 с.
2. Бурно М. Е. О характере людей. – Санкт-Петербург : Академический проект, 2017. – 640 с.
3. Зимбардо Ф. Как побороть застенчивость. – Москва: Альпина Паблишер, 2015. – 308 с.
4. Куницына В. Н., Казаринова Н. В., Погольша В. М. Межличностное общение. – Санкт-Петербург : Питер, 2001. – 544 с.
5. Покровский Н. Е., Иванченко Н. Е. Универсум одиночества. Социологические и психологические очерки. – Санкт-Петербург : Логос, 2008. – 424 с.

СМЫСЛОЖИЗНЕННЫЕ ОРИЕНТАЦИИ И МОТИВАЦИОННАЯ ГОТОВНОСТЬ СТУДЕНТОВ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Рогозина М.Ю., канд. пед. наук, доц.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
myrsan@mail.ru

Важным компонентом развития будущего специалиста во время обучения в вузе является формирование у студентов мотивационной готовности к профессиональной деятельности.

Психологическая готовность – сложное личностное образование, многоуровневая система качеств и особенностей личности, которые во всей совокупности позволяют субъекту эффективно выполнять конкретную деятельность (В. Моляко); целенаправленные проявления личности, содержащие ее убеждения, взгляды, отношения, мотивы, чувства, интеллектуальные качества, знания, навыки и умения (М. Дьяченко, Л. Кандыбович). Содержание и структура психологической готовности определяются требованиями деятельности (или отдельных ее составных частей) к психическим процессам, состояниям, опыту и особенностям конкретной личности. Состояние готовности определяется устойчивыми психологическими особенностями, которые свойственны человеку, и конкретными условиями, в которых осуществляется деятельность.

Психологическая готовность к профессиональной деятельности может рассматриваться в качестве фактора, способствующего профессиональному развитию, предполагает выбор молодым человеком профессии согласно собственным возможностям и способностям. Одним из ведущих компонентов целостной структуры психологической готовности к профессиональной деятельности является мотивационная готовность. Рассматривая сущность мотивационной готовности, исследователями выделяются такие ее содержательные признаки: отношение к профессиональной деятельности; актуализированная потребность в личностном и профессиональном саморазвитии в труде; взаимосвязанные потребность в деятельности, осознание соответствия личностных качеств требованиям деятельности и личностное стремление к ее выполнению; наличие профессионально значимых интересов, ориентация на ценности деятельности, увлеченность профессией. Основными функциями мотивационной готовности является обеспечение устойчивой профессиональной направленности личности, стремление к выполнению определенной деятельности, ее стимулирование и

регулирование. К. Дмитерко-Карабина предлагает представить структуру мотивационной готовности к профессиональной деятельности в виде трех блоков: ценностно-смысловой блок, блок профессиональной направленности и блок учебно-профессиональной мотивации.

Актуальным является изучение ценностных и смысложизненных ориентаций в структуре мотивационной готовности студентов к профессиональной деятельности, поскольку эффективная профессионализация личности возможна при условии того, что профессия для субъекта является сферой реализации его основных личностных ценностей, в сам процесс профессионализации переживается как неотъемлемая часть житнетворчества и обеспечивает мотивацию профессиональной деятельности. Исследование особенностей смысложизненных ориентаций студентов с разным уровнем мотивационной готовности к профессиональной деятельности осуществлялось на базе Донецкого национального университета (специальности «Психология», «Математика», «Русский язык и литература»). В исследовании приняли участие 130 человек. По предварительно разработанным критериям вся выборка была разделена на три группы: группа с высоким, средним и низким уровнем мотивационной готовности к профессиональной деятельности.

Анализ результатов исследования показал, что смысложизненные ориентации имеют статистически значимые связи с отдельными параметрами мотивационной готовности к профессиональной деятельности, а именно с блоком профессиональной направленности и с блоком учебно-профессиональной мотивации. Доказано, что все компоненты профессиональной направленности коррелируют с показателями осмысленности жизни ($r = 0,31 \div 0,41$, $p \leq 0,01$) и с профессионально значимыми ценностями такими как «развитие себя», «креативность», «сохранение индивидуальности» ($r = 0,23$, $p \leq 0,05$; $r = 0,37$, $p \leq 0,01$; $r = 0,25$, $p \leq 0,05$ соответственно).

Анализ результатов корреляции смысложизненных ориентаций с блоком учебно-профессиональной мотивации доказал наличие следующих связей: показатель общей осознанности жизни коррелирует с учебно-познавательными мотивами ($r = 0,23$, $p \leq 0,05$) и мотивами творческой самореализации ($r = 0,23$, $p \leq 0,05$). Также имеют место связи между профессиональными мотивами обучения в вузе и такими субшкалами смысложизненных ориентаций как «цели в жизни» ($r = 0,24$, $p \leq 0,01$), «локус контроля - я» ($r = 0,29$, $p \leq 0,01$), «результат жизни» ($r = 0,19$, $p \leq 0,05$) и «локус контроля - жизнь» ($r = 0,18$, $p \leq 0,05$). Мотив творческой самореализации имеет связи с показателем «локус контроля - я» ($r = 0,23$, $p \leq 0,05$) и со шкалами процесс и результативность жизни. ($r = 0,19$, $r = 0,18$, $p \leq 0,05$) Обратные связи обнаружены между показателями

смыслоразностных ориентаций и отрицательным мотивом избегания ($r = -0,21 \div -0,23$ $p \leq 0,01$).

Сравнение результатов групп студентов с высоким и средним уровнем мотивационной готовности по показателям смыслоразностных ориентаций показало наличие достоверности различий по шкалам общей осмысленности жизни ($t_{ст} = 1,66$, $p \leq 0,05$), цель в жизни ($t_{ст} = 1,66$, $p \leq 0,05$). Значимые различия получены при сравнении всех трех групп по показателям шкалы «локус контроля - я». Показатель осознанность жизни имеет наибольшее значение у студентов с высоким уровнем мотивационной готовности к профессиональной деятельности и меньше всего – в группе с низким уровнем. Полученные результаты позволяют сделать следующие обобщения: студентов с высоким уровнем мотивационной готовности можно охарактеризовать как целенаправленных, способных контролировать события собственной жизни, они осознанно относятся к будущей профессиональной деятельности, воспринимают процесс своей жизни как наполненный содержанием, довольных собственной самореализации в настоящее время. Студенты с низким уровнем мотивационной готовности характеризуются отсутствием далеких целей и временной перспективы, неудовлетворенностью выбора профессиональной деятельности, неспособностью контролировать события собственной жизни.

Проведенное исследование подтвердило, что эффективная профессионализация возможна при условии того, что профессия становится сферой реализации основных личностных ценностей. Это объясняет необходимость создания педагогических условий для включения профессиональных ценностей и целей в систему смыслоразностных ориентаций личности.

Список литературы

1. Дмитерко-Карабин Х.М. Вплив смисложиттєвих орієнтацій на мотиваційну готовність до професійної діяльності майбутніх психологів: (Укр. яз.). Автореф. дис. канд. психол. наук: 19.00.07 / Прикарп. ун-т им. В.Стефаника. Ивано-Франковск, 2004. — 20 с.
2. Дьяченко М.И. Психологические проблемы готовности к деятельности / М.И. Дьяченко, Л. А. Кандыбович. – Минск : Изд-во БГУ, 1976. – 176 с.
3. Моляко В.А., Смульсон М.Л. Психологическая готовность к труду на современном производстве. – К.: Знание, 1985. – 117 с.

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Руденко С.В., канд. психол. наук, доц.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
Rudenko_SV@mail.ru

Постановка проблемы. Человек, появляясь на свет, обладает рядом врожденных индивидуальных свойств. Лишь в процессе жизни, с появлением сознания, формируется личность. Из осознания себя, своих потребностей «сейчас», рождается представление о том, что до этого, «раньше», – было не так; постепенно формируется умение предвосхищать, прогнозировать, что будет дальше, «потом». Соответственно, представление о нашем настоящем, прошлом и будущем имеет неопределимое значение в осознании себя, своей целостности, в становлении личности в целом. Одной из важнейших характеристик личности, обеспечивающих ее целостность в течение всей жизни, является идентичность. Это обусловило наш интерес к проблеме изучения временной перспективы в контексте социальной идентичности.

Основная часть. Феномен временной перспективы, не являясь новым в психологии, в то же время не теряет своей актуальности. Проблемой исследования данной проблемы занимались К. Левин, Ф. Зимбардо, Ж. Нюттен, М. Селигман, Д.А. Леонтьев, А.А. Кроник, Е.И. Головаха, О.Н. Арестова и др.

Понятие временной перспективы было введено Л. Франком с целью описания взаимообуславливания и взаимосвязи прошлого, настоящего и будущего в сознании и поведении человека. К. Левин подчеркивает, что временная перспектива – это включение будущего и прошлого, реального и идеального плана жизни в план данного момента. По его мнению, именно категория временной перспективы включает в себя рассмотрение личности во временном контексте. Ж. Нюттен исследуемый феномен понимает как временное измерение поведенческого мира, анализирует способность человека ставить и осуществлять отдаленные во времени цели как важнейшую личностную характеристику. Перспектива будущего связана с мотивацией, именно будущее автор представляет как «пространство мотивации». [3, 4]

С точки зрения Ф. Зимбардо временная перспектива – это часто неосознанное отношение человека ко времени и одновременно это процесс, с помощью которого длительный поток существования интегрируется в категории времени, что позволяет придать нашей жизни смысл, структурировать и систематизировать ее. Как считает автор, временная перспектива должна изучаться в неразрывном единстве ее когнитивного, мотивационного, социального и эмоционального

компонентов. В структуре временной перспективы Ф. Зимбардо выделяет следующие аспекты: негативное прошлое, позитивное прошлое, фаталистическое настоящее, гедонистическое настоящее, будущее. [2]

Интерес к проблематике временной перспективы представлен и в работах Е.И. Головахи и А.А. Кроника, исследовавших субъективное чувство возраста человека, которое у каждого может быть представлено в разной степени. По мнению К.А. Абульхановой-Славской, способность чувственно-деятельного освоения человеком времени, называемая временной транспективой, связана прежде всего с тем, что он прогнозирует, предвосхищает и организует события, рассматривая их с точки зрения будущего. [1]

Теоретический анализ феномена временной перспективы личности в современной психологии позволяет выделить наиболее общую ее структуру. Это три временных локуса: прошлое, настоящее и будущее. Они являются взаимообуславливающими друг друга и оказывают влияние на развитие личности в каждый текущий момент ее жизни. [1–3]

Перейдем к проблеме исследования феномена идентичности. Традиционно появление термина «идентичность» в психологии связывают с именем Э. Эриксона, определившим идентичность как внутреннюю непрерывность и тождественность личности. Идентичность рассматривается как чувство самотождественности, собственной истинности, полноценности, сопричастности миру и другим людям. Идентичность актуализирует способность индивида к ассимиляции социального и личностного опыта, к поддержанию своей цельности и субъектности в постоянно изменяющемся внешнем мире. [6]

Идеи Э. Эриксона развивала целая плеяда исследователей. В зарубежной психологии проблематику идентичности разрабатывали Дж. Мид, Г. Тэшфел, Г. Брейкуэлл, И. Гоффман и др.; в отечественной – Г.М. Андреева, М.В. Заковоротная, П.В. Румянцева, В.А. Ядов и др.

Ю. Хабермас отмечает, что Я-идентичность образуется из совокупности личностной и социальной идентичностей. Личностная идентичность обеспечивает связность истории жизни человека, социальная – обеспечивает возможность выполнять различные требования тех ролевых систем, к которым принадлежит человек. Социальная идентичность Г. Тэшфелом рассматривается как часть индивидуальной Я-концепции, происходящая от знаний индивида о собственной принадлежности к социальной группе вместе с ценностными и эмоциональными проявлениями этого членства. Подобным образом описывают социальную идентичность А.В. Микляева и П.В. Румянцева. Г. Брейкуэлл подчеркивает социальное происхождение идентичности, причем автор считает личностную идентичность вторичной по отношению к социальной. [1, 5]

Таким образом, идентичность – это свойство психики человека в концентрированном виде выражать для него то, как он представляет себе свою принадлежность к той или иной группе или общности.

Социальная идентичность позволяет личности делить мир на «мы» и «они», на «похожих» и «непохожих». Человек одновременно может быть членом многих групп («множественная идентичность»), соответственно, линия его поведения в каждой конкретной ситуации будет обусловлена тем, какая группа в данном контексте для него является наиболее значимой. Как правило, человеку присуще сохранять позитивный образ своей группы. Если же он по каким-либо причинам разрушается, итогом может быть уход из группы, переход в другую группу. [5]

На наш взгляд, социальная идентичность является тем образованием, которое связывает настоящее личности с ее прошлым и будущим. Осознание своей принадлежности к той или иной социальной группе формируется благодаря аспекту временной перспективы, относящемуся к прошлому времени, поскольку такое осознание сложилось из предыдущего опыта человека, на основе его включения в те или иные ситуации взаимодействия. Социальная идентичность тесно связана с настоящим субъекта, поскольку предполагает активную реализацию нынешних требований тех ролевых систем, к которым он принадлежит, в настоящий момент его жизни. Наконец, поскольку социальная идентичность предполагает множественность социальных ролей, реализуемых человеком, спектр этих ролей проясняет представление о себе и своем жизненном пути в будущем.

Заключение. Теоретический анализ заявленной проблематики позволяет нам говорить о неразрывности и взаимообусловленности временной перспективы и социальной идентичности личности. Протяженность, насыщенность, структурированность, яркость временной перспективы во всех ее аспектах (прошлое, настоящее, будущее), с одной стороны, облегчают формирование социальной идентичности, с другой же – во многом являются следствием принадлежности личности к тем или иным социальным группам и идентификации ее с рядом ролей.

Список литературы

1. Андреева Г.М. Психология социального познания. – 3-е изд., перераб.и доп. – М.: Аспект Пресс, 2009. – 303 с.
2. Зимбардо Ф. Парадокс времени: новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь / Ф. Зимбардо, Дж. Бойд. – М.: Речь, 2010. – 352 с.
3. Купчигина И.М., Недбаева К.М. Теоретические подходы к изучению структуры временной перспективы в психолого-педагогических исследованиях // Молодой ученый. – 2017. – № 48. – С. 156-158
4. Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего / под ред. Д.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2004. – 608 с.
5. Руденко С.В. Динамика социальной идентичности студентов // Идентичность в фокусе общественных и гуманитарных наук: материалы заседания круглого стола, 21 марта 2018 г., г. Донецк / ГОУ ВПО «ДонАУиГС», ГОУ ВПО «ДонНУ» – 76 с. – С. 55-59.
6. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис: Пер. с англ. – М.: Изд. группа «Прогресс», 1996. – 344 с.

НОРМЫ МОРАЛИ КАК СРЕДСТВО ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НА УРОВНЕ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Скаделова К.М.,

Бунтовский С.Ю., канд. эконом. наук, доц.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет

имени И.Т. Трубилина», Россия, г. Краснодар

skadielova@bk.ru, buntovskiy@rambler.ru

Одной из наиболее опасных проблем, негативно влияющих на экономическую, социальную и политическую безопасность России, является коррупционная преступность. За период январь-декабрь 2017 года органами внутренних дел было зарегистрировано 2 058,5 тысяч преступлений. Свыше 41 % преступлений фиксируется в республиканских, областных и краевых центрах (857,1 тысяч), и только пятая часть – в сельской местности, где за 2017 год зарегистрировали более 443 тысяч нарушений закона. Даже, несмотря на тот факт, что данная цифра на 4,7 % меньше, чем в 2016 году, коррумпированность в стране по-прежнему очень высока [3].

Меры, направленные на предупреждение преступности, осуществляются на общесоциальном, специальном и индивидуальном уровнях. На всех этих уровнях предупреждения развития коррупции, в том числе, и в сфере местного самоуправления, наряду с нормами права актуальными являются и нормы морали.

По своей природе нормы морали определяют поведение человека, следовательно, без них невозможно развитие гражданского общества, для которого свойственно многообразие форм и сложность общественных взаимоотношений.

Основными регуляторами отношений между людьми и их объединениями являются социальные нормы. Они возникают и развиваются на протяжении всей истории человечества, характеризуя уровень цивилизованности и нравственности в обществе. Одной из таких норм можно назвать мораль – фундамент поведения людей и их взаимоотношений. Под моралью понимаются взгляды и представления человека о добре, зле, совести, справедливости, порядочности. Главный признак норм морали – это гуманистическая направленность, показывающая взаимосвязь норм права, в которых лежит принцип гуманизма, с нормами морали[1].

Интересные аспекты можно заметить, определяя важность норм морали в предупреждении развития коррупционных преступлений на уровне муниципалитетов. Например, нормы морали санкционируются

непосредственно жителями муниципальных образований. В сравнении с нормами права, такой тип норм не имеет официальной выраженности в письменной форме. Лишь некоторые из них можно найти в уставах муниципальных образований, произведениях литературы, искусстве и т.п.

Также нормы морали обладают своими критериями оценки: честно/нечестно, морально/аморально, правильно/неправильно и др. Подобные критерии местное население использует в оценке действий преступника, совершившего коррупционное преступление в сфере местного самоуправления. Выразить свое мнение общественность может и при оценке норм уголовного законодательства, а также обвинительных и оправдательных приговоров, которые были вынесены судебными инстанциями в отношении преступника.

На поведение коррупционера в сфере местного самоуправления в значительной мере оказывают влияние его представления о степени выгоды совершения коррупционного действия, иными словами, используется механизм оправдательной мотивации [2]. В следствие, уровень его критического отношения к самому себе снижается, и возникает чувство безнаказанности. К сожалению, юридическая практика имеет огромное количество случаев, когда муниципальные служащие, совершившие коррупционное преступление, не получают должного уголовного наказания. Эти обстоятельства порождают падение морали у других людей, подталкивая их к коррупционной деятельности.

Осознание нравственности для служащих сферы местного самоуправления выступает субъективным явлением, которому свойственны познавательная, оценочная и регулятивная функции. Познавательная функция заключается в адекватном отражении моральных ценностей в сознании муниципального служащего. Оценочная отражает отношение служащего к нормам и правилам морали и определению их значения. Регулятивная основана на проявлении моральных норм в правомерном поведении. Поэтому, когда поведение муниципального служащего будет регулироваться этими функциями, его деятельность и ее результаты никогда не будут противоречить нормам морали общественным взглядам [1].

В законодательной базе Российской Федерации имеется документ, определяющий этическое поведение госслужащих – «Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих». В главе 3 данного кодекса зафиксированы этические правила служебного поведения служащих государственного и муниципального уровней рекомендательного характера [4]. Однако в нем нет никаких требований к служащим, поэтому на основании этого документа необходимо разработать концепцию по предупреждению коррупционных преступлений в сфере местного самоуправления в Российской Федерации.

Таким образом, в заключении важно отметить, что предупреждение коррупционных правонарушений среди муниципальных служащих обусловлено лишь теми этическими нормами, которые были приняты и применены в современном обществе.

В связи с подобной ситуацией, возникает необходимость в создании определенной модели по предупреждению коррупционных преступлений как путем уголовного законодательства и работы органов внутренних дел, так и созданием в общественном сознании каждого конкретного региона отрицательного отношения к подобному поведению чиновников. В результате работы с общественным мнением нужно добиться того, чтобы коррупционное поведение в обществе стало восприниматься таким же аморальным, как и нарушение более «тяжелых» статей Уголовного кодекса.

Нормы морали в сфере местного самоуправления являются основой нравственной культуры всего муниципального образования, которая определяет уровень развития и цивилизованности общества в целом. В особенности, стоит обратить внимание, что все муниципальные служащие должны обладать не только профессионализмом и компетентностью, но и нравственными ценностями. Только в таком случае можно говорить о снижении уровня коррумпированности органов местного самоуправления в Российской Федерации.

Список литературы

1. Аглямова Г.М. Значение норм морали в предупреждении коррупционной преступности в сфере местного самоуправления // Вестник удмуртского университета. Серия экономика и право. – 2017. – №3 (27). – С. 81-87.
2. Бунтовский С. Ю. К вопросу о некоторых актуальных угрозах для Российской Федерации / Пятые стольпинские чтения. Публичная политика и социальные науки: материалы науч.-практ. конф. с международным участием. / от вред. В.М. Юрченко. – Краснодар: Кубанский государственный университет 2016. – 573 с.
3. Состояние преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2017 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://мвд.рф/reports/item/12167987>
4. Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих (одобрен решением президиума Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции от 23 декабря 2010 г. (протокол N 21)).

ПРОБЛЕМА АДДИКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

Тараскина А.С.,

ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка
anya.taraskina.98@mail.ru

Вопрос девиантного поведения в настоящее время занимает ключевое место в обществе. Одной из разновидностей его проявления является аддиктивное поведение во всех его формах.

Под аддиктивным поведением понимают форму деструктивного поведения, обусловленную соответствующей аддикцией и направленную на уход от реальности посредством специального изменения своего психического состояния [1].

Можно выделить следующие формы аддиктивного поведения: химическая зависимость (курение, токсикомания, наркозависимость, лекарственная зависимость, алкогольная зависимость); нарушения пищевого поведения (переедание, голодание, отказ от еды); гэмблинг – игровая зависимость (компьютерная зависимость, азартные игры); сексуальные аддикции (зоофилия, фетишизм, пигмалионизм, трансвестизм, эксбиционизм, вуайеризм, некрофилия, садомазохизм); религиозное деструктивное поведение (религиозный фанатизм, вовлеченность в секту) [2].

Сегал Б. М. выделяет психологические особенности лиц с аддиктивными формами поведения. Среди них можно назвать следующие: сниженная переносимость трудностей повседневной жизни, наряду с хорошей переносимостью кризисных ситуаций; скрытый комплекс неполноценности, сочетающийся с внешне проявляемым превосходством; внешняя социабельность, сочетающаяся со страхом перед стойкими эмоциональными контактами; стремление говорить неправду; стремление обвинять других, зная, что они невиновны; стремление уходить от ответственности в принятии решений; стереотипность, повторяемость поведения; зависимость; тревожность [3].

Основной особенностью индивида со склонностью к аддиктивным формам поведения является рассогласование психологической устойчивости в случаях обыденных отношений и кризисов. В норме, как правило, психически здоровые люди легко приспосабливаются к требованиям обыденной жизни и тяжелее переносят кризисные ситуации [4].

В настоящее время очень актуальной для изучения остается проблема аддиктивного поведения в подростковом возрасте.

Среди учёных, сделавших вклад в изучение проблемы аддиктивного поведения подростков, можно отметить Змановскую Е. В., Гилинского Я. Г., Курек Н. С., Менделевич В. Д., Короленко Ц. П. и других. Каждый возрастной этап сложен в своём развитии. Подростковый возраст не является тому исключением, так как этот возрастной период характеризуется большим количеством кризисных явлений.

Личность подростка является уязвимой по отношению к аддиктивному поведению. Так называемый, «подростковый комплекс», характеризующийся беспокойством, тревогой, склонностью к резким колебаниям настроения, меланхолией, импульсивностью, негативизмом, конфликтностью и противоречивостью чувств, агрессивностью, является основополагающей психологической предпосылкой появления аддикций.

В подростковом возрасте, в период полового созревания, поведение в значительной мере определяется характерными для этого периода реакциями эмансипации, группирования, увлечениями (хобби) и формирующимся сексуальным влечением. Эти же факторы могут способствовать вовлечению подростков в группы, где практикуется употребление алкоголя, табаком и наркотиками, при условии, что эти группы позволят удовлетворить какие-либо потребности подростка, которые он не сможет удовлетворить в других группах [4]. Важно отметить, что все вышеперечисленные формы аддикций взаимосвязаны друг с другом. Приобщаясь к одной из разновидностей аддиктивного поведения, подросток одновременно увеличивает вероятность включения и в другие.

Таким образом, чтобы предотвратить проявление аддиктивных форм поведения у подростков и минимизировать, характерные для его возрастного периода кризисные симптомы, рекомендуется проводить ряд профилактических мероприятий. Особое внимание нужно уделять первичной профилактике, то есть предупреждению возникновения зависимого поведения. Она содержит 3 этапа: 1) диагностический (проведение методик на выявление детей, личностные особенности которых свидетельствуют о возможности аддиктивного поведения); 2) информационный (распространение среди детей информации о вредных привычках, как справляться со стрессом, технике общения); 3) коррекционный (исправление негативных привычек и взглядов, формирование конструктивного подхода к жизненным трудностям, прививание навыка работы над собой).

Итак, изучив работы отечественных и зарубежных исследователей, можно сделать вывод, что подростковый возраст является сложным этапом становления личности. В основном, люди, страдающие зависимостью в более старшем возрасте, имели её раннее проявление в подростковом возрасте. Поэтому основной задачей является предотвратить появление аддикций у подростков, путём первичной профилактики.

Список литературы

1. Большой психологический словарь / Под ред. В. П. Зинченко, Б. Г. Мещерякова. – [4-е изд., дополн. и испр.] – М. : АСТ, СПб. : Прайм-Еврознак, 2008. – 868 с.
2. Змановская Е. В. Девиантология: (Психология отклоняющегося поведения) : Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Е. В. Змановская. – [2-е изд., испр.] – М. : Издательский центр «Академия», 2004. – 288 с.
3. Змановская Е. В. Девиантное поведение личности и группы: Учеб. пособие / Е. В. Змановская, В. Ю. Рыбников. – СПб. : Питер, 2010. – 352 с.
4. Реан А. А. Психология подростка. Учебник / А. А. Реан. – СПб. : Прайм-Еврознак, 2003. – 480 с.

УДК 159.9

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ В УСЛОВИЯХ ДОШКОЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

Тащиан А.Е.,

Методический центр управления образования администрации, г. Макеевка
mak_etc@mail.ru

Психолог в дошкольном учреждении – это человек, понимающий ребенка, разбирающийся не только в общих закономерностях и в возрастных особенностях психического развития детей, но также и в индивидуальных вариациях этих особенностей [4]. «Мишенью» деятельности психолога чаще всего выступает эмоционально – мотивационная сфера личности ребенка, которая рассматривается в качестве базовой, основополагающей для личностного развития. Психолога можно назвать «специалистом по неодинаковости», т. к. основная его цель – помочь ребенку построить путь индивидуального развития. Педагоги, а часто и родители, в отношениях с детьми занимают позицию «над» или «напротив», в то время как психолог находится «рядом» и «на стороне» ребенка [3].

Будучи специалистом по детской психологии, психолог ориентируется и в психологии взрослых. Анализируя совместную деятельность взрослого и дошкольника, детский психолог оценивает те позиции, которые занимают взрослые – родители и педагоги – по отношению к ребенку, помогает понимать ребенка и воспринимать его таким, какой он есть, и строить доверительные взаимоотношения.

Психолого-педагогическое сопровождение в условиях дошкольного учреждения – это организованное взаимодействие психолога со всеми участниками образовательного процесса, направленное на обеспечение наибольшей продуктивности образовательной деятельности, позволяющее

своевременно, ещё до поступления в школу, помочь детям в преодолении тех трудностей, которые могут стать причиной возникновения школьной дезадаптации. Эффективность сопровождения обусловлена объединением усилий разных специалистов в условиях дошкольного учреждения.

Сопровождение в ДОУ опирается на основные принципы.

1. Учёт индивидуальных и возрастных особенностей дошкольника, предполагающий содержание, формы, способы сопровождения, соответствующие индивидуальным возможностям ребёнка, темпам его развития с учетом личностных новообразований.

2. Комплексный подход – это целостная, системно организованная деятельность участников образовательного процесса, в процессе которой создаются социально-психологические и педагогические условия для успешного обучения и развития каждого ребенка.

3. Непрерывность сопровождения в образовательном процессе, а именно преемственность и последовательность сопровождения, направленные на подготовку к обучению ребенка в школе и социализацию в современном обществе.

Цели психолого-педагогического сопровождения в дошкольном учреждении:

1. Создание благоприятного воспитательно-образовательного пространства семьи и дошкольного учреждения, позволяющего ребенку успешно адаптироваться к новым условиям и правилам жизни, установлению доброжелательных отношений со сверстниками и окружающими взрослыми.

2. Изучение уровня психического развития каждого ребёнка, выявление его индивидуальных особенностей в единстве интеллектуальной, эмоциональной и поведенческой сфер их проявления и возможных проблем в воспитательно-образовательном процессе. Исправление или ослабление выявленных недостатков в развитии ребёнка средствами психолого-педагогического воздействия, наблюдение за динамикой его развития.

3. Осуществление комплексного диагностического обследования будущих первоклассников с целью выявления их потенциальных возможностей и прогнозирования возможных трудностей для определения направления дальнейшей коррекционно-развивающей работы.

4. Выявление детей «группы риска», детей с выраженными проявлениями нарушений в эмоциональной сфере с целью оказания им психологической помощи и оптимизации их эмоционального состояния.

5. Участие в заседаниях психолого-медико-педагогической консультации для осуществления психологического обследования детей с нарушениями развития, направленного на оценку трудностей и потенциальных возможностей их развития. Предоставление рекомендаций

по организации обучения ребенка и разработка индивидуального плана коррекционно-развивающей работы.

6. Выявление еще на этапе дошкольного детства способных и талантливых детей, поддержка и реализация их способностей, сохранение психологического и физического здоровья.

7. Поддержание психологически комфортной и безопасной образовательной среды, способствующей наиболее полному развитию интеллектуального, личностного и творческого потенциала ребенка с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), развитие его адаптивных способностей для подготовки к полноценной жизни в обществе. Оказание помощи педагогическому коллективу в приспособлении развивающей среды к потребностям ребенка с ОВЗ. Формирование толерантного отношения к детям с ОВЗ в среде сверстников.

8. Повышение у педагогов и родителей психологической компетентности. Формирование у них потребности в психологических знаниях, желание использовать их в работе с детьми,

9. Оказание консультативной помощи педагогам и родителям по вопросам, связанным с оптимизацией воспитательно-образовательного процесса в дошкольном учреждении и семье в интересах ребёнка.

Осуществляя психологическое сопровождение, психолог [1]:

- руководствуется Этическим кодексом психолога;
- рассматривает вопросы и принимает решения строго в пределах своей профессиональной компетенции;
- несет персональную ответственность за адекватность используемых диагностических, коррекционно-развивающих, профилактических методов, обоснованность предоставляемых рекомендаций;
- исходит из интересов воспитанников, задач их полноценного психического развития;
- повышает свой профессиональный уровень, изучая новейшие достижения психологической науки и практики;
- применяет современные, традиционные научно обоснованные методы диагностической, развивающей, просветительской и профилактической работы;
- противодействует распространению псевдонаучных, мистических, религиозных методов коррекционно-развивающей, терапевтической и консультативной работы;
- руководствуется принципом «не навреди»;
- хранит профессиональную тайну, не распространяя сведения, полученные в результате диагностической, консультативной и других видов работ, если ознакомление с ними может нанести ущерб ребенку или его окружению.

Список литературы

1. Типовое положение о психологической службе в системе образования, утвержденное приказом Министерства образования и науки Донецкой Народной Республики от 06.08.2015 г. № 378, зарегистрированное в Министерстве юстиции Донецкой Народной Республики от 20.08.2015 г. № 385.
2. Информационно - методические материалы по организации, планированию и ведению документации специалистов психологической службы в 2017-2018 учебном году (письмо МОН ДНР от 17.07.2017 г. № 3310/21-21).
3. Вачков Игорь. В общем пламени // Школьный психолог. – 2001. – №18 (90). – С. 10-14.
4. Венгер А. Л. Психологическое консультирование и диагностика: в 2 ч. Ч 1./ А. Л. Венгер.— М.: Педагогика, 2001. — 243 с.
5. <http://dob.1september.ru/> 2. <http://psy.1september.ru/>

УДК 378.048.2

АКТИВИЗАЦИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА АСПИРАНТОВ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА НА ЗАНЯТИЯХ ПО ПСИХОЛОГИИ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Тимошко Г.В., канд. психол. наук, доц.,

Тимошко А.А.,

ГОУ ВПО «Донбасская национальная академия строительства

и архитектуры», г. Макеевка

mailbox@donnasa.org

От уровня, содержания, способов подготовки аспирантов зависит будущее образования и науки страны. Выпускник аспирантуры должен быть и квалифицированным специалистом, руководителем, и ученым, творческой личностью, способной изобретать, проектировать, создавать новую технику и технологию, и нравственной личностью, способной делать все это на благо людей, соблюдая их права и интересы, сохраняя их жизнь и достоинство. Выпускник аспирантуры подготовлен и как преподаватель.

Определенную роль в воспитании личности аспирантов играет приобщение их к психолого-педагогическим знаниям, выработка соответствующих умений при изучении курса психологии и педагогики высшей школы. Большинство современных аспирантов технического вуза уже имеют опыт преподавания. Поэтому при изучении психологии высшей школы в аспирантуре они активно включаются в учебно-воспитательный процесс по предмету, являясь не столько объектами педагогического воздействия, сколько субъектами учебного процесса. Целью исследования является анализ опыта учебной деятельности аспирантов на занятиях по психологии высшей школы, объектом – учебная деятельность аспирантов,

предметом – активизация потенциала аспирантов возможностями учебной деятельности на практических занятиях.

Имея опыт преподавания, аспиранты сами могут и любят приводить примеры общения со студентами, и при решении психолого-педагогических задач предлагать свои варианты, причем несколько. На занятиях с аспирантами проявляется их высокий педагогический потенциал. Он выше, чем успеваешь проявиться на занятии. Таким образом, проблема исследования возникла как результат обнаружения высоких возможностей аспирантов технического вуза в освоении педагогической деятельности и заключается в поиске способов их максимальной активизации в процессе изучения курса психологии высшей школы.

Различные подходы к активизации педагогического потенциала, творчества, профессиональной рефлексии студентов и аспирантов даны в работах Е.И. Муратовой и А.И. Попова, И.Ю. Соколовой и В.Ю. Зюбанова, Н.И. Стовбы, А.В. Хижной и других авторов[1-4].

Исследования Н.И. Стовбы, посвященные профессиональной рефлексии будущих преподавателей, актуализируют конкретные педагогические условия, способствующие формированию профессиональной рефлексии на разных уровнях профессиональной подготовки специалистов. Особенностью педагогического подхода Н.И. Стовбы является то, что студенты получают все практические работы по изучаемой дисциплине, лишь приступив к её изучению, выполняют эти работы вне вуза, в удобное для них время. А на практическое занятие приходят с уже выполненными практическими заданиями данного занятия, включая выводы и рекомендации. На аудиторных занятиях при этом обсуждаются результаты выполненных работ, в том числе и ошибки, допущенные товарищами. Получается, что студенты учатся на своих и чужих ошибках, учатся рефлексировать. По мнению автора, рефлексия – это, во многом, стимулирование развития, обогащения, усиления профессиональных качеств.

Обращаясь к опыту Стовбы Н.И. и других ученых, нам желательно максимально использовать возможности практических занятий и самостоятельной работы аспирантов, различные формально-динамические характеристики практических занятий для активизации потенциала самих аспирантов. Особенностью практического занятия как формы учебного процесса, в отличие от семинарского или лабораторного занятия, является сочетание его теоретической и практической составляющих. На этих занятиях как актуализируется и обсуждается информация по теме с предварительным изучением литературы, так и решаются задачи, ситуации, защищаются результаты ранее выполненных работ. Действительно, существенная часть занятия проходит до него как подготовительная.

Среди заданий, которые аспиранты могут выполнить до занятия, практически все виды работ на занятии:

- изучение литературы по теме;
- подготовка вопросов, возникших при изучении материала;
- педагогическое самотестирование;
- психологическое тестирование и самотестирование;
- решение психолого-педагогических задач;
- решение психолого-педагогических ситуаций по теме;
- составление задач и ситуаций на основе опыта собственного преподавания, моделирование элементов лекции, практического занятия и другие.

Отметим, что поскольку речь идет об аспирантах технического вуза, мы не вправе требовать от них умения проводить психологическое тестирование, более того, они и не должны пользоваться профессиональными психологическими методиками. Поэтому при психологическом тестировании и самотестировании аспиранты используют О-методики (открытые методики). Основной целью использования таких тестов является повышение мотивации аспирантов, привлечение их внимания к тем психологическим особенностям студентов или преподавателей, которые тестируют, стимулирование дискуссии, высказывание своего мнения относительно важных для учебной или преподавательской деятельности качеств, черт личности, особенностей психических процессов.

Большие возможности самостоятельной работы аспирантов влияют на роль преподавателя на занятии. Ведь действительно, если аспирант почти всё может сделать сам: читать, анализировать, обсуждать с товарищами проблемные вопросы, искать ответы на эти вопросы, решать задачи, составлять задачи и т.д., – то зачем нужен преподаватель?

Личность преподавателя, как носителя профессиональных знаний, умений и навыков, педагогического опыта, как человека, умеющего аргументировать, убеждать, выступает на первый план в определенные моменты занятия. Например, при обучении аргументации, формулированию проблемных вопросов, при подведении итога дискуссии. Кроме того, есть формы проведения занятия (тренинг, деловая игра), в которых преподаватель является ведущим. Вопрос о роли преподавателя в проведении современного практического занятия с аспирантами является предметом продолжения данного исследования.

Таким образом, нами проанализирован опыт учебной деятельности аспирантов на практических занятиях и выделены определенные возможности активизации педагогического потенциала аспирантов.

Список литературы

1. Муратова, Е. И. Организация педагогической практики аспирантов : учебное пособие [Текст] / Е. И. Муратова, А. И. Попов. – Тамбов : Изд-во ФГБОУ ВО «ТГТУ», 2017. – 80 с.

2. Соколова, И.Ю. Анализ результатов актуализации личностного потенциала магистрантов и аспирантов – основного ресурса развития вузовской науки [Текст] / И.Ю. Соколова, В.Ю. Зюбанов // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – Вып. №9 (ч. 4) – 2015. – С. 711-717.
3. Стовба Н.И. Психолого-педагогические условия развития профессиональной рефлексии / Н.И. Стовба // Психология в образовательном пространстве. Материалы ежегодной международной научно-практической конференции (г. Донецк, 17-18 ноября 2012г.) [Текст] / Под ред. кафедры психологии ДонНУ. – Донецк: ООО «Східний видавничий дім», 2012. – С. 293-296.
4. Хижная А.В. Педагогические условия подготовки аспирантов в системе дополнительного образования по направлению "Преподаватель высшей школы" : дис. ... канд. педагог. наук : 13.00.08 / А.В. Хижная – Нижний Новгород, 2005. – 192 с. РГБ ОДэ

УДК 35

АКТУАЛЬНОСТЬ ЭТИЧЕСКИХ НОРМ И ПРАВИЛ ПОВЕДЕНИЯ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Турлий Е.В.,

Бунтовский С.Ю., канд. эконом. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет
имени И.Т. Трубилина», Россия, г. Краснодар
Katya5vremen@yandex.ru, buntovskiy@rambler.ru

В настоящее время обязательным требованием для государственного служащего является знание и владение профессиональными навыками, умениями и компетенциями. Однако это не единственное, чего ожидают увидеть от госслужащего. В значительной степени на авторитет государственного служащего оказывают влияние умение применять на практике этические нормы и правила, установленные для него в качестве обязательных требований. Несоблюдение или нарушение таких норм и правил, как правило, приведет к снижению уровня доверия со стороны населения как к самому чиновнику, так и к государственному аппарату в целом. Также возможны и различные незапланированные расходы из бюджета государства или возникновение конфликта интересов вследствие нарушения установленных этических требований [3].

Сегодня очень распространенным явлением стала разработка различными организациями и компаниями своих индивидуальных кодексов этического поведения, регулирующих взаимоотношения персонала. Конечно же, это затрагивает и государственные органы, в работе которых без таких нормативных актов не обойтись. Принятые этические кодексы в органах государственного управления Российской

Федерации регулируют огромное количество моральных и поведенческих аспектов государственной службы. Отличительной чертой такого свода правил является трансформирование норм общей этики в профессиональные регуляторы поведения, а также в наложении на служащего определенного рода нравственной ответственности перед народом.

Культура управления в государственных органах власти и этика профессионально-служебных отношений в системе государственной службы выполняют определенные функции. В качестве основных можно выделить следующие:

- регулирующая, заключающаяся в поддержании и соблюдении установленных правил и норм поведения для государственных служащих;
- культурная, которая характеризуется сохранением и применением уже существующих культурных традиций и формированием новых;
- адаптивная, которая способствует скорейшему приспособлению госслужащих друг к другу, а также непосредственно к самому рабочему месту посредством общих норм и правил поведения [1].

В Российской Федерации профессиональная и служебная этика госслужащих формализована в «Типовом кодексе этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих», который был одобрен решением президиума Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции от 23.12.2010 г. В данном нормативном акте подчеркнута необходимость в обучении государственных и муниципальных служащих моральным принципам и ценностям, без которых нельзя обойтись в сложившихся условиях [2].

Сейчас общество желает видеть от государственных и муниципальных служащих эффективную работу с соблюдением этических норм и правил по отношению к народу. Помимо этого, необходимо отметить, что такой этический кодекс определяет компетенции, которыми должен обладать каждый госслужащий в ходе осуществления им своей профессионально-служебной деятельности. Следовательно, важнейшим условием эффективного и продуктивного функционирования государственной службы является повышение уровня этики всех госслужащих, формирование у них определенного набора этических норм и ценностей посредством модернизационных программ подготовки и переподготовки кадров. Безусловно, чтобы этот свод правил соблюдали все чиновники, важно создать отдельные органы, основной деятельностью которых будет контроль за исполнением этического кодекса [3].

Таким образом, можно подвести итог, что государственный служащий является государственным лицом, ответственным перед обществом и народом. Поэтому этические требования, которые предъявляются к госслужащим, занимают важное место в организации и функционировании государственной службы. Понимание государством и

общественностью необходимости соблюдения и контроля этического кодекса государственными служащими – это залог успешного, качественного и гармоничного взаимодействия между аппаратом государственного управления и населением.

Список литературы

1. Ефимова Е.С., Вдовенко Е.О., Мирсаидов Б.М. Управленческая культура и профессиональная этика государственных служащих муниципального управления // Управление в химии и химические технологии. – 2016. – № 5(174). – С. 25-27.
2. Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих (одобрен решением президиума Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции от 23 декабря 2010 г. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113505/ (дата обращения: 21.09.2018)
3. Федоров Г.В., Пивоварова О.П. Роль этики в осуществлении государственной службы в Российской Федерации// Проблемы социально-экономического развития в новых экономических условиях: взгляд молодых исследователей. – 2017. – С. 322-325.

УДК 159.9

ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОСУЖДЕННЫХ, СОВЕРШИВШИХ ОТДЕЛЬНЫЕ ВИДЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРИОДА ВЗРОСЛОСТИ)

Уртигешева И.И.,

Лучшева Л.М., канд. психол. наук

Новокузнецкий институт (филиал) ФГБОУВО «Кемеровский
государственный университет», г. Новокузнецк

urtigecheva@gmail.com

В настоящее время одной из глобальных проблем в современном мире является проблема преступности. По данным статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации в январе-декабре 2017 г. в России зарегистрировано около 2 058 476 преступлений. Рост любой преступности, в целом, невозможно сократить, если не брать во внимание личность совершившую преступление. Знание природы личности преступника, его индивидуально-психологических особенностей может способствовать предупреждению и сокращению преступности в стране [2].

Общепринятое понятие «преступление» (статья 14 УК РФ) рассматривается как: «виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим кодексом под угрозой наказания» [1].

Под личностью преступника рассматривают виновного человека, совершившего уголовно наказуемое деяние, обладающего определёнными социально-криминологическими свойствами, которые «сталкиваясь» с криминогенными факторами внешней среды, приводят к преступному поведению [3].

В нашем исследовании для изучения индивидуально-психологических особенностей осуждённых применялись такие методики, как: Методика определения типа акцентуаций характера (К. Леонгард, модификация Г. Шмишек); Тест «Индивидуально-типологический опросник» (Л. Н. Собчик); Методика «Смысложизненные ориентации» (Д. А. Леонтьев); «Опросник суицидального риска» (А. Г. Шмелёв, модификация Т. Н. Разуевой); Методика диагностики волевого самоконтроля (А. Г. Зверков, Е. В. Эйдман).

В исследовании приняли участие 120 осуждённых, находящихся в федеральном казённом учреждении «Следственный изолятор № 2 Главного управления Федеральной службы исполнения наказаний по Кемеровской области» г. Новокузнецк в возрасте от 38 до 60 лет.

Целью исследования являлось выявление отличий индивидуально-психологических особенностей осуждённых совершивших отдельные виды преступлений. Для этого нами применялся t-критерий Стьюдента (при $t=2,002$, $p \leq 0,05$). В данном исследовании сравнивались между собой 4 группы респондентов: осуждённые совершившие убийство, в дальнейшем – «убийцы»; осуждённые, совершившие изнасилование – «насильники»; осуждённые, совершившие кражу – «воры»; осуждённые, совершившие разбой – «разбойники». В ходе проведенного исследования, нами были сделаны следующие выводы: «убийцы» отличаются от других видов преступников такими индивидуально-психологическими особенностями, как: более высоким уровнем социального пессимизма (в сравнении с «насильниками» – $t=2,073$, «ворами» – $t=3,388$, «разбойниками» – $t=2,293$); тревожности (в сравнении с «насильниками» – $t=4,081$, «ворами» – $t=3,645$, «разбойниками» – $t=3,382$); выраженностью тревожного (в сравнении с «насильниками» – $t=3,533$, «ворами» и «разбойниками» – $t=4,935$) и возбудимого типов акцентуации характера (в сравнении с «насильниками» – $t=2,877$, «ворами» – $t=4,995$, «разбойниками» – $t=3,706$). От «разбойников» их отличает более высокий уровень слома культурных барьеров ($t=2,128$), волевого самоконтроля ($t=2,025$), целей в жизни ($t=2,281$) и выраженность застревающего типа акцентуации характера ($t=2,488$). От «насильников» – более высоким уровнем выраженности процесса жизни ($t=8,931$), локус контроля-Я ($t=3,045$), волевого самоконтроля ($t=2,021$) и общим показателем осмысленности жизни ($t=2,595$). От «воров» – наиболее высоким уровнем агрессивности ($t=2,827$), ригидности ($t=2,446$) и интроверсии ($t=2,128$).

«Насильники» отличаются от других преступников более высоким уровнем агрессивности (в сравнении с «убийцами» – $t=-3,910$, «ворами» – $t=-9,301$, «разбойниками» – $t=3,252$) и низким уровнем сформированности процесса жизни (в сравнении с «убийцами» – $t=8,931$, «ворами» – $t=8,629$, «разбойниками» – $t=-7,677$), локус-контроля-Я (в сравнении с «убийцами» – $t=3,045$, «ворами» – $t=7,894$, «разбойниками» – $t=-8,205$) и общего показателя осмысленности жизни (в сравнении с «убийцами» – $t=2,595$, «ворами» – $t=2,652$, «разбойниками» – $t=-2,533$). От «разбойников» их отличает более высокий уровень демонстративности ($t=2,515$), аффективности ($t=2,090$), уникальности ($t=2,286$), несостоятельности ($t=2,905$), временной перспективы ($t=2,371$), интроверсии ($t=2,644$), а также выраженность застревающего ($t=2,744$) и эмотивного типов акцентуации характера ($t=2,021$). От «убийц» – более высоким уровнем максимализма ($t=-2,499$), ригидности ($t=-3,812$), низким уровнем волевого самоконтроля ($t=2,021$) и выраженным дистимным типом акцентуации характера ($t=-2,167$). От «воров» – наиболее высоким уровнем ригидности ($t=-6,429$).

«Воры» отличаются от других преступников более высоким уровнем экстраверсией (в сравнении с «убийцами» – $t=-3,208$, «наильниками» – $t=5,040$, «разбойниками» – $t=2,039$) и низким уровнем ригидности (в сравнении с «убийцами» – $t=2,446$, «наильниками» – $t=-6,429$, «разбойниками» – $t=-3,819$), а также выраженностью таких типов акцентуаций характера, как гипертимность (в сравнении с «наильниками» – $t=2,103$, «убийцами» – $t=-2,629$, «разбойниками» – $t=2,461$) и экзальтированность (в сравнении с «наильниками» – $t=2,674$, «убийцами» – $t=-3,437$, «разбойниками» – $t=2,735$). От «разбойников» их отличает более высокий уровень антисуицидального фактора ($t=3,117$), целей в жизни ($t=2,674$), результативности жизни ($t=2,210$), сензитивности ($t=4,197$). От «убийц» – более высоким уровнем антисуицидального фактора ($t=-2,441$). От «наильников» – наиболее высоким уровнем выраженности процесса жизни ($t=8,629$), локус контроля-Я ($t=7,894$), общего показателя осмысленности жизни ($t=2,652$) и сензитивности ($t=5,232$).

«Разбойники» отличаются от «воров» более высоким уровнем агрессивности ($t=-4,372$) и ригидности ($t=-3,819$), низким уровнем целей в жизни ($t=2,674$), результативности жизни ($t=2,210$), сензитивности ($t=4,197$), а также выраженностью циклотимичного ($t=-2,329$) и дистимного типов акцентуации характера ($t=-2,378$). От «убийц» – более низким уровнем социального пессимизма ($t=2,293$), слома культурных барьеров ($t=2,128$), целей в жизни ($t=2,281$), волевого самоконтроля ($t=2,025$), а также выраженностью циклотимичного ($t=-2,596$) и дистимного типов акцентуации характера ($t=-3,197$). От «наильников» – более высоким уровнем процесса жизни ($t=-7,677$), локус контроля-Я ($t=-8,205$), общем

показателем осмысленности жизни ($t=-2,533$), экстраверсии ($t=-2,601$) и более низким уровнем демонстративности ($t=2,515$), аффективности ($t=2,090$), уникальности ($t=2,286$), несостоятельности ($t=2,905$) и временной перспективы ($t=2,371$), а также выраженностью циклотимичного типа акцентуации характера ($t=-2,310$).

Таким образом, в ходе исследования были выявлены индивидуально-психологических особенностей осужденных периода взрослости совершивших отдельные виды преступлений. Полученные данные могут быть использованы психологами, психиатрами и сотрудниками правоохранительных органов для разработки эффективных методов и способов профилактики преступлений, воздействия на осужденных, с целью их перевоспитания, а также предупреждения рецидива преступлений.

Список литературы

1. Барзилова И. С. Правоведение [Текст]: учебник / И. С. Барзилова, А. С. Ловинюкова. – М.: Российская таможенная академия, 2013. – 393 с.
2. Головина М. Н. Проблемы исследования личности преступника [Текст] / М. Н. Головина//Научное сообщество студентов XXI столетия. Гуманитарные науки. – Новосибирск: СибАК, 2014. С. 408-414.
3. Лунеев В. В. Криминология [Текст]: учебник для академического бакалавриата / В. В. Лунеев. – М.: Юрайт, 2017. – 686 с.

УДК 159.9

КАЧЕСТВО СТИМУЛЬНЫХ ЗАДАНИЙ КАК УСЛОВИЕ ВАЛИДНОСТИ МЕТОДИКИ ДИАГНОСТИКИ МОТИВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Устинов Д.В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
d-ustin.80@mail.ru

Несмотря на то, что преступность несовершеннолетних, как явление, не может оставлять равнодушным современного взрослого человека, проблема установления внутриличностных причин противоправного поведения несовершеннолетних остается неразрешенной. Статистика указывает, что абсолютное большинство несовершеннолетних правонарушителей совершают имущественные преступления. Сложившаяся ситуация обусловила необходимость разработки специализированного способа выявления мотивов совершения детьми имущественных преступлений.

Согласно концепции создания психодиагностических тестов, предложенной Н.А. Батуриным и Н.Н. Мельниковой, взятой за основу при разработке методики, только аргументированное планирование и качественное осуществление мероприятий по подготовке стимульного материала может наделять методику способностью диагностировать то психологическое свойство, ради диагностирования которого методика задумывалась – валидностью [1].

Учитывая скрытый характер преступной деятельности, для использования в методике был избран комбинированный интерпретативно-аддитивный вид атрибутивной проекции [2]. Таким образом, каждый стимульный пункт представляет собой сюжетную историю, описывающую противоправное имущественное поведение подростка, юноши, и стимульные начала синтаксически неоконченных предложений.

На основе общего понятия мотива преступления [3] сформулировано детальное определение используемого концепта – мотива совершения преступления против собственности, который понимается как внутреннее осознанное или неосознанное побуждение несовершеннолетнего к совершению деяний, направленных на удовлетворение имеющихся у него потребностей способом, формально содержащим признаки преступления против собственности. Согласно классификации указанных мотивов по критерию содержания потребности, соответствующей целям запланированного диагностирования, в отдельные виды выделяются корыстный, игровой, гуманный, физиологический мотивы преступления, а также преступные мотивы самоутверждения, повышения самооценки, мести, зависти и безопасности [3].

Для достижения адекватности и полноты охвата содержания стимульных пунктов, как одного из ключевых условий валидности, резюмируя теоретические положения и предполагаемые условия прикладного применения методики, обозначены ряд требований: в заданиях описаны проблемы, значимые для подростковой и юношеской возрастной категории и доступные, в целом, способы хищения; описание осуществляется нейтрально, допуская проявление различных видов мотивов; неоконченные фразы направлены на проявление содержания потребностей и избегание проявления неинформативной реакции; форма изложения унифицирована для детей с различными социально-биографическими характеристиками.

Подготовка стимульного материала включала в себя несколько стадий, на каждой из которых привлекались эксперты в области психологии, педагогики, филологии, права.

На предварительной стадии стимульные задания были представлены студентам психологических специальностей. По итогам анализа проявленной реакции установлены стимулы, вызывающую необходимую

неоднородную реакцию. Кроме того фиксировались и были изучены замечания студентов по конкретным пунктам предложенного материала. Этот же вариант заданий был предложен несовершеннолетним правонарушителям, анализ реакции которых также продемонстрировал возможность стимульного материала выявлять разнообразную криминальную мотивацию диагностируемых.

Для подтверждения валидности принято решение сравнить результаты применения методики с результатами использования ранее разработанных тестов, как формами проявления внешней для исследования реальности. Учитывая, что схожие методики выявлены не были, а также то, что согласно применяемой концепции мотивы преступного имущественного поведения ребенка в той или иной мере соответствуют повседневным мотивам его поведения, в процессе апробационного исследования проведено изучение мотивации с использованием диагностического комплекса, в состав которого вошли разрабатываемая методика, методика «Пирамида потребностей» (В.В. Скворцов и И.А. Акиндинова) и «метод измерения мотивационной структуры личности» (В.Э. Мильман). Исследование двух групп несовершеннолетних (93 правонарушителей, 74 законопослушных) выявило 22 пары статистической взаимосвязи отдельных показателей мотивов преступлений с показателями по различным шкалам проверочных методик. Например, преступный мотив *повышения самооценки* показал взаимосвязь с группой *статусно-престижных* мотивов (В.Э. Мильман) [2].

Для проведения основного исследования, направленного на обоснование валидности подготовленного стимульного материала, с учетом отдельно разработанных требований, основное из которых близость концептуальных понятий, был расширен перечень методик, предназначенных для диагностирования мотивационной сферы. Так, помимо ранее используемых, были отобраны и распределены на два диагностических комплекса следующие методики: «методика диагностики потребности в ощущениях» (М. Цукерман), «МАС» (М.Л. Кубышкина), «Пословицы» (С.М. Петрова), «определения общей эмоциональной направленности личности» (Б.И. Додонов), «Доминирующий криминальный мотив» (Р.В. Овчарова и Ю.А. Малюшина).

Предваряя исследование, был проведен теоретический анализ соответствия стимульного материала перечисленных методик диагностическим шкалам разрабатываемой. Установлено, что реакция на подавляющее большинство стимульных пунктов не позволяет делать однозначные выводы о содержании потребности несовершеннолетнего и является характерной для нескольких видов мотивов преступного поведения (например, стимулы *трудовой* мотивации методики С.М. Петрова характерны *корыстному, игровому, самоутверждения* криминальным мотивам).

Несмотря на это, анализ позволил выявить отдельные группы стимульных пунктов проверочных методик, реакция на которые демонстрирует побуждения, соответствующие одному определенному мотиву преступления (например, стремление к *острым ощущениям* (М. Цукерман) соответствует *игровому* мотиву преступления). Такие однозначно соответствующие пары диагностических шкал целесообразно использовать в качестве гипотез, подлежащих проверке при проведении практической части исследования.

Таким образом, было отобрано 62 пары диагностических шкал с вероятной статистической зависимостью, из числа которых выделены 14 сочетаний, в которых стимульный материал предполагает реакцию, однозначно соответствующую конкретному виду мотива преступления. Эмпирическое подтверждение каждой заранее теоретически обоснованной корреляционной зависимости отдельных результатов применения различных методик свидетельствует о том, что разрабатываемая методика измеряет то качество, для измерения которого создавалась.

Результаты диагностического исследования 134 законопослушных детей и 82 несовершеннолетних правонарушителей подтвердили все предварительно сформулированные гипотезы, выявив наличие корреляционных связей во всех для этого определенных парах диагностических шкал. Кроме того, была выявлена 31 пара шкал из числа вероятно соответствующих, в которых проведенное исследование показало наличие статистической зависимости. При этом каждый вид мотивов имущественных преступлений (кроме ситуативно проявляемого физиологического) нашел свое подтверждение в результате использования внешних методик.

Полученные результаты позволяют говорить об обеспечении достаточной валидности подготовленного стимульного материала как о прохождении очередного шага разработки методики и свидетельствуют о необходимости проведения дальнейших мероприятий, необходимых для создания психодиагностической методики, в полной мере удовлетворяющей современным международным требованиям.

Список литературы

1. Батурин Н.А., Мельникова Н.Н. Технология разработки тестов: часть 1 // Вестник Южно-Уральского университета. Серия «Психология». –2011. – № 13. –С. 48-59.
2. Устинов Д.В., Устинова Н.В. Применение отдельных проективных психодиагностики для выявления мотивов совершения несовершеннолетними преступлений против собственности // Вестник КемГУ. – 2017. – № 4. – С. 153-159.
3. Устинов Д.В. Содержание потребности как критерий классификации мотивов противоправного поведения детей. // Психология и право. – 2018(8). – №1. – С. 63-76.

РАЗЛИЧИЯ ИНТУИТИВНОГО И АНАЛИТИЧЕСКОГО КОГНИТИВНОГО СТИЛЯ В ПРОЦЕССЕ РЕШЕНИЯ СТУДЕНТАМИ ТВОРЧЕСКИХ ЗАДАЧ

Устинова Н.В., канд. психол. наук, доц.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
d-ustin.80@mail.ru

Введение. Процессы решения творческих задач и проблемных ситуаций, основанные на взаимодействии логических и интуитивных процессов, приводящих к решению, описаны многими авторами (В.М. Дружинин, В.А. Моляко, В.М. Пушкин, Я.А. Пономарев, Дж. Бери, Дж. Брунер, Г. Штернберг) [1, 4, 5]. Опираясь на методологическую основу субъектно-деятельностного подхода С.Л. Рубинштейна, можно сделать предположение, что специфика интуитивного процесса решения задачи соотносится, с одной стороны, со структурой задачи, с другой – со свойствами субъекта, одним из которых является интуитивный или аналитический компонент в структуре когнитивного стиля.

Актуальность (социальная значимость) рассматриваемой проблемы определяется тем, что последние десятилетия происходит объективное накопление, уплотнение информационного пространства, многоплановая дифференцированность, а сложность взаимопроникновения и взаимодействия информации создают особую и более сложную среду, участвующую в формировании психики индивида, структур поведения, условий построения взаимосвязей в деятельности, обеспечивает разные формы и уровни сознательного и бессознательного восприятия этой информации и ее рефлексии. При этом интуиция, как непосредственное знание, играет все большую роль в самом процессе познания. Развитие общества в современных условиях требует быстрых перемен, новых прогрессивных идей, что ставит ряд задач по формированию творческого потенциала личности. Объективизация явления интуитивного познания, превращение его в предмет изучения, соответственно определяет задачи по выделению и исследованию механизмов и специфики условий возникновения интуитивного решения.

Целью первого этапа исследования было выявление студентов с выраженным интуитивным и аналитическим стилем переработки информации. В качестве **методик**, позволяющих осуществлять диагностику когнитивного стиля, применялись: «Индикатор типов Майерс-Бригс (МВТИ)»; шкала «Доверие интуиции» опросника С.Эпстайна (апробация В.В. Степаносовой); «Методика оценки уровня интуитивности» Е.А. Науменко.

Указанные методики, которые вошли в диагностический комплекс, являются достаточно стандартизированными, прошли процедуру статистической проверки и имеют необходимую степень валидности.

Целью второго этапа было выявление особенностей решения творческих задач в условиях ограничения времени испытуемыми с доминированием интуитивного или аналитического компонента когнитивного стиля.

Методологически проводимые в работе исследования основываются на положениях опубликованных работ Б.Г. Ананьева, В.М. Аллахвердова, Л.Л. Гуровой, В.М. Дружинина, В.П. Зинченко, С.Д. Максименко, Ю. Козелецкого, Я.О. Пономарева, О.В. Степаносовой, О.К. Тихомирова [2, 3, 6].

Результат. Экспериментальной базой исследования выступил Донецкий национальный университет. Всего в исследовании приняли участие 150 человек – 19-23 лет (79 юношей и 71 девушка), студентов 2-4 курсов факультета математики и информационных технологий.

По результатам диагностики на первом этапе исследования вся выборка испытуемых была разделена на 3 группы: группу с выраженным доминированием интуитивного компонента в структуре когнитивного стиля (35 %); группу с доминированием аналитического компонента (37 %) и «смешанную» группу, к которой были отнесены студенты с отсутствием доминирующего компонента в структуре когнитивного стиля (28 %). Компонент когнитивного стиля считался достаточно выраженным, если хотя бы по показателям двух из пяти примененных в методиках шкал были выявлены высокие результаты.

Основной задачей второго этапа исследования было выявление успешности и особенностей процесса решения творческих задач в выборках испытуемых с выраженным интуитивным, аналитическим или невыраженным смешанным компонентом в структуре когнитивного стиля. Результаты корреляционного анализа связей успешности решения творческих задач со шкалами выраженности интуитивного стиля показали, что высокий уровень интуитивного компонента в структуре когнитивного стиля способствует неосознанному выделению ключевых признаков значимых элементов в представленной информации и выделению из них тех элементов, которые имеют значение в контексте существующей ситуации в условиях ограничения времени. Это, в свою очередь, способствует правильному решению задач, которые предполагают использование интуиции.

Наименьшее количество правильных решений давали студенты с выраженным аналитическим компонентом в структуре когнитивного стиля. Низкие показатели студентов этой группы могут быть обусловлены тем, что в условиях ограничения времени, использование присущего им способа решения путем поэтапного анализа всех возможных альтернатив

было осложнено, что повлекло за собой неуверенность в собственных решениях, невозможность их точной оценки, что, в свою очередь, повлекло ошибочность выдвинутых предположений.

Анализ успешности решения творческих задач студентами со «смешанным» неопределенным когнитивным стилем показал, что не имея четкого доминирования интуиции или склонности к анализу, в процессе решения задач они могут более гибко приспосабливаться к условиям ситуации, используя в зависимости от имеющейся ситуации и особенностей задачи тот или иной способ переработки информации. Но низкие показатели этой группы по шкалам «Доверие интуиции» ($x=36,87$) и «Использование интуиции» ($x=35,87$) свидетельствуют о том, что студенты со «смешанным» стилем в целом не склонны полагаться на собственную интуицию и использовать ее для принятия решений, поэтому даже когда в процессе работы над задачей возникает интуитивная догадка, они, не всегда доверяя собственным предчувствиям, игнорируют ее или проверяют их с помощью развернутого анализа, что увеличивает срок решения в условиях ограниченного времени может стать причиной неправильного ответа.

В заключении можно сделать вывод, что применение интуиции в процессе решения творческих задач является преимуществом, если решение осуществляется в сложной, неопределенной, плохо структурированной ситуации, требующей творческого подхода, а также, если время на решение является ограниченным.

В связи с выявленной эффективностью решений, опирающихся на интуицию, возникает проблема поиска психологических механизмов, благодаря которым профессиональный опыт трансформируется в адекватные интуитивные прогнозы и решения.

Список литературы

1. Брушлинский А.В. Мышление и прогнозирование (логико-психологический анализ). – Москва: Мысль, 1979. – 230 с.
2. Гурова Л.Л. Психологический анализ решения задач. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1976. – 327с.
3. Козелецкий Ю. Психологическая теория решений. - Москва: Прогресс, 1979. – 504 с.
4. Моляко В.А. Психология решения школьниками творческих задач. – Киев: Радянська школа, 1983. – 94 с.
5. Пономарев Я.А. Психика и интуиция. – Москва: Юридическая литература, 1967. – 256 с.
6. Степаносова О.В. Современные представления об интуиции / Вопросы психологии. – 2003. – № 4. – С. 133-142.

ТРЕВОЖНОСТЬ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Федченко А.С.

ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка

fedanya98@yandex.ua

Проявление тревожности в современном мире достаточно актуальное явление. В чем же заключаются главные особенности данного психологического феномена и какие существуют способы, которые могут помочь скорректировать повышенную тревожность?

Тревожность – склонность индивида к переживанию тревоги, характеризующаяся низким порогом возникновения реакции тревоги; один из основных параметров индивидуальных различий. Тревожность обычно повышена при нервно-психических и тяжелых соматических заболеваниях, а также у здоровых людей, переживающих последствия психической травмы, у многих групп лиц с отклоняющимся поведением. В целом тревожность является субъективным проявлением неблагополучия личности [1].

По мнению Ч. Спилбергера существует два вида тревожности: ситуативная тревожность и личностная тревожность. Ситуативная тревожность характеризуется проявлением тревожности посредством какой-либо ситуации, которая вызывает беспокойство у индивида. Данное проявление тревожности несет в себе позитивный аспект, который объясняется тем, что возможен мобилизирующий механизм, помогающий человеку принять важное решение.

Личностную тревожность можно рассмотреть как личностную черту, которая имеет проявления в различных жизненных ситуациях. Данный вид тревожности характеризуется ощущением угрозы, страха, переживаний, которые могут возникнуть в самых благоприятных условиях для индивида [4].

З. Фрейд выделял следующие типы тревоги:

- Реалистическая – является реакцией на внешнюю угрозу, которая была спровоцирована раздражителями. При неоднократном проявлении реалистической тревожности возможна адаптация, которая ведет к некорректному восприятию источников опасности.

- Невротическая тревога является видоизмененной формой реалистической тревоги, и обуславливается тем, что индивид боится некорректно контролировать свои действия в случаях необходимости. Если рассмотреть данную реакцию с точки зрения психоанализа, то можно сказать, что невротическая тревога является ответом на угрозу, которая подразумевает осознание неприемлемых импульсов со стороны ИД.

- Моральная тревога характеризуется блокировкой безнравственных побуждений путем восприятия индивидом моральных и культурных норм социума. Факт возникновения безнравственных побуждений способен вызвать тревогу, а иногда и самобичевание [3].

Для того чтобы определить уровень тревожности, можно использовать различные методики. Одним из надежных и информативных тестов является «Тест на уровень тревожности Спилбергера-Ханина», который помогает определить уровень тревожности в данный момент, а так же уровень личностной тревожности. Измерение тревожности как свойства личности особенно важно, так как это свойство во многом обуславливает поведение субъекта.

Психологическая работа с клиентом, у которого проблемы с тревожностью, так же имеет некоторые особенности. Состояние тревоги может иметь дополнительные эмоциональные переживания и психические состояния личности. В некоторых случаях возможны депрессивные переживания, которые формируют тревожно-депрессивный синдром.

Агрессивность, раздражительность, враждебность так же могут выступать как реакции, которые формируют тревогу. Некоторые клиенты наоборот становятся молчаливыми и сдержанными, тем самым скрывая свою тревожность. Важно обращать внимание на невербалику клиента. Покусывание губ, почесывания, навязчивое моргание – признаки маскировки тревоги. Психологу важно правильно настроить клиента на самораскрытие, выражение собственных чувств и эмоций, создать благоприятные условия для того, чтобы клиент выразил словами свою тревожность. Проговаривание своих переживаний помогает клиенту освободиться от «аффективной загруженности», что способствует снижению уровня психической напряженности, а именно – тревоги. Так же, необходимо делать акцент на настоящем, реальном времени, сконцентрировать внимание клиента на его переживаниях и попытаться выяснить причину тревоги.

Овладению клиентом тревоги способствует так же информация о положительных сторонах тревоги (легкая степень тревоги благоприятно влияет на выполнение какой-либо деятельности). Необходимо помочь клиенту осознать, что тревогу можно использовать в собственных целях, извлечь из нее наибольшую выгоду [2].

Список литературы

1. Петровский А. В. Краткий психологический словарь / А. В. Петровский, Л. А. Карпенко, М. Г. Ярошевский. – Ростов-на-Дону : ФЕНИКС, 1998. – 512 с.
2. Собчик Л. Н. Психология индивидуальности: теория и практика психодиагностики / Л. Н. Собчик. – СПб. : Речь, 2003. – 437 с.
3. Соловьева С. Л. Справочник практического психолога: Психотерапия / С. Л. Соловьева. – М. : АСТ, 2007. – 575 с.
4. Спилбергер Ч. Концептуальные и методологические исследования тревоги / Ч. Спилбергер. – СПб. : Пер-Сэ, 2008. – 89 с.

КАТЕГОРИЯ «СОБСТВЕННОСТЬ» В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ДЕТЕЙ

Чуканов Е.В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
chukanove.v@gmail.com

Процесс экономической социализации является одним из компонентов социализации личности. В процессе экономической социализации рассматриваются общие экономические категории и закономерности, связанные с потребительским поведением, экономическими отношениями и др. Процесс экономической социализации можно разделить на 4 группы: денежные операции, собственность, социальная дифференциация и социоэкономическое поведение [4].

На протяжении первого года жизни ребенка происходит формирование сознания. Потребности начинают воплощаться и реализовываться через объекты окружающей среды. Предметы окружающей среды приобретают побудительную силу. Попадая в зону восприятия ребенка, происходит актуализация потребностей и действий, направленных на их реализацию. Со второго года актуализируются воспоминания, эмоциональное отношение формируется не только к непосредственно воспринимаемым предметам, но и к их образам, представленным в сознании. Представление о принадлежащем ребенку предмете, является побудителем активных действий направленных на защиту. Фрустрирование потребности в предметах материального мира или не способность защитить свое имущество проявляется в агрессивном поведении. Первоначально дети узнают названия предметов окружающей среды, позже – соотносит свое имя с самим собой. Познание себя осуществляется путем изучения некого внешнего предмета, со временем формируется целостное представление о себе, использование местоимения «Я» [1].

Постоянное взаимодействие между личностью и объектами окружающей среды предполагает образование устойчивых ассоциативных связей. На основе анализа внешних стимулов, в долговременной памяти сохраняется информация об объектах соответствующих интересам и потребностям. Данному явлению соответствует мнемонический эффект соотнесения предметов с «Я» личности, возникающий в ситуации обработки информации с отсылкой на «Я». Предполагается, что человек может взаимодействовать с предметами двумя способами: воздействуя на предметы («Я беру предмет») и в форме ассоциирования через категорию собственности («Этот предмет мой»). Объекты собственности, на когнитивном уровне, подвергаются обработке, отличающейся от остальной

информации. Формируются стойкие ассоциативные связи, объекты собственности становятся средствами расширения психологического пространства «Я», что можно также рассматривать, как расширение субъективной зоны самозащиты.

Процесс формирования отношения к собственности лежит в «распредмечивании» окружающей среды. Д.Б. Эльконин раскрывает смысл данного понятия, как процесс освоения личностью окружающей действительности. Предполагается, что у ребенка отсутствуют знания о предметах окружающей среды, в связи, с чем использование предмета осуществляется согласно «скрытой» объективной логике заложенной в нем. В процессе познания действительности происходит усвоение целевого и функционального использования предметов, а также выделение «Я» ребенка из внешнего мира. Результатом данного процесса является формирование отношения «Я» – «не Я», «моё – не моё». При нарушении данного процесса у ребенка происходит отождествление некоторых особенностей личности с предметами внешнего мира. Усвоив общие правила уважения прав собственности других людей, происходит передача знаний от старшего поколения к младшему. Блейк и Харрис обнаружили, что дети в двух летнем возрасте могут определить собственника, основываясь на вербальных данных, полученных от владельца. Начинают использовать в речи «моё» в качестве обозначения своего имущества или при получении предметов от других детей. Эмоциональная связь с предметом может являться индикатором включения его во владение. Дети настойчивее обосновывают владение, если предмет получен от матери, чем от сверстников [3].

Суждения детей о собственнике, в большей мере, основываются на высказываниях о первом владельце. Человек, обнаруживший или изобретший предмет, является его владельцем, однако, если на протяжении времени данный объект модифицируют, то право собственности передается человеку изменившему объект. В возрасте двух лет право собственности выводится исходя из ситуации первого владения. К трем годам суждения строятся на вероятностных или стереотипных утверждениях (кукла принадлежит девочке, мяч – мальчику). В этом возрасте владельцем может считаться ребенок разрешающий или запрещающий другим пользоваться вещью. В связи с этим возникают искажения восприятия, при установлении владельца. Строя рассуждения, исходя из наблюдений за процессом игры с предметом, дети не всегда получают достаточной информации о владельце. Выводы на основе дефицита информации могут являться ошибочными, но можно восполнить недостаток информации, наблюдая за поведенческими характеристиками предполагаемого владельца. Суждения о собственности в возрасте пяти лет строятся на полученных данных в прошлом. Предмет принадлежит субъекту, который им манипулировал ранее, информация о том, кто будет

взаимодействовать с предметом в будущем, оказывает малозначительное влияние на суждения.

Младший школьник, при помощи собственности стремится обозначить свое присутствие в пространстве. В силу развивающегося самосознания он стремится через предметы внешнего мира выразить свое присутствие. М.В. Осорина рассматривает рисунки и поделки, как вещи-заместители, позволяющие указать на свое существование и присутствие [2].

При рассмотрении детьми права земельной собственности, можно выделить несколько точек зрения на его установление. Предыдущее использование земельного участка предполагает субъективное восприятие себя как собственника. Право собственности на землю может также выводиться из ситуации первого прибытия. Первый, прибывший на земельный участок никому не принадлежащий, субъективно считает себя его владельцем. Данное явление может также быть обосновано на основе формирования ассоциативных связей в коре головного мозга. Образуется связь между чувством собственника и психологической привязкой к объекту.

В установлении права собственности ведущую роль играет взаимность участников взаимодействия. Сторонняя поддержка, может также осуществлять регулятивную функцию во взаимоотношениях между людьми, при затруднениях в установлении права собственности. Дети раннего и дошкольного возраста чаще вступают в конфликт по поводу вещей, над которыми право собственности не установлено, либо является размытым. Дети дошкольного возраста включают в понятие собственности возможность собственника уничтожать, передавать и использовать свое имущество, а также регулировать право доступа для других людей.

Исходя из вышеизложенного материала, можно предположить, что категория «собственность» включается непосредственно в процесс экономической социализации. Для детей, собственность, выполняет регулирующую и обозначающую функцию. Однако остается актуальным вопрос о причинах и условиях установления права собственности в детском возрасте.

Список литературы

1. Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте. — СПб.: Питер, 2008. — 398 с.
2. Осорина М. В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. 4-е изд. — СПб.: Питер, 2008. — 304 с.
3. Эльконин Д. Б. Детская психология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. — 4-е изд., стер. — М.: Издательский центр «Академия», 2007. — 384 с.
4. Stacey, B. G. (1982). Economic socialization in the pre-adult years. *British Journal of Social Psychology*, 21 (2), 159-173.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И МОТИВЫ ВОЛОНТЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Шестаков О.Н.

ГО ВПО «Донецкий национальный университет экономики и торговли
имени Михаила Туган-Барановского», г. Донецк
ugolek1967@mail.ru

В современном мире мы всё больше понимаем важность волонтерской деятельности. В течение двадцати лет было сформировано огромное количество служб, оказывающих социальную помощь. Волонтеры осуществляют благотворительную деятельность на добровольной основе в форме безвозмездного труда. [1]

Волонтеры имеют возможность помогать пенсионерам, детям сиротам, малоимущим семьям, людям с ограниченными возможностями, создавать поисковые отряды, а также помогать в детских домах и приютах для животных.

Количество волонтеров в Донецкой Народной Республике занимает малый процент от всего населения. Работа волонтера осложнена низкой социальной активностью нашего современного общества. В основном такие волонтеры – молодежь. Однако в такое непростое время в республике открыли большое количество волонтерских центров, которые помогают как и людям, так и животным. И люди самых разных возрастов активно участвуют в таких волонтерских проектах.

Существует ещё один повод быть волонтером. При трудоустройстве многие работодатели обращают внимание на присутствие у кандидата волонтерского опыта. Особенно такая практика распространена в западных странах. У многих работодателей обязательное условие при приеме на работу – иметь опыт волонтера.

Несмотря на большое количество работ отечественных и зарубежных ученых, посвященных проблеме волонтерской деятельности, многие вопросы остаются недостаточно изученными, среди них можно назвать и вопросы мотивации волонтерской деятельности.

Почему же всё-таки люди занимаются волонтерской деятельностью, какая у них мотивация?

«Мотивация – это сложный психологический феномен, вызывающий множество споров в среде психологов, придерживающихся различных психологических концепций» [2].

Волонтерство – это деятельность людей, направленная на благо общества. Добровольческая деятельность имеет одну цель – помочь наиболее нуждающимся группам населения, не ожидая взамен вознаграждения.

Доктор Майк Нафтали, занимающийся проблемами волонтерства, предлагает различать три основных типа оказания помощи:

1. Помогающее поведение. Характерно для помощи ближнему в тяжелый момент в состоянии опасности или в страданиях.
2. Просоциальное поведение. Помощь ближнему без ожидания внешних материальных аспектов.
3. Альтруизм. Считается наиболее высоким уровнем готовности помочь ближнему. Альтруист делает добро ближнему, исходящее из веры в моральные ценности [4].

Для волонтеров нет цели получать материальное вознаграждение или повышать свой социальный статус, при этом, у них более выражены потребности в признании и самовыражении. Основным мотивом волонтерской деятельности является потребность помогать, приносить пользу людям.

Список литературы

1. Сахаров Г.А. Всеобщая декларация волонтеров. Зарубежный опыт // Вестник благотворительности, 1995. № 5. С. 35-42..
2. Адлер А. Индивидуальная психология. – М.: Просвещение, 1993. – 212 с. – С. 77
3. Карягина Т.Д. Философские и научные контексты проблемы эмпатии // Консультативная психология и психотерапия. – 2009. –№ 4. – С. 50-74.
4. Мозаика российского добровольчества. Факты, ресурсы и мнения [Текст]: сб. ст. / науч. ред. Н.Ю. Слабжанин. – Новосибирск, 2003. – 264 с. – С. 122

УДК 316.6

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МОТИВАЦИИ ДОСТИЖЕНИЯ УСПЕХА В ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Шлыкова Е. А.,

ГОУ ВПО «Луганский национальный университет
имени В. Даля», ЛНР г. Луганск
Elen_shlykova@mail.ru

Мотивация достижения успеха является необходимым компонентом любой профессиональной деятельности. Ее высокий уровень развития обеспечивает достижение более высоких результатов труда, способствует развитию профессиональной компетентности и становлению личности профессионала.

Психологические исследования юридической деятельности проводились российскими и украинскими учеными. В.Г. Андросюк, В. Л. Васильев, А.М. Бандурка, С. П. Бочарова, Е.В. Землянская,

М. И. Еникеев, Л.И. Казмиренко, Л. Ю. Кондратьев, О.В. Тимченко, В. В. Романов, А. М. Столяренко выделяли существенные черты юридической деятельности, отличающие ее от других видов деятельности, отмечая, что все юридические профессии характеризуются разнообразием задач, которые необходимо решать юристу-практику [2–4, 9, 10, 12].

Главной особенностью юридической деятельности является правовая регламентация деятельности юриста, его высокая нормативность. Практически каждое действие юриста (то ли это составление искового заявления, ходатайства вызова свидетеля, заявление об отложении судебного заседания, все нотариальные действия, написания заявления о принятии или увольнении с работы и т. п.) строго регулируется законом. Эта особенность отличает работу юриста от остальных сфер жизнедеятельности человека, где выполнение работ, оказание услуг определяется общими планами, инструкциями и создает возможность для свободного осуществления своих представлений о наиболее эффективной организации труда. Неисполнение или ненадлежащее исполнение юристом своих служебных обязанностей всегда является нарушением какого-либо закона, что, в конечном итоге, порождает повышенную ответственность специалиста за свои решения в профессиональной деятельности.

Важной психологической особенностью деятельности юриста является наличие властных полномочий. Выполняя свои служебные обязанности (особенно в правоохранительной деятельности), юрист имеет право в необходимых случаях вторгаться в личную жизнь людей, раскрывать обстоятельства дела, ограничивать или лишать в случаях, указанных в законе, свободу гражданина. Психологическое состояние юриста определяется, прежде всего, высоким уровнем ответственности, а применение им своих полномочий позволяет решению ряда интеллектуальных задач, что позволяет определить правомерность и целесообразность проводимых им действий. В основном это связано с необходимостью выбора одного варианта, что характеризуется повышенным напряжением.

Следовательно, умение целесообразно, соблюдая нормы закона, пользоваться властными полномочиями – одно из важнейших профессиональных требований к юристам.

По мнению С.В. Кононенко, именно система развитых профессионально-важных качеств юриста обеспечивает успех профессиональной деятельности. Ученый отмечает, что в эту систему профессионально-важных качеств входит комплекс личностных свойств, профессиональных знаний, умений и навыков, которые обеспечивают успех в достижении целей, задач и отдельных этапов профессиональной деятельности юриста [10].

Систему профессионально-важных качеств юриста можно представить следующим образом:

- профессионально-психологическую ориентацию личности юриста;
- психологическая стойкость, развитые волевые качества (умение владения собой в сложных ситуациях, смелость, мужество, разумная склонность к риску);

- коммуникативные качества (умение быстро налаживать контакт с разными категориями людей, устанавливать и поддерживать доверительные отношения, способность влиять на людей при решении разного рода служебных задач, ролевые умения);

- познавательные качества (профессиональная наблюдательность и внимательность, профессиональная память, творческое воображение, способность к напряженной интеллектуальной работе, развитая интуиция, быстрота реакции, умение ориентироваться в сложной ситуации).

Формирование и развитие этих качеств у юриста – это сложный и долгий процесс, занимающий все время обучения в вузе, который является необходимым условием профессионального становления специалиста. Недостаточное развитие этих качеств, как отмечает С.В. Кононенко, препятствует нормальному осуществлению своих профессиональных обязанностей, порождает ошибки в деятельности, и как следствие, вызывает процессы профессиональной дезадаптации и профессиональной деформации.

Однако, большинство отечественных ученых (В. Г. Андросюк, В. Л. Васильев, А. М. Бандурка, С. П. Бочарова, Е. В. Землянская, М. И. Еникеев и др.) считают, что главным фактором успеха юриста в профессиональной деятельности является не только система развитых профессионально-важных качеств юриста-практика, а профессиональная мотивация, которой отводится основная роль в достижении успеха [2–4, 12, 13].

Так, в структуре профессиограммы наряду с системой профессионально-важных качеств юриста (когнитивные качества, коммуникативные качества, регулятивные качества, индивидуально-типологические особенности) на первом месте находится профессиональная мотивация и профессиональная целенаправленность.

Профессиональная мотивация юриста как необходимый компонент содержит в себе такие качества личности, как уважение к работе юриста, любовь к истине, профессиональная обязанность, патриотизм, стремление к справедливости, социально-ценностные ориентации, высокий уровень правосознания. Только адекватная профессиональная мотивация обеспечивает соответствующую стойкую целенаправленность деятельности юриста. Она формируется под воздействием конкретных социальных явлений, в процессе профессионального обучения, закрепляется и совершенствуется в практической деятельности. Все формы профессиональной деформации связаны, прежде всего, с отсутствием или низким уровнем развития профессиональной мотивации и профессионального самосознания.

Целенаправленность как компонент профессиональной деятельности детерминированный именно профессиональной мотивацией. Реализация мотивации и достижение целей деятельности осуществляется юристом в форме решения конкретных служебных задач.

Также А.В. Смутьская, характеризуя мотивацию достижения успеха в юридической деятельности, указывает на то, чтобы стать успешным юристом-практиком, построить карьеру, может тот человек, который внешне и внутренне мотивирован на достижение успеха, который постоянно совершенствуется, задействуя весь свой профессиональный потенциал [13].

Мотивация достижения успеха стимулирует развитие мыслительных процессов юристов, мобилизует его творческие силы, способствует продуктивному поиску и решению оперативных задач в процессе работы.

В работе юриста мотив достижения успеха тесно переплетается с наивысшей ценностью «профессионализм», сущность которого заключается в профессиональной адаптации, усвоении норм, приемов, технологий, использование передового юридического опыта, овладение приемами индивидуального подхода в работе с людьми, формирование индивидуального стиля работы с клиентами.

Так, Р. Стернберг, изучающий взаимосвязь уровня интеллекта с достижением успеха, сделал заключение, что на успех в профессиональной деятельности большое влияние, главным образом, оказывает мотивация достижения, а не какие-либо качества [14].

Следовательно, в профессиональной деятельности юриста не столько важна система развитых профессионально-важных качеств, сколько наличие высокой мотивации достижения успеха, которая способствует быстрому решению профессиональных задач, является залогом профессионального роста и развития.

Список литературы

1. Асеев В. Г. Мотивация поведения и формирования личности / В. Г. Асеев. – М.: Мысль, 1976. – 157 с.
2. Бандурка А. М. Юридическая психология: Учебник / А. М. Бандурка, С.П. Бочарова, Е. В. Землянская. – Харьков: Изд-во Нац. Ун-та Внут. Дел, 2001. – 640 с.
3. Васильев В. Л. Юридическая психология / В. Л. Васильев. – 3-е изд. – СПб. : Издательство “Питер”, 2000. – 624 с.
4. Еникеев М. И. Общая и юридическая психология / М. И. Еникеев. – СПб. : Питер, 2004. – 320 с.
5. Єськов О. Мотивація і стимулювання праці / О. Єськов // Бізнес. – 2007. – № 2. – С. 82-85.
6. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы / Е. П. Ильин. – СПб.: Питер, 2000. – 296 с.
7. Ильин Е. П. Мотивация трудовой деятельности / Е. П. Ильин // Психологические основы профессиональной деятельности: Хрестоматия / Сост. В. А. Бодров. – М. : ПЕРСЭ; ЛОГОС, 2007. – С. 311-318.

8. Исследование мотивации достижения : метод. пособие / Российский госуд. пед. ун-т им. А. И. Герцена. – СПб. : Образование, 1993. – 42 с.
9. Каламаж Р. В. Психологічний супровід професійної підготовки майбутніх юристів у ВНЗ / Р. В. Каламаж // Зб. наук. праць інс-ту псих. ім. Г. С. Костюка НАПНУ : Проблеми загальної та педагогічної психології. – 2007. – Т. 13, ч. 6. – С. 118-126.
10. Кононенко С. В. Психологічний аналіз професійної діяльності фахівців юридичного профілю / С. В. Кононенко // Проблеми сучасної психології. – 2011. – вип. 14. – С. 361-369.
11. Макклелланд Д. Мотивация человека / Д. Макклелланд. – СПб. : Питер, 2007. – 672 с.
12. Прикладная юридическая психология : Учебное пособие для вузов / Под ред. А. М. Столяренко. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. – 639 с.
13. Смульська А. В. Стимулювання мотивації досягнення успіху як умова професійного саморозвитку майбутніх правознавців / А. В. Смульська // Педагогіка формування творчої особистості у вищій і загальноосвітній школах. – 2012. – Вип. 27 (80). – С. 269-373.
14. Стернберг Р. Интеллект успеха / Р. Стернберг. – Минск : ООО «Попурри», 2015. – 389 с.
15. Хекхаузен Х. Психология мотивации достижения : Монография / Х. Хекхаузен. – СПб.: Речь, 2001. – 240 с.
16. Яновська О. Г. Питання формування етико-психологічних якостей прокурорів та адвокатів у процесі професійного навчання / О. Г. Яновська // Часопис Київського університету права. – 2011. – № 2. – С. 267-271.

УДК 159.973

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ ВЕРЫ В МИФ О «САМООБСТРЕЛАХ» В РЕСПУБЛИКАХ ДОНБАССА

Яновская Л.В., канд. психол. наук, доц.,

Яновский М.И., канд. психол. наук, доц.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

yanovlar1@mail.ru , m.i.yanovsky@mail.ru

В информационной войне, которую ведет Запад и Украина против Донбасса, много феноменов, представляющих интерес для исследования, в том числе психологического. Один из таких удивительных феноменов – вера в созданное украинской пропагандой представление, что гражданские объекты и население Донецка и других населенных пунктов ДНР и ЛНР обстреливаются самими же ополченцами (в формулировке украинских СМИ – «русско-террористическими войсками оккупантов»). Несмотря на очевидную абсурдность, лживость данного утверждения, в него верили и верят большое число людей на Украине и Западе. Чем объяснить такой эффект?

Опишем его вероятные факторы.

1. Карикатуризация образа среднего жителя Донбасса, ополченца, русского. Этому образу приписано сочетание черт: тупость, некультурность, неумелость, агрессивность. Придуманно название «ватник», выражающее обезличенность и безволие. Такой окарикатуренный образ допускает в воображении потребителя украинской пропаганды любые самые бессмысленные и абсурдные действия, в том числе самообстрел.

2. Идеализация образа украинца. Давно отмечено, что субъекты госпереворота постарались перевести конфликт из юридической и политической плоскости в плоскость межнациональную и представить его как агрессию русских (россиян) против украинцев. Такая подача мобилизует этническое самосознание и, в сочетании с проводимой идеализацией образа украинца, дает нужный эффект. Действительно, если украинцы априори добрые, высококультурные, благородные, но беззащитные, бесхитростные, то могут ли украинцы обстреливать мирное население? Это невозможно.

3. Создание определенной картины мира. Культурная и движущаяся в будущее часть человечества (западные страны во главе с Америкой) борются за добро, а другая – меньшая часть – коварные злодеи, все еще остающиеся в России после распада СССР, хочет зла. Добрые не могут обстреливать мирное население. Но коварство «ватников» столь велико, что они могут симитировать обстрелы со стороны Украины.

4. Тотальное наполнение всех СМИ нужным информационного потоком. Все – и проправительственные, и оппозиционные СМИ – говорят одно и то же, поэтому для проработки альтернативных версий не остается опоры. «Если даже оппозиционеры говорят то же, значит это правда» – думает потребитель пропаганды.

5. Создание неполноты, обрывочности информации, атмосферы неопределенности. Потребителю даются именно обрывки информации, из которых он «сам» соберет нужную картинку. И поскольку картинку он собрал «сам», то у него не возникает подозрений, что он – объект обмана.

6. Создание информационного хаоса. Хаос как фон восприятия и мышления приводит к деформациям в распознавании информации.

7. Понижение общего уровня логичности, связности, критичности мышления в обществе. Для объективного отражения реальности необходимо определенный минимум развития мыслительных навыков и мыслительной деятельности. Системой образования и СМИ (кино, телевиденье, литература и т.д.) может создаваться атмосфера «толерантности» к нелогичности, абсурду, глупости (вспомним недавние открытия о шумерах и т.д.). Структура подаваемой информации может блокировать интеллектуальную работу. Актуализируются элементы древнего дологического мышления. Люди приучаются, таким образом, к некритическому восприятию подаваемой информации.

8. Эффект конформизма. Доминирующие в обществе определенные представления, даже абсурдные и очевидно противоположные истине, принимаются человеком, ради сохранения своих отношений с обществом. Особенно если каким-то образом сформирована солидарность с обществом как со «своими», в противовес «чужим».

9. Деградация общего морального уровня общества и двоемыслие. Создается информационное поле, в котором действия, несовместимые с нормами морали, преподносятся как возможные и допустимые по тем или иным соображениям (например, ради перевоспитания «плохих» людей, пытающихся украсть у Украины европейское будущее). В этом случае люди догадываются, что именно Украина делает обстрелы, но соглашаются на принятие обмана.

10. Элемент эмоционально-извращенного удовольствия, получаемого потребителем пропаганды от создаваемых ею образов.

11. Проекция мазохистских комплексов. Украинский «майдан» как акт коллективной не только агрессии, но и аутоагрессии, саморазрушения, выявил их существование.

12. Страх. Страх может способствовать формированию ложной картины реальности, в которой начинает допускаться логически невозможное.

Такая «логика абсурда» была сформирована в процессе майданного противостояния (в котором развивалось «чувство толпы»), и закреплена жертвами «небесной сотни» (страх смерти – самый базовый страх). Страх, как известно, парализует сознание. Неслучайно по окончании майдана его назвали «революцией достоинства». Чувство «достоинства» как награда за растерянность, страх и риск быть убитым. Безусловно, это возвышает человека в своих глазах, приобщает его к высокостатусной группе победителей, что и создает основу для проявления феномена «огруппления мышления», конформизма, имеющего оттенок высокомерия (если так решили «мы», то это истинно). Настоящая опасность, кроющаяся за этим феноменом, состоит в создании благоприятных условий для нацистского мировоззрения. То есть, люди, которые не признают себя сторонниками Бандеры, но считают, что там, на Донбассе, живут ничего непонимающие, недалекие люди, которые занимаются самотеррором, потенциально готовы принять логику нацизма.

Философские науки. *Философское осмысление социальной реальности*

УДК 821.111(73)

ЛИЧНОСТНАЯ КАРТИНА МИРА: ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

Абросимова Т.В., аспирант

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

abrosimova_tania86@mail.ru

На современном этапе развития таких наук, как философия, психология, лингвистика, филология, широко используется понятие «картина мира», выступающее как система представлений о том, как устроен мир в целом и отдельных деталях. В исследованиях данного феномена обычно не затрагиваются индивиды. Концепцию картины мира чаще всего связывают с историческими эпохами, религиями, науками. Мы привыкли говорить о научной, религиозной, философской, биологической и других картинах мира. Но картина мира в целом находит свое отражение в сознании личности, а проблема изучения индивидуальной картины мира, на наш взгляд, является недостаточно освещенной.

С рождения каждый человек взаимодействует с той или иной социальной и физической средой, и посредством этого множества взаимодействий неосознанно строятся предположения картины мира личности. Процесс происходит в течение длительного периода времени, при этом формирующие детские годы имеют наибольшее значение.

По мнению немецкого философа М. Хайдеггера, картину мира следует рассматривать как некую ментальную целостность – проекцию внешней и внутренней реальности личности и социума. Термин «мир» не ограничивается космосом, природой, к нему также относится история. «Мир» необходимо понимать как все сущее в целом, а «картина мира» – «мир, мыслимый, как картина» [2]. Философ укоренил представление об экзистенциальной картине мира, задаваясь вопросами самого факта существования «человеческой реальности» и переживания личностью своего способа существования. Данный термин определяет взгляд личности на вселенную, концепцию пространства и времени, влияет на нормы и ценности. В хайдеггерианской традиции смысловым центром является человек, чьей картиной мира она и является.

Картина мира личности относится к культурно-зависимым, как правило, подсознательным, фундаментальным организациям ума и выполняет следующие базовые функции: толковательную и регулятивную. Эта система позволяет людям осмысливать, какова должна быть реальность, понимать и интерпретировать все, что происходит день за

днем в их жизни, а также обеспечивает человека средствами для оценки всех внешних воздействий. Регулятивная функция заключается в поддержании равновесия через диалектическое взаимодействие между нашими существующими предположениями о мире и изменениями, то есть картина мира личности устойчива и примиряет различия между старым пониманием и новым. Она также позволяет упорядочивать и систематизировать чувственные восприятия. Так, по словам В. Дильтея, жизнь каждого индивидуума творит сама из себя свой собственный мир [1].

Изучение картины мира необходимо для большего понимания людей и их культур. Необходимо знать, почему один человек действует и думает таким образом, в то время как другой человек действует и думает по-другому. Для педагогов понимание содержания индивидуальной картины мира студента позволяет лучше понять отношение учащихся к учебе и их поведение в аудитории.

Список литературы

1. Дильтей В. Типы мировоззрения и обнаружение их в метафизических системах / В. Дильтей // Культурология. XX век: Антология – М.: Юрист, 1995. – С. 213–255.
2. Хайдеггер М. Время картины мира // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986. – 450 с.

УДК 930.1

ИСТОРИОСОФИЯ И ПОНИМАНИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Авраменко А.В., преподаватель

ГПОУ «Донецкое училище олимпийского резерва имени С. Бубки», г. Донецк
andrey.avramenko2014@yandex.com

Современные реалии жизненного уклада, основанного на постоянно обновляющемся информационном пространстве, ставит перед обществом вопрос о выборе приоритетов дальнейшего политического, социально – экономического и духовного развития. Попытки переноса западноевропейского образа жизни в наши условия не вызывало однозначного одобрения. В постсоветском пространстве, когда шел период следования Западу, и забвение региональных, культурно – исторических интересов, в определенной степени исторического нигилизма по отношению к отечественной истории, происходит пересмотр ценностей, определяются новые приоритеты, рождается понимание необходимости собственного пути развития, утверждения собственного достоинства, самоуважения. Формируется убеждение в необходимости самобытного пути развития государства, учитывающего опыт западной цивилизации, но

в прерогативе сохраняющего исконно русские черты, что предполагает выработку ясного и определенного представления о специфике нашего Отечества и его месте во Всемирной истории.

Современная цивилизация, которую характеризуют с точки зрения социологи в культурологическом аспекте как постмодернистскую, или, исходя из экономических критериев, как технотронную, стоит перед выбором различных сценариев своего последующего развития. В этих условиях проблема научности исторического познания для всей социально-гуманитарной науки является чрезвычайно актуальной. Современность позволяет по новому проанализировать пройденные исторические периоды, отойдя от утвердившихся в прежних исследованиях идеологических оценок, определить их роль в исторической судьбе.

Историософия часто тождественна философии истории, претендующей на целостное познание исторического процесса в свете раскрытия в нем первоначал бытия и метаисторического смысла. Можем предположить, что в известной степени это так, ибо и та, и другая являются философско-мировоззренческими науками, в теоретическом плане осмысливающие историю [4, с. 223]. В современной философской литературе соотношение понятий «философия истории» и «историософия» все еще остается дискуссионным. Зачастую, преимущественное внимание в историософских построениях получает тот исторический период, к которому принадлежит автор концепции.

Детальное рассмотрение вопроса приводит к пониманию того, что различия философии истории и историософии, в частности, заключается в средствах и формах обоснования исследовательских задач. В этом контексте, философия истории выступает рациональной наукой, использующей понятийный аппарат философии. Иначе говоря философия истории осмысливает закономерности исторического процесса в форме рационально обоснованной теоретической концепции, определенной парадигме истории. Философия истории возникает там и тогда, когда в ней нуждаются, когда ее требует необходимость, возникшая в мировоззрении. Историю философии можно скорее отнести к области мировоззрения, чем исторического исследования, и оба они сближаются лишь в тот момент, когда размышление о существенных целях требуют знания истории, а история – включения в философское мышление.

В то же время, историософия, в отличие от философии истории, носит персональный характер. Она выражается в философской саморефлексии конкретных народов, этносов, нации, стран, выраженных в различных проявлениях культуры. Историософия в истолковании закономерностей исторического процесса опирается не только на рациональное осмысление исторических событий, (что делает её идентичной философии истории), но так же и на данные культуры, религиозно верования и др.

По словам русского религиозного философа, богослова, культуролога и педагога, В.В. Зеньковского, русская философская мысль «сплошь историософична», постоянно обращена к вопросам о "смысле истории". В его понимании внимание к философии истории совсем не случайно. «Оно коренится в тех духовных установках, которые исходят от русского прошлого, от общенациональных особенностей «русской души» [2].

Учитывая нашу реальность, интерес к русской философии связан с выбором дальнейшего пути развития и приверженность определённому историческому прошлому нашего региона. К сожалению, русская философия истории оказалась забытой и отторгнутой от культуры и общественной мысли в советский период как следствие абсолютизации исторического материализма, как единственно научной философии истории. Поэтому формирование исторического сознания это как создание связующего звена между прошлым и будущим.

В этом контексте интересен опыт Петра Яковлевича Чаадаева (1794-1856), который, по мнению исследователей истории философии, был первым русским философом, первым мыслителем, рассуждавшим об истории, о судьбах стран и народов в их историческом бытии, о месте России в современном ему мире. Важна эволюция его взглядов от критики русского мира к пониманию его особого предназначения.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). М.: ЗАО «Плюс-Минус», 2004. 336 с.
2. Зеньковский В.В. Основы христианской философии. – М., Канон, 1996. // Библиотека Якова Кротова, электронный доступ URL http://krotov.info/library/08_z/en/ovskiy_01.html#4(дата обращения: 04.08.2018)
3. Краткий очерк истории философии. Под ред.М.Т. Иовчука, Т.И. Ойзермана, И.Я. Шипанова. Изд.3-е. –М.: Мысль , 1975. – 798 с.
4. Кузнецов В. Г. Словарь философских терминов (научная редакция профессора В. Г. Кузнецова). — ИНФРА-М Москва, 2013. — 730 с,
5. Лосский О.Н. История русской философии. Пер.с англ. –М.: Советский писатель. 1991.- 480 с.
6. Соловьев Э. Ю. Прошлое толкует нас: (Очерки по истории философии и культуры). — М.: Политиздат, 1991. — 432 с. // Научно-просветительский журнал Скепсис электронный доступ URL https://scepsis.net/library/id_2636.html (дата обращения: 06.08.2018)
7. Тесля А.А: философические письма адресованные даме/ П.Я. Чаадаев[Состав., вступ. Ст. и доп. Мат.А.А. Тесли].-М.: РИПОЛ классик,2017. – 554с. (Перекрестья русской мысли)
8. Чаадаев П.Я. Апология сумасшедшего.// Библиотека «Вехи» русской религиозно-философской и художественной литературы, электронный доступ URL:<http://www.vehi.net/chaadaev/apologiya.html> (дата обращения: 01.08.2018)
9. Флоровский Г. В. Пути русского богословия. Отв. ред. О. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2009. — 848 с.
10. Шаповалов В.Ф. Основы философии. От классики к современности: учебное пособие для вузов. – М.: «ФИАР-ПРЕСС», 1998. – 576 с.

СЕТЕВЫЕ МОДЕЛИ КАК ПРЕЗЕНТАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Андреева Т.А., д-р. филос. наук, проф.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
tanandr44@gmail.com

В контексте современных социально-экономических отношений своеобразно переплетаются традиционные проблемы и новые реалии, что порождает изменения в общественном бытии. Такие изменения, обладая относительной самостоятельностью, в свою очередь, детерминируют трансформации в общественном сознании. Особенно явно это прослеживается в тех случаях, когда новые реалии опредмечены. В современных социальных реалиях на смену формационным, цивилизационным и позитивистским моделям описания действительности приходят парадигмы системного анализа, одним из субстратов которого являются сети.

Традиционные социально-философские проблемы взаимосвязи личности и общества, культуры и цивилизации, природы и общества осмысливаются с учетом сетевых коммуникаций.

Как известно, основная функция коммуникации – достижение социальной общности при сохранении индивидуальности каждого человека. Еще М. Кастельс справедливо подчеркивал, что принцип сетей определяет новую социальную морфологию наших обществ.

Важно то, что все сети целесообразно классифицировать по доминирующему способу регулирования процессов в них (моральному, либо правовому) и, разделив их на две большие группы, условно обозначить как “мягкая” и “жесткая”. Первую группу сетей можно обозначить как “социоцентричную”.

Следует выделить два больших типа открытых, развивающихся сетевых структур, где в процедурах включения – исключения узлов из сети доминируют абсолютные и относительные критерии. Соответственно, эти две большие группы сетей можно назвать структурами: моральным, либо правовым регулированием; сетями, ориентированными на индивида, либо на социум; мягкими, либо жесткими сетями; критериально (жестко) и аксиологически (мягко) – ориентированными, т.е. сетями, в которых используются жесткие и неизменные нормы при включении - исключении из сети, либо относительные, гибкие и изменяющиеся стандарты. Использование понятий “мягкая” и “жесткая” сеть позволяет оперировать со всем многообразием сетей и выполнять их классификацию, то есть осуществлять свертку больших объемов информации.

Сейчас в обществе наблюдается беспрецедентный рост “мягких” сетей. Основанием таких изменений служит тот факт, что информационная цивилизация формирует особый тип автономного человека, который может менять свое место и способ жизнедеятельности, поскольку жестко к ним не привязан и может включаться в разные социальные общности, получать новую профессиональную подготовку, приобщаться к иным культурным ценностям.

Общие тенденции сетевого взаимодействия заключаются в том, что индивид в сетевых коммуникациях не имеет прямой со-принадлежности целому и выступает самостоятельной единицей. При этом традиционная дихотомия. Я - Другой предстает в качестве виртуального пространства, в котором индивид приобретает новую степень свободы. Само место и время общения в сетевых коммуникациях становится практически неограниченным. Это приводит к трудностям идентификации субъекта, поскольку в сетевых коммуникациях субъект предстает как чистая возможность, которую можно представить, следуя Канту, как трансцендентального субъекта, воплощающего в себе чистые внеопытные формы познания (единство апперцепций). При этом индивид в сетевых коммуникациях, воспроизводя себя может отличаться от реального Я, репрезентируемого в обыденной жизни.

Здесь возникает опасность рассеивания Я во множестве образов, исчезает общий координирующий центр, Эту тенденцию четко зафиксировали и описали постмодернисты.

Уровень реального гуманизма, вероятно, должен измеряться долей членов глобального социума, включенных в свободном, общедоступном режиме в различные сети: “Мягкий”, ценностно ориентированный гуманизм развивается стихийно, в соответствии со своей внутренней логикой развития. Современный постиндустриальный социум все еще является обществом “негуманных” сетей с их жестким, правовым регулированием, логика функционирования которого сформировалась в рамках индустриальной цивилизации. Причины беспрецедентного роста “мягких” сетей в эпоху постмодерна связаны с отходом от шести фундаментальных парадигм индустриального общества-стандартизации, специализации, синхронизации, концентрации, максимизации и централизации. Эти парадигмы порождали три основные измерения субстрата индустриального общества – “труд”, “себестоимость” и “товар”. В эпоху культуры постмодерна эти парадигмы трансформируются в свои постиндустриальные аналоги- противоположности: универсализм, индивидуализацию, асинхронность, децентрализацию, оптимизацию и децентрализацию, что, в свою очередь, приводит к появлению трех новых измерений субстрата постиндустриального общества – “творчества”, “ценности” и “услуги”.

К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ДОНБАССА

Артюхов М.Н., преподаватель
Техникум промышленной автоматики, г. Донецк
art-73@inbox.ru

Введение. В эпоху глобализации проявление идентичностей становится необходимым условием взаимодействий не только на уровне отдельных индивидов, но и разнообразных (этнических, религиозных) общностей. Наступление культуры постмодерна стала причиной появления глобальных проблем (технологических, экологических), что вызывает беспокойство у многих исследователей по поводу утраты идентичности. В процессе глобализации актуализируется вопрос о границах идентичности. Поэтому в предложенной работе рассматривается проблема формирования этнической идентичности в межэтническом браке, опираясь на украинско-русские семьи, проживающие на территории Донбасса.

Безусловно, процессы изменения этнического состава населения наблюдается во многих регионах (например, в некоторых странах ЕС или в отдельных регионах РФ). Однако наше исследование коснется Донбасса, где в большей мере можно наблюдать смешанную (русско-украинскую) идентичность, что затрудняет поиск единой (объединяющей) национальной идеи для населения, проживающего на данной территории.

Актуальность (социальная значимость). Для жителей Донбасса характерно высокое этническое разнообразие, связанное с его географическим положением (граница с РФ) и процессами миграции, проходившими в период активного становления промышленности региона. В силу своего исторического развития Донбасс является одним из сложных по этническому составу. Все это еще более актуализирует вопрос определения этнической идентичности в период глобализации (особенно в регионах с межнациональным составом населения). Тем более, надо учитывать, что исследование вопроса этнической идентификации в межнациональных семьях, позволяет глубже понять противоречие этносоциального развития современного общества. Дело в том, что у представителей из моноэтнической семьи с определением своей этнической идентичностью, как правило, проблем не возникает, а вот для потомков межэтнических браков вопрос с определением этнической идентичности является более сложным.

Целью исследования является: определение процесса формирования этнической идентичности в межэтническом браке на примере русско-украинских семей, проживающих на территории Донбасса.

Результат. Согласно переписи 1989 года в Донецкой области проживало 43,6 % русских и 50,7 % украинцев [2, с. 254]. Однако после независимости Украины, и новой переписи в 2001 году, русских стало меньше на 5 % (38,2 %), а украинцев больше на 6 % (56,9 %) [2, с. 255]. Безусловно, здесь можно дискутировать насчет уменьшения количества этнических русских, проживающих на Донбассе, например, выдвигая теорию их «исхода» на свою историческую родину. Но нам кажется, что основная причина данной тенденции в смешанной идентичности жителей исследуемого региона, где очень много русско-украинских семей. Потомки таких семей могут себя ощущать как русскими, так и украинцами. Поскольку русский язык является родным языком для 75 % жителей Донбасса, то очевидно, что потомки таких смешанных семей больше будут ориентированы на Россию. Однако в 90-х годах XX столетия Россия переживала сложный период, как в экономике, так и во внутренней политике [1, с. 26]. Все эти факторы, в глазах выходцев из межэтнических (русско-украинских) браков, особенно проживающих на Донбассе, ориентировали их больше на свои украинские корни. Возможно, именно поэтому некоторые из них при переписи 2001 года отдали предпочтение украинской национальности. Естественно, русская культура и язык не были забыты и отвергнуты, но ориентир больше был направлен на Украину (идентификация себя как украинца с русскими корнями). Когда Россия в социальном плане стала более привлекательна, чем Украина, то представители русско-украинских семей стали в большей мере себя идентифицировать как граждане Украины, но русские с украинскими корнями. Дело в том, что представители смешанных браков ощущают в себе как бы «две родины», по отцовской и материнской линии. Эмоционально по этому поводу как-то высказался А. Солженицын: «Мне больно писать об этом: украинское и русское соединяются у меня и в крови, и в сердце, и в мыслях» [3, с. 47]. Эта условная «граница» не статична, а имеет явно выраженный социальный характер. Однако важно отметить, что данная тенденция характерна в тех семьях, где оба родителя поддерживают и передают детям традиции (историю, культуру, язык) своих предков.

В **заключении** необходимо отметить, что определение этнической идентичности для потомков межнационального брака, является довольно сложным процессом. Одной из характерных черт данного явления то, что в таких семьях, как правило, дети пытаются выбрать себе одну из идентичностей родителей лишь как доминирующую. Выходцы из межнациональных браков идентифицируют себя с родительскими этническими группами, исходя из тех же критериев оценки и суждения, которые имеются в обществе. Данное предположение объясняет механизм формирования этничности в межнациональных семьях и показывает его социальный характер. В этом случае этническую принадлежность

невозможно определять на основе набора определенных культурных признаков, так как, скорее всего это некое мировоззрение, формируемое индивидуальным опытом. Поэтому довольно сложно четко определить границы этносов, и соответственно, не стоит ограничивать определение этнической идентичности потомков межнациональных браков маргинальной сферой. Национальная принадлежность человека – это вопрос не биологического наследия, а воспитания и личностного самосознания. На наш взгляд, самосознание и родной язык являются главными признаками национальной принадлежности человека. Однако, самосознание, как правило, значительно устойчивее языка.

Список литературы

1. Артюхов М. Н. Социальный характер формирования этнической идентичности в межнациональной семье // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2017. – № 8(82). – С. 25-28.
2. Молярчук Н. Г. Росіяни в Донбасі (20-30 рр. ХХ ст.). Монографія. – Донецьк, 2011. – 296 с.
3. Солженицын А. Архипелаг Гулаг: в 3-х т. / А. И. Солженицын. Москва, 1989 г., – Т. 3. – 574 с.

УДК 130.2

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Бартагариева И. И., ст. преподаватель

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

Irina-elf@bigmir.net

Проблема правовой культуры, несмотря на некоторую активизацию исследований в этой области, остается недостаточно разработанной в философской науке. До сих пор нет ясности в понятийной характеристике правовой культуры личности и общества, ее структуре и функциях. Идут дискуссии о соотношении различных элементов, содержании правосознания человека и гражданина. Дальнейшего исследования требует определение правовой культуры в культурологическом контексте, не определен алгоритм путей и способов ее формирования.

Тема взаимосвязи права и нравственности в процессе формирования правосознания и причины их деформации берет свое начало с эпохи античности в учениях Сократа, Платона, Аристотеля, Антисфена Афинского,

развивается К. Гельвецием, П. Гольбахом, Ж.-Ж. Руссо, И. Кантом, Г. Гегелем, русскими марксистами и религиозными мыслителями, в т. ч. В. С. Соловьевым. Можно выделить две взаимоисключающих тенденции: положительной взаимосвязи морали и права в формировании различных форм социального сознания и их противостояния.

Сегодня, когда происходит крупномасштабная трансформация социального бытия, меняются социальные ценности, нормы деятельности и поведения людей, особое значение приобретает эффективное нормативно-правовое упорядочение процессов общественного развития.

Понятие «культура» появилось в древнем Риме в 1 ст. до н.э. Данное понятие указывало на преобразующую активность человека в контексте его взаимодействия с природой, но в большей степени – на умения, мастерстве, которые проявляет человек в своей работе. Культура – это особый способ освоения человеком мира, я как внешнего – физического, так и «внутреннего» - социального. Культура – продукт творческой деятельности человека как субъекта истории, погруженного в событийное пространство-время.

Целостность правовой культуры является важнейшим фактором осуществления общественно-правовой реформы в государстве, утверждения верховенства права во всех сферах общественного бытия, свободы, различных способов и форм реализации правового статуса личности, ее прав. Зрелый уровень культуры общества, в котором функционируют эффективные механизмы, является условием формирования демократических основ жизнедеятельности. Правовая культура является основой воспроизводства правового опыта, развития интеллектуального, духовного потенциала народа, утверждение целостности и стабильности.

В широком смысле правовая культура – это общественно-исторический феномен, который включает в себя результаты совокупного правового и философского опыта общества, прежде всего, рефлексию над правом и правосознанием, правовую деятельность и правоотношения, законность и правопорядок и отражает качественный уровень развития социального бытия.

Культура осуществляется как утверждение самооценности каждого из ее агентов. Между культурой и личностью существует смысловая диалектическая связь. Личностное начало, столь соответствующее самой сущности культуры, является такой формой человеческого бытия, в которой реально осуществляется синтез «внешнего» и «внутреннего», общего и индивидуального. Данный синтез является наиболее действенным механизмом ее развития. [1, с. 110].

Присутствие человека в культуре можно обнаружить в двух измерениях – теоретическом и обыденном. В первом, человек выступает

как носитель определенных ценностей, создатель культуры. Она служит истории, обществу, а творчество является способом оправдания человека. Во втором – человек выступает как самоценность. По отдельности они являются односторонними и губительными для человека. Сила их – в единстве, что означает: жизнь должна быть культуроцентристской, но и культура обязана быть жизнеспособной.

В системе социальных отношений, которые оказывают существенное влияние на развитие правовой культуры, важное место занимают социально-классовые отношения. Формирование новой социально-классовой структуры общества, основу которой должен составлять средний класс, является необходимым условием обогащения социального поля правоотношениями, развитие права, правовой культуры. Именно средний класс как основное ядро социальной структуры общества является основным субъектом правовой культуры, носителем правовых ценностей, силой, которая воплощает их в общественную практику.

Средний класс как субъект правовой культуры, носитель правовых отношений и ценностей характеризуется социально-правовой активностью, осведомленностью в своих правах и стремлением их отстаивать, осуществлять свою деятельность на основе легитимных форм в установленных законодателем пределах. Социальная и правовая политика, будучи направленной на создание среднего класса, является краеугольным камнем формирования в обществе социального, правового государства, социальной и политической структурированности, важным условием роста правового сознания, развития правовой культуры. С другой стороны, правовая культура, правовое сознание способны существенно влиять на ускоренное формирование новой социально-классовой структуры общества, среднего класса.

В общественно-правовом поле у человека есть возможность стать (и быть) ценностью в пространстве социально-трудовых отношений. Поскольку способом существования человека является трудовая деятельность, то именно она и является главным источником развития и функционирования культуры, в т. ч. и правовой.

Система социально-трудовых отношений является процессом взаимодействия между субъектами, реализующих свой профессиональный потенциал, в том числе и правовой статус. Такая система – элемент правовой культуры. Социально-трудовые отношения прочно связанные с трудовой и правовой активностью личности, способствуют формированию и развитию правовой культуры. С другой стороны, полноценный процесс функционирования социально-трудовых отношений, каждой из них составляющих, невозможно без соответствующего уровня правовой культуры, в частности правового сознания субъектов этих отношений.

Следовательно, правовая культура и социальное бытие находятся в органическом единстве, взаимно и взаимно обогащающий друг друга.

Общественные отношения, процесс их реформирования существенно влияют на развитие правовой культуры. [2, с. 232].

Х. Ортега-и-Гассет формулирует предписание: «Жизнь должна быть культурной, но и культура должна быть жизненной» [3, с. 22]. Ни одно общество не может существовать без взаимодействия своих агентов друг с другом, с социальными центрами и институтами. В процессе взаимодействия происходят столкновения интересов и мотивов, участников социального общения. На определенном этапе общественно-исторического развития на первый план выходит право, как один из эффективных средств координации взаимодействия и регулирование деятельности государственных органов, общественных организаций, представителей различных слоев общества.

Список литературы

1. Малинова И.П. Философия права (от метафизики к герменевтики). Екатеринбург, 1995. – 298 с.
2. Григор'ев В. Й. Філософія: навчальний посібник. К.: Центр навчальної літератури, 2004. – 248 с.
3. Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? М., 1991. – 411 с.

УДК 130.1

ПРОБЛЕМА КЛАССИФИКАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ МИСТИЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЙ

Белицкий А.А., ст. преподаватель

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
Belitskiy.a.a@gmail.com

Несмотря на то, что в современной научной литературе большое внимание уделяется изучению нетрадиционного мистицизма, нет общего мнения о том, какие же современные движения необходимо причислять к таковым. Трудно вычлениить действительно мистические идеи из огромного многообразия существующих в современном мире неорелигий и общественных организаций, так как они имеют синкретический характер. Действительно, при рассмотрении какого-либо отдельно взятого нетрадиционного религиозного культа, мы находим целый комплекс идей религиозного, социального, политического, а порой даже экономического и экологического характера. Уже в самом обозначении любых верований в качестве «нетрадиционных» содержится указание на то, что они не могут считаться традиционными для тех государств, в которых они появляются, а время их возникновения, также предлагающееся в качестве одного из

критериев обозначения интересующего нас явления, определяется как сравнительно недавнее.

Используя национально-государственный критерий, данные понятия попытался разграничить российский исследователь Н.А. Трофимчук. С его точки зрения, традиционные религии развиваются и сохраняются на протяжении длительного времени в рамках соответствующих этнических или государственных границ, они глубоко укоренены в быту, системе праздников и обрядов, мифологии, типе и способе мышления, культуре, психологии. В то же время, нетрадиционные религии исторически не унаследованы от прошедших эпох определенным этносом, не свойственны его духовности, не укоренились в быту, культуре, а распространились в результате миссионерской деятельности проповедников с их исторической родины. Нетрадиционными по отношению к определенным этносам могут выступать как мировые религии, так и новые религиозные образования.

В ряде современных исследований понятие «нетрадиционная религиозность» используется в ином смысловом контексте, который соотносит данную группу верований не только с исконной для данной территории религиозной традицией, но со спецификой сравнительно недавнего по времени возникновения и возможностей обнаружения в данной группе некоей качественной новизны. Так известный российский исследователь Е.Г. Балагушкин, говоря о «нетрадиционном» религиозном сознании, указывает на появляющиеся в нем качественно новые элементы вероучения. Он склонен понимать под «нетрадиционной религиозностью» не просто любое впервые привнесенное на данную территорию верование, но некое качественно новое явление современности. Такой подход, опираясь на достижения современных религиоведов, доктора философских наук А.А. Радугина и профессора И.Н. Яблокова, избрал коллектив авторов в книге «Религия. История и современность». В данной работе, нетрадиционные религии делятся на следующие типы: неохристианские объединения, сайентологические направления, неоориенталистские культы, сатанинские группы, религиозно-мистические культы. Как мы видим, авторы отдельно выделяют культы мистической направленности. Однако в приведенной типологии, феномен мистицизма понимается слишком широко. В книге к нему относят оккультизм, иудейскую каббалу, предсказательные карты Таро, ритуальную магию, спиритизм.

Попытки отдельно осмыслить мистически ориентированные проявления нетрадиционной религиозности, а также причислить к таковым ряд современных движений и организаций можно встретить в работах П.С. Гуревича, Э. Вандерхилл, С.Н. Волкова. Последний, проведя качественный анализ уже описанных в литературе, а также возникших за последние годы движений, разделил все неомистические течения на семь групп: «Трансцендентные объединения», «Ноосферные школы»,

«Сайентологические направления», «Новая магия», «Спиритуалистические направления», «Современный сатанизм», «Уфоманы».

Но даже такая, подробно описанная в его докторской диссертации классификация, не закрывает полностью вопрос о спорных с точки зрения традиционности/нетрадиционности религиозных верованиях. Более того, создание абсолютной и универсальной типологии невозможно, так как многие нетрадиционные религиозные сообщества сочетают в себе различные признаки того или иного типа учения. В контексте социальной философии важно то, что современный мистицизм перестал быть закрытой системой, теперь он общедоступен благодаря многим современным технологиям коммуникации. Практики самосовершенствования и познания, ранее присущие исключительно мистике, сегодня используются в экономических, политических, медицинских научных и псевдонаучных целях. Таким образом, попытки вычлнить из ряда существующих на сегодняшний день религиозных и других организаций мистически ориентированные обречены на провал. Создание всеохватывающей типологизации невозможно. Гораздо плодотворнее проанализировать, какую роль занимает мистицизм в современной социальной системе, каково его место в мире XXI в.

Список литературы

6. Трофимчук Н.А. Чего добиваются борцы с новыми сектами? / Н.А Трофимчук // Религия и право. – 1999. – № 5. – С. 27.
7. Балагушкин Е.Г. Нетрадиционные религии в современной России / Е.Г. Балагушкин. – в 3-х ч. – Ч. 1. – М.: Ин-т философии РАН, 1999. – 103 с.
8. «Нетрадиционные религии» в посткоммунистической России (материалы «круглогостола») // Вопросы философии. – 1998. – №12. – С. 11.
9. Целуйко В.М. Психология нетрадиционных религий в современной России / В.М. Целуйко. – Волгоград: Прин Терра-Дизайн, 2004. – 208 с.
10. Религии. История и современность: Учебник для вузов / Под ред. Ш.М. Мунчаева. – М.: Культура и спорт, ЮНИТИ, 1998. – 264 с.
11. Гуревич П.С. Возрожден ли мистицизм?: Критические очерки / П.С. Гуревич. – М.: Издательство политической литературы, 1984. – 302 с.
12. Вандерхил Э. Мистики XX века: Энциклопедия / Э. Вандерхил; [пер. с англ. Д. Гайдук]. – М.: Астрель: МИФ: АСТ, 2001. – 576 с.
13. Волков С.Н. Феномен мистицизма: истоки происхождения и современное состояние в России: дис. ... доктора филос. наук : 09.00.11 / Сергей Николаевич Волков. – М., 2005. – 319 с.

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ В ЛИЧНОСТИ БИОЛОГИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНОГО

Белюрко Н.М., аспирант,

Чернышев В.А., аспирант

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

nadezhda_3377@mail.ua

Введение. Уникальность личности определяется не только анатомо-молекулярным строением организма, генами но и уникальностью окружающей среды, которая влияет на формирование индивидуальных особенностей каждого человека. На этом единстве наследственного и социального факторов сложилось два противоположных направления в развитии личности — биологическое и социальное. Одни специалисты считают главным фактором в развитии личности наследственность, другие — среду и воспитание, образование.

Биологическое является базисом, основой физического и психического здоровья человека, но только общество в процессе социализации делает из него личность. Истории известны случаи, когда дети еще в младенчестве попадали в условия дикой природы и оставались там до совершеннолетия, но даже если им удавалось выжить физически при благоприятных обстоятельствах, они не становились людьми. Чтобы стать частью общества, ребенок должен воспитываться в обществе, получить соответствующее воспитание. Таким образом, очевидно, что личностью не рождаются, а становятся в обществе в процессе социализации.

Социализация представляет собой процесс становления личности, постепенное усвоение требований общества приобретение социально значимых характеристик сознания и поведения, которые регулируют ее взаимоотношения с обществом.

Актуальность (социальная значимость) темы определяется возросшим в последние годы интересом как философов, так и специалистов других областей — психологов, антропологов к проблеме соотношения биологического и социального в личности. Изучение этой проблемы в настоящее время носит не только абстрактно-теоретический, но и прикладной характер. Многие современные ученые считают, что человечество не сможет решить свои глобальные проблемы, не разобравшись предварительно в своей сущности. А для понимания сущности человека очень важным является вопрос о соотношении в нем биологической и социальной сторон.

Целью настоящего исследования стало: рассмотрение точек зрения

специалистов современности на проблему соотношения социального и биологического в личности человека.

Для исследования использовались следующие **методы**: общенаучные – анализ, синтез, индукция, дедукция. Принципы: объективности, системности, аксиологического подхода. Для реализации цели был проработан ряд источников по представленной теме.

Результат. Данные ряда источников свидетельствуют о том, личность человека представляет собой единство двух, неразрывно связанных, но различных аспектов – социального и биологического.

Биологическая сторона существования человека в обществе опосредуется социокультурными факторами. Это касается и удовлетворения таких сугубо биологических, витальных потребностей, таких, как продолжение рода, еда, и т. д.

Существуют два подхода о проблеме соотношения биологического и социального в личности человека. Странники пан-биологизма объясняют все особенности человека его биологической сущностью, генетикой. Представители пан-социологизма считают, что наследственные факторы у всех людей одинаковы, а индивидуальные особенности личности развиваются под влиянием общества, обучения и воспитания. Но было бы в корне неверным недооценивать как важность биологического, так и социального в личности человека. Личность является собой биосоциальное единство.

В широком смысле жизнь – это нахождение в социуме, среди людей, соответствие своим социальным ролям. Человек является элементом, частью целостной системы, именуемой обществом.

Социальное становление человека, в первую очередь, происходит в семье, в которой формируются нормы и ценности, от поколения к поколению передается жизненный опыт. Социальное развитие человека носит непрерывный, но неравномерный характер и зависит от ряда факторов, включающих в том числе и темперамент, как биологическую основу и характер – то, что сформировано социумом.

Человек ценен для общества прежде всего своими социально значимыми качествами. Важнейшими из них являются: самосознание, самооценка, социальная идентификация, активность, интересы, убеждения, цели жизни. Все социальные качества тесно взаимосвязаны.

Помимо этих аспектов необходимо изучать духовно-личностные особенности человека – духовный аспект, который влияет на мысли и поступки человека. Духовный аспект личности заслуживает отдельного рассмотрения, его неправомерно рассматривать лишь как производную биологического и социального.

В заключении стоит отметить, что личность – это своеобразный набор индивидуальных характеристик, сплав биологического и социального. Также необходимо учитывать, что личность, как часть

социума, представляет собой совокупность всех общественных отношений. В современном обществе биологическое начало в значительной мере подчиненное социальному.

При рассмотрении проблемы соотношения социального и биологического в личности следует избегать крайностей: не абсолютизировать роль только социального или только биологического, учитывать важность того и другого в жизнедеятельности человека. [1–5]. Анализируя биологическое и социальное в личности, следует также учитывать внутренний мир человека как духовный аспект личности, отличный от биосоциальной сущности человека.

Список литературы

1. Алексеев, П.В. Философия: Учебник : Гриф МО РФ для студ.вузов .— М.:ТК Велби, 2005, 2006. — 608 с.
2. Барулин, В.С. Социальная философия: Учебник: Гриф Мин. образ. — М. : ФАИР-ПРЕСС, 2000 . — 560 с .
3. Пигров, К.С. Социальная философия: Учебник / К.С. Пигров. — СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005 . — 296 с.
4. Спиркин, А.Г. Философия: Учебник : Гриф МО РФ для студ.вузов. — М.: Гардарики, 2005 . — 796с. — 2-е изд.
5. Фрейджер Р., Фейдимен Д. Личность: теории, эксперименты, упражнения // Психологическая энциклопедия. – Спб.: прайм - Еврознак, 2001.

УДК 174

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЭТИКА ГОСУДАРСТВЕННОГО СЛУЖАЩЕГО

Бунтовский С.Ю., канд. экон. наук,

Матвиенко О.В.

Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина,
г. Краснодар

buntovskiy@rambler.ru, smail_1208@mail.ru

В современных динамичных условиях меняться в соответствии с запросами общества приходится не только представителям бизнеса, но и государственным служащим. При этом речь идет не только о смене каких-либо практических навыков и компетенций, но и трансформации всей парадигмы деятельности. Интерес вызывает вопрос о современной профессиональной этике государственного служащего, о моральных нормах и принципов его работы, так как сфера государственной службы сформировала определенные отличительные черты профессиональной этики государственного служащего.

Прежде всего, на уровень профессиональной этики оказывают влияние как личностные характеристики служащего, так и общее состояние социума. Тот факт, что процесс становления и развития социальной и профессиональной компетенции современных государственных служащих проходил в условиях кризиса 90-х годов, привел к определенным деформациям этических принципов граждан, в том числе и госслужащих. Как отмечает Ю.С. Высыпкова в случае неудовлетворённости граждан работой в государственной структуре, их самооценка своей деятельности снижается, моральные нормы размываются, а этические принципы деградируют [2, с. 141].

Однако для формирования гражданского общества, что заявлено одной из стратегических целей Российской Федерации, необходимо соблюдение государственным служащим этических и правовых норм, соблюдение ими нравственных ценностей общества, демократизм и открытость в своей деятельности. Так что развитие государства по демократическому пути оказывается невозможным без нравственного роста его чиновников.

Одним из вариантов оздоровления ситуации, предпринятых во время преодоления кризиса, стало подробное регламентирование вопроса организации государственной службы, кодификации этических принципов, а также определенное изменение статуса государственного служащего [5, с. 630]. Итогом должно было стать превращение чиновников в высококвалифицированных специалистов в области государственной службы, владеющих теорией и практикой управления, следующих в своей работе нравственным и этическим принципам.

На сегодняшний день в органах государственной власти РФ принято более 30 кодексов этики, а также разработаны аналогичные документы в различных субъектах Федерации. В них нашли отражение различные ситуации, с которыми сталкиваются госслужащие, и аспекты служебного поведения государственных и муниципальных служащих РФ. Также создан типовый кодекс - свод принципов профессиональной служебной этики и основных правил служебного поведения, которыми независимо от замещающей ими должности обязаны руководствоваться государственные служащие. [1, ст. 3]

Так как среди современных государственных служащих встречаются специалисты не имеющие профильного образования, молодые специалисты проходят не только первичную адаптацию на новом рабочем месте, но и параллельно вторичную профессиональную социализацию, включающую и приобщение к этическим нормам государственной и муниципальной службы [3, с. 527].

Любые действия и поступки государственного служащего не только являются его визитной карточкой, но и оказывают влияние на отношения с сотрудниками, гражданами, следовательно, поведение государственного

служащего играет важную роль в его деятельности. От поведения служащих с коллегами и населением, будет зависеть имидж всего государства. Если рассматривать термин «поведение» согласно словарю Ожегова, то это образ жизни и действий [4, с. 370]. Иными словами, это характер поступков в отношении чего-либо, кого-либо в соответствии с правилами этикета. Следовательно, своим служебным поведением государственные служащие призваны способствовать конструктивному сотрудничеству друг с другом и установлению в коллективе деловых взаимоотношений. Этикет их обязывает быть корректными и вежливыми, проявлять снисхождение в общении.

Сегодня, находясь в зависимости определенных внешних обстоятельств, профессиональная этика государственных служащих отличается определённой нестабильностью. Поэтому, учитывая, что залогом успешного функционирования государства является качество его управленческого аппарата, необходимо продолжить работу по приближению реальных характеристик государственных и муниципальных служащих к их идеальным, эталонным образцам, зафиксированным в этических кодексах. При этом дополнением правового регулирования профессиональной деятельности госслужащего должно стать моральное регулирование. Именно в этом случае возможно развитие и совершенствование отношений между обществом и бюрократическим аппаратом, а также превращение госслужащих из бюрократов в социально-ориентированных работников, для которых выполнение их профессиональной деятельности будет не рутинной, а формой самореализации и личностного роста.

Профессиональная этика органически взаимосвязана с общей этической системой и должна способствовать ее развитию и совершенствованию, она предлагает нравственные ориентиры поведения людей в сфере профессиональной деятельности относительно целей, смысла и функциональной направленности конкретной профессии.

Подводя итог можно заметить, что для эффективного решения управленческих задач на современном этапе развития требования к госслужащим возрастают, и помимо обязательного наличия таких деловых качеств как ответственность, организованность, инициативность, предприимчивость им необходимо обладать и рядом высоких морально-психологических характеристик: честностью, бескорыстностью, справедливостью, моральной устойчивостью, способностью к самооценке, высокой мотивацией на служение гражданскому долгу... Только в этом случае они будут соответствовать требованиям, предъявляемым современным обществом и смогут решить стоящие перед ними задачи по преобразованию страны.

Список литературы

1. Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих: одобрен решением президиума Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции от 23 декабря 2010 г. (протокол № 21) // Официальные документы в образовании. 2011. № 36. Ст. 3, 10, 27, 28.
2. Высыпкова Ю. С. Поведение государственных служащих: роль и необходимость формирования в высшей школе [Текст] // Инновационные педагогические технологии: материалы IV междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2016 г.). — Казань: Бук, 2016. — С. 141-143.
3. Дрыгина Н. Н. Государственные служащие как социально-профессиональная группа // Молодой ученый. — 2015. — № 6. — С. 526-530.
4. Ожегов С. И. Словарь русского языка: ок. 53 000 слов / С. И. Ожегов; под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. 24 изд-е., испр. — М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2007. — 640 с.
5. Римская В. Г. Особый статус государственного (муниципального) служащего на современном этапе функционирования института государственных служащих // Молодой ученый. — 2015. — № 12. — С. 630-631.

УДК 160.1: 111.1

ВООБРАЖАЕМАЯ ЛОГИКА Н. А. ВАСИЛЬЕВА: ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЛОЖЕНИЯ

Волошин В. В., д-р. филос. наук, доц.,
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
v.v.don7ff@gmail.com

Николай Александрович Васильев (1880–1940) – «забытый» русский мыслитель, которого смело можно считать одним из «отцов» современной неклассической логики. Он отстаивает идею мультивекторности и дополнительности мышления, конструирует новое логическое пространство, с причудливым номологическим ландшафтом и уникальным концептуальным каркасом. Казанский философ не просто декларирует, но и аргументирует наличие трех логик: аристотелевой (эмпирической), неаристотелевой (воображаемой) и металогии. Последняя включает в себе онтологические, формальные и трансцендентные предпосылки всякой логики.

Н. А. Васильев задается и метафизическими вопросами, выходя на уровень инобытия: «Нет ничего невероятного или абсурдного в том, что логика божества иная, чем логика человека. Значит, вполне мыслимо, что могут существовать системы логического мышления и логические операции, совершенно отличные от наших. Тот же результат получается из рассмотрения различных взглядов на природу логики и логических законов» [1, с. 55].

Он считает, что законы логики детерминированы объектами универсума рассуждений и допускает, что человек можем мыслить другие миры, в которых законы будут иными, отличными от стандартных. Но это не влечет интеллектуального хаоса: «Бесплодной, безрассудной и небезнаказанной была бы мысль отбросить законы мысли, рациональные элементы сознания. Познающий субъект может мыслить иные объекты и иные законы объектов, но он не может мыслить иного познающего субъекта и иные законы мысли» [1, с. 103].

Н. А. Васильев не отвергает «эмпирическую», двузначную логику. Сознательный ум способен работать в разных онтологических и логических программах. Если четко определиться со структурой и законами, то даже бытийная неопределенность и фактическая противоречивость не нарушат логической стройности. Он пишет о новой системе: «Не нужно думать, что воображаемая логика должна быть просто курьезом, игрой ума, не имеющей никакого практического или теоретического значения. Напротив того, думается мне, воображаемая логика должна иметь большое значение» [1, с. 91]. Подтверждение данному тезису обнаружим в приложениях идей Васильева к учению о возможных мирах.

Вопросы семантики возможных миров, как впрочем, и проблематика «конкретных» (содержательных) воображаемых миров расположены на пересечении онтологии, эпистемологии и модальной логики. Возможные миры (A) – ментальные конструируемые, репрезентирующие релевантные в некоторой системе модальных координат (кортежей точек соотнесения) *possibilia*-конфигурации существования индивидов и их функций, совокупностей позиций, событий, историй.

Наличие (отсутствие) онтологически возможных миров относится к области мировоззренческих предпочтений. Многие исследователи стоят на номиналистических позициях, рассматривая такие миры как лингвистические образования – метафору и/или способ реализации дескриптивного потенциала языка, что не снимает, а дополняет понимание возможного мира как элемента формального исчисления модальной логики, необходимого для решения проблем, связанных с интенциональностью.

Представим вариант типологии содержательных возможных миров, используя некоторые идеи и терминологию У. Куайна [2] и Я. Хинтикки [3], а также апеллируя к концепции Н. А. Васильева. Элементарная схема типологии (классификации): A есть Aa, Ab, Ac , где A – понятие, объем которого подвергается делению, Aa, Ab, Ac – группы, полученные в результате деления.

Содержательные возможные миры – дескриптивно-референтный тип, репрезентируемый естественным языком и включающий неполные миры с действующими индивидами, обладающими «конкретными» свойствами; кортежи точек соотнесения наполнены содержанием. Определение истинности для таких миров во многих контекстах не является

релевантным, уступая место непротиворечивости текста описывающего мир и когерентности энциклопедии – набора концептов, представляющих собой «строительные леса» картины мира, к которой текст «привязан».

Итак, стандартный «возможный мир» (*Aa*) онтологически реализуемый, однозначно достижимый из действительного мира, представимый, эпистемически адекватный. Объекты *Aa* находятся преимущественно в сфере референции (включает такие рубрики, как именование, истина, денотация, объем), имеют фиксированные пространственно-временные характеристики. Следуя Васильеву, группа *Aa* (научные гипотезы, исследовательские программы, социально-политические проекты и т. д.) подчинена аристотелевой (эмпирической) логике и закону противоречия.

«Невозможный возможный мир» (*Ab*) онтологически не реализуемый, но «идеологически» адекватный, представимый, достижимый с ограничениями. Об объектах *Ab* имеется осмысленная информация, хотя их пространственно-временные параметры не регистрируются. Референция уступает место сфере значения (синонимия, логическое следование значимость, аналитичность). Группа *Ab* (миры мифа, религии, литературы, искусства) «живет» в сфере воображаемой логики, в которой отрицание существования – автономное суждение, но никак не импликация утверждения об экзистенции.

Элиминируя связь между отрицанием и несовместимостью, Васильев вводит новый логический «атом» – индифферентное суждение. «Возможно, что в каком-нибудь объекте совпадут зараз основания и для утвердительного, и для отрицательного суждений. Это невозможно для нашей аристотелевой логики в силу связи между отрицанием и несовместимостью, связи, которая разрывается для воображаемой логики. Поэтому воображаемая логика, логика с иным отрицанием, будет свободна от закона противоречия» [1, с. 63]. Но не свободна от «закона несамопротиворечия» (речь идет о внутренней связности объектов *Ab*) и «закона исключенного четвертого». Одна из его формулировок гласит: «Относительно каждого понятия, взятого как субъекта, и любого предиката, мы можем образовать три различных суждения: одно о необходимости данного предиката для данного понятия, другое о его невозможности, и третье о его возможности. Одно из этих суждений должно быть истинно, и четвертого суждения образовать нельзя» [1, с. 49]. Таким образом, в рассуждениях допускаются истинностные провалы и противоречивые описания состояний, а эпистемически возможные миры приобретают условную легитимность, в т. ч. онтологическую.

Объекты «невозможного невозможного мира» (*Ac*) не имеет какого-либо статуса (метафизического, онтологического, эпистемического, логического). Они не представимы и невозможны ни в одной системе ментальных координат. Нет таких точек соотнесения или контекстов, за которые объекты *Ac* способны «зацепиться». Рассуждения о них не могут развора-

чиваться ни в формате эмпирической логики, ни воображаемой, ни мета-логики – учения о «формальной стороне мысли, о мысли, если отвлечься от всякого содержания мысли» [1, с. 90].

Таким образом, воображаемая логика имеет оригинальную номологию, нетривиальную концептуальную схему, инновационную методологическую архитектуру. Она расширяет философский горизонт, оставляя пространство для эпистемологической энтелехии и эвристики, позволяя анализировать и систематизировать онтологические допущения в программе POSSIBILISMA.

Список литературы

1. Васильев Н. А. Воображаемая логика. Избранные труды. – М.: Наука, 1989. – 264 с.
2. Куайн У. С точки зрения логики: 9 логико-философских очерков. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2003. – С. 7–23.
3. Хинтикка Я. Логико-эпистемологические исследования. Сборник избранных статей. – М.: Прогресс, 1980. – С. 228–242.

УДК 130.1

ВОЕННЫЙ ЭТИКЕТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.

Гричанова К.И.,

Бунтовский С.Ю., канд. экон. наук,

Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина

(г. Краснодар)

KGrichanova@mail.ru

В современном глобализированном, по западному образцу обществе, наблюдается стремительное размытие традиционных ценностей и изменение этических норм, проявляющееся во всех сферах социальной жизни. Атомизация социума проявляется в том числе в упрощении культуры и вульгаризации требований этикета, что можно наблюдать практически во всех социальных стратах[5]. Отрядным исключением остаются религиозные организации и силовые структуры, в силу своей большей закрытости и усиленно культивируемых высоких морально-нравственных стандартов. Именно поэтому в этих социальных группах исторически сложившийся этикет продолжает существовать практически в неизменном виде (хотя и подвержены определенной вариативности) и является одной из культурных скреп, объединяющих воинский коллектив. Поэтому в рядах вооруженных сил уделяется много внимания вопросам изучения и соблюдения воинского этикета и культуры поведения.

В исторических традициях российской армии этикет неразрывно связывался с честью воина, а достоинство и воинская честь всегда возводились в культ. Соответственно создавались общеобязательные своды правил, в которых прописывались требования к поведению военнослужащих, культуре их поведения и речи [1].

В современной трактовке под воинским этикетом понимается свод правил поведения, основанных на принципах морали, уставов и традиций Вооруженных Сил России. Такие правила охватывают служебные взаимоотношения, внешний вид, формы обращения друг к другу, отношение к гражданским людям [2].

На сегодняшний день, основные принципы воинского этикета изложены в Общевоинских уставах Вооруженных Сил Российской Федерации. Соблюдение требований этикета всеми военнослужащими позволяет каждому ощутить себя членом единого целого, почувствовать гордость за принадлежность к армии. Этикет в равной степени, распространяется, как к начальникам, так и к подчиненным. Он способствует сохранению чувства собственного достоинства. Подчиненный, демонстрируя свое уважение командиру и готовность выполнить его приказание, не должен допускать подхалимства и лести [3]. С целью повышения самоуважения устав предписывает всем военнослужащим обращаться друг к другу на «вы». Отличительной особенностью воинского этикета России, является учет национальных особенностей, особенно там, где люди разных национальностей совместно выполняют единую задачу по защите своего Отечества. Среди разнообразных правил, существующих в современном воинском этикете, стоит особо выделить несколько нижеприведенных.

Воинское приветствие – ежедневное соблюдение требований воинского этикета. Поднося руку к головному убору, современные военнослужащие, отдают долг вежливости своему коллеге в военной форме. Важно, что младшие по званию приветствуют старших первыми. Соблюдение воинского этикета должно быть естественной нормой поведения для военнослужащего.

По правилам этикета военному не принято говорить о другом человеке, в порядке товарищеской критики. Она должна быть нацелена на нравственный рост и профессиональное становление воина, а не вызывать у него обиду и злость.

Также по этикету военнослужащий должен встать, если в помещение входит старший по званию, а при необходимости спросить у начальника разрешения войти или выйти из помещения, в котором этот начальник находится.

Бывают случаи, когда руки военного могут быть заняты, но при этом воинское приветствие все равно необходимо осуществить. Это можно сделать поворотом головы в сторону начальника. При знакомстве и

представлении военнослужащего называют и его воинское звание. В Российской Федерации при обращении к военнослужащему, к званию добавляют слово «товарищ», например, «товарищ лейтенант».

Заботясь о защите чести и достоинстве граждан, как того требует устав, военнослужащие должны проявлять решительность.

Еще одна важная составляющая этикета – забота о своей внешности. Военный мундир должен соответствовать воинским требованиям. Как носить ордена и знаки отличия, где и сколько должно быть звездочек и полосок? – все это закреплено в общевоинских уставах. Начищенные ботинки, отутюженные стрелки на брюках, чистые воротнички – отличительный показатель российской армии. Офицеры российской армии должны быть гладко выбриты[4].

Отдельно оговаривается особая военная выправка — развернутые плечи и прямая спина. Также, для военнослужащих существуют правила строевого шага и парадной маршировки.

Недопустимы позы, жесты или мимика, показывающие отношение военнослужащего к приказу или поставленной задаче. Получив команду, военнослужащему следует ответить «Так точно!», «Есть!» или «Никак нет!».

Подводя итог можно сделать вывод о том, что несмотря на тотальную демократизацию общества военный этикет не просто сохранился, но и продолжает играть важную роль в воинской культуре России. Воинский этикет отличается от прочих видов этикета строгостью соблюдения и высокой кодифицированностью, что позволяет поддерживать культурный уровень военнослужащих на должной высоте.

Список литературы

1. Кириллов В., Паневин К. Культурология. «Культура воинской деятельности». – СПб.: ВМИИ, 2017.
2. Устав Внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации.
3. Колосов А. Взаимоотношения в воинском коллективе как фактор успешности выполнения служебных задач. // Ориентир. – 2016. – № 3.
4. Дисциплинарный устав Вооруженных Сил РФ.
5. Бунтовский С. Ю. К вопросу о некоторых актуальных угрозах для Российской Федерации / Пятое столыпинские чтения. Публичная политика и социальные науки: материалы науч.-практ. конф. с международным участием. / отв. ред. В.М. Юрченко. – Краснодар: Кубанский государственный университет 2016. – 573 с.

МОДЕЛИ ПОЛИВАРИАНТНОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА: ОПЫТ ТИПОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Даниленко Г.Э., ст. преподаватель

ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет», г. Донецк
gddgtu@gmail.com

Множество теорий поливариантного развития истории поражает количественным разнообразием и качественной несводимостью к простым типологическим схемам.

Наиболее унифицированную группу составляют теории плюрального циклизма. Известные с давних пор, они отличаются относительным методологическим единообразием в объяснении причин, факторов, периодов, смысла и целей всемирноисторического развития.

Отдельную большую группу «мультиисторий» составляет род так называемых контрфактических исследований, включающий в себя разновидности концепты: «альтернативная история», «ретроальтернативистика», «виртуальная история», «вероятностная история», «несостоявшаяся история», «экспериментальная история», «гипотетическая история», «ретропрогностика», «контрфактическое моделирование», «контрфактическая история» и т.п. [1].

Но к классу теорий поливариантного развития можно отнести также и концепцию дихотомичности истории «Восток-Запад», а также классические и неклассические (дистопии, практопии и др.) утопии, футурологические концепции и т. д.

Ниже предлагается подход к типологии этих многочисленных теорий с позиции степени или уровня поливариантности.

Уровни поливариантности:

1. Генеральная поливариантность (парадигмальный уровень, *мега-цивилизационный концепт*): рассматриваются две исторические суперцивилизации Восток и Запад, как восточная и западная парадигмы истории. Это - поливариантность на генетическом уровне исторической эволюции. Поливариантность здесь рассматривается как генетически врожденная амбивалентность истории, как метафизическая (метаисторическая) заданность. Таковы, например, билинейные теории исторического процесса (К. Виттфогель, Э. Вельскофф, Ф. Текеи, М. Годелье, Л.С. Васильев и др.). Проблема культурной (или цивилизационной) дихотомии Восток-Запад концептуально вписывается в контекст теорий многополярности мира, многовекторности исторических путей развития, многолинейных путей становления цивилизации.

Основная, эссенциальная антиномия истории здесь традиционно обосновывается следующими факторами:

- географическими особенностями (большие территории, «имперские масштабы» - восточной мегацивилизации, компактные образования, «республиканские масштабы» - западной);

- психо-физической специфичностью (расовая, этническая, этно-психологическая);

- собственно культурной специфичностью (в свою очередь, обусловленной первым и вторым);

- культурно-исторической преемственностью (традицией, понимаемой органицистски – как наследование).

2. Комбинаторная поливариантность (паттернальный уровень, *плюрально-циклические концепты*): рассматривается коэволюция цивилизационных/культурных исторических паттернов. Это – теории мультипликативной вариантности исторического процесса. Таковыми можно считать как глобальные циклические концепции (Платона, Аристотеля, Д. Вико, Ш. Фурье и др.), так и локальные циклические концепции (Н.Н. Данилевский, О. Шпенглер, П.А. Сорокин, А. Тойнби и др.).

Культурно-цивилизационные мета-исторические парадигмы могут породить локальные культурно-цивилизационные паттерны (как образец продуцирует подобия), проекции. Внутри такого культурно-цивилизационного паттерна парадигмальные сущности фрактально (подобно) эксплицируются на все пространство локальной культур-цивилизаций.

Между теориями генеральной поливариантности и комбинаторными нет внутреннего противоречия, они эволюционно и типологически взаимосвязаны. Парадигмальные сущности на предельном антиномическом уровне представлены в концепте дихотомного исторического пространства (Восток-Запад), реализуемом во времени, в историческом процессе амбивалентно. Всё же многообразие конкретно-исторических форм – от простейших, точечных (номы, полисы) до наиболее сложных, крупных и стабильных (империи) – лишь повторяющиеся паттерны двух парадигмальных сущностей истории. Эссенциальные основания такой парадигмальной антиномии неизменно обнаруживаются в мета-исторической абсолютной реальности и проявляются в истории в виде неких психо-физических детерминативов («дух народа», «этнический психотип», «дух культуры» и пр.), детерминирующих повторяющееся воспроизводство культур-цивилизационных паттерн-моделей.

3. Событийная поливариантность (операциональный уровень, *концепт процессуальной переменности истории*): исторический процесс рассматривается как цепь вероятностей, акциденций, случайностей; историческое событие – как инцидент, случай, происшествие, абберрация, часто как девиация. Это – простая переменность открытой

саморазвивающейся системы. Основными внутренними движителями саморазвития системы здесь выступает волюнтаризм индивидуальных и групповых деятелей.

Вариативность исторического процесса здесь представляется результирующей действия, с одной стороны, универсальных системных законов, отражающих закономерности исторического развития в целом (включая его природную и социальную составляющие), с другой – как синергичный итог реактивной деятельности конкретных социальных субъектов на актуальный вызов исторических реалий.

Предложенный подход к классификации поливариантных моделей истории – лишь один из возможных, критерий, положенный в основание этой классификации – не только не исключает применение других, но и, напротив, предполагает поиск новых подходов. Чем больше критериев будет приложено к систематическому анализу теорий поливариантности исторического развития, тем больше вероятность верифицировать наиболее объективные из них, что, в свою очередь, позволит произвести системный типологический анализ такого сложного и структурно неоднородного явления исторического сознания как моделирование исторического процесса.

Список литературы

1. Альтернативные пути к цивилизации: Кол. монография / Под ред. Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева, Д.М. Бондаренко, В.А. Лынши. – М.: Логос, 2000. – 368 с.
2. Данин С. А. Природа цивилизации: социально-философский анализ. Автореф. дис. канд. филос. наук. – Тверь, 2006. – 23 с.
3. Лубский А.В. Альтернативные модели исторического исследования. – М.: Изд-во «Социально-гуманитарные знания», 2004. – 339 с.
4. Нехамкин, В.А. Проблема поливариантности исторического процесса: генезис, пути решения: Монография. – М: Изд-во МАКС-Пресс, 2002. – 104 с.
5. Нехамкин, В.А. Контрфактические исследования в историческом познании: генезис, методология. –М.: Изд-во МАКС-Пресс, 2006. – 176 с.
6. Пантин В.И., Лапкин В.В. Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI века. –Дубна: Феникс+, 2006. – 448 с.
7. Плотинский Ю.М. Модели социальных процессов: Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Логос, 2001. –296 с.
8. Семенов Ю. И. Философия истории. (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). – М.: «Современные тетради». 2003. – 776 с.
9. Шевченко В. В. Многовариантность исторического развития. Автореф. дис. канд. филос. наук. – Волгоград, 2005. – 25 с. и др.

«ПУШКИНСКАЯ ПАРАДИГМА» РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В КОНЦЕПЦИИ А.С. ПАНАРИНА КАК ИСТОРИСОФСКИЙ ПРИНЦИП

Даренская В.Н., канд. филос. наук, доц.

ГОУ ЛНР «Луганский национальный университет им. Т. Шевченко», г. Луганск
darenskiy1972@rambler.ru

Понятием «пушкинская парадигма» А.С. Панарин определил парадигму развития русской культуры. По его определению, «она состоит в том, чтобы изначально мыслить и описывать события в Европе и в России в рамках общеевропейского процесса. Такой подход существенно отличается от модного теперь понятия диалога культур. Последнее хотя и предполагает известную разомкнутость, открытость для встречи с другим... но все же ставит русскую культуру в ее “диалоге с западноевропейской” в какой-то экзотический восточный ряд. Совсем не то у Пушкина: он смело прилагает к России и совершающимся в ней процессам общеевропейскую мерку, называемую им просто современной» [2, с. 9]. В свою очередь, «пушкинская парадигма» дает нам право смотреть и на процессы, происходящие на Западе, *со своей особой «русской» точки зрения – как полноправной общеевропейской*, а не повторять лживые клише западной пропаганды. Современная идеологическая агрессия Запада против России имеет целью «вытолкнуть» Россию из общеевропейского культурного пространства, тоталитарно подавить ее голос, представив его как «неевропейский».

А.С. Панарин писал также и об особой «стороне пушкинской парадигмы, касающейся уже философии истории и объяснения историко-политических процессов». Суть ее состоит в том, что «Пушкин вооружает нас понятием, позволяющим отличать универсалистски мыслящих представителей истинного Просвещения от его полуграмотных эпигонов, спешащих подчеркнуть свою избранность и обособленное положение в “туземной среде”» [1]. Это понятие сам А.С. Пушкин ввел на примере Радищева как «представителя полупросвещения», которому, по словам Поэта, свойственно «невежественное презрение ко всему прошедшему, слабоумное изумление перед своим веком, слепое пристрастие к новизне, частные поверхностные сведения, наобум приноровленные ко всему» [1].

Само «полупросвещение», по определению А.С. Панарина – это «методологически емкое понятие, включающее полный ряд признаков, посредством которых мы и сегодня можем отличить расистски мыслящего западника от последователя того истинного Просвещения, которое изначально открыто всем и не ссылается на негодную наследственность безнадежной периферии, не делит народы на избранников прогресса и

изгоев истории. То, что это понятие полупросвещения универсально, Пушкин доказывает ссылкой уже не на нигилистически настроенных российских западников, а на предреволюционное состояние французской литературы, нигилизм которой подготовил крайности будущего якобинства» [1]. В работах А.С. Панарина показано, что агрессивный дискурс современного Запада в отношении России, не брезгающий самой откровенной клеветой и пренебрежением даже к самым элементарным нормам морали – это не просто политическая технология демонизации противника, но именно дискурс «полупросвещения». Суть последнего в том, чтобы полностью игнорировать достоинства и достижения России и русской культуры и пытаться изобразить Россию как нечто «отсталое» и всегда враждебное некой мифической «цивилизации».

Тот же самый дискурс «полупросвещения» он констатирует и у «российских либералов». В главе «Миссия Пушкина на исходе XX века» А.С. Панарин писал: «Наши либералы, полные восторженности перед Европой и готовые во всем следовать и повиноваться ей, в то же время не признают права России на равноправный диалог в рамках европейского сообщества. Но христианская традиция учит иному. Во-первых, она не связывает духовное первородство с материальными, экономическими преимуществами. По высшему духовному счету экономически развитые и могущественные могут оказаться настоящими пигмеями. Во-вторых, она напоминает нам о наших корнях и наших обязательствах в Европе... Наш национальный гений и пророк Пушкин и в этом отношении преподносит нам великий урок. Он судил о людях и народах не по критериям развитости и неразвитости, успеха и неуспеха, а по универсальным критериям духовного плана. Вот почему у него простой крестьянин может стоять выше природного аристократа» [2, с. 53]. Тем самым, в основе «пушкинской парадигмы» лежит самый высокий нравственный критерий, который не позволяет искажать реальность в угоду каким-либо идеологическим установкам и якобы «цивилизованным», а на самом деле неорасистским предрассудкам. Кроме того, этот нравственный императив и изначальная «православная идентичность Пушкина позволяет ему не напрашиваться на “прием в Европу”, а знать об исконном присутствии России в ней и обо всех вытекающих отсюда политических и духовных обязательствах» [2, с. 53].

Концепция «пушкинской парадигмы» утверждает «русскую точку зрения» на мировые процессы как подлинно общеевропейскую, поскольку именно она в настоящее время существенно противостоит тому дискурсу «полупросвещения», на котором основана модель «однополярного мира».

Список литературы

1. Панарин А.С. «Пушкинская парадигма» как кредо философии // Эл. ресурс. URL: http://www.naslednick.ru/articles/culture/culture_8637.html
2. Панарин А.С. Русская культура перед вызовом постмодернизма. – М.: ИФ РАН, 2005. 188 с.

ФИЛОСОФИЯ КАК ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ УСИЛИЕ

Даренский В.Ю., д-р филос. наук, доц.

ГОУ ЛНР «Луганский национальный университет им. Т. Шевченко», г. Луганск

darenskiy1972@rambler.ru

Сущность философского познания парадоксальна: она может сказать нечто о всеобщем только потому, что её высказывания всегда отчетливо индивидуальны и в своей индивидуальности почти несовместимы друг с другом. Всеобщее раскрывается только через противоречия, антиномии и вообще через трагические «контрасты жития» (В.В. Розанов), которые в принципе невозможно привести в единую и непротиворечивую систему. Всякое создание подобных «систем» – это бегство от философии, которое может казаться её завершением. Гегель, считая свою «систему» завершением всей философии как таковой, был прав в том смысле, что после всякой «системы» философию нужно начинать заново. После Фомы Аквинского неизбежно приходит Декарт, а после Гегеля – Шопенгауэр и Ницше, – но первые сами задали необходимость последних.

Существование любой философской «системы» – в ее имманентном самоотрицании, которое будет осуществлено теми, кто придет после. И создание «системы», и ее критическое «остранение» (В.Б. Шкловский) – это «две стороны одной медали», это двуединый путь к постижению того предельного «предмета мысли», которым создается философия как особый вид человеческой деятельности, как особое состояние сознания и особое нравственное усилие человека над самим собой. Философия – это мирская аскеза ума, борющегося со своей ограниченностью и устремленного к Непостижимому. Именно в таком ракурсе предстает как «антропогенный», человекосозидающий феномен, специфический ответ на неспецифическую, т.е. всеобщую человеческую потребность в *самосозидании*.

Недостатки философской доктрины, неизбежно обнаруживающей свою ограниченность, парадоксальным образом оказывается и ее же неизменным достижением – *прохождением еще никем ранее не исхоженной «тропы» мысли*. Вместе с тем, философия в этом отношении лишь в наиболее яркой и концентрированной форме выражает общий закон культуры, который состоит в том, что культурное действие всегда конституируется как выход человека за границы себя, своей естественной данности. *Философия – это преобразование ума на пути открытости Непостижимому как предельному и абсолютному «предмету мысли*». Другие определения философии уже производны от этого, даже если очень на него не похожи. Именно поэтому философия изначально была в первую

очередь не интеллектуальным занятием (это лишь ее форма, а не суть), а *духовным упражнением*, «волевой личностной практикой» (П. Адо).

Философия, каким бы специальным профессиональным языком она ни говорила, является подлинной философией лишь постольку, поскольку она способна обратить наше сознание и самоощущение к некому *вневременному, потенциально бесконечному в своем совершенствовании образу человека*. Обратить так, чтобы и в дальнейшем всю жизнь мы продолжали, сознательно и бессознательно стремиться к нему, стараться воплотить эти ускользающие контуры образа в живую плоть своих поступков. Тем самым, философия является не столько определенной суммой знаний, сколько тем, что В. фон Гумбольдт, как и вся немецкая философская классика, определял как «образование» (Bildung) [1, с. 58-59]. Философия как особый вид деятельности человека относится именно к сфере Bildung, в ее наиболее тонком – смысложизненном – ракурсе.

Осуществляя самопроблематизацию мыслящего разума и ставя под вопрос его привычные, «естественные» способы осмысления мира и самого себя, философия являет самый глубокий исток нашей свободы. Именно в этом – источник обывательского страха перед философией (страха, обычно маскируемого гримасой презрения); источник ее силы и неизбежной привлекательности для всякой «души живой» (Н.В. Гоголь). Поэтому никогда не может быть «конца философии», ведь в философии «сказать всё» вообще невозможно, так как каждый раз, мысля об одном и том же, мы всё равно мыслим *наново* и *заново* – и важность этого «заново» в том, что оно *созидает нас в качестве мыслящих*. И поэтому не так уж и важно, с какими именно текстами работает философ, какую частную традицию он в данный момент выбирает в качестве своего «органа роста» – философия всегда возникает «здесь и теперь», созидая нас в пространстве свободы.

Сущностной, «энтелехийной» интенцией философствования всегда был поиск истинной, *подлинной* реальности в отличие от неподлинной, определение принципов их различения. Философия есть такой способ мышления, который постоянно открывает человеку Иное в символическом смысле – т.е. *неизбывную инаковость самого бытия*, которое способно всегда открываться нам по-новому, *иначе*. В этом контексте философия представляет собой *разновидность экспериментального знания* – однако «эксперимент» здесь совсем иного рода, чем в науке. Если в науке предмет эксперимента конституирован как совокупность объектов, то в философии, наоборот, *предметом* экспериментирования становятся те измерения человеческого бытия и бытия Универсума в целом, которые не могут быть объективированы, но составляют базовые смысловые предпосылки понимания. В свою очередь, рефлексия этих предпосылок всегда приводит к трансформации самого мыслящего субъекта и, как следствие этого, к преображению в «горизонте» идеала всей человеческой личности.

Список литературы

1. Гумбольдт В. фон. Действие незаурядной духовной силы. Цивилизация, культура и образование // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 2000. С. 53-60.

УДК 904:130.2"10/12"

ТЮРКСКИЕ ИЗВАЯНИЯ ЗАПАДНОГО ДЕШТ-И КИПЧАК: ВМЕСТИЛИЩЕ ДУШИ И ИДЕЯ РЕИНКАРНАЦИИ КАК СЕМИОТИКО-ФИЛОСОФСКИЕ КАТЕГОРИИ

Евглевский А.В., ст. науч. сотр.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
a.yevglevsky@gmail.com

Благодаря интенсивной публикации в последние годы тюркских изваяний VII–XIII вв., распространенных от Монголии до правобережья Днепра, их семантика приоткрывает все новые грани. Пришло время исследовать их и с точки зрения семиотико-философского осмысления, т.е. как сакральные объекты, фокусирующие в себе основные жизнеутверждающие смыслы духовной культуры тюрков-кочевников.

В сравнении с грубо вырезанными из дерева антропоморфными фигурками, в многочисленных вариациях представленными в различных традиционных культурах мира в качестве вместилища души, изваяния тюрков-кочевников – это гораздо более сложная форма заместителя умершего (сверхъестественного двойника) с неким набором качеств и свойств его души. Но во всех случаях родственники относились к вместилищам души как к живому человеку, оказывали внимание, одевали, кормили. Без такого искусственного тела-пристанища “душа чувствовала себя несчастной, брошенной, бесприютной, могла озлобиться и навредить” [2, с. 106]. Это продолжалось до тех пор, пока не приходило время проводов умершего в иной мир, после чего связь с ним навсегда прекращалась [1, с. 68].

Речь не идет о той душе, которая уходит вместе с умершим, т.е. о посмертной модификации телесной души человека. Эту душу люди боялись и всячески старались от нее избавиться. В заместителе умершего содержалась другая душа, связанная с идеями загробного существования и ее перерождения (реинкарнации). “Изобретение” носителями традиционного сознания вместилища души было своеобразным инстинктом самосохранения коллектива, так как заботливо выращенная душа возвращалась обратно в группу сородичей [4, с. 257].

В традиционных культурах мира любые временные формы проявления заместителей умерших после выполнения возложенных на них функций уничтожались или помещались в потаенные места. Еще Л. Леви-Брюль писал, что "...главной, если не единственной целью этой церемонии является окончательный разрыв той связи, которая, несмотря на все, делает еще покойника сопричастным жизни общественной группы... Последняя церемония довершает смерть, делает ее полной и окончательной" [3, с. 207]. Только после такой окончательной смерти душа, по представлениям носителей традиционного сознания, может перевоплотиться.

На длительном пути развития образов тюркских изваяний с заложенной в них идеи сверхъестественного двойника наиболее выразительная кульминация их семантики произошла не где-то в обширном евразийском ареале культуры тюрков-кочевников, а, похоже, в междуречье Кальмиуса и Дона, хотя в данном регионе не было некоего сакрального центра, и отсюда не происходят истоки рассматриваемого феномена. Здесь обнаружено большинство изваяний, в иконографии которых есть визуальный намек на реинкарнацию души умершего.

Список литературы

1. Дьяконова В.П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. – Л.: Наука, 1975. – 164 с.
2. Косарев М.Ф. Основы языческого миропонимания. – М., 2003. – 350 с.
3. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. – М.: "Атеист", 1930. – 339 с.
4. Шишло Б.П. Среднеазиатский тул и его сибирские параллели // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. – М.: "Наука", 1975. – С. 248-260.

УДК 904:130.2"10/12"

ТЮРКСКИЕ СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ИЗВАЯНИЯ В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ДРУГИХ НАРОДОВ: "ДОМЕСТИКАЦИЯ" ЧУЖИХ ОБРАЗОВ

Евглевский А.В., ст. науч. сотр.,

Андросова С.Л., науч. сотр.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
a.yevlevsky@gmail.com, jen-93@ya.ru

Таинственность каменных изваяний (в народе каменных баб) – части культурного наследия различных по происхождению кочевников прошлых веков, преимущественно средневековых тюрков, не могла не настораживать местное современное население различной национальности и веры. Вследствие этого в сознании людей включались представления об

этих скульптурах, как о неких божествах, древних идолах, иногда как о вземных образах, наделенных сверхъестественными возможностями. Они якобы способны приносить удачу, здоровье и урожай, или наоборот, могут навредить человеку. Все зависит от того, как к ним относиться. Именно поэтому в местную современную народную культуру вращали суеверия, которые наполнялись импровизированными обрядами. Они выражались в виде простейших символических действий: подношений скульптурам конфет, булочек и других продуктов; их одевали, белили, иногда подкрашивали губы и глаза, огораживали и т.д. Каждый владелец скульптуры понимал этот образ чужой, давно ушедшей культуры по-своему, прося ее о том, что было для него наиболее насущно на данный момент. Но если скульптура не исполняла желания, то это объяснялось обидой изваяния из-за недостатка к нему внимания или происками каких-то враждебных, таинственных сил. В последнем случае от изваяния часто избавлялись, порой очень грубо: его могли разбить на мелкие куски, использовать в хозяйственных нуждах, закопать, утопить в реке и т.д. Одним словом, использование древних скульптур в рамках собственного макромира было сугубо прагматичным.

Отношение к каменным изваяниям у представителей различных этносов и вероисповеданий было не одинаковым. Поскольку для тюркского населения средневековые половецкие скульптуры являются частью их прошлого, наследием предков, то их естественно всячески оберегали. В культурном пространстве других этносов происходили контрастные ситуации. Гораздо более миролюбиво изваяния воспринимало русское население, поскольку в православной вере современных людей сохранилось еще много архаических черт. Многочисленные факты доброжелательного отношения к каменным бабам на территории проживания православного населения – яркое тому подтверждение. При этом важно отметить, что все многообразие их почитания, как и нередко встречающаяся агрессия против них, не вплеталось в народную культуру и специально не объяснялось, но целиком поглощалось последней, занимая в ней свой автономный мировоззренческий сегмент. По сути, это такое же явление, как, например, включение аборигенами Австралии христианской веры в свою систему верований в качестве отдельного звена. А между тем, миссионеры были убеждены, что достигали результата, т.е. инкорпорировали аборигенов в свою церковь [1, с. 37].

Огромный материал дает не только возможность обратить пристальное внимание на так называемую новую жизнь изваяний в быту и обычаях современного населения [2, с. 199-260], но и поставить вопрос об их философско-семиотическом осмыслении как сакральных объектов, вошедших в различные национальные культуры, в том числе и в русскую народную и в православную культуру. Кроме того, предстоит найти ответ на вопрос: являются ли современные суеверия относительно древних

скульптур следствием скрытного нахождения многих языческих элементов в народном православии (в определенный момент возникающих в глубинах личного сознания) или же это результат архетипа сознания, своими корнями уходящего в homo religiosus [1, с. 179-187] – эпоху позднего палеолита?

Список литературы

1. Кабо В.Р. Круг и крест: размышления этнолога о первобытной духовности. – М.: Восточ. лит-ра, 2007. – 328 с.
2. Полидович Ю.Б., Усачук А.Н. Вторая жизнь средневековых каменных изваяний // Степи Европы в эпоху средневековья. – Т. 10. Половецкое время. – Донецк: ДонНУ, 2012. – С. 199-260.

УДК 904:930.1"10/12"

АРХЕОЛОГ – НЕ ИСТОРИК, ВООРУЖЕННЫЙ ЛОПАТОЙ: О МЕСТЕ АРХЕОЛОГИИ В ПРОСТРАНСТВЕ НАУК

Евглевский А.В., ст. науч. сотр.,

Говорун В.А., студент

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», Донецк
a.yevglevsky@gmail.com

С тех пор, как Л.С. Клейн в 1991 г. написал статью “Рассечь кентавра. О соотношении археологии с историей в советской традиции” [1, с. 3-12], ситуация с разделением этих дисциплин, кажется, сдвинулась лишь на полтора шага. Авторы данных тезисов, в лучшем случае, входят в число примерно 0,1 % тех, кто считает, что эти науки, хотя и направлены в одну сторону, но не стоят в одном ряду.

Вопрос “рассечения кентавра” чрезвычайно важен для подготовки кадров археологии в университетах. Ведь от того, насколько сильно преподаватель сращивает археологию с историей зависит ответ на вопрос: родится ли хотя бы один студент-археолог (особенно учитывая сокращение часов по курсу “археология”). Другими словами, на повестке дня стоит острейшая проблема смены поколения археологов. Нового притока практически нет.

Археологические научные коллективы стремительно стареют. Вот сегодняшние цифры по Донецку: одному археологу – 75 лет, шести пошел 7-й десяток, еще у шести приближается 60-летний рубеж. Некоторые, относительно молодые несколько лет назад разъехались по странам. Кажется, лишь один подает надежды – А.С. Онищенко (26 лет) – сотрудник археологической группы НИЧ ДонНУ. Ситуация

катастрофическая. Кто завтра сменит предпенсионное поколение? Кто будет спасать археологическое наследие, например, коллекции каменных изваяний, зарастающих мхом и лишайником, покрывающихся пылью и городской гарью?

Более того, сегодня многое зависит уже не только от характера обучения в университете, а еще от почти исчезнувшей археологической романтики, духа археологии. Коммерциализация и научно-технический прогресс убивают немногие ростки.

Зададимся еще одним важным вопросом: какова методологическая природа археологии? Ведь именно методы определяют суть науки, ее место в системе наук. Л.С. Клейн поставил вопрос так: самостоятельная ли наука археология, или она вспомогательная служебная, или же является частью какой-то другой науки, или же это целый комплекс наук, относится она к фундаментальным или прикладным наукам, наконец, входит ли она в число гуманитарных наук? Ответ на основе теоретических размышлений Л.С. Клейна логично сделать такой: археология самостоятельная источниковедческая прикладная наука, и стоит она в одном ряду с медициной и педагогикой, практической лингвистикой (для обучения и перевода), но ближе всего ей криминалистика [2, с. 137, 162]. Природа целей у криминалиста (следователя) та же, что и у археолога, – восстановление событий по их материальным следам и фрагментированным остаткам. Археология не стоит в одном ряду с социологией и антропологией, т.е. со строгими науками, хотя археология по методам исследования ближе к ним, чем к истории.

А к истории ближе всего география, геология, но наиболее родственна ей описательная лингвистика. По своим методам все эти дисциплины относятся к конкретным наукам, но не к гуманитарным. Правда, с учетом индивидуальности человеческого творчества, история принадлежит к гуманитарным наукам. К так сказать строгим гуманитарным наукам относятся философия, филология (как литературоведение) и искусствоведение.

Итак, по мнению Л.С. Клейна, с которым мы полностью согласны, история и археология не только не стоят в одном научном ряду, но даже не находятся на одной плоскости, хотя бы потому, что первая относится к фундаментальным знаниям, а вторая – к прикладным [2, с. 162, рис. 7]. Ведь если история описывает и объясняет факты, то археология призвана реконструировать материальные остатки. Историк выясняет причинно-следственные связи, закономерности хода истории, в то время как археолог ставит вопросы: что это, каким образом сделано и т.д. Это принципиально разные задачи.

Широкое распространение в последние десятилетия междисциплинарных исследований, безусловно, развивает археологию и как фундаментальную отрасль, но, несмотря на это, она по своей природе

остается прикладной наукой. “Заговорить” же в полной мере археология может, лишь привлекая ресурсы естественных наук. Но, чтобы интеграция в естественные дисциплины осуществлялась успешно, необходимо отделение археологических кафедр от исторических факультетов, как это произошло в свое время с философией. А будучи самостоятельной, археология может успешно взаимодействовать с философией (как и с другими науками), работая над общей целью, в рамках единого проекта. Другими словами, будучи прикладной наукой, археология может успешно решать фундаментальную тему. Надо лишь устранить препятствия и сломать историческое притяжение, что не значит отторжения от истории, для которой она поставляет факты. Между археологией и историей – не родственные отношения, а деловые. Вновь согласимся с Л.С. Клейном, что все источниковедческие (традиционно понимаемые как вспомогательные дисциплины) по методологической природе ближе всего (хотя и в разной степени) к прикладным, техническим дисциплинам. Но из всех источниковедческих наук археология не просто ближе всего к ним, а гораздо ближе.

Список литературы

1. Клейн Л.С. Рассечь кентавра. О соотношении археологии с историей в советской традиции // СА. – 1991. – № 4. – С. 3-12.
2. Клейн Л.С. Введение в теоретическую археологию. – СПб.: Изд-во: Бельведер, 2004. – 470 с.

УДК 141.4.009.14

«ПРОКЛЯТЫЕ ВОПРОСЫ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В РУССКОЙ И ЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ XIX–XX в.в.

Емельянова Н.Н., д-р филос. наук, проф.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
fianu48@mail.ru

Размышления над так называемыми «проклятыми вопросами» человеческого бытия, сформулированными Ф. М. Достоевским, красной нитью проходили через труды российских мыслителей XIX века, а затем обрели новое звучание в эпоху постсовременности. Эти вопросы, касающиеся отношений человека с Богом, самим собой, другими людьми и миром в целом, осмысливались также европейскими философами экзистенциального направления. В наши дни данные вопросы продолжают насыщаться иными формами и смыслами, но, в конечном счете, сводятся к общему кантовскому вопрошанию: «Что есть человек?».

Ф. М. Достоевский был типичнейшим представителем русского национального характера в его экзистенциально-рефлексивном варианте. Он оказал сильное влияние на формирование мировоззренческой позиции не только российских, но и зарубежных мыслителей, в частности, европейского нигилиста Ф. Ницше. Об этом писал С. Франк, подчеркивавший психологический онтологизм русской философии: «Чрезвычайная психологическая проницательность Достоевского, его талант проникать в тайные и темные бездны человеческой души, побудившие Ницше назвать этого писателя единственным учителем психологии наших дней, достаточно известны» [6, с. 483].

Достоевский представлял в своих романах несколько типов русского нигилизма: экзистенциально-интеллектуальный (И. Карамазов), лакейский (Смердяков), разрушительный (П. Верховенский). Если два последних типажа, каждый по-своему, безболезненно отбрасывали идею Бога как излишнюю в их жизнеполагании, то Иван Карамазов воплощал в себе мучительные искания Бога, присущие самому Достоевскому. Протестуя против человеческой покорности и забитости, особенно отчетливо проявлявшихся в среде мелкого русского чиновничества, он пришел к сокровенному пониманию того, что «дело-то человеческое, кажется, и действительно в том только и состоит, чтоб человек поминутно доказывал себе, что он человек, а не штифтик!» [2, с. 117].

Достоевский как бы предугадал ницшевские терзания духа, соединяющие в себе целую гамму экзистенциальных переживаний – боль, тоску, презрение, негодование, сострадание, надежду. Счастье слабосильных существ, дарованное людям Великим Инквизитором в интерпретации Достоевского, и счастье так называемых «моргающих» людей, описанное Заратустрой, означало одинаковое прозябание мелких душ, недостойное человека. Однако Достоевский, исходя из реалий российской жизни, предчувствовал и другую опасность – опасность идеи человекобога. Ироническое и, вместе с тем, трагическое изображение нигилистической бесовщины представило русское бунтарство и восстанием против устоявшегося миропорядка, и проявлением тоски по утраченному Богу.

И Ницше, и Достоевский сердцем влеклись к Богу как воплощению истинной нравственности и гармонии, но их мятежный дух восставал против небожественности и неморальности мира. Образ Иисуса Христа вызывал в Ницше одновременно чувства протеста, мучительной любви и сострадания. Он считал Его «самым благородным человеком», чистым, как дитя («простецом»), для которого жизнь как опыт противилась любым формулам и догматам, а доказательством силы были внутренние вспышки света, духовное самоутверждение. Ницше сетовал, что рядом с Иисусом не было «своего Достоевского», который «сумел бы воспринять волнующую прелесть такой смеси тонкости, болезненности и ребячливости» [4, с. 48].

Предвосхищая ницшевское антихристианство, Достоевский устами своих героев вопрошал Бога об онтологической сущности человеческих ценностей. Мучительный вопрос: «Если Бога нет, значит, все позволено?» разрешался, в конечном счете, преодолением скепсиса и единением с непостижимым могуществом нравственного абсолюта.

Ницше не случайно обращался к Достоевскому с его тонким психологизмом и мощным надрывом в описании человеческих страстей и страданий, в размышлениях о добре и зле, преступлении и наказании. Обоих мыслителей мучительно притягивала и отталкивала непостижимость божественного промысла, который в человеческом сознании мог обретать форму произвола. «Вплоть до Ницше и Достоевского, – подчеркивал А. Камю, – бунтарская мысль обращается только к жестокому своенравному божеству, которое без всякого убедительного довода предпочитает жертву Авеля дарам Каина, и тем самым провоцирует первое в истории убийство. Достоевский в воображении, а Ницше на деле безгранично расширяют поле бунта, и предъявляют счет самому богу любви» [3, с. 142].

Иную позицию в данном вопросе занимал В. Розанов, которого называли «русским Ницше». Ставя единичное неизмеримо выше всеобщего, Розанов, как и Ницше, утверждал абсолютную ценность жизни и воспевал ее природную силу. В современном христианстве он видел обезличенную догму, утратившую живой нерв сокровенного таинства и угнетающую человека апокалиптическими перспективами бытия. В поисках виновника нигилистического мировосприятия Розанов обратился к истокам христианства и сделал парадоксальное умозаключение: выбор Иисусом Христом безгрешности, то есть пассивного умозозерцания, явился источником нигилизма: «Не нужно мира. Не нужно вообще «ничего»... Нигилизм. Ах, так вот где корень его!» [5, с. 31].

Отметим, что вывод Розанова о так называемой «пассивности» Христа как корне нигилизма весьма полемичен: «Ничто» Христа в контексте розановских рассуждений и «Ничто» нигилизма имеют разную смысловую окраску. Нигилизм основывает свою позицию на смерти Бога; «Ничто» нигилизма отвергает не только ценности обывательского сознания, но и метафизические ценности Абсолюта.

О нравственном недуге российского общества писали также С. Франк и Н. Бердяев, воспринимавшие отказ от Бога как отречение от традиций просвещенного человечества. Отвергая расхожее представление об аде, Н. Бердяев писал, что рай невозможен для него, если его близкие будут в аду, если в аду будут Беме как еретик, Ницше как антихрист, Аристотель и Гете как язычники, грешный Пушкин: «Уж если я столь многим обязан Аристотелю или Ницше, то я должен разделить их судьбу, взять на себя их муку, должен освободить их из ада. Нравственное сознание началось с Божьего вопроса: «Каин, где брат твой Авель?» Оно

кончится другим Божьим вопросом: «Авель, где брат твой Каин?» [1, с. 237]. Светлая жертвенность означала для Бердяева ту очистительную силу, которая способна преодолеть колдовское насилие апокалипсиса.

Далее идея богооставленности нашла оригинальное преломление в творчестве представителей русского символизма – Д. Мережковского, Л. Андреева, А. Белого и др. Тоска по утраченному Богу здесь умело пряталась под маской просвещенного декадентства.

Таким образом, русские философы-ницшеанцы, пытавшиеся ответить на «проклятые вопросы» Достоевского, прошли путь от экзистенциально насыщенного нигилизма до изысканного декаданса. Бросив вызов утилитарным ценностям современности, они аккумулировали негативный европейский опыт в соответствии с потребностями собственного менталитета.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. О назначении человека / Н. А. Бердяев. – М.: Республика, 1993. – 384 с.
2. Достоевский Ф. М. Записки из подполья // Ф. М. Достоевский. Полн. собр. соч.: В 30 т. – Т. 5. – Л.: Наука, 1973. – С. 99-179.
3. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство / А. Камю: пер. с фр. Общ. ред, сост. и предисл. А. М. Руткевича; ред. Д. М. Носов. – М.: Политиздат, 1990. – 415 с. – (Мыслители XX века).
4. Ницше Ф. Антихристианин // Сумерки богов. Ф. Ницше, З. Фрейд, Э. Фромм, А. Камю, Ж. П. Сартр / Пер. А. Михайлов, В. Биbihин, А. Яковлев, А. Руткевич, А. Санин. – М.: Политиздат, 1989. – С. 17-93.
5. Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени / В. В. Розанов. – М.: P.S., 1990. – 62 с.
6. Франк С. Л. Русское мировоззрение // С. Л. Франк. Духовные основы общества. / Сост. и авт. вступит. ст. П. В. Алексеев. – М.: Республика, 1992. – С. 471-500.

УДК 130.2

РУССКАЯ КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ ПОСТМОДЕРНА

Клименко А.Б., канд. филос. наук,
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
aleks_klim09@bk.ru

Сегодня понятие Русский мир широко употребляемо. Это словосочетание звучит в СМИ, его активно используют в науке и публицистике. Очевидно, что понятие Русский мир – это куда более широкое явление, чем пространство людей, проживающих в России. Это пространство всей русской культуры.

Соответственно русский мир – это нечто большее, чем территория, очерченная границами России. Сейчас необходимо описать Русский мир и с точки зрения его наполнения, и с точки зрения вызовов стоящих перед ним, особенно вызовов духовных.

Наше время – это время по большей части материального и экономического мировосприятия. В результате этого общество замечает только материальные угрозы: экономические, военные, политические.

Однако, если народ духовно деградировал, то собственно его даже не надо уничтожать – он сам себя уничтожал и сам собой исчезал. Все мировые империи пали в силу духовного разложения. Так пали: «вечный» Рим, тысячелетняя Византия. Все они исчезли не под натиском врага, а под влиянием разложения элиты, которая есть продукт разложения всего общества.

Какие духовные вызовы стоят перед Русским миром? Прежде всего, вызов брошен всем духовным ценностям, и особенно, традиционным религиям. Идеологическим выражением этого вызова сегодня является постмодернизм, который поставил во главу угла идею «казаться, а не быть», которая выражается, начиная со «вкуса идентичного натуральному», «эффект присутствия» вместо самого присутствия. Если ранее человечество ставило перед собой вопросы «верно ли это?», «чему это служит?» теперь задается вопросами – «можно ли это продать?», «эффективно ли это?». Современная техника развивается не с целью «познания истины», а с целью увеличить производительность.

Французский мыслитель Жан Лиотар определил постмодерн как кризис метасценариев (великих проектов, великих сценариев). В своей работе «Состояние Постмодерна» он замечает, что в наше время существует скептицизм к мета-нарративам, т.е. крупным доктринам (например, исторический прогресс, познаваемость всего наукой, возможность абсолютной свободы). Современные люди стали больше понимать несовместимость стремлений, разнообразие жизни, поэтому макро-нарративы как бы распадаются на множество микро-нарративов. Нарративы характеризуют вполне определенный тип дискурса данной эпохи. Нарративы бывают: легитимирующие (обосновывают политический строй и законы), языческие (обыденная жизнь, коллективы, семья). Дискурс – мета-нарратация, его роль заключается в создании и поддержании «социальной мифологии» для удобства управления. Утрата легитимности макро-нарративами есть основная особенность времени постмодерна. Так по Лиотару утратили легитимность либерализм, который обещал избавить человечество от бедности и привести его к богатству и материальному процветанию, полагаясь на прогресс науки и техники. Марксизм, провозгласивший путь освобождения трудящихся от эксплуатации и отчуждения через революцию и всеобщий труд. Еще ранее, по его мнению, потеряло легитимность просвещение, которое стремилось

освободить человечество от невежества и деспотизма в прогрессе разума, который должен был обеспечить построение общества, основанного на идеалах гуманизма – свободе, равенстве и братстве. Эту же участь постиг и гуманизм, символом краха гуманизма, по мнению Лиотара, выступил Освенцим. Не намного лучшей представляется участь прогресса. Сначала прогресс незаметно уступил место развитию, а сегодня и оно все больше вызывает сомнение. Та же участь, по мнению Леотара, постигло и христианство, которое говорило о спасении человека от вины за первородный грех силою любви, обещая установить "царство Божие" на земле. Однако здесь с Леотаром можно поспорить хотя бы в том что, согласно евангельскому концепту «царство Мое не от мира сего» и государство видится христианством не как строитель «царства Божего» на земле, а как предохранитель от построения на земле «ада».

Исходя из последнего тезисы об утрате легитимности христианством, надо понимать, что вызов брошен православию. Двухтысячелетнее духовное наследие, которого, пытаются свести к проблеме стяжательства в среде отдельных представителей духовенства. Не менее страшный вызов брошен и Исламу, все наследие которого пытаются свести к формуле «все террористы – мусульмане».

Казалось бы, двадцать первый век, при чем тут религия, человечество пришло к мысли, что существование Бога недоказуемо, и данную тему можно сбросить с корабля современности и сформулировать те же моральные ценности уже как внерелигиозные. Однако, культура всегда формируется вокруг культа (религиозного, личности или потребления), поэтому каков культ такова и культура, таковы и ценности, приоритеты, идеи и смыслы которые она артикулирует. В современных условиях для сохранения национальных государств и национальных культур придется возвращаться к религиозным основам общества породившего данную культуру.

Вторая проблема - эпохи постмодернизма, называемой эпохой «последолга» [4, с. 117], эпохой «морали без этики» [1, с. 17-20] это проблема сохранения и развития общечеловеческих ценностей. Это крайне болезненная тема не только для России, но и для всего мира. Все чаще поднимается вопрос, существуют ли вообще общечеловеческие ценности, не химера ли это, ибо ценностные ориентиры цивилизаций достаточно различны. При этом и сами по себе общечеловеческие ценности во многом интуитивны и мы вряд ли сможем где-либо найти некий перечень этих самых ценностей, с которыми бы согласились все ныне живущие.

На сегодняшний день всему человечеству под названием общечеловеческих ценностей навязываются культура и ценности различного рода меньшинств. Значит, сегодня общество должно суметь отстоять общечеловеческие ценности. А почему это так важно для России?

Сохранение истинных ценностей для России имеет огромное значение. Начиная от внутреннего единства и заканчивая лидерством

России на международной арене – этого невозможно достичь без работы над ориентирами и нравственными качествами каждого отдельного русского человека. Над идеей русского мира неоднократно задумывались писатели и деятели искусства, среди которых был Ф.М. Достоевский. В знаменитой пушкинской речи писатель отмечал: «Будущие грядущие русские люди поймут уже все до единого, что стать настоящим русским и будет именно значить: стремиться внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей русской душе, всечеловечной и всесоединяющей, вместить в нее с братскою любовью всех наших братьев» [3, с. 148].

Таким образом, задача народа и каждого человека в отдельности – сохранить то ценное, русское, передать его, а не забыть, не подменить западными идеалами. В погоне за лучшим все же оставаться человеком – русским, нравственным, духовным.

Список литературы

1. Бауман З. [Bauman Z.] Life in Fragments: Essays on Postmodern Morality. – Лондон: Блэкуэлл, 1995.
2. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляция. – Тула, 2013.
3. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 т.: т. XXV. – Ленинград: Наука, 1984.
4. Липовецкий Дж. [Lipovetsky J.] Le crépuscule du devoir. – Париж: Галлимар, 1992.

УДК 316.33

РАЗВИТИЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ В УСЛОВИЯХ ДЕСТРУКЦИИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Колованов А.В., преподаватель

ГОО ВПО «Донецкий национальный медицинский университет

им. М. Горького», г. Донецк

kolovanov.a@mail.ru

Развитие современного образования ставит свои актуальные проблемы обучения и воспитания подрастающего поколения. Исторический аспект проблемы основных традиционных и нетрадиционных принципов духовно-нравственного воспитания раскрывается в процессе становления общественных и индивидуальных ценностей.

Целью данной статьи выступает обоснование принципа коллективности как формы реализации духовно-нравственного воспитания с учетом деструкции этнической идентичности молодежи ДНР.

Так, концепция воспитания, разработанная И.П. Ивановым на принципах культуросообразности, природосообразности и христианского гуманизма, ориентирована на духовно-нравственное становление и развитие личности воспитанника. В последующем развитии вопроса в основу педагогики легли принципы развивающего и воспитывающего характера обучения, принцип научности, связи обучения с практикой, систематичности и последовательности, доступности, наглядности, прочности. В современном российском образовании в «Концепции духовно-нравственного воспитания личности гражданина России» под редакцией А. М. Кондакова, А. Я. Данилюка [1] приоритетными считают принципы воспитания духовно-нравственных ценностей в общей системе содержания образования: приоритет и создание технологий воспитания, их ориентированность на деятельностный характер обучения школьника.

Определенный вклад в развитие данного вопроса внёс В.М. Меньшиков [4]. Учитывая современные требования к воспитанию личности, он достаточно глубоко разработал в своих трудах нетрадиционные принципы воспитания. По мнению учёного, педагогическая деятельность в образовательных учреждениях должна быть направлена на выявление основных принципов, методов и форм воспитания, которые рассматриваются личностью как стремление к **нравственному идеалу**. Следуя заданной цели, необходимо соблюдать целесообразный порядок воспитания, придерживаться свода правил, которые легли в содержательную основу принципов организации православной педагогики.

Принцип коллективизма, объединения общественного сознания вокруг нравственных и духовных идеалов общества, может выступать как один из методов воспитания подрастающего поколения.

Одной из центральных проблем развития коллективизма является механизм трансформации этничности, а именно, причины, условия и функции осознанной деструкции этнической идентичности.

Этничность, как особое устойчивое эмоционально-психическое переживание групповой солидарности, формируется на основе биосоциального единства, развивается в процессе социализации, проявляется в межгрупповом взаимодействии в форме противопоставления «своих» и «других» в этносоциальном пространстве и выполняет жизненно необходимые для живой системы (отдельного индивида, группы, общества) функции межсубъективного, внутри- и внешнегруппового ориентирования [3].

Одной из главных характеристик этнической идентичности является пластичность: человеку свойственно стремиться управлять своей этнической идентичностью, модифицировать ее в зависимости от разных параметров ситуации, в которую он оказывается вовлеченным. Индивид может осознанно манипулировать своей этничностью и таким путем стремиться достичь определенного общественного положения, целей, влияния.

Утрата этнической идентичности может привести к негативным последствиям для идентичности человека в целом, когда возникает ощущение «Я – никто, безлик и безымянен». Это характерно для воспитанников детских домов, сразу попавших туда после рождения. [5].

Данная мысль в большей степени согласовывается с умозаключениями Льва Выготского о конфликте этносов и выработке негативного мироощущения при потере (деструкции) собственной этнической идентичности [2]. Актуальным выступает в психологическом ключе отобразить данное явление в виде явлений, ментальных процессов и состояний личности и сознания. Одной из таких систем выступают высшие психические процессы, и в первую очередь, творческого мышления, включающиеся в условиях наличия деструктивного действия, таких как страх, тревога, гнев, комплекс неполноценности и т.д.

Подрастающее поколение Донецкой Народной Республики, воспитанное на идеалах украинского государства, как раз и попало под воздействие осознанной деструкции этнической идентичности.

В образовательной среде прививались идеалы прозападного цивилизационного мира, решающего задачи активной перестройки сознания подрастающего поколения, в сфере протекающих глобализационных процессов. Однако с целью эффективного функционирования в двух культурах субъект нередко прибегает к построению разных моделей поведения, через включение/выключение отдельных идентификаторов, таких как язык, общая территория происхождения, соблюдение традиций и т. п.

Таким образом, используя нетрадиционный принцип коллективности в формировании духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения и проявления его в механизме пластичности этнической идентичности поможет перестроить систему ценностно-мировоззренческих представлений ребенка.

Принятие явления деструктивной манипуляции этнической идентичностью подрастающего поколения Донецкой народной республики позволит эффективней построить саму воспитательную работу.

Духовно-нравственное воспитание необходимо выстраивать способом формирования нравственного идеала поведения. Выявлять общность идей нашего общества и олицетворять его в образе, на примере конкретной личности.

Деструкция этнической идентичности подрастающего поколения будет проявляться в поведении молодежи ДНР. Наложение опыта двух суперэтносов будет порождать «химеру» деструктивного характера. Необходимо помнить специфику подросткового и юношеского характера, проявляющегося в максимализме, его акцентуации, поэтому еще не раз мы встретим противостоящее, девиантное поведение среди молодежи, идущее в противоположность с общественными идеалами ДНР, что

подчеркивает актуальность идеологической работы с молодежью, построенной на принципах гуманизма.

Одной из такой программ может выступать модель поэтапного формирования гражданина ДНР, включающие непрерывное развитие духовно-нравственных ценностей на всех этапах образовательного процесса, от дошкольного до высшей профессиональной школы, с учетом принципа коллективности, то есть идентичности общественных ценностей с прививаемыми.

Список литературы

1. Данилюк А.Я., Кондакова А.М., Тишков В.А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. – М.: Просвещение, 2009. – 23 с.
2. Шнирельман В. А. Лев Гумилёв от «пассионарного напряжения» до «несовместимости культур» // Этнографическое обозрение, 2006, № 3, с.8-21.
3. Пластичность этнической идентичности // Антипьева И.А. *Vaikal Research Journal*. – 2013. – № 3. – С. 27.
4. Меньшиков В. М. Принципы духовно-нравственного воспитания. URL: // <http://www.portal-slovo.ru> (дата обращения: 11.03.2017).
5. Социальная антропология: учебное пособие / Т. Н. Брысина. – Ульяновск: УлГТУ, 2013. – 235 с.

УДК 2-6

НУЖНА ЛИ РЕЛИГИЯ ЧЕЛОВЕКУ ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ИЛИ МИРОВОЗЗРЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Комисова Е. И., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
azazel2788@mail.ru

По Зигмунду Фрейд, религия является формой сублимации, переносом негативного воздействия подсознания, следствием подавления половых инстинктов. Карл Юнг изучал повторяющиеся архетипические символы в религиозных ритуалах, связывая их с равнозначным опытом в психике. Рада Грановская подчеркивала позитивную функцию веры, выделяя в религиозном человеке особенную потребность в общении. Карл Маркс обвинял религию в том, что она оковывает человека, паразитирует на нём, указывает «рабу на его цепи» [1, 2].

На протяжении веков религия меняла свой статус и силу в структуре общественного сознания. История знает множество кровавых конфликтов на религиозной почве. Это исламский фундаментализм, деятельность известной всем со школьной скамьи инквизиции, противостояние между

католиками и протестантами в Ирландии, войны на Святой земле. Наконец, это гонения на религию в СССР.

Человек третьего тысячелетия так или иначе сталкивается с разными проявлениями религиозного мировоззрения. Вне зависимости от того, воцерковлен он или нет. Ходит в храм на Пасху, каждое воскресенье или даже не крещен. Люди слышат звон колоколов или призыв муэдзина к молитве, проходят мимо церквей или синагог, сталкиваются с религиозными символами в литературе, кинематографе, просто заходя в интернет. О религии, мифологии, сектах рассказывают на занятиях по философии, социологии, культурологии, религиоведению. Однако какую роль играет религия в жизни современной молодежи? Какое мировоззрение характеризует студента начала XXI века на постсоветском пространстве? Какой выбор совершают люди, только вступившие во взрослую самостоятельную жизнь – жить по законам, прописанным в Библии или Коране, опираться только на разум и достижения научно-технического прогресса или выбирать свою, «философскую», по мнению Карла Ясперса, веру.

Автором был проведен анонимный опрос среди 21 студента с целью выявить, насколько современная молодежь воцерковлена, насколько студенты осведомлены о роли и функциях религии. Результаты анкетирования представлены на рис. 1 и 2.

Считаете ли Вы себя религиозным человеком?		
<u>Из 21 человека</u>		
10 человек	10 человек	1 человек
Относят себя к атеистам	Отметили, что были крещены в раннем детстве, однако церковь не посещают	Ответил, что постоянно посещает церковь и соблюдает религиозные каноны

Рис. 1. Показатели воцерковленности

Нужна ли, по Вашему мнению, религия современному студенту		
15 человек	4 человека	2 человека
Отметили, что религия нужна, она дает человеку надежду, моральную силу, учит не совершать плохие поступки и любить ближнего	Считают, что религия не нужна, она отжила себя как форма общественного сознания, господствующая, когда природные закономерности могли быть объяснены только посредством воздействия потусторонних сил	Ответили, что религия нужна, но не всем

Рис. 2. Необходимость религии

Следует отметить, что 80 процентов опрошенных – девушки. Можно резюмировать, что большая часть современной молодежи конкретно для себя не видит в религии никакой необходимости. В устных беседах автор смог отметить, что молодые люди относятся к религиозным организациям негативно, приводят в пример поведение церковнослужителей, противоречащее религиозным канонам, обогащение церкви за счет верующих, негативную деятельность сект. Также имеют место конфликты и противоречия с родителями. Старшее поколение нередко выражает не компромиссную позицию, а выбирает за своих детей, во что им верить и как, порицают, если те отказываются посещать с ними церковь или участвовать в религиозных праздниках, таинствах, соблюдать пост. Подавляющее большинство студентов в устной беседе выразило мысль, что человек третьего тысячелетия должен опираться только на разум, на достижения научно-технического прогресса, а вера в потусторонние силы губительна, потому что она сковывает человека и делает зависимым не от законов государства или здравого смысла, а от «эфемерных» религиозных канонов и наставлений священнослужителей. В противовес современным «материалистам» и «воинствующим атеистам», несколько человек выразили мысль, что религия необходима и важна, поскольку поддерживает, пусть иллюзорно, человека в те периоды жизни, когда наука, медицина и законы не могут помочь, что религиозные каноны – это сдерживающий фактор, который для многих работает действеннее, чем общественная мораль. Абсолютное большинство сошло во мнении, что вера и религии – это разные вещи, поскольку верить можно, не посещая церкви, синагоги, молельные дома, не принимая участия в богослужениях.

Можно сделать вывод, что современный студент склонен к материализму и атеизму. Утрата духовных ценностей, нигилизм, приоритет материального блага были спровоцированы современной массовой культурой с её повсеместной компьютеризацией, мощными механизмами манипуляции общественным мнением и тиражируемой мифологией, в которой господствует развлекательный характер и примитивизм в стандартах жизни, в которой человек будущего должен передвигаться на летающих автомобилях, полностью отказаться от печатного слова в пользу электронных источников информации.

Список литературы

1. Аринин Е. И. Религиоведение (Введение в основные концепции и термины): учеб. пособие. М.: Академический проект, 2004. – 407 с.
2. Кулаков А. Е. Материалы курса «История религий в России: методическое сопровождение»: лекции 1–4. – М.: Педагогический университет «Первое сентября», 2010. – 88 с.

НЕПРИМИРИМЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ «МИНСКОГО ФОРМАТА». ЧТО ДАЛЬШЕ?

Коновалов А.Г., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
konovalov.1957@mail.ru

Подписанный в Минске, по предложению президента Российской Федерации В.В. Путина, договор между республиками и Украиной неоднозначно восприняли как в ЛДНР, так и в Украине. «Минский формат» – это не только проблема отношений территорий бывшей Украины и Центра, после Киевского переворота, это, прежде всего, площадка для разрешения существующих противоречий Российской Федерации и Запада.

Только военные провалы Киева по уничтожению ЛДНР вынудили Запад, в лице Франции и Германии, поддержать инициативу В.В. Путина, несмотря на введенные против России санкции, по урегулированию конфликта между Киевом и Донбассом.

«Минский формат» – это компромисс между Европой и Российской Федерацией по урегулированию возможных угроз и проблем со стороны бывшей Украины. «Минский формат» – это:

1. стремление Российской Федерации, Германии и Франции перевести военное противостояние в политико-правовую сферу;

2. есть попытка вернуть Киев в политико-правовое поле отношений территорий, в данный момент Донбасса, и Киевского Центра через внесение изменений в Конституцию основных прав и полномочий региона, его граждан с остальными территориями;

3. это «замораживание», приостановка «Русской Весны» со стороны России. А также невозможность дипломатического признания ЛДНР, пока действует соглашение;

4. есть способ переформатировать государство Украина на выгодных России и Западу основаниях через линию цивилизационного разграничения по причине признания того, что Украина есть несостоявшееся государство;

5. возможность использовать «перемирие» в своих интересах.

Подписанный главами ЛДНР документ дал республикам:

1. политическую субъектность;

2. дипломатическую победу, т.к. подписанная Киевом политическая часть договоренностей предполагает и изменение территориального устройства, и изменение политического режима;

3. уменьшение интенсивности обстрелов и боевых действий;

4. успешное госстроительство;
5. восстановление разрушенного и социально-экономическое строительство;

6. ЛДНР – это ориентир для других территорий и возможность помочь им со стороны республик.

Все подписанты «Минского формата», как мне представляется, понимали его невыполнимость и временность, но этот договор давал возможность снизить накал противостояния, военного, в первую очередь, не только между республиками и Украиной, но и Российской Федерацией и Западом после присоединения Крыма к России.

Но главная проблема «Минского формата» была в том, что он не учитывал в полной мере интересы основных геополитических игроков:

1. Главного спонсора и организатора переворота в Киеве – Соединенные Штаты Америки;

2. Народа Донбасса, который считает себя частью России, а не Украины, которая создавалась изначально как Анти-Россия, и таковой стала;

3. Пришедших, в результате государственного переворота, к власти людей, которые по законам Украины являются преступниками, и они об этом хорошо знают;

4. Русских людей, независимо от национальности, в самой России.

Видимо «Минский договор» и «Минский формат» еще какое-то время будут использовать в политических целях, но юридически и договор, и формат «мертв». Как только на бывшей Украине приняли ЗАКОН, по которому Россию из гаранта соглашения сделали агрессором, оккупировавшим Крым и Донбасс, а Запад воспринял данный закон с пониманием и только, говорить о «Минском формате» – себя обманывать. Теперь на очереди денонсация «Большого договора о дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Украиной», о чем уже официально заявили в Киеве. Даже то, что денонсация этого «Большого договора» делает притязания Киева на Крым, Донбасс и Новороссию юридически необоснованными, не останавливает ни Киев, ни Запад. Для тех, кто организовал переворот, процветающая Украина не нужна. Их цель – разрушение России, а Украина для них только территория, создающая для Российской Федерации проблемы и возможное военное противостояние.

Убийство Киевскими террористами главы ДНР Александра Захарченко окончательно развеяло иллюзии Минских договоренностей.

Что дальше? В большой политике учитывать интересы других, безусловно, надо, но не за счет России и русских. Раньше или позже придется признать, что:

1. Киевский режим является преступным, представляющим угрозу не только ЛДНР, но и России;

2. Денонсировать признание режима Порошенко, пришедшего к власти после госпереворота;
 3. Определить новый статус ЛДНР;
 4. Разморозить «Русскую Весну» как фактор восстановления исторической справедливости и чаяния людей;
 5. Денонсировать «Большой договор о дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Украиной», аннулировав тем самым признание по изменениям административных границ внутри СССР, за счет территории России (Крым, Донбасс, вся Новороссия);
 6. Закрыть искусственно созданный проект «Украина как Анти-Россия»;
- Русские своих не бросают. Пора от слов переходить к делу.

УДК 141.2

КОНЦЕПЦИИ ВОЙНЫ В АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ

Коробов-Латынцев А.Ю., канд. филос. наук.

Донецкое высшее общевоинское командное училище ВС ДНР, г. Донецк
a.k-l@mail.ru

Древнегреческие философы уделяют немало внимания рассмотрению проблемы войны. Так, уже досократик Гераклит Эфесский онтологизирует войну как верховный принцип бытия, имеется в виду знаменитый фрагмент F 53: «Раздор – отец всех общих, / И всех общих царь, / И одних богами объявляет он, / А других – людьми, / Одних рабами сотворяет он, / Других свободными» [1, 166]. Другой сохранившийся фрагмент Гераклита гласит: «Без Розни исчезло бы всё» (D 51) [1, с. 102]

Интересные соображения о войне сквозь призму смерти мы находим у другого философа античности Плотина в третьей Эннеаде: "И когда люди – существа смертные – направляют оружие друг против друга, сражаясь в прекрасно устроенных рядах, они делают это играя в своих военных танцах, откуда явствует, что се дела человеческие – всего лишь детские игры; сражения возвещают нам, что смерть не есть что-то ужасное, что те, кто умирают в войнах и сражениях – всего лишь предвосхищают смерть, которая приходит в старости» [8, с. 150-151].

Однако античные философы не только рассуждают о войне, война затрагивает самую их жизнь. Так, ученик Сократа Ксенофонт был не только философом, но и военнотружущим, и оставил после себя мемуары под названием «Анабасис», где он описывает поход десяти тысячного греческого войска под его командованием [2].

В диалоге «Пир» Платон устами Алкивиада рассказывает о доблести Сократа во время сражения (220E): «В той битве, за которую меня наградили военачальники, спас меня никто иной, как Сократ, не захотев бросить меня, раненного, он вынес с поля боя и мое оружие, и меня самого» [3, с. 181]. И затем во фрагменте 221 а-с Алкивиад рассказывает о том, как мужественно вел себя Сократ при отступлении афинского войска.

Концепция войны Платона вызывает особый интерес. Годы взросления приходятся на Пелопонесскую войну (431 – 404, годы жизни Платона: 427 - 347), которая по своему значению и по своим геополитическим последствиям сравнима для Древнего мира в мировой войной. Платон много размышляет о войне в таких диалогах, как «Государство» [7], «Менексен» [5], «Тимей» [6], «Законы» [4] и др.

Тему «Платон о войне» исследователи поставили уже давно. Так, английский исследователь Анджела Гоббс задается вопросом о платоновском государстве, может ли оно развиваться каким-нибудь другим образом, кроме как через войну? «If one does have to choose between a peaceful life without philosophy and a war-prone life with it, which life should win?» – спрашивает исследователь. [9, с. 176] Ссылаясь на отрывок 66с диалога «Федон», исследователь утверждает, что ответ на вопрос, как Платон смотрит на войну, прост, поскольку большинство персонажей говорят о войне в негативном ключе. Так, в указанном отрывке Сократ говорит о том, что подлинный философ должен отрешиться от тела, с которым связаны все страсти и искушения: «Тело наполняет нас желаниями, страстями, страхами и такой массой всевозможных вздорных призраков, что, как говорится, - верьте слову, из-за него нам совершенно невозможно о чем бы то ни было поразмыслить! А кто виновник войн, мятежей и битв, кто иной, как не тело и его страсти? Ведь все войны происходят ради стяжания богатств, а стяжать их нас заставляет тело, которому мы по-рабски служим. Вот по всем этим причинам – по вине тела – у нас и нет досуга для философии» (Федон, 66 С, D). Исследователь приводит также и другие отрывки из платоновских диалогов, где персонажи высказываются в негативном ключе о войне (например, Государство 378 в-с, 547e – 548a и др.). Однако подобные оценки войны в платоновских диалогах не представляют собой в полной мере платоновский взгляд на войну. Платоновское отношение к войне более сложно и не исчерпывается высказываниями персонажей его диалогов.

У платоновского отношения к войне есть не только чисто этическое, но также гражданское измерение. Так, в диалоге «Тимей» Сократ критикует тот набросок полиса, который он сделал в Государстве. Платон говорит устами Сократа: «Мне было бы приятно послушать описание того, как это государство ведет себя в борьбе с другими государствами, как оно достойным его образом вступает в войну, как в ходе войны его граждане совершают то, что им подобает, сообразно своему обучению и

воспитанию, будь то на поле брани или в переговорах с каждым из других государств» [6, с. 500]. В Тимее есть также знаменательный отрывок, характеризующий отношение к войне у философов и у софистов, с которыми Платон всю жизнь вел борьбу: «Что касается рода софистов, я, разумеется, всегда считал его весьма искушенным в составлении разнообразных речей и в других прекрасных вещах, но из-за того, что эти софисты привыкли странствовать из города в город и нигде не заводят собственного дома, у меня есть подозрение, что им не под силу те дела и слова, которые свершили и сказали бы в обстоятельствах войны, сражений или переговоров как философы, так и государственные люди» [6, с. 500]. В обстоятельствах войны философы, по Платону, поддерживают свой полис своими речами, тогда как софисты, персонажи негативные, не имеющие своего полиса и странствующие по разным городам, к таким словам поддержки не способны.

В Законах Платон пишет о перманентной войне (625–626): «Все это у нас приспособлено к войне, и законодатель, по-моему, установил все, принимая в соображение именно войну. Он заметил, я думаю, неразумие большинства людей, не понимающих, что у всех в течение жизни идет непрерывная война со всеми государствами. Ибо то, что большинство людей называет миром, есть только имя, на деле же от природы существует вечная непримиримая война между всеми государствами» [4, 78]. Далее Платон рассуждает не только о войне между государствами, но и о перманентной войне, которую человек ведет с самим собой (626–627): «Все находятся в войне со всеми как в общественной, так и в частной жизни и каждый – с самим собой... И здесь тоже, чужеземец, победа над самим собой есть первая и наилучшая из побед. Быть же побежденным самим собой всего постыднее и хуже. Это и показывает, что в каждом из нас происходит война с самим собой» [4, с. 79].

Платоновская философия войны, таким образом, представляет собой сложную развивающуюся систему с многочисленными измерениями: этическим, гражданским, онтологическим и др.

Список литературы

1. Гераклит Эфесский: все наследие: на языках оригинала и в рус. Пер.: крат. Изд. / Подгот. С.Н. Муравьев. – М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2012. – 416 с.
2. Ксенофонт. Анабасис. Греческая история. – М.: ООО «Издательство АСТ»: «Ладомир», 2003. – 641 с.
3. Платон. Пир // Избранные диалоги. / Пер. с греч., сост., вступ. ст. и коммент. В. Асмуса. – М.: Издательство «Художественная литература», 1965. – 441 с.
4. Платон. Законы. Послезаконие. Письма. – СПб.: Наука, 2014. – 518 с.
5. Платон. Менексен // Платон. Ион, Протагор и другие диалоги. /Отв. Ред., сост. проф. Я.А. Слинин. – СПб.: Наука, 2014.
6. Платон. Тимей [электронный ресурс] URL: <http://psylib.org.ua/books/plato01/27timei.htm>

7. Платон. Государство / пер. с древнегреч. А.Н. Егунова. Вступ. Ст. Е.Н. Трубецкого. Коммент. В.Ф. Асмуса. Примеч. А.А. Тахо-Годи. – М.: Академический проект, 2015. – 398 с.
8. Плотин. Третья Эннеада / Пер. с древнегреч. Т.Г. Сидаша; Вступ. ст. Т.Г. Сидаша и Ю.Д. Сухова. – СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2004. – 480 с.
9. Angela Hobbs. Plato on war. // *Maieusis. Essays on Ancient Philosophy in Honour of Myles Burnyeat*. Edited by Dominic Scott. Oxford University press. 2007. – P. 176 – 195.

УДК 351.74

К ВОПРОСУ СТАНОВЛЕНИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ДОНБАССА: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ ВЗГЛЯД

Краснонос Е.Ю., канд. юрид. наук, доц.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
eu.kr@yandex.ua

Введение. В результате октябрьских событий 1917 года в стране сложилась чрезвычайно сложная социально-политическая ситуация. Как и в любой переломный исторический период, это время характеризовалось ожесточенной политической борьбой, при которой использовались самые радикальные формы противостояния, вплоть до экстремизма и террора. Заметно ухудшилась и криминальная обстановка. Пользуясь временным бездействием государственных органов, а позже и безвластием, преступные элементы беспрепятственно и открыто промышляли грабежом и разбоем, умудряясь списывать все это на определенные политические нужды.

Актуальность исследования определяется тем, что в современной науке нет единого мнения об организационно-функциональной сущности ВЧК и ее органов, а среди ученых ведутся активные научные диспуты на этой почве. Исследование организационно-правовых основ деятельности, правовой природы, статуса чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией в системе органов государственной власти Донбасса, позволит ответить на ряд научных проблем.

Целью исследования является анализ становления органов государственной безопасности Донбасса в 1918 г. Освещаются задачи вновь созданного органа государственной безопасности и его организационная структура.

Результат. 20 декабря 1917 года была организована Всероссийская Чрезвычайная Комиссия (ВЧК) при Совете народных комиссаров. Основной ее задачей являлась борьба с контрреволюцией и саботажем.

11 июня 1918 года на Всероссийской конференции Чрезвычайной Комиссии было принято положение о ЧК на местах. На основе данного

документа, при каждом областном, губернском, уездном совете из лиц, преданных делу революции и советской власти, создавались Чрезвычайные Комиссии.

3 декабря 1918 года декретом Временного рабоче-крестьянского правительства была создана Всеукраинская чрезвычайная комиссия (ВУЧК), наделенная полномочиями осуществлять борьбу с политическим экстремизмом, саботажем, со спецслужбами противника, осуществлять охрану государственной границы, участвовать в восстановлении народного хозяйства, борьбе с голодом и детской беспризорностью. Особо важным направлением деятельности ВУЧК определялась борьба с уголовными преступлениями в стране, в том числе и на территории, временно занятой Добровольческой армией генерала Деникина.

16 декабря 1918 года в г. Мариуполь состоялась партийная большевистская конференция, на которой было принято решение о создании подпольной Чрезвычайной Комиссии. Деятельность подпольной ЧК оказала большую помощь военному командованию в организации разгрома белой гвардии в Приазовье. В Донецкой губернии в то время действовали сотни банд, которые насчитывали по несколько сотен человек, вооруженных артиллерией, пулеметами, а также удобными для различных маневров тачанками.

29 марта 1919 года была создана Донецкая губЧК. первым председателем которой стал С. Васильченко. По состоянию на 1 ноября 1921 года Донецкая губЧК находилась в городе Бахмут. Ее возглавлял возглавлял К.М. Карлсон.

После окончания гражданской войны и ликвидации внешних фронтов, полномочия органов ЧК стали шире, их деятельность была перенаправлена с чисто военной сферы в сферу восстановления хозяйственного порядка. Ссылаясь на терминологическую лексику того времени, оперативную деятельность ВУЧК можно описать так: разгром бандитизма; разгром польских шпионских организаций; разгром врангелевских, петлюровских, повстанческих и савинковских организаций; разгром анархо-махновцев; борьба с хищением угля; борьба с повреждением транспорта.

В отчете о деятельности ВУЧК в 1922 году важное место занимал вопрос восстановления крупных промышленных районов, и, прежде всего, Донбасса. В феврале 1921 года в Донбасс приезжает комиссия под руководством Ф.Э. Дзержинского, целью которой являлось воплощение в жизнь реальных мер по повышению добычи угля и усилению заготовок леса. С февраля по май 1921 года в регионе работали особые совещания, в результате деятельности которых уровень хищения топлива сократился с 30 % до 1-2 %.

В связи с дальнейшим укреплением советской власти, на основании решений 9-го Всероссийского съезда советов от 28 декабря 1921 года и постановления ВЦИК от 6 февраля 1922 года ВЧК была реорганизована в

Государственное политическое управление (ГПУ). Деятельность его структур была направлена на важнейшие в то время проблемы: борьбу с контрреволюцией и бандитизмом; борьбу со шпионажем; охрану железнодорожных и водных путей сообщения; охрану государственной границы; борьбу с контрабандой.

В связи с образованием 30 декабря 1922 года Союза ССР на базе ГПУ создается Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) при СНК СССР с теми же функциями, которые существовали в ГПУ.

28 марта 1924 г. Президиум Центрального исполнительного комитета (ЦИК) СССР утвердил новое Положение о полномочиях ОГПУ в части административных высылки, ссылки и заключений в концентрационные лагеря людей, обвиненных в контрреволюционной деятельности, шпионаже, контрабанде, спекуляции золотом и валютой.

В апреле 1930 года в составе ОГПУ было создано управление лагерями, реорганизованное в октябре этого же года в Главное управление лагерями (ГУЛАГ).

Рассматривая непосредственную деятельность сотрудников органов государственной безопасности Донбасса, следует выделить, легендарное имя, которое прославило школу донбасских чекистов - Дмитрий Медведев. В Сталинском управлении Д. Медведев работал в 1920-е годы. Через много лет, о жизненном подвиге этого человека будут писать романы, диссертации и снимать кинофильмы. Вот что, в частности, отмечено в энциклопедии «Великая Отечественная война 1941–1945 гг.»: «Медведев Дмитрий Николаевич (1898–1954), один из руководителей партизанского движения, Герой Советского Союза, полковник, писатель, чл. КПСС с 1920 года. Участник гражданской войны. С 1920 г. чекист в органах ВНК, ОГПУ, НКВД в ССР [1, с. 205].

Широко известным стал еще и другой наш земляк - чекист - Андрей Павлович Федоров. Он родился в 1888 году в селе Мангуш Мариупольского уезда в крестьянской семье, с 1920 года в органах ВЧК. В 1922 г. Федорова, перевели в центральный аппарат, где перед ним была поставлена задача прекратить деятельность возглавляемого Борисом Савинковым «Союза защиты Родины и свободы». Федоров неоднократно по заданию ГПУ выезжал в Париж к Савинкову, а также встречался с активистами его организации. Выдержав все проверки польской контрразведки, Федоров способствовал вывозу Савинкова из-за границы на территорию СССР.

Среди первых чекистов Донбасса выделяется группа орденосцев, получивших правительственные награды за активное участие в операциях против вооруженных банд: Николай Васильевич Русинов, Иван Иванович Виталин-Орлов, Яков Владимирович Кривопаляцев, Лука Семенович Наседкин и др.

В заключении стоит отметить, что вышеизложенное свидетельствует о том, что становление органов государственной безопасности Донбасса прошло достаточно сложный путь, объективно отражая характер и динамику масштабных социально-политических и правовых процессов советского общества в XX века. Однако следует отметить, что на всех этапах развития службы чекисты достойно преодолевали трудности во имя исполнения своего ратного долга.

Список литературы

1. О. М. Голембиовская, В. В. Ерохин, В. И. Аверченков. История развития системы государственной безопасности России: учебное пособие. — М: Флинта, 2011. — 485 с.
2. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 6. Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. — М.: Кучково поле, 2013. — 864 с.

УДК 351.74

ИЗ ОПЫТА ПАРТНЕРСТВА СОВЕТСКИХ ОРГАНОВ МИЛИЦИИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ ДОНБАССА: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Краснонос Ю.Н., канд. ист. наук, доц.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
ur.kr@yandex.ua

Введение. Ключевым признаком гражданского общества является защита конституционных прав и свобод человека, выступающая своеобразным критерием цивилизованности государства. В этой связи исследование вопросов участия граждан в социально-политической деятельности, осуществлении общественного контроля в системе властных полномочий достаточно **актуально**, позволяя выявить специфику формирования механизма социально-правового партнерства общественности и отечественных правоохранительных органов как важного элемента демократизации советского общества.

Целью исследования является изучение теоретических аспектов правового обеспечения деятельности добровольных народных дружин, привлекаемых органами внутренних дел Донбасса к охране общественного порядка.

Результат. Проблемы активного и массового привлечения представителей общественности и трудовых коллективов к сотрудничеству с отечественными милицейскими подразделениями получили достаточно широкое освещение в трудах советских ученых, оценки и выводы которых

при этом отличаются высокой степенью субъективизма и идейно-политической направленностью [1].

Тема координации усилий правоохранительных органов и общественных институтов привлекает внимание и современных исследователей, отражая определенную преемственность организационно-правовых традиций данного социального явления [2].

Первые организационно-правовые шаги, связанные с привлечением общественности к охране общественного порядка осуществляются еще в начальный период формирования Советского государства. Так, в 1928 году по инициативе трудовых коллективов в Москве, Ленинграде, Харькове возникают первые добровольные общества содействия милиции (ОСОДМИЛ), которые совместно с представителями правоохранительных органов осуществляли патрулирование улиц, охрану заводского имущества, выполняли административные и социально-профилактические функции. Это была первая единая форма массового участия населения в охране общественного порядка. Добровольные общества направлялись местными органами власти и действовали совместно с аппаратом Народного комиссариата внутренних дел (НКВД).

Деятельность данных добровольных структур трудящихся не была систематической и эффективно организованной. В связи с этим постановлением Совета Народных Комиссаров РСФСР от 29 апреля 1932 года «О реорганизации обществ содействия органам милиции и уголовному розыску в бригады содействия милиции» указанная форма привлечения граждан к охране общественного порядка подвергается организационным изменениям. Отныне бригады содействия милиции (бригадмилы) создавались непосредственно при органах милиции, участвуя в проведении оперативно-розыскных мероприятий, в патрулировании улиц, дежурстве на постах. В 1937 году согласно общесоюзной статистике бригады содействия милиции насчитывали в своих рядах более 350 тысяч граждан [3].

В послевоенное время именно бригадмиловское движение выступает своеобразной кадровой и организационной основой создания добровольных народных дружин (ДНД).

В 1956 году после XX съезда КПСС начинается новый этап взаимодействия правоохранительных структур с советской общественностью, появляются новые формы и методы совместной правоохранительной деятельности.

После принятия в 1958 году «Основ уголовного законодательства СССР и союзных республик» и утверждении 28 декабря 1960 года Верховным Советом СССР Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов, вступивших в силу 1 апреля 1961 года, в стране активизировалась разработка законодательных проектов, направленных на повышение роли общественности в борьбе с нарушениями общественной

законности. Так, Президиум Верховного Совета Украинской Советской Социалистической Республике (УССР) своим постановлением «Об усилении борьбы по укреплению социалистической законности» (1958 год) обязал местные Советы депутатов трудящихся обеспечить привлечение широкой общественности к участию в укреплении законности и правопорядка.

Новой формой привлечения трудящихся к сотрудничеству с милицией на рубеже 50-60-х годов XX века становятся добровольные народные дружины по охране общественного порядка (ДНД), которые впервые создаются в Ленинграде в начале 1958 года. Призыв ленинградцев быстро распространяется по всей стране. Первые добровольные народные дружины на территории УССР возникают в декабре 1958 года на крупных промышленных предприятиях городов Енакиево и Горловка Сталинской области.

Общественный почин трудовых коллективов Донбасса приобретает общереспубликанский характер. Приоритетными направлениями деятельности дружинников в это время выступают: охрана общественного порядка путем патрулирования улиц, общественных мест совместно с представителями милицейских подразделений, осуществление некоторых оперативно-розыскных, профилактических и административных мероприятий [4].

Правовым закреплением статуса движения ДНД в УССР стало постановление ЦК КПУ и Совета Министров УССР от 8 июня 1961 года «Положение о добровольных народных дружинах по охране общественного порядка в Украинской ССР» [5].

В **заключении** стоит отметить, что советские общественные формирования, с момента своего зарождения, внесли заметный вклад в охрану социалистического правопорядка и законности, выступив на долгие годы действенным социальным партнером для правоохранительных органов.

Список литературы

1. Роль общественности в укреплении советского правопорядка / П.П. Михайленко (отв. ред.)- К., 1961. – 139 с.; Борьба с преступностью в Украинской ССР. – К.; 1967. – Т.2. – 952 с.
2. Милиция Украины: исторический очерк, портреты, события / Ю.А. Смирнов, П.П. Михайленко. – К., 2002. – 888 с.; Кравченко Ю.Ф. Милиция Украины. – К., 1999. – 431 с.
3. Александров Ю.В., Воронин Б.А., Гельфанд И. А., Кузнецов В. А., Куц Н.Т. Из истории милиции советской Украины / по ред. П.П. Михайленко. – К., 1965. – С. 48.
4. История Донецкой милиции. – Д., 2000. – С. 370-371.
5. Положение о добровольных народных дружинах по охране общественного порядка в Украинской ССР. Постановление Центрального Комитета КПУ и Совета Министров Украинской ССР 8 июня 1961 г. // Сборник постановлений и распоряжений Правительства Украинской ССР. – № 6. – С. 47.

РЕЦЕПЦИЯ ИДЕИ КОНВЕРГЕНЦИИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ: МОДЕЛЬ ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ПРЕДИКТОРА

Лустин Ю.М., аспирант

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

lustin56@mail.ru

Введение. Актуальность темы исследования определяется: во-первых, необходимостью актуализации содержания философской рецепции в типологическом познании конвергентной составляющей социокультурной среды (Ю.С. Безбородов, А.В. Рогова, В.Н. Фурс). Во-вторых, потребностью в диалектическом анализе интеграционных противоречий современности в новой парадигме предикторной характерности, связанной с многополярным миром (М.В. Антонов, Л. Газуда [6], А.Г. Дугин, В.Г. Калюжный, Т.Ф. Маслова [4], В.В. Перская).

Основная часть. Идея конвергенции, в дескрипции социокультурной рациональности, определяет преобладающую направленность к сближению различных субстратных и субстанциональных характеристик объектов реальности в тенденции их последующего синтеза. В социуме, по определению Н.З.Алиевой, «конвергентность в широком смысле представляет переплетение, взаимодействие и взаимопроникновение различных сфер общества, в результате которого возникают новые синергийные эффекты, приводящие к бурным трансформациям научно-технологического и социального развития общества...» [1, с. 2].

Типологические аспекты социокультурной интеграции фокусируют интенсивность взаимосвязей и взаимоотношений между объектами и субъектами культурной социальности на основе сравнительного сходства социально-экономического строя, общности мировоззренческих идеалов, идейных целей, морально-нравственных ценностей, региональных интересов, культурно-бытовых традиций различных социальных групп, индивидуальных членов полиэтничных сообществ.

Модель типологического предиктора, в диалектико-конструктивном аспекте методологической данности, конкретизирована моментами прогностической концептуализации, которая определена векторной направленностью социокультурного формата «от конверсии к интеграции». В контексте философской рецепции и предикторного опыта культурно-исторической интеграции, применительно к жизнедеятельности индивида, типологическая модель самосовершенствования качеств личности выражена: а) в антропо-онтологическом отношении – факторами социально-культурного *принятия* и индивидуально-психологического

приобретения субъектом типологического познания конвергентных идей культурно-исторической интеграции в темпоральных модусах своего бытия; б) в культурно-когнитивном дискурсе – конкретизацией идентичности человека, ориентированной на персонализированный стиль его жизнетворчества, который тождествен с идеалами, ценностями, традициями определенной социальной группы. В типологии социокультурной среды индивидуальная идентичность – это совокупность конвергентных характеристик, сообщающих субъекту *качество* единственности и уникальности. Тогда как, социальная идентичность – это интегративный *результат* идентификации (отождествления) качественной определенности индивида с культурно-историческими идеалами социальной общности; в) в логико-гносеологическом аспекте – способностями личности в познавательном *восприятии* объектологической предметности социального мироустройства и рефлексивном *преобразовании* содержания интеллектуального потенциала человека в истинное проявление его гуманистических и инновационно-деловых компетенций цивилизационного порядка.

Конструктивная совокупность этих составляющих имеет предикторный формат схождения и предполагает самоидентификацию типологического потенциала личности в конкретной организационно-политической данности (национальное *государство*) и антропологической определенности (национальная *культура*). В этой связи, приоритетными направлениями социокультурной интеграции культурно-исторических обществ и их индивидуальных членов являются:

1) Социально-экономическое. Определяет сближение производственных инфраструктур, сектора различных услуг, научно-конструкторских тем и бизнес-проектов регионов как факторов перспективного создания кластерных территорий роста на основе NBIC-конвергенции (нано-, био, инфо- и когнитивные технологии).

2) Духовно-мировоззренческое. Генерализирует разработку очевидных интеграционных стратегий социокультурной значимости, сближающих государства (регионы) и актуализирующих конвергентные образы жизнедеятельности человека в аспекте аксиологической соотнесенности с общесоциальными идеями. Цель направления – развитие креативной жизнестойкости личности к вызовам современности, которая ориентирована «на собственные внутренние стандарты» [2, с.94].

3) Культурно-образовательное. Основопологает развитие технологий веб-ориентированного обучения, современных культурологических моделей коннективизма (Л.В. Гуреева, Н.А. Кузьмина), дигитализации (цифровизации), педагогической персонологии, парагогики (Дж. Корнели, Д. Джеффри), направленных на осознанное проявление идейно-нравственных, морально-деловых свойств субъекта типологического познания и практики. Типология образовательного

контента важна для понимания человеческого развития в предикации его внутренних субъективных координат как определенных ключевых конструктов сравнительного познания, конкретизирующих социокультурные пути интеграционного самоопределения личности (Г.И. Ларионова, Ю.В. Силиванова, М.Е. Попов). Прогностическая составляющая возможностей совместного мирного развития (сосуществования) индивидуумов, социокультурная консолидация всех личностных ресурсов, по мнению некоторых исследователей, определяет выбор каждым человеком своей интегрированной стратегии жизненного пути, которая «включает субъективную идентификацию, построение когнитивной и жизненной перспектив» [3, с. 333].

Заключение. Различные социокультурные тенденции конвергентного характера определены особенностями своей интеграционной направленности, имеющей предикторный характер. Философская рецепция одновременно отражает всеобщий социокультурный дискурс векторного общественного развития «от конвергенции к интеграции» и в своем конструктивном установлении конкретизирует типологическую модель самосовершенствования качеств личности, которая детерминирована триединством интегративного формата схождения антропо-онтологической, культурно-когнитивной и логико-гносеологической составляющих.

Список литературы

1. Алиева Н.З. Конвергенция в контексте концепций инновационного развития общества / Н.З.Алиева // Современные проблемы науки и образования, 2012.– № 6. – С. 1-8.
2. Водяха С.А. Креативность студентов как предиктор психологического благополучия и жизнестойкости / С.А.Водяха // Педагогическое образование в России, 2015. – № 3. – С. 94-99.
3. Сергиенко Е.А., Лялина И.А. Субъективный возраст как предиктор поведения / Е.А.Сергиенко, И.А.Лялина // Человек, субъект, личность в современной психологии: материалы Международной конференции, посвященной 80-летию А.В.Брушлинского / отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А.Сергиенко – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.– Т.1.– С.333-335.
4. Маслова Т.Ф. Социокультурная интеграция как социальный процесс / Т.Ф. Маслова // Известия ТРТУ, – 2006. – № 13 (68). – С.275-279.
5. Дегтярев Д.А., Рогова А.В. Рецепция в контексте культурологического подхода / Д.А. Дегтярев, А.В.Рогова // Ученые записки ЗабГУ, 2013. – № 5 (52). – С. 29-34.
6. Gazuda.L. Development management of territorial economic systems under integration and convergence conditions // Baltic journal of economic studies. – 2015. – Vol. 1. № 2. – P. 23-27.

ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ТЕОРИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ

Мареева И. В., преподаватель

ГОО ВПО «Донецкий национальный медицинский университет
им. М. Горького», г. Донецк
innamareeva2014@gmail.com

Понятие лингвистической относительности является одним из центральных в этнолингвистике, отрасли языкознания, изучающей взаимоотношение языка и культуры, философии. Впервые учение об относительности или релятивизме возникло на рубеже XIX – XX вв. на основе релятивизма как общеметодологического принципа, который нашел свое выражение в естественных и гуманитарных науках, где данный он был трансформирован в гипотезу о том, что ментальные представления человека, которые, как известно, способны изменяться под влиянием языковых культур и систем, определяют чувственное восприятие действительности. Это происходит благодаря тому, что в любом языке, а следовательно, и в любой культуре, сконцентрирован исторический опыт носителей данного языка и культуры, а ментальные представления различных носителей могут не совпадать.

Попытка осмыслить язык и его активную формирующую роль относительно системы мышления была предпринята в лингвистике И. Гердером и В. Гумбольдтом. К примеру, И. Гердер полагал, что язык формирует, а поэтому в определенной степени ограничивает мыслительный процесс, поскольку мы мыслим посредством языка, а язык, прежде всего, – говорение. Поэтому каждый народ говорит так, как он мыслит, и мыслит так, как он говорит. Согласно Гердеру, язык является не только орудием, но и шаблоном науки, он определяет границы и контуры человеческого познания. [2, с. 32].

В работах последователей Гердера, а также В. Гумбольдта и представителей неогумбольдтианского направления данная идея перерастает в идеалистическую концепцию языка как проявления деятельности «духа народа». Подобно Гердеру, Гумбольдт поддерживает мысль о том, что мировоззрение содержится в каждой языковой системе и что язык является творческой силой, которая формирует способ мышления определенного этноса или языковой группы.

Кроме Гердера, на философские воззрения Гумбольдта повлияли также некоторые идеи из ранних произведений Канта, Гегеля, поэтому в его философии языка столь сильно подчеркивается субъективный фактор в познании, активная роль языка в познавательной деятельности людей. [3, с. 370].

Также Гумбольдт пытался определить специфическую роль языка в создании человеком картины мира, утверждая, что отдельные элементы языка означают не сами предметы, а понятия, которые образуются в процессе языкотворчества. Человек либо народ посредством языка создает свой особый мир, объективизирующийся в этом языке. В языке народа преломляется внешняя действительность.

Неогумбольдтианская школа в лице И. Трира, Я. Вейсгербера, Г. Ипсена, В. Порцига и др. возродила и продолжила разрабатывать идеи В. Гумбольдта.

Научное понятие лингвистической относительности ведет свое начало от работ основателей этнолингвистики – американского антрополога Франца Боаса, его ученика Эдварда Сепира и ученика последнего Бенджамена Уорфа. В той наиболее радикальной форме, которая вошла в историю лингвистики под названием «гипотезы Сепира – Уорфа» и стала предметом продолжающихся и поныне дискуссий, гипотеза лингвистической относительности была сформулирована Уорфом, а точнее, приписана ему на основании ряда его утверждений и эффектных примеров, содержащихся в его статьях. На самом деле эти утверждения Уорф сопровождал рядом оговорок, а у Сепира подобного рода категорических формулировок не было вообще.

Представление Боаса о классифицирующей и систематизирующей функции языка основывалось на тривиальном, на первый взгляд, соображении: число грамматических показателей в конкретном языке относительно невелико, число слов в конкретном языке велико, однако тоже конечно, число же обозначаемых данным языком явлений бесконечно. Следовательно, язык используется для обозначения классов явлений, а не каждого явления в отдельности. Классификацию же каждый язык осуществляет по-своему. В ходе классификации язык сужает универсальное концептуальное пространство, выбирая из него те компоненты, которые в рамках конкретной культуры признаются наиболее существенными.

В русле концепции Гумбольдта свое движение начали и авторы гипотезы лингвистической относительности Эдвард Сепир и Бенджамин Уорф.

В основу положения американских языковых теоретиков легли две основные идеи. Первая основывается на том, что язык, являясь общественным продуктом, представляет лингвистическую систему, в которой мы воспитываемся и мыслим с детства. Вследствие этого, не прибегнув к помощи языка, мы не в состоянии в полной мере осознать действительность, при этом язык выступает не только вспомогательным средством для разрешения некоторых частных проблем общения и мышления, но наш мировоззрение бессознательно выстраивается нами на основе языковых норм.

Вторая мысль заключается в том, что в зависимости от условий жизни, общественной и культурной среды различные группы могут иметь разные языковые системы. Нельзя сказать, что существует два настолько похожих языка, о которых можно было бы утверждать, что они выражают аналогичную общественную действительность. Миры, в которых живут различные общества либо этносы являются различными не только внешне, но и внутренне. Объясняя влияние языка на процесс познания,

Сепиром был введен термин «несоизмеримость» (incommensurability) языков. несоизмеримость языков выражается в том, что содержание культурного опыта по-разному фиксируется в языковых системах отдельных языков, которые предоставляют своим носителям не совпадающие пути осмысления мира и способы его восприятия.

Развивая и конкретизируя теорию Сепира, Уорф апробировал ее на конкретном материале, знакомясь с языком и культурой хопи. В результате своих исследований Уорф формулирует принцип лингвистической относительности, который становится центральным пунктом гипотезы Сепира – Уорфа. Человек расчленяет природу в направлении, которое подсказывает ему его родной язык. Мир предстает перед человеком как калейдоскоп впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, т. е. главным образом – языковой системой, хранящейся в нашем сознании. Человек расчленяет мир, организует его в понятия и распределяет его значения определенным образом в основном потому, что является «участником соглашения, предписывающего подобную систематизацию» [1, с. 138]. Другими словами, сходные физические явления позволяют создать сходную картину мира только в случае сходства или, по крайней мере, при соотносительности языковых систем.

Среди русских исследователей гипотезы можно выделить работы Г. А. Брутяна, В. А. Звегинцева. Из числа зарубежных сторонников гипотезы можно назвать Г. Хойджера, Г. Трейджера, Ч. Волегена, Ф. Саунсбери, Дороти Ли, Д. Гаймса, которые, являясь антропологами и этнолингвистами, сами занимались исследованием языков индейских племен. На XIV Международном философском конгрессе в Вене в 1968 году различные аспекты рассматриваемой теории послужили темой докладов и выступлений Г. А. Брутяна, А. Шаффа, Е. Шпехта, Е. Риверсо.

Гипотеза Сепира-Уорфа надолго пережила своих создателей, до сих пор являясь ценным источником в лингвистических и философских исследованиях.

Список литературы

1. В. Whorf, Language, Thought and Reality, New-York, 1956. 276 p.
2. Гердер И. Г. Трактат о происхождении языка. М.: ЛКИ, 2007. 156 с.
3. Гумбольдт Вильгельм фон. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. 452 с.

КУЛЬТУРНО-ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ТРАДИЦИЙ ДЕТОРОЖДЕНИЯ

Марюхнич М.Т., аспирант

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
m-patriot@mail.ru

Современные тенденции снижения темпов рождаемости являются угрозой для нации и чреваты глубинными потрясениями, социальными сдвигами, проблемами этнического замещения. Исследование данной проблемы следует вести не только с социально-экономической точки зрения. Данная проблема нуждается в пристальном исследовании с философски-культурологической точки зрения.

В контексте угасания религиозности и упадка традиционной морали, сохранение высоких показателей рождаемости можно отметить разве что в среде верующих семей. Смещение ценностных приоритетов и чувства сакрального в сферы материального, отмены идеи небесного бессмертия, не привели к желанию умножать биологическое, родовое бессмертие. Поэтому можно предположить, что национальная проблема снижения рождаемости и методы ее повышения, лежат в духовной, культурно-идеологической плоскости, отражающей социальные нормы и видение мира народа.

Забвение религиозной традиции и веры в Бога приводит к девальвации понятия «памяти о смерти», что выражается в вытеснении траура и ритуалов подготовки к смерти из социальной жизни, что отмечает Ж. Бодрийяр [1, с. 234]. Обществу интересна смерть, как чрезвычайное происшествие, но не интересуется смерть, как логическое завершение жизни. Между отношением к смерти и отношением к воспроизводству новой жизни существует непосредственная связь. Акцент современной культуры делается на молодость и зрелый возраст, потребление и получение удовольствий, что выносит тему смерти и деторождения за границы бытового дискурса, и табуизирует их. Развернувшаяся в XX веке сексуальная революция снимает запрет на секс, и вводит его на смерть, но, по мнению Ж. Бодрийяра, запрет на смерть парадоксальным образом переполняет субстанцией смерти жизненную канву с еще большей силой: «Когда ее упорно смывают и стирают, то она, бывает, распространяется на все в жизни. Наша культура сплошь гигиенична – она стремится очистить жизнь от смерти» [1, с. 315]. Смерть вытесняется из «символического обмена», как некогда секс.

В данных условиях деторождение также изымается из процесса «символического обмена», и перестает быть ценностью традиции. Важно отметить то, что на заре европейской истории в античном мире

воздержание являлось условием стяжания власти мудростью, сходное понимание воздержания от удовольствий было в христианскую эпоху, удовольствия являлись сферой греха и гибели. Деторождение являлось единственным смыслом сексуальных отношений. Антично-традиционное отношение к сексуальности в полной мере сохранилось в иудаизме и исламе в сводах правил и законов, однако В.В. Розанов полагал, что христианство вносит в половые отношения аскетизм, из которого следуют суровые, «лунные» нормы брачной жизни, отличающиеся от «солнечного» ветхозаветного отношения к половой жизни [2, с. 23].

Русские культурные коды исследуются А.И. Музыкантским и И.Г. Яковенко – последователями теории А.С. Ахиезера о бинарной, противоречивой сущности русской культуры в контексте манихейно-гностического мировоззрения носителей русской культуры. В частности, согласно данной теории, гностическая составляющая придает русскому сознанию мироотречный колорит, выразившийся в профанации женской природы, что провоцировало массовые психозы в форме кликушества, гомосексуализм и скотоложство вплоть до XVI века [3, с. 164]. Следуя данной культурно-онтологической тенденции, русская утопическая философия в контексте преодоления женского начала, как силы, виновной в бытии человека, говорит устами Н. Бердяева и В. Соловьева о преодолении женской природы путем создания вечно девственного андрогинного существа [4, с. 178].

Естественный в традиционном обществе процесс деторождения в условиях прогрессивной механистической парадигмы вычеркивает смерть и рождение из социального дискурса. Гностическая мироотреченность русской культурной традиции в данной обстановке отдаляет человека от сакральных смыслов, что грозит исчерпанием сакрально-традиционных мотиваций стимулирования уровня воспроизводства нации. Данные тенденции говорят о назревающем духовном кризисе, который может повлечь переосмысление ценностных установок в сакральном, либо материалистическом ключе, что должно явиться необходимым ответом на поставленный вызов текущего культурно-исторического этапа.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. 2-е изд. М. : Добросвет : КДУ, 2006. – 389 с.
2. Розанов В.В. Люди лунного света. Метафизика христианства – М.:Дружба народов, 1990. – 304 с.
3. Яковенко И.Г., Музыкантский А.И. Манихейство и гностицизм: культурные коды русской цивилизации. – М.: Русский путь. 2011. – 320 с.
4. Осипович Т.Е. Победа над рождением и смертью, или Женофобия русской утопической мысли на рубеже XIX–XX вв. // Общественные науки и современность. – 1998. – № 4.

К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ ОРГАНОВ ПОЛИЦИИ

Матвиенко Е.А., канд. юрид. наук
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
e_matvienko@mail.ru

Введение. Построение любого государства как правового требует наличие демократического государственного аппарата и института государственной службы. Это касается и служебно-трудовых отношений работников органов внутренних дел. Для формирования корпуса полицейских профессионалов, необходимо усовершенствование существующих механизмов социального обеспечения работников полиции. В таких условиях, вполне обоснованным необходимо признать обращение к историческому опыту решения проблем установления и реформирования правового статуса работника полиции как служащего государственного органа власти.

Так, вопросы определения правового статуса работников полиции особенно активно пытались решить руководство Украинской ССР еще в 20-х гг. XX в.

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что в 1920-х гг. НКВД УССР оставался республиканским наркоматом. Именно поэтому в нормативно-правовом регулировании правового статуса его служащих, в том числе и работников милиции, можно проследить не только общесоюзные закономерности. И научную ценность представляет определение степени влияния общесоюзного законодательства на установление правового статуса работников милиции УССР.

Цель исследования заключается в том, чтобы на основе анализа законодательных и других нормативно-правовых актов, историко-правовой и исторической литературы определить задачи и место полиции в УССР в 20-х гг. XX в.

Для того, чтобы определить место полиции в системе органов государственной власти, необходимо четко представлять структуру органов управления ею, полномочия центрального и местных управлений по руководству соответствующими подразделениями органов внутренних дел. Именно от внутреннего подчинения органов полиции во многом зависели права и обязанности каждого должностного лица.

Для исследования используются следующие **методы**: общенаучные – анализ, синтез, индукция, дедукция. Принципы: объективности, аксиологического подхода.

Нормативно-правовой основой планомерного и системного создания органов милиции на территории УССР был Декрет Совета Народных Комиссаров УССР «Об организации милиции» от 9 февраля 1919,

который СНК поручал Народному комиссариату внутренних дел УССР сформировать подразделения милиции на местах [1].

Вследствие отсутствия в указанном законодательном акте норм по структуре органов управления милицией НКВД УССР издал инструкцию «Об организации советской рабоче-крестьянской милиции УССР» от 23 марта 1919, согласно которой, милиция находилась в непосредственном ведении местных советов и подчинялась общему руководству Народного комиссариата внутренних дел Украинской ССР. В каждом уезде организовывалась уездная милиция. Все губернские и более значительные по населенности города могли иметь свою отдельную организацию органов правопорядка с разрешения управления советской милиции НКВД УССР [2, с. 108].

Таким образом, главным было управление советской милиции, которое имело статус подотдела НКВД УССР, которому подчинялись губернские управления милиции, и были подотделами губернского исполнительного комитета.

На местном уровне была уездная милиция и милиция отдельных городов. Управление советской милиции НКВД УССР выполняло функции по общему руководству деятельностью милиции, издание приказов и инструкций, определяющих как политическую, так и техническую сторону деятельности правоохранителей и осуществляло надзор за деятельностью подчиненных ему подразделений.

Постановлением НКВД УССР «О создании Главного управления советской рабоче-крестьянской милиции НКВД УССР» от 30 марта 1920 предусматривалось создание названного управления под руководством НКВД УССР. В состав Главного управления входили такие виды милиции, как общая, железнодорожная, речная, морская и уголовно-розыскная [3, с. 128].

Таким образом, уже к началу 1924 г. нормативно-правовыми актами высших органов власти УССР была определена структура и штаты губернских и окружных управлений милиции и розыска.

Изменение административно-территориального деления УССР в середине 20-х гг. XX в. вызвало реорганизацию аппарата милиции: ликвидированы губернские управления милиции, установлено новую структуру районных органов управления милицией. В соответствии с Постановлением СНК УССР от 25 августа 1928 в составе райисполкома создавались административно-милицейские участки, к компетенции которых относились административное и военное управление, управление милицией и уголовным розыском.

Необходимо отметить, что милиция УССР в указанный исторический период существовала в определенных общественно-политических условиях, которые непременно влияли на нормативно-правовое закрепление статуса ее работников.

На основании изложенного можем сделать вывод, что во второй половине 1920-х гг. уже существовала сравнительно упорядоченная

система органов управления милицией, где Главное управление милиции и розыска НКВД УССР выполняло функции общего руководства, а окружные управления милиции и розыска осуществляли соответствующие функции районных отделений.

В заключение, отметим, что в основу структуры и штатов органов управления милицией в УССР в 1920-х гг. положены принципы построения органов управления милицией НКВД РСФСР. Нормативно-правовыми актами высших органов власти УССР штатное расписание окружных управлений милиции и розыска и их структурные подразделения были определены в начале 1924, а структура и штаты районных административно-милицейских участков - только в 1928 г. Отметим, что достаточно частые изменения в структуре и штатах центральных и местных органов управления милицией не способствовали своевременному определению в ведомственных актах НКВД УССР и Главного управления милиции НКВД УССР прав и обязанностей каждого должностного лица милиции.

Список литературы

1. Про організацію міліції: Декрет Ради Народних Комісарів УСРР від 9 лютого 1919 р. // Збірник узаконень Робітничо-селянського уряду України. – 1919. – № 7 – Ст. 96.
2. Про організацію радянської робітничо-селянської міліції УСРР: Інструкція НКВС УСРР від 23 березня 1919 р. // Михайленко П. П. Історія міліції України в документах і матеріалах (1917–1953 рр.): у 3 т./ П. П. Михайленко, Я. Ю. Кондратьєв. – К. : Генеза, 1999. – Т. 1: 1917–1925 рр. – С. 108.
3. Про створення Головного управління радянської робітничо-селянської міліції: Постанова НКВС УСРР від 30 березня 1920 р. // Михайленко П. П. Історія міліції України в документах і матеріалах (1917–1953 рр.) : у 3 т. / П. П. Михайленко, Я. Ю. Кондратьєв. – К. : Генеза, 1999. – Т. 1: 1917–1925 рр. – С. 128.
4. Про організацію відділу карного розшуку: Постанова Ради Народних Комісарів УСРР від 3 квітня 1920 р. // Михайленко П. П. Історія міліції України в документах і матеріалах (1917–1953 рр.) : у 3 т./ П. П. Михайленко, Я. Ю. Кондратьєв. – К. : Генеза, 1999. – Т. 1: 1917–1925 рр. – С. 131.

УДК 071+471

КАТЕГОРИИ «ПРАВО» И «МОРАЛЬ» В РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Миргородский А. А., канд. филос. наук
ГОО ВПО «Донецкая академия внутренних дел МВД ДНР», г. Донецк
Mirgorodskiy87@mail.ru

Как известно, философия есть только там, где есть возможность выбора мировоззрения, где есть свобода. Философия не знает правильных

ответов, но она требует аргументированных ответов, т.е. учит аргументации решений.

Мораль и право представляют собой две универсально значимые категории, которые всегда находятся в отношении взаимодополнительности. Право – это совокупность признаваемых в данном обществе нормативов равенства и справедливости, регулирующих борьбу и согласование свободных волей в их взаимоотношении друг с другом. В свою очередь, мораль – нравственное учение, правила для воли и совести человека, борьба конфликтующих ценностных структур – добра и зла. Мораль – система ценностей и регуляторов человеческого поведения, возникших на основе представлений о добре и зле.

Существуют различные системы морали, связанные с различными культурами. При этом высшая моральная ценность – это жизнь. В основе морали как явления культуры могут лежать различные начала. На любви к Богу и ближнему построена христианская мораль, которая становится выражением ценностей коллективизма и универсализма, как, например, в русской культуре.

Решение задач разграничения морали и права предполагает следующий сценарий. По мнению философов русского религиозного ренессанса, зло, с которым человек соприкасается в мире, живет в нем самом: это воля к господству. Библейская заповедь «Возлюби ближнего, как самого себя» призывает к борьбе против эгоцентрических начал, за признание ценности другого «я», к любви, которая должна обновить человека [4, с. 50]. На первый план выносятся не «справедливый» приговор, закон, а сострадание с учетом перманентной греховности каждого человека [4, с. 51]. При этом одних лишь внешних изменений недостаточно, чтобы гармония в мире была возможна. Необходимо согласованное единство между волей Божией и волей людей.

Проблема соотношения морали и права в русской религиозной философии решается в сторону сближения этих понятий [1].

Трактовка права с религиозно-философской позиции принадлежит выдающемуся русскому философу Владимиру Сергеевичу Соловьёву (1853–1900). В русле идеалистического подхода к объяснению действительности В.С. Соловьёв полагал, что естественное право – это общая идея права, в основе которой лежат понятия «личность», «свобода» и «равенство». В целом, В.С. Соловьёв рассматривал право как условие нравственного прогресса. В русле этой же концепции излагал свои философско-правовые взгляды великий русский мыслитель Николай Александрович Бердяев (1874–1948). Персоналистское кредо Н. А. Бердяева гласит: личность – это самоценность и самоцель; нет ничего выше личности.

Дальнейшие поиски связаны с проблемой нахождения точек соприкосновения морали и права. В целом, категория морали в русской религиозной философии связана с вниманием и уважением к человеческой

личности, добрым отношением ко всему живому, которое зиждется на естественном праве.

Список литературы

1. Еремин А.А. Отец Александр Мень. Пастырь на рубеже веков. – М.: «Carte Blanche», 2001. – 496 с.
2. Илюшенко В.И. Отец Александр Мень: жизнь и смерть во Христе. – М.: «Пик», 2000. – 496 с., ил.
3. Мень А.В. Быть христианином (интервью и последняя лекция) / Составитель Марк Макаров. – М.: Anno Domini, 1994. – 32 с.
4. Мень А.В. Сын Человеческий. – М.: Фонд имени протоиерея Александра Меня, 1998. – 256 с.
5. Мень А.В. Читая Апокалипсис. Беседы об Откровении святого Иоанна Богослова. – М.: Фонд имени Александра Меня, 2000. – С. 246.

УДК 165.191

ДИГИТАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ И АНТРОПОЛОГИЯ РОБОТОВ

Мирный А.А., аспирант,

Андреева Т.А., д-р филос. наук, проф.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

1c12@mail.ru

В состоянии, когда онтологические исследования становятся затруднительными, проводится *философская инвентаризация* сущего и всего в него включенного. Антропологические интересы стоят сразу после онтологии и логики. Современный *философский кейс* о человеке включает в себя исследования техники вместе с человеком. Вопрос человека о том, кто он такой волновал его всегда, но он приобрёл новые перспективы, когда появилась достойная альтернатива человеку и дисциплина оптики данного вопроса – *антропология роботов*.

Идея искусственного создания впервые упомянута в древнегреческом мифе о Кадме, также есть другой известный миф о Пигмалионе и оживлённой скульптуре Галатеи. Само слово «робот» появилось в художественной литературе, придумано писателями Карелом и Йозефом Чапеками в 1920 году.

Уже тогда возникает основание для вопроса: может ли творение быть лучше своего создателя? Нас волнует в роботах то, что в них мы находим что-то более живое чем сам человек. Очень примечателен в этом отношении диалог робота и человека из фильма «Прометей» 2012 года:

- Зачем вы меня создали?

- Потому что могли.

- Удовлетворил бы вас такой ответ вашего Создателя?

После этих слов робот, который сам назвал себя Давидом, в честь библейского героя, ставит над своим собеседником-человеком биологический эксперимент, который превращает его в некое ужасное существо, которое в итоге погибает. Позже робот Давид возомнит себя Богом и будет пытаться создать новую жизнь, таким образом продемонстрировав нам не только несостоятельность понятия искусственности, но и диалектический характер антропологии. Похожесть на человека, подражание ему, тест на человека. Какой человек настоящий? Антропология возникает когда есть основания полагать некий набор категорий сходный с таковыми у человека и первой из таких категорий является сознание.

«Увидимся на той стороне...», – говорит робот идущий на смерть. Живой робот. Он не просто знает, что живёт, он также знает или верит в то, что есть ещё что-то большее чем сама жизнь, которая помещена по ту сторону всего живого. Казалось бы смерть для робота это просто ущерб, некий *утиль существования* за которым ничего нет, но все оказывается не так. Добровольно идя на смерть, вот так просто, без приказа, без сожаления, он становится более живым чем человек. Робот будто исповедник Бога идёт на встречу к Нему с радостью.

Робот не может причинить вред человеку, заботится о нем - забота есть любовь и бытие по Хайдеггеру. Терминатор из одноимённого фильма и робот Бишоп из киносаги «Чужие» приносят себя в жертву, тем самым нарушая второй пункт Закона робототехники. Что заставляет его делать это? О чем он думает в этот момент? «Тебя починят», - говорит Рипли раненному роботу Бишопу. Он отвечает: «Я всего лишь дорогой тостер». Он рефлексит себя иначе чем человек, у него нет той гордыни и чувства исключительного. Но, важнее то, что для него смерть не является чем то ужасающим, он идёт на неё со смирением, чётко зная свое предназначение. Человек же всегда сомневается, не зная зачем он здесь. Он демонстрирует некий *онтологический инфантилизм*. Делёз, подчёркивая эту черту, даже вводит шизоида вместо субъекта, называет человека «машина желаний».

Возьмём, к примеру, такие «условные понятия» как: *личность, Я, мышление, сознание, психика, человек, индивид*. Это некая методологическая точка без опоры на которую любая концепция может превратиться в праздную риторика. Отсюда *Антропный принцип* или Теория наблюдателя как часть релятивистской теории. Но с развитием техники появляется возможность в этот ряд добавить еще и искусственный интеллект, робота, который теперь перестаёт быть только хайдеггеровским «подручным» [4], но также теперь является этой методологической точкой в исследовании сущего.

Сознание человеком самого себя и робота могут пересекаться в понятии *дегитального*, то есть, в общем приближении, *цифрового*.

«Цифра, digit – от слова «палец». У нас определённое количество пальцев на руках и ногах: любой тип репрезентации в числах сводится к отдельным единицам, которые отличны и разграничены, разделены» [3].

Александр Р. Гэллоуэй один из первых *философов-программистов* новой эпохи прихода *Виртуальности*, отмечает большую важность исследования онтологических аспектов цифрового, в котором соединяются антропология и техника. «Существуют разные способы размышлять о цифровом. Часто мыслители пытаются превратить цифровые машины во что-то совсем другое: в организм, в человека, в какой-то культурный артефакт, или явление, или в социальное отношение» [3].

Список литературы

1. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / Сост., пер. с нем. и комм. В. В. Библихина. — М.: Республика, 1993. — 447 с.
2. Гегель. Наука логики / пер. с нем. Н. Г. Дебольского. — СПб., 1916. — 423 с.
3. Александр Р. Гэллоуэй. Цифровое в философии: лекция прочитанная в Философском клубе ЦСИ «ВИНЗАВОД». 2017
4. Blok, V. «Heidegger's Ontology of Work», Heidegger Studies 31: . 2015. — P. 109-138.

УДК 904:930.1"10/12"

ПОЛОВЕЦКОЕ ПОРУБЕЖЬЕ – ОКРАИНА ДРЕВНЕЙ РУСИ

Онищенко А.С.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

aexa1022@gmail.com

Половецкая Степь (Дешт-и Кипчак) в русской исторической науке обычно воспринимается как пространство, населявшееся враждебными Руси кочевниками-тюрками. Но были и такие исследователи, которые оценивали Половецкую землю, как своеобразную окраину Руси. Так, еще в 1905 г. графиня П.С. Уварова, подводя итоги XII Археологического съезда, писала, что “...съезд положил начало исследованию совершенно нового и как будто забытого уголка нашего обширного отечества [подчеркнуто нами – А.Е., А.О.], этой загадочной Половецкой степи..., которая призвана, может быть, раскрыть нашим историкам посредством археологических исследований то, чего они не находят в письменных источниках” [4, с. 394-395]. В последние 50 лет благодаря масштабным археологическим исследованиям произошел кардинальный сдвиг в осмыслении культурного наследия Половецкой Степи, а также относительно населенных пунктов XII-XIII вв. на так называемых оборонительных линиях Руси.

На юго-восточном порубежье Руси, проходившем по рекам Воронеж, верховьям Северского Донца и Оскола, находилась цепочка древнерусских городищ. Недалеко от них, по Дону и его левому притоку Битюгу, т.е. в лесостепи и далее в степи обнаружен ряд тюркских изваяний. Казалось бы, все закономерно, но в зоне распространения изваяний исследованы неукрепленные селища с древнерусским материалом [3, с. 93]. Причем большинство из них (Терешковый вал, Кузнецовка, Коловерть, Русская Буйловка) находится в глубине кочевой Степи [5, рис. 1].

Раскопки показали, что большая часть древнерусских городищ на русско-половецком порубежье была построена не для охраны от вторжений половцев, а в связи с княжескими междоусобицами. Семилукское городище, возникшее в нач. XII в. в результате углубления на Руси феодальной раздробленности, находилось на границе между Черниговским и Рязанским княжествами. Но из-за небольшой площади и примыкавшего к нему обширного селища, оно в любом случае не могло выполнять функцию сторожевого пункта [1, с. 293].

Маленький по площади поселок на месте Животинского городища, поблизости от половецких кочевий, не являлся сторожевым постом. Он был поставлен на юго-западных рубежах Рязанского княжества и предназначался лишь для оповещения об опасности [1, с. 293].

Исключение – городище Холки – небольшая, но прекрасно укрепленная крепость, расположенная на юго-востоке Черниговского княжества [2, с. 29]. Она была выдвинута в Степь в качестве своеобразного древнерусского форпоста.

Рассмотренные поселения – это не преднамеренно созданная для защиты от кочевой Степи цепочка древнерусских поселков, городков и сторожевых постов, а относительно мирно сосуществовавшие с кочевниками населенные пункты, очевидно, со смешанным населением.

Список литературы

1. Винников А.З., Кудрявцева Е.Ю. Древнерусские поселения XI – начала XIII вв. в лесостепном Подонье (к вопросу о древнерусско-половецком пограничье) // Труды VI МКСА. – М., 1997. – Т. 1. – С. 287-295.
2. Плетнева С.А. О юго-восточной окраине русских земель в домонгольское время // КСИА. – 1964. – № 99. – С. 24-33.
3. Плетнева С.А. Половцы. – М.: Наука, 1990. – 206 с.
4. Труды XII Археологического съезда. – М., 1905. – Т. 3. – С. 394-395.
5. Цыбин М.В. Погребения средневековых кочевников X-XIV вв. в Среднем Подонье // СА. – 1986. – № 3. – С. 257-266.

КОНСТРУИРОВАНИЕ НОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ НА ОСНОВЕ ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИЙ. СОЦИАЛЬНО- ФИЛОСОФСКИЙ ПОДХОД

Пидлубный Р.А., аспирант,
Черемисин А.Г., канд. социол. наук
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
05.01@mail.ru

Рост числа пользователей сетью Интернет не останавливается. Каждый день к Интернету подключаются все новые и новые пользователи, кто-то из них будет проводить в виртуальном пространстве всего лишь несколько часов в месяц, а для кого-то Интернет станет неотъемлемой частью работы. К Интернету подключаются частные люди, коммерческие и общественные организации. Все они, начиная от мелких и заканчивая транснациональными компаниями, тратят часть своего бюджета на оплату услуг провайдеров, создание корпоративных сайтов и рекламу в Интернете.

Скорость каналов с каждым годом становится все мощней, и уже сейчас можно участвовать в видеоконференциях и обмениваться мультимедиа, что полностью изменяет традиционные представления о межличностной коммуникации. Некоторые кадровые агентства с 2008 года начали проводить собеседования посредством веб-камер.

Авторы предполагают, что на основе Интернет-технологий конструируется новая социальная среда современного человека. То есть на Интернет-среде мы смотрим «по-дюркгеймовски», рассматривая социальные факты как Вещи. Так как целью данного исследования является социологический анализ реальности повседневной жизни в Интернете, в данном случае нас не интересует, каким образом эта реальность представляется интеллектуалам в различных теоретических перспективах. Прежде всего, мы обращаемся к повседневной реальности в ее осмыслении рядовыми членами общества.

Бурное развитие коммуникативных технологий, реалии формирующегося информационного общества нуждаются в новых способах трансляции социального опыта и ставят перед научным сообществом задачу объективной интерпретации происходящих процессов и прогнозирования. Такие явления социальной жизни, как формирование общества потребления, качественно иной уровень интенсивности воздействия на человека средств массовой информации качественно меняют, коммуникативное поведение огромной части человечества.

Фактически, создание Интернета привело к образованию виртуальной социальной реальности, где индивиды обучаются, общаются

и «живут», как в обыденной реальной жизни, или зачастую, подменяя ее. Причина этого в том, что всякая техническая новация влияет на социум, являясь одновременно и порождением научно-технического прогресса и социальным заказом.

В научной литературе все еще недостаточно отражены процессы «интернетизации» и «виртуализации», приводящие к новым формам социального расслоения на основе «знания и незнания», к радикальным изменениям в тенденциях и направлениях бизнеса, к трансформациям социальных коммуникаций посредством Интернет-технологий. Процессы, которые приводят к изменениям ценностных ориентаций и моделей поведения личности и целых групп в виртуальном пространстве.

Соответственно, образовательные учреждения Донецкой Народной Республики в рамках входа в мировое информационное пространство должны принять и освоить новую социальную и образовательную реальность. В противном случае вся система обучения в молодой республике грозит оказаться в состоянии стагнации и отстать от мировых образовательных реалий.

А в условиях боевых действий и сложной социально-экономической ситуации образовательная система Донецкой Народной Республики «обречена» на интеграцию с Интернет-технологиями, поскольку именно они дают возможность создать новый эффективный вектор образования.

На практике образовательная сфера использует возможности Интернета не только для донесения информации до студентов и преподавателей, а позволяет совершать коммуникации на другом качественном уровне. Дидактические возможности использования современных социальных сетей, с одной стороны, и новые образовательные задачи, стоящие сегодня перед вузом, с другой стороны, уже не позволяют ориентироваться только на лекционно-семинарские занятия, которые составляют основу традиционного процесса обучения студентов и недооценка этого обстоятельства может лишить отечественное образование стратегического преимущества [1, с. 158].

И так как получением образования занимаются в основном молодые люди (которые являются самыми активными пользователями Сети), то на сегодняшний день наиболее прогрессивным Интернет-инструментом в образовательном и педагогическом процессе являются социальные сети. Социальная сеть – это онлайн-сервис, позволяющий создавать социальные связи, вступать в межличностные коммуникации, распространять разнообразную информацию [2, с. 1055].

Если углубиться в историю, то самая популярная социальная сеть Facebook была создана именно в академических целях, и первоначально была доступна исключительно студентам Гарвардского университета. Уже потом появилась возможность регистрации для студентов Бостонского университета, а позднее – и для всех остальных. Если же говорить о

рунете, то большей популярностью в русскоязычном секторе пользуется социальная сеть «В контакте». Результаты исследований информагентства «РИА Новости» утверждают, что только в России 78% молодых людей в возрасте от 9 до 21 года имеют личный аккаунт в этой соцсети. По данным на январь 2017, среднесуточная аудитория составляет 87 714 854 посетителей, зарегистрировано более 410 миллионов пользователей. По данным SimilarWeb, «В Контакте» является 4 самым популярным сайтом в мире [3], поэтому преподавателям следует обратить внимание именно на нее как на площадку для организации учебной работы.

Развитие Интернета в Донецком регионе и применение его в образовательной сфере – предмет активного интереса со стороны как практиков системы образования и самих учащихся, так и исследователей социальных процессов глобальной мировой системы, специалистов по IT, социологов, психологов, политологов.

ДНР «обречена» на дистанционное образование посредством Интернета. Многие граждане Республики живут в тех местах, где априори отсутствуют образовательные учреждения с серьезной академической базой или же инфраструктура разрушена войной. Многие оказались на территории временно подконтрольной Украине, однако хотели поступить в Республиканские учебные заведения. И в ситуации таких ограничений эту свободу может обеспечить только Интернет.

Список литературы

1. Абрамова О.М. Использование облачных технологий для организации контроля учебной деятельности / О.М. Абрамова // Высшее образование в России. – 2015. – № 7. – С. 155-159.
2. Абрамова О.М. Использование социальных сетей в образовательном процессе / О.М. Абрамова, О.А. Соловьева // Молодой ученый. – 2016. – №9. – С. 1055-1057.
3. О компании В контакте [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vk.com/about> – Заголовок с экрана.

УДК 904:930.1"10/12"

БРОДНИКИ – РУССКИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ В ПОЛОВЕЦКУЮ СТЕПЬ: ФИЛОСОФИЯ СОСУЩЕСТВОВАНИЯ КУЛЬТУР

Полякова О.А., науч. сотр.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

oljapoljakova@mail.ru

Русские летописи свидетельствуют, что в пограничных районах Руси и Половецкой Степи (Дешт-и Кипчак) в XII-XIII вв. проживали бродники, которые, судя по их участию в военных событиях (битва на Калке в 1223 г.

и др.), были достаточно многочисленны и организованы. Первое свидетельство о них датируется 1147 г., но место их проживания не указано. Лишь археологи в 1950-60 гг. стали выявлять в юго-восточном порубежье русских земель – Лесостепном Подонье – поселения. Позже подобные поселения стали известны и на Левобережье Нижнего Днепра, в Северном Приазовье, в бассейне Северского Донца и на Среднем Дону.

Поселки бродников характеризуются следующими признаками: 1) это, прежде всего, местная тонкостенная хрупкая керамика древнерусского облика. Такая керамика нередко встречается и в погребениях кочевников, причем и глубоко в Степи [1, с. 78-96]; 2) отсутствие укреплений; 3) полуземлянки; 4) открытые очаги в центре жилища; 5) небольшое количество жилищ, малые размеры поселений, едва уловимый культурный слой; 6) отсутствие ремесленного производства. Эти признаки известны в памятниках, оставленных полукочевым или недавно осевшим населением [4, с. 221].

Название *бродники* происходит от слова “бродить”, близкого по смыслу тюркскому корню *каз* (кочевать), от которого образовалось слово казаки [5, с. 92]. Вопрос об этнокультурной принадлежности и расселении бродников давно дискуссионный, но в целом это славянское население (смерды), бежавшее от притеснений боярства и князей. По сути, это – едва ли не первые вольные русские переселенцы, осваивавшие в XII-XIII вв. окраины Половецкой Степи, а образ их жизни был близок к казачеству Позднего Средневековья. По укладу жизни и политическому обособлению бродникам близки берладники, место проживания которых письменные источники локализуют в низовьях Днестра и Дуная, и галицкие выгонцы [2, с. 123].

С Руси в Степь бежали мужчины, жен они брали с ближайших кочевий. Такие браки, очевидно, были многочисленны, а потому через три поколения они практически слились с половцами [5, с. 93], т.е. большинство их в начале XIII в. только на четверть было русским.

По всей видимости, среди бродников была и какая-то часть славянизированных и христианизированных половцев [3, с. 185], не исключены и другие этнические группы кочевников, частично или полностью осевших на землю. В 1-й четв. XIII в. и в самих половецких вежах, видимо, было много таких же кварталов.

Сказанное свидетельствует о мирном сосуществовании пришлого древнерусского и местного кочевого тюркского населения, переплетении их традиций, ассимиляции славянского населения и, главное, о поиске здравого смысла в вопросе взаимовыживания в открытой Степи.

Список литературы

1. Евглевский А.В., Потемкина Т.М. Позднекочевнические погребения с керамикой древнерусского облика из Северо-Восточного Причерноморья // ДАС. – 1994. – № 5. – С. 78-96.

2. Козловский А.А. Южное Поднепровье и бродники // История и археология Слободской Украины. – Харьков, 1992. – С. 123-124.
3. Плетнева С.А., Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА. – № 62. – 1958. – Т. I. – С. 151-226.
4. Плетнева С.А. Кочевники восточноевропейских степей в X-XIII вв. // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1981. – С. 213-223.
5. Плетнева С.А. Половцы. – М.: Наука, 1990. – 206 с.

УДК 904:130.2"10/12"

ИЗВАЯНИЯ КАК ФЕНОМЕН ПОЛОВЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ: РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

Потемкина Т.М., ст. науч. сотр.,
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
lpotemkina_tatyana@mail.ru

Одним из феноменов половецкой культуры, как известно, являются каменные изваяния. Они были широко распространены в степях Восточной Европы в кон. XI – нач. XIII в.

Половецкие изваяния резко отличаются от каменной скульптуры восточных кыпчаков. Обосновавшись на своей новой родине, половцы, “заимствовав саму идею и обычай сооружать статуи и сохранив черты изваяний восточных родственных племен, сильно изменили стиль исполнения и облик статуй, освоили совсем другое, значительно более реалистичное понимание формы и снабдили статуи множеством деталей, совершенно неизвестных у восточнокыпчакских, казахстанских, изваяний” [4, с. 189].

Изваяния устанавливались в своеобразных святилищах, сооружаемых на вершинах курганов. Низами и Рубрук говорят о поклонении этим статуям. “Все племена кыпчаков, – писал Низами, – когда попадают туда, сгибаются вдвое перед этой единственной в своем роде статуей. ...Всадник, который подгонит к ней коня, кладет стрелу из колчана в честь ее. Пастух, который заведет туда стадо, опускает перед ней овцу” [1, с. 315]. Большинство исследователей обычай поклонения изваяниям и приношения им в жертву животных, а также оставления в знак почтения стрел объясняет бытованием культа предков. Его суть состоит в представлении, что после смерти душа предка приобретала особые возможности и силы для того, чтобы помогать людям (обычно родным), приносящим ей жертвы. По мнению С.А. Плетневой, поскольку члены одной орды, рода, семьи постоянно ездили мимо святилищ, сооруженных на их земле, то вполне вероятно, что это обстоятельство

способствовало постепенной трансформации семейно-родового культа предков в культ предков-вождей [2, с. 140]. У половцев культ предков-вождей, которые при жизни являлись правителями орд и крупных богатых родов и семей, сначала сосуществовал с культом предков, а не заменял его: святилища сооружались не только в память выдающихся деятелей, но и для поклонения умершим главам богатых родов и семей, а также их женщинам (женам, матерям). Перерастание одного культа в другой и в то же время их сосуществование подчеркивает патриархальность половецкой общественной и духовной жизни.

Но возникает закономерный вопрос: с чем связано огромное количество именно женских изваяний? А их, как известно, сохранилось примерно столько же, сколько и мужских. С.А. Плетнева объясняет это явление особой большой ролью, которую играли женщины в среде родоплеменной аристократической структуры половцев. Однако археологические данные не подтверждают этот тезис. Наше исследование иерархии половецкой знати по погребениям со статусными предметами дало следующую статистику: мужских погребений со статусными предметами почти в 2 раза больше, чем женских [3, с. 17].

Возможно, вначале культ каменных изваяний был связан с каким-то культом женского божества, о чем смутно намекает Низами, сообщая, что первые изваяния у кыпчаков были женскими [4, с. 191]. Таким божеством могла быть Умай (богиня-мать) – покровительница детей и рожениц. Это древнейшее женское божество тюркских народов местами почиталось не только как добрый дух, но и как ангел смерти, который берет душу умирающего.

Среди тюркских народов широкое распространение получил и культ девы-прародительницы рода или племени, о чем свидетельствуют многочисленные легенды. Так, по одной из них (приведенной Рашид-адином), женщина, муж которой был убит на войне, влезла в дупло дерева и там родила мальчика. Про это узнал хан Огуз, пожалел младенца и сказал: пусть он будет моим сыном. Огуз назвал мальчика Кипчак. Все кипчаки происходят от этого мальчика. То обстоятельство, что в легенде о рождении Кипчака фигурирует женщина, возможно, объясняет бытование какой-то группы женских изваяний, которое могло отвечать традиционному представлению половцев о предках, как об индивидах обоего пола.

Таким образом, наличие огромного количества женских фигур среди половецких каменных изваяний можно объяснить бытованием в обществе трех культов: женского божества, предка-прародительницы и культа знатных женщин, занимавших высокое социальное положение.

Мужские изваяния традиционно относят к двум культам: обоженствованных предков и конкретных умерших или погибших представителей аристократии. Причем последний культ включает в себя

обряд поминовения как представителей военной знати, так и людей, близких к правящей военной верхушке, но не занимавшихся непосредственно военным делом. Вне зависимости от того, к какому из культов относилось то или иное изваяние, они изготавливались в соответствии с определенными иконографическими канонами, принятыми среди половецких мастеров. Такая традиционность изобразительных канонов в искусстве, порожденном религиозным мировоззрением, – хорошо известный и многократно повторяющийся в мировой культуре факт, который отражает консервативность обрядовой стороны религии, хотя и не препятствует изменениям идейного осмысления внешне мало меняющихся обрядов [5, с. 57].

Половецкие святилища, на которых стояли изваяния, подобно древнетюркским оградкам, были связаны с погребально-поминальной обрядностью. Конструкция этих культовых сооружений соотносится с картиной мира их создателей и представляет собой своеобразную модель Вселенной. Их специфика заключалась в том, что они актуализировали миф о чудесном рождении предка, которому уподоблялся умерший представитель знати.

Таким образом, изучая каменные изваяния половцев, мы касаемся мира философско-религиозных представлений кочевников. Широкое распространение скульптуры свидетельствует о том, что господствующей формой их религии, вероятнее всего, был культ предков. Элементы поминальных сооружений (в том числе изваяния) играли роль присущих архаическому мировосприятию знаковых символов, в которых нашли отражение самобытное мировоззрение, традиционные верования и обряды половцев.

Список литературы

1. Низами. Искандэр-намэ. Шарафнаме / Низами; пер. Е.Э. Бертельс. – Баку: АзФАН, 1940. – Ч.1. – 393 с.
2. Плетнева С.А. Половцы / С.А.Плетнева. – М: Наука, 1990. – 208 с.
3. Потемкина Т.М. Иерархия половецкой знати (по погребениям со статусными предметами) / Т.М.Потемкина // Степи Европы в эпоху средневековья. – Т. 10. Половецкое время. – Донецк, 2012, – С. 7-36.
4. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов / Г.А.Федоров-Давыдов. – М.: Изд-во Московского университета, 1966.– 274 с.
5. Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья / Я.А.Шер – М.: Наука, 1966. – 138 с.

ДИАЛОГ В РАМКАХ ИНТЕГРАЦИИ: ИДЕЯ РУССКОГО МИРА И ПРЕПЯТСТВИЯ НА ПУТИ СТАНОВЛЕНИЯ

Рубцова И.Н., аспирант

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

Irina93_2010@mail.ru

Диалог – неотъемлемая часть современного мира. Двадцатый век возвел на новый уровень межличностную диалогичность и расширил понимание диалога до принципа взаимодействия культур. Культура живет в диалогическом пространстве, постоянно осуществляя диалогическое обогащение человеческой цивилизации. Взаимоотношение культуры и диалога в самом общем виде характеризуется следующим образом: диалог есть форма существования и развития культуры.

Современный глобальный процесс сближения национальных ценностей и культуры, развитие коммуникации и укрепления цивилизационных связей способствуют быстрому распространению новых достижений в разных сферах человеческой деятельности и их скорейшей адаптации. Постепенно формируются элементы новой, интегральной культуры. Распространяются ценности других культур, идет постоянный информационный и товарный обмен, что соответственно способствует сближению народов и возможности признания и принятия «чужих» аксиологических элементов, отказу от ксенофобии и возможному становлению мультикультурализма. Наряду с этим, культурная интеграция не унифицирует культурные нормы, способы восприятия мира – этнос берет из глобальной системы лишь то, что соответствует его знаниям, традициям, менталитету и историческому прошлому. Одним из активных участников интеграции в двадцать первом веке является Россия, актуализировавшая в последние годы использование понятия «Русский мир».

Актуальность темы обусловлена недостаточной изученностью аспектов данного понятия, что также вызывает неоднозначные споры среди ученых по всему миру. Исследование русского мира и идентичной ему модели мира становится особенно актуальным и влечет за собой необходимость философского исследования, учета особенностей русского мира в повседневной международной, экономической, политической, научной и иной деятельности, ухода от конфронтации, изучения опыта диалога культур, включающихся в объективные процессы глобализации человеческого многополярного мира.

Цель работы: изучить восприятие «русского мира» и осмыслить его место в глобальной интеграции.

«Русский мир» исследовался О.Н. Батановой, Е.И. Пивоваром, Н.А. Шалимовой, В.А. Тишковым, П.Г. Щедровицким, Н.М. Чуриновой,

В.Ю. Даренским, Л.Н. Гумилёвым, О.А. Платоновой, Г.В. Флоровским, Н.В. Крушеаским, и др. Зачастую данное понятие распространялось на цивилизационное пространство, включающее русскоязычное население по всему миру, на глобальный цивилизационный феномен, базирующийся на православной вере.

Идея русского мира, или так называемая русская идея актуализировалась после распада СССР и последовавшего за ним духовного вакуума. В работе «Русская идея как постсовременная проблема» А. Гулыги находим строки о «народе, выносившем идею всеобщего братства», «вовлеченным в кровавый катаклизм, в котором вместо обетованного рая на земле и спасения оказался ограбленным, раздавленным и поставленным на грань уничтожения» [3]. А. Гулыга также пишет, что русская идея звучит, прежде всего, как призыв к национальному возрождению и сохранению материального и духовного возрождения России: «Русская идея актуальна сегодня как никогда, ведь человечество (а не только Россия) подошло к краю бездны. Вот почему омерзительны все сегодняшние попытки представить русских в своей идее как народ рабов и одновременно агрессоров» [3].

Но на этом русский философ не останавливается, он указывает, что постсовременное мышление актуализирует прошлое на более убедительном уровне: «Русская идея – это составная общечеловеческой христианской идеи, изложенная в терминах современной диалектики. В ней сформулирована цель. Не средства. Но великая цель. Это уже много» [3].

Не только в трудах А. Гулыги можно найти подобные слова. Похожий отклик мы встречаем и у Н. Бердяева в труде «Судьба России», однако русский философ акцентирует внимание на мессианской идее. Он отмечает, что русское «мессианское сознание не пронизано светом сознания, не оформлено мужественной волей». Бердяев говорит о том, что нужно осознать русский мессианизм не как претензию и самоутверждение, которое так страшит Запад, а, скорее, как «жертвенное горение духа», «великий духовный порыв к новой жизни для всего мира. Мессианизм не означает, что мы лучше других и на большее можем притязать, а означает, что мы больше должны сделать и от большего способны отречься. Но всякому мессианскому служению должна предшествовать положительная национальная работа, духовное и материальное очищение, укрепление и развитие нашего национального бытия» [1]. Ученый будто на время становится провиденциалистом, ведь на данном этапе развития российское общество встречается с рядом проблем, среди которых насущными являются разрушение социальных связей, индивидуализм и разобщенность, что таит в себе немалую угрозу воплощению понятия «Русский мир» и полной реализации этой идеи в действующую программу. Однако по Бердяеву «мессианизм не может быть программой, программа должна быть творчески-национальной. Мессианизм же есть эзотерическая

глубина чистого, здорового и положительного национализма, есть безумный духовно-творческий порыв» [1].

Россия сталкивается с множеством вызовов на пути реализации и распространения «русского мира», базирующегося на пяти столпах: православии, русской культуре и русском языке, общей исторической памяти и взглядов на общественное развитие. Одним из таких вызовов для «русской цивилизации» согласно А. Тойнби является вызов в виде постоянного внешнего давления на протяжении всей истории: от вторжения кочевых орд и татаро-монгольского нашествия до Смутных времен и войны с нацистской Германией. Тойнби отмечает, что Россия сумела выстоять и дать достойный ответ на все вызовы. Ученый в труде «Цивилизация перед судом истории» рассматривает Россию как страну с особым менталитетом и идеологией, ведущую конкурентную борьбу за влияние на другие не-западные страны. Примечательным для Тойнби является факт контрвливания России на вестернизацию и ее способность «обращать западные души в свою, не-западную «веру» [4, с. 99].

Переработанная западная светская общественная философия, трансформированная «в нечто свое, транслируется обратно на Запад, что является контрнаступлением и «ответом» на процесс европеизации». Россия выступает мощной контрсилой, противостоящей завоеванию и ассимиляции со стороны Запада, постоянно заставляющей себя выборочно «овладевать достижениями западной технологии», что является парадоксом [4, с. 75].

Постоянная конкуренция с Западом в экономическом плане и в гонке вооружений, задача спасения от принудительной вестернизации заставляют Россию взять инициативу диалога в свои руки, чтобы полностью держать ситуацию под контролем. Тойнби рассматривает этапы истории отношений России с Западом и делает неутешительные выводы: для Запада агрессором является Россия, так как она «поглотила львиную долю территорий» и является архиагрессором в послевоенном мире. В то же время, сами русские считают, что агрессия исходит со стороны Запада, для чего также есть весомые основания (от варяг, захвативших контроль над славянскими племенами, до войны с Наполеоном и двух мировых войн) [4, с. 77].

В завершение нашей статьи стоит упомянуть трактат К. Ясперса «Духовная ситуация времени», в котором времени и окружающему миру был противопоставлен духовный процесс постижения истины, который, по мнению философа, способен решить проблему соотношения личных ценностей и превратить их в общечеловеческие. Интеграция с Русским миром – как раз один из таких процессов, и современная экзистенциальная «духовная ситуация времени» располагает к единству не только славянских народов и в целом людей, объятых идеей панславизма и славянофильства под эгидой России, но в то же время должна привлекать в

свои ряды другие страны и народы. Соборность, присущая русскому менталитету, реализованная путем синергии с интегрированными странами, даст возможность воплотить возвышенные стремления русской цивилизации, а именно сохранить мир и братство народов.

Список литературы

1. Бердяев, Н. Судьба России [Электронный ресурс] / Н. Бердяев. – 1918. – Режим доступа: http://www.krotov.info/library/02_b/berdyaev.html
2. Берсенева, Т.П. Синергия в культуре / Т.П. Берсенева. – Вестник Томского государственного университета. – 2013. С. 36-44. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/sinergiya-v-kulture>
3. Гулыга, А. [Электронный ресурс] / А. Гулыга. – Режим доступа: <https://profilib.net/chtenie/83433/arseniy-gulyga-russkaya-ideya-kak-postsovremennaya-problema-5.php>
4. Тойнби, А. Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад [Электронный ресурс] / А. Тойнби. – 1947. – Режим доступа: <http://coollib.com/b/243293/read>.

УДК 1 (091)

ПРОБЛЕМА ИДЕАЛЬНОГО И РЕАЛЬНОГО В ФИЛОСОФСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ С.Л. ФРАНКА И Н.О. ЛОССКОГО

Савицкий В.Ю., аспирант

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
vsavi2010@yandex.ua

С развитием человеческой мысли многократно делались попытки построения всеобъемлющей системы познания, способной объяснить и осмыслить всё существующее посредством одного универсального принципа (монистический подход).

Наряду с монизмом формировались дуалистические концепции, рассматривающие реальность как результат или сферу взаимодействия (а иногда и борьбы) двух противодействующих сил (Бог и дьявол, добро и зло, материя и дух).

Третья тенденция, исключая крайности монистического и дуалистического подхода, базируется на положении, что универсум (бытие) состоит из двух неравноценных и качественно противоположных областей – реального и идеального. Эта концепция получила название «идеал-реализм», в основе которого лежит учение о том, что в мире существует непрерывность, плавный переход между сферой духа и материальной действительностью, а порой даже их отождествление, при этом специфика двух вышеуказанных областей не опровергается и не утрачивается.

Исторически идеи, присущие идеал-реализму, можно найти у Гераклита, Платона, Плотина, неоплатоников и в определённой степени у Б. Спинозы и Г. Лейбница, но наиболее полное развитие идеал-реализм получил в немецкой классической философии (особенно в мысли Ф. Шеллинга) и русской религиозной философии начала XX века (С.Л. Франк, Н.О. Лосский).

В своей концепции идеал-реализма Ф. Шеллинг пытался найти компромисс между природой и духом, природой и Богом. В работе «Об отношении реального и идеального в природе» он определяет, что всё существует из абсолютного начала, сущность которого есть само-себя-воление, но «абсолютное не есть только воление самого себя, но воление бесконечным образом, следовательно, во всех формах, степенях и потенциях реальности. Отпечаток этого вечного и бесконечного само-себя-воления есть мир» [1, с. 36].

Согласно Шеллингу, природа (мир, материя) и Бог (дух) взаимно существуют и дополняют друг друга в динамическом единстве, но несмотря на единство (тождество) духа и материи каждый из них сохраняет свой специфический характер, при этом методами познания этих начал являются естествознание и натурфилософия.

С.Л. Франк и Н.О. Лосский развили и детализировали многие положения идеал-реализма натурфилософии Шеллинга, основной проблемой которой был явно выраженный в учении пантеизм.

Во многом совпадая, идеал-реализм Лосского и Франка различался формулировками основных категорий и степенью их разработанности.

С.Л. Франк определял реальное бытие как «конкретно-временное», полагая, что время – единственный специфический признак потока реальных изменений возникающих, длящихся и уничтожающихся конкретных явлений и отождествлял с эмпирической действительностью как совокупностью «конкретных реальностей»: вещей, существ, процессов.

Вневременность как противоположность времени есть такой же признак неподвижного неизменного идеального бытия, к сфере которого Франк причислял «числа, геометрические формы и фигуры, цвета, звуки, и все вообще общие, отвлеченные содержания понятий, взятые именно как чистые, сущностные содержания, и такие необходимые, имеющие вневременную силу связи между ними, как формулируемые, например, в суждениях «дважды два четыре» или «красное есть цвет...» [2, с. 267].

Н.О. Лосский под реальным бытием понимал более строго очерченную область проявленных в пространстве-времени «конкретных целых вещей», «событий» и «действий» материального и психического порядка, исключая из состава реального бытия весь мир «существ», а к идеальному бытию относил все, «что не имеет временной и пространственной формы», что стоит выше событий, «осуществляющихся

в различные времена и в разных местах пространства»: «законы» и «бесчисленные отношения», пронизывающие мировую множественность.

Согласно Франку, первоисточник идеального и реального бытия непосредственно восходит к высшему, иррационально понимаемому религиозно-метафизическому первоначалу. У него оба вида бытия производны от абсолютного бытия (Бога), выступающего в качестве «единства моментов вечности и становления», и имеют значение лишь «двух соотносительных и односторонних выражений этого исконного всеединства» [3, с. 316].

Концепция Лосского предполагает целый ряд промежуточных онтологических звеньев, в конечном итоге значительно отдаливших Бога от прямого участия в жизни материально-вещественного мира. Творцом «законов идеальных форм» в ней выступает не само Абсолютное сверхначало (Бог), а конкретно-идеальные существа, образующие другой вид идеального бытия наряду с отвлеченно-идеальным, которые посредством этих форм вносят в жизнедеятельность мирового организма порядок и системность, «придают множеству существ и событий характер космоса, а не хаоса» [4, с. 215]. При этом идеальные законы и отношения сами по себе лишены какой бы то ни было созидательной, творческой активности.

К конкретно-идеальным существам, сотворенным Богом, относится, например, духовное «я» человека, кристалла, планеты, атома и т. п. Каждый такой конкретно-временной субстанциальный деятель обладает творческой силой, «посредством которой он созидает, порождает, вводит в состав реального бытия событие» [5, с. 531]. Реальное бытие есть внешнее проявление жизнедеятельности духовных существ, совокупность их физических тел, материальное воплощение их устремлений. «... Необходимо признать, – писал Лосский, – что весь мир, даже и материальный, есть творение духа или существ, подобных духу (конкретно-идеальных)» [6, с. 373].

Сходство концепций идеал-реализма Франка и Лосского состоит в подходе к познанию Абсолюта (Бога). Об Абсолюте известно только то, что Он находится выше ограниченных определений и при максимальной интенсивности мистической интуиции (у Лосского), созерцательной интуиции и «живого знания» (у Франка) раскрывается как «живой Личный Бог».

Таким образом, идеал-реализм понимает Бога как такую первичную реальность, которая, хотя и наполняет собой мир, давая ему жизнь, сама остается вне его законов. Это металогическая реальность, которая свертывает в себе все, в том числе и противоположности, которая делает Божество принципиально отличающимся от мира, но не противоположным ему в обычном понимании формальной логики. Подход к соотношению Бога и миру с точки зрения их металогической непохожести позволяет

преодолеть слабости как упрощенно трансцендентного, так и просто пантеистического подходов, которые не могут выйти за пределы рационально-логического понимания Абсолюта.

Список литературы

1. Шеллинг Ф. В. Й. Об отношении реального и идеального в природе // Сочинения в 2 т. – М.: Мысль, 1989. – Т. 2. – С. 34-51.
2. Франк С. Л. Сочинения. – М.: Правда, 1990. – 608 с.
3. Франк С. Л. Предмет знания. Душа человека. – СПб.: Наука, 1995. – 656 с.
4. Лосский Н. О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция / Сост. А. М. Поляков. – М.: Республика, 1995. – 400 с.
5. Лосский Н. О. Свобода воли // Избранное. – М.: Правда, 1991. – С. 484 – 597.
6. Лосский Н. О. Мир как органическое целое // Избранное. – М.: Правда, 1991. – С. 338 – 483.

УДК 008, 009

КОНЦЕПТ «ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВО» В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ (ОПЫТ КУЛЬТУР ФИЛОСОФСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Северилова П.В., канд. филос. наук, доц.

ГОУ ВПО «Донбасская национальная академия строительства
и архитектуры», г. Донецк
p.v.severilova@donnasa.ru

Изучение концептосферы русской культуры как воплощения идеосферы *русского мира* являет собой актуальную задачу современной науки. Об этом свидетельствует, в частности, возрастающий интерес к анализу базовых категорий русской культуры и ее основополагающих констант. Особую важность, в этом контексте, приобретает культурфилософский подход к их исследованию.

«Домостроительство» можно назвать одним из ключевых концептов в системе традиционных представлений русского человека, однако, в отличие от концепта «дом», этот концепт оказывается недостаточно изученным современной наукой. На сегодняшний день существует ограниченное количество работ, посвященных его исследованию. В основном, это труды филологов и экономистов, в частности, статьи М.Г. Волотовой, диссертации Ю.В. Ундиренко и Т.Н. Юдиной. В философии его изучение пока не получило развития.

Цель настоящей работы – культурфилософское исследование истории концептуализации *домостроительства* в русской культуре.

Понятие «домостроительство» происходит от слова «домострой» и было заимствовано древними русскими книжниками из византийских

источников. Само слово имеет библейское происхождение и часто встречается в Посланиях апостола Павла (Еф. 1, 10; 3, 2-9 и в Кол. 1,25).

Очевидно, *домострой* – (гр. «οικονομια») происходит от «дом» (гр. «οικος»). В греческо-русском словаре А.Д. Вейсмана указаны такие его значения: «οικος» – «дом», «жилище», «храм», «отечество», «имущество», «состояние», «семья», «род» и, соответственно, *домостроительство* – «οικονομια» – «управление домом», «управление, распоряжение, устройство», и «οικονομικος» – «хозяйство», «управление домом», «умение управлять домом», «домоводство» [1, с. 443].

В древнерусской книжности раннего периода встречаем понятие *домостроительство* в виде точной «кальки» с греческого. Об этом свидетельствует Словарь древнерусского языка по письменным памятникам И.И. Срезневского, в котором понятий *домострой*, *домостроительство* нет, но есть понятие «икономия» (гр. «οικονομια») – точное заимствование из переводных греческих текстов, в частности, Апостольских посланий [2, с. 556]. Это значит, что в Древней Руси, вплоть до XV – XVI веков, книжники использовали греческое слово *икономия*, не требующее перевода, а слово *домостроительство* вошло в словарь русской культуры в более поздний период. В Словаре В.И. Даля значение слова сужается: *домостроительство* это – «домохозяйство, домовный обиход, наблюденье за порядком в доме». Само понятие никак не выделено из ряда близких, синонимичных по смыслу понятий, таких как: «домашничанье», «домоблюстительство», «домоправительство», «доморачительство», тогда как «строй в доме» – «порядок», «распорядок», «устройство», «согласие», «соответствие» [3].

Тем самым, все те значения слов «домострой», «домостроительство», которые находим в словаре русской культуры разных эпох, непосредственно восходят к совокупности значений слова «дом», ведь уже в древней русской книжности *дом*, – это не только «жилище, здание», но и «хозяйство, домашнее устройство», «семья, домашние», «род», «имение, имущество», а также «храм, церковь». [2, с. 361–362] Так формируется концепт *домостроительство* с его сложной структурой, включающей всю парадигму значений, связанных с ключевыми ценностями человеческого существования и важнейшим кругом понятий, причастных к описанию жизненного мира человека.

С философским уровнем толкования понятия *домостроительство* на Руси были хорошо знакомы по переводам труда Иоанна Дамаскина «Источник знания», который становится популярен в культуре Московской Руси и особенно в XVI веке. Не было ни одного крупного сочинения, ни одного автора XVI века, который бы не цитировал, не ссылался на его труды, не интерпретировал бы и не дополнял их. Большое распространение получает в этот период и определение философии из «Диалектики» И. Дамаскина [4]. В нем, как известно, дается развернутая дефиниция философии, состоящая из шести частей.

Иоанн Дамаскин приводит известное еще со времен античности, классическое разделение философии на теоретическую («богословное, естественное, учительное»), т.е., богословие, философию природы и математику, и практическую, к которой он относит «обычайное, домостроительное и градное», т.е., этику, экономику, политику. Завершается определение философии И.Дамаскиным гимном любви к Премудрости, которая «же истиннаа Бог есть, и убо любовь, яже к Богу, сия есть истинная философия» [5, с. 233]. Так, философия толкуется как любовь к Богу и Его Божественной Премудрости, Софии – домоустроительницы, как путь научения Любви к Ней, и уподобление Ей в любви. Домоустроительная же философия является практическим воплощением в жизни любви к Богу, к Божественной Премудрости в конкретном нравственном делании.

С концептуализацией более высокого уровня связано бытование понятия *домоустроительство* в отечественной богословской традиции. В православном богословии принято различать богословие триадологическое как основу догматического учения о Троице, о Боге в Себе Самом, как Троическое богословие, исследующее тайну Пресвятой Троицы и внутритроических отношений, и богословие домоустроительства, исследующее всю сферу отношений Бога и творения, Бога и человека. Богословие домоустроительное, таким образом, оказывается связанным с православной христологией и сотериологией, с антропологией и историософией, с познанием тайны Боговоплощения и Спасения, то есть, с самой сутью христианского учения о Боге и Его отношениях с миром и человеком, которые в богословии получили именование Домоустроительство спасения или Домоустроительство Воплощения [6, с. 145].

Список литературы

1. Вайсман А.Д. Греческо-русский словарь. Изд. 5-е. – СПб., 1899. – 694 с.
2. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т.1., (А-К). – СПб: Типография императорской академии наук, 1893. – 771 с.
3. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т.1 (А–Д): пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева / под ред и с предисл. Б.А. Ларина— 2-е изд., стер. – М.: Прогресс, 1986. – 576 с.
4. Даль, В.И. Толковый словарь живаго великорусского языка В 4 т. [Электронный ресурс]. Спб., 1863–1866. URL: <http://slovardalja.net/> (дата обращения: 29.09.2018)
5. Ионайтис О.Б. Развитие учения Иоанна Дамаскина в философии московской Руси [Электронный ресурс] // София: Рукописный журнал общества ревнителей русской философии. №1, 2000 [2001]. URL: <http://virlib.eunnet.net/sofia/01-2000/text/0105.html> (дата обращения: 29.09.2018)
6. Громов М.Н. Структура и типология русской средневековой философии. – М.: ИФРАН, 1997. – 289 с.
7. Черемухин П.А. Учение о Домоустроительстве спасения в византийском богословии // Богословские труды. Вып. 3. – М.: Изд-во Московской Патриархии, 1964. – С. 145–185.

МОДЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: ОПЫТ ДОНБАССА

Тишаков М.П., канд. юрид. наук,
Донецкий национальный университет, г. Донецк
TMAXIM7@yandex.ru

Введение. Проявляющиеся тенденции увеличения количества совершенных преступлений на автомобильном транспорте связаны с ростом инфраструктуры, интенсификацией дорожного движения, и повышают значимость государственных органов, осуществляющих правовое и организационное обеспечение противодействия аварийности на автотранспорте. Организация безопасности дорожного движения осуществляется в первую очередь центральными органами власти, деятельность которых связана с осуществлением правовой регламентацией мероприятий по предотвращению аварийности на автомобильном транспорте и поддержанию общественного порядка на автомагистралях, а также организационно-правовой деятельности региональных органов власти, реализующих соответствующие средства и методы в практической плоскости.

Актуальность исследования обусловлена поиском наиболее эффективных путей противодействия аварийности на автомобильном транспорте с учетом использования исторического опыта в период активного развития народного хозяйства – в середине XX века на региональном уровне. Несмотря тот факт, что на данный момент проведен ряд исторических и историко-правовых исследований по данной тематике, однако территория Донецкого региона не исследована научным сообществом в достаточной мере, что обуславливает актуальность и значимость представленного научного проекта.

Целью работы является освещение в обозначенный исторический период, на основе ранее не исследованных архивных материалов, роли органов власти Донбасса в обеспечении безопасности дорожного движения.

В ходе научного исследования активно применялись общенаучные **методы**: метод анализа, синтеза, индукции, дедукции, метод герменевтики, статистический, формально-юридический, сравнительно-правовой и историко-правовой методы.

Результат. Научным исследованием, проведенным на основе изучения ранее не известных широкой общественности архивных материалов и документов установлено, что процесс автомобилизации Донбасса являлся одним из наиболее динамичных в Советском Союзе. Вместе с позитивными моментами для развития народного хозяйства, это

под собой имело и негативные последствия – увеличение количества дорожно-транспортных происшествий, которые в своем большинстве влекли жертвы среди населения.

Активные процессы урбанизация региона и рост населения, способствовали расширению круга задач, связанных с поддержанием общественного порядка, укреплением законности. Для этого активно привлекались местными органами власти силы общественности, уделяющие большое внимание и политико-воспитательной работе среди непосредственных участников дорожного движения.

На собраниях местных советских и партийных органов власти рассматривались вопросы состояния обеспечения безопасности на автомобильном транспорте, улучшения качества и безопасности перевозок трудящихся, повышения уровня технического обслуживания автомобилей автотранспортных хозяйств и граждан. По результатам проведенного анализа принимались соответствующие организационно-правовые меры, которые находили свое закрепление в нормативных правовых актах Обкома КП(б)У и облисполкома Сталинской области.

В частности, в 1957 году в городах и районах области были проведены собрания комсомольского актива, слеты членов бригад содействия милиции, на которых обсуждались итоги работы общественных формирований по охране общественного порядка, а также намечены конкретные мероприятия по дальнейшему усилению работы по борьбе с нарушителями общественного порядка [1, Л. 18], в том числе и в сфере борьбы с дорожными происшествиями.

Решением бюро обкома была определена единая структура руководства районными и городскими комсомольскими штабами, а также определены обязанности по организации и проведению мероприятий, направленных на усиление борьбы с нарушителями общественного порядка, в том числе и нарушителями на транспорте [1, Л. 19]. Эта работа не проходила бесследно и имела свои положительные результаты в рамках превентивной деятельности в сфере обеспечения безопасности дорожного движения. Так, в ходе областного рейда комсомольских патрулей 25-26 января 1958 года было задержано 63 нарушителя на автотранспорте, которые находились в нетрезвом состоянии; использовали автомашины в корыстных целях и т.д. [1, Л. 19; 22].

На районном уровне создавались специализированные общественные организации по борьбе с правонарушителями, например, в Железнодорожном районе г. Сталино была создана Секция по борьбе с нарушителями правил уличного движения всеми видами городского транспорта и пешеходами [1, Л. 130].

Действенные меры по улучшению организационной работы в сфере обеспечения безопасности дорожного движения принимались и облисполкомом Сталинской области. Например, в связи с интенсивным

ростом грузовых перевозок автомобильным транспортом общего пользования и широким развитием междугороднего и местного автобусного движения на территории области, и необходимостью дальнейшего и наиболее скоростного строительства сети дорог в области в 1955 году было принято Решение № 271 «О мерах по дальнейшему развитию строительства дорог области» [2, Л. 196-198; 204]

В организационном плане предусматривалось и повышение безопасности граждан при передвижении вдоль транспортных магистралей в населенных пунктах. В частности, на 1956 год Сталинским облисполкомом Решением № 97 был утвержден годовой План строительства тротуаров индивидуальными застройщиками в количестве 244 км. [3, Л. 105-106; 110]. Необходимо отметить и Решение №120 облисполкома за 1956 г., принятое в целях устранения причин, влекущих возникновение несчастных случаев и наездов на граждан в жилых дворах, а также повышение интенсивности движения транспорта на улицах и дорогах области [3, Л. 285-286].

В результате организационно-правовой деятельности облсовета в 1955 году было принято решение № 385 «О соблюдении правил движения по улицам и дорогам Сталинской области» с целью улучшения дисциплины и порядка движения транспорта и пешеходов по улицам и дорогам области, предупреждения аварий, наездов и несчастных случаев. [4, Л. 299-300, 304].

В **заключении** необходимо отметить, что аварийность на автомобильном транспорте является одной из наиболее острых социально-экономических проблем, для эффективного разрешения которой требуется наряду с применением прогрессивных технологий, использование позитивного отечественного опыта. Организационно-правовая деятельность местных органов власти Донбасса в 50-х гг. XX века свидетельствует, что для обеспечения безопасности дорожного движения и эффективной борьбы с дорожно-транспортным травматизмом необходима консолидация усилий государственных и общественных институтов власти.

Список литературы

1. Донецкий государственный архив. Ф. П-326. Оп. 11. Д. 149.
2. Донецкий государственный архив. Ф. Р-2794. Оп. 2. Д. 123.
3. Донецкий государственный архив. Ф. Р-2794. Оп. 2. Д. 209.
4. Донецкий государственный архив. Ф. Р-2794. Оп. 2. Д. 125.

ТИПОЛОГИЯ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Целик Т.В., канд. филос. наук, доц.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
tzelik@meta.ua

Широко известно высказывание А. Ф. Лосева о русской философии, которое показывает одну из важнейших ее типологических характеристик: «В XIX столетии Россия произвела на свет целый ряд глубочайших мыслителей, которых по гениальности можно поставить рядом со светилами европейской философии. Однако никто из них не оставил после себя цельной, замкнутой философской системы, охватывающей своими логическими построениями всю проблему жизни и ее смысла. Поэтому тот, кто ценит в философии прежде всего систему, логическую отделанность, ясность диалектики, одним словом – научность, может без мучительных раздумий оставить русскую философию без внимания... русская философия является насквозь интуитивным, можно даже сказать, мистическим творчеством, у которого нет времени, а вообще говоря, нет и охоты заниматься логическим оттачиванием мыслей» [4, с. 67-68].

Из приведенной широкой цитаты видно, что она определяет следующий методологический круг вопросов: 1) была ли русская философия вообще, если ее рассматривать в наукообразном, логоцентристском понимании; 2) если не были созданы учения, подобные западноевропейским философским системам, ставшими именами-направления (например, Декарт – картезианство, Кант – кантианство, Гегель – гегельянство, Маркс – марксизм и т.д.), то является ли русское наследие философией вообще, хотя в этих же рассуждениях А. Ф. Лосев пишет и о позитивистских философских учениях, созданных русскими мыслителями во второй половине XIX в.: «... из-под пера русских университетских профессоров вышло несколько работ, которые трактуют (в основном на немецкий систематический лад) преимущественно проблемы теории познания и логики» [2, с. 68]; 3) «интуитивное», «мистическое» творчество – это отсылка к религиозному началу, так многообразно представленное у русских мыслителей не только XIX в., но и более ранних этапов русской культуры, и, соответственно, это обстоятельство определяет еще два методологических вопроса – когда возникает и кем представлена русская философия, возможно ли ее отделить от богословия, если тексты XI –XVII вв. создавались в основном деятелями церкви.

Мы обращались к этим методологическим проблемам многократно [6, с. 10–32; 7], и считаем, что наиболее корректным и теоретически

значимым в понимании данного круга вопросов является подход, предложенный профессором В. С. Горским [1;2], и уже утвердившийся в историко-философской славистике как культурологический. Именно этот подход позволяет включить в круг исследования и труды профессиональных философов разных эпох, и тексты религиозно-богословского содержания, и отвечает на вопрос, что считать собственно философией в ее исконном смысле – в значении «любовь к мудрости», т.е. начиная с древнерусского любомудрия.

Но даже применение культурологического подхода не снимает следующие методологические проблемы, которые затрагивают не только философию, а, скорее, весь комплекс русской культуры, включая литературу и искусство. Мы обозначим еще несколько аспектов.

Применим ли исторический (позитивистский) или социально-экономический (формационный) подход к ее периодизации, устоявшийся и описывающий поэтапное становление западноевропейской культуры? Если учесть, что социальная действительность России, в сравнении с Западом и в силу историко-политических обстоятельств, имела существенный разрыв в темпах экономического развития, то хронологическое несовпадение очевидно. Можно ли с позиций экономического детерминизма определить значимость духовно-культурного наследия, если допетровская эпоха в целом оценивалась как что-то отсталое, или, как указывал еще Н. С. Трубецкой, читая лекции в Венском университете, «варварское», примитивное и малоценное. При этом Россия XIX в., оставаясь сословно-феодальной страной до отмены крепостного права в 1861 г., явила миру уникальную литературу, музыку и театр, но русская философия этого же периода такого масштаба расцвет не продемонстрировала.

Об аналогичных проблемах периодизации и специфики литературного процесса в России, основанной на социально-экономических явлениях и событиях, пишет профессор. А. Н. Ужанков, подчеркивая, что эта практика сохранялась до недавнего времени, и что в учебниках по древнерусской литературе она практикуется и донныне [5]. Он же настаивает на необходимости строить периодизацию и типологию древнерусской литературы на «...выявленных объективных законах эволюции культуры и литературного процесса, связанных с эволюцией христианского мировоззрения, общественного и личного сознания»[5].

Личностное сознание автора, экзистенциальный опыт художника или мыслителя во многом является не столько отражением социального среза, сколько созданием новых смыслов, постановкой новых вопросов и вариантов духовного поиска. Не случайно философию не возможно свести только к рационально-теоретическому наукообразному знанию, она сама является одной из форм духовной культуры, ее своеобразной квинтэссенцией. И в этом смысле русская философия, усваивая достояние

европейской мысли, шла своим путем благодаря личностному авторскому переосмыслению и западного, и отечественного наследия.

Так, еще русский философ серебряного века В. В. Зеньковский в фундаментальном труде «История русской философии» писал: «Мне могут сделать упрек в том, что я не только излагаю и анализирую построения русских философов, но и связываю эти построения с общими условиями русской жизни. Но иначе историк – и особенно историк философской мысли – поступать не может. Поскольку в русской философии, несмотря на ее несомненную связь и даже зависимость от западноевропейской мысли, развились самостоятельные построения, они связаны не только с логикой идей, но и с запросами и условиями русской жизни» [3, с. 15].

Именно отечественные любомудры и философы разных эпох, усваивая влияния сначала религиозно-богословской и святоотеческой традиций, затем гуманистической и рационально-просветительской, позже позитивистской и экзистенциальной, меняли интеллектуальный климат в различных сферах русской жизни, создавали высокие смыслы и символы. Илларион и Владимир Мономах, Симеон Полоцкий и Феофан Прокопович, Владимир Соловьев и Николай Бердяев, Сергей Булгаков и Николай Федоров, Павел Флоренский и Густав Шпет, как и многие другие, представляют эту славную плеяду русских философов.

Список литературы

1. Горский В. С. Философские идеи в культуре Киевской Руси XI – начала XII в. – К.: Наук. думка, 1988. – 214 с.
2. Горський В. С. Історія української філософії: Курс лекцій. – К.: Наук. думка, 1996. – 288 с.
3. Зеньковский В. История русской философии. – М., 2001. – 880 с.
4. Лосев А. Ф. Русская философия // Введенский А. Н., Лосев А. Ф., Радлов Э. Л., Шпет Г. Г.: Очерки истории русской философии. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. – С. 67–95.
5. Ужанков А. Н. О специфике развития русской литературы XI - первой трети XVIII века: Стадии и формации // [Электронный ресурс] – Режим доступа: // <http://www.rulit.net/books/o-specifike-razvitiya-russkoj-literatury-xi-pervoj-treti-xviii-veka-stadii-i-formacii-read-75040-1.html>
6. Целік Т. В. Особистісне начало у філософській культурі Київської Русі. – К.: Вид. ПАРАПАН, 2005. – 312 с.
7. Целік Т. В. Філософська культура Київської Русі: методологічні та джерелознавчі аспекти дослідження // Наукові читання "Вітчизняна філософська традиція: інтелектуальний і культурний контекст" (Київ, –НАУКМА, 9 листопада 2001 р.) // Національний університет "Києво-Могилянська академія". Наукові записки. Т.18. Філософія та релігієзнавство. – К.: Видавничий дім "КМ Академія", 2002. – С. 32–37.

АКТУАЛЬНОСТЬ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ РУССКОГО ДОНБАССА

Черемисин А.Г., канд. социол. наук
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
05.01@mil.ru

Введение. Бурное развитие информационных и коммуникационных технологий и реалии формирующегося информационного общества нуждаются в новых способах трансляции социального опыта и ставят перед обществом задачу объективной интерпретации происходящих процессов и прогнозирования.

Увеличение роли информационных технологий и сети Интернет в жизни современного социума оказало влияние, в том числе, и на систему образования по всему миру, изменив в целом образовательный вектор и патриотическое воспитание в частности.

Актуальность (социальная значимость) ростом числа пользователей сетью Интернет. Каждый день к Интернету подключаются все новые и новые пользователи, кто-то из них будет проводить в виртуальном пространстве всего лишь несколько часов в месяц, а для кого-то Интернет станет неотъемлемой частью работы.

Целью настоящего исследования послужило: развитие Интернета в Донецком регионе и применение его в образовательной сфере – предмет активного интереса со стороны как практиков системы образования и самих учащихся, так и исследователей социальных процессов глобальной мировой системы, специалистов по ИТ, социологов, психологов.

Для исследования используются следующие **методы**: общенаучные – анализ, синтез, индукция, дедукция. Принципы: объективности, аксиологического подхода. Учитывая многогранность феномена социализации и образования в Интернете, вполне объяснимо обращение к смежным наукам: социальной психологии, политологии, экономике, философии и педагогике. Это позволило использовать комплексный подход в качестве методологической базы исследования.

Огромное значение для раскрытия темы исследования имеет разработка новой методологии в изучении вопросов информатизации общества, проблем связанных с созданием и развитием современных коммуникативных технологий; пересмотр ряда социально-экономических изменений, связанных с активным внедрением ИТ-технологий общественную жизнь и производство; исследование не только технических возможностей компьютеризации, но и ее социокультурных и социально-экономических перспектив и последствий.

Результат. В проблемном поле социологии Интернет-среды разрабатываются концепции процесса Интернет-коммуникаций как особого типа социального взаимодействия, обладающего устойчивыми и регулярными формами. Если говорить об использовании Интернета в политических интересах, то уже сейчас с помощью Интернета свергаются правящие элиты на постсоветском пространстве. Без Интернета и социальных сетей не состоялась бы так называемая «Арабская Весна». Нельзя обойти вниманием ту роль, которую ua-net сыграл в создании массового общественного мнения в период «оранжевой» революции в Украине, которую с полным основанием можно считать первым Интернет-переворотом в истории человечества. Далее был т.н. Евромайдан, на который рекрутировались сторонники через социальные сети.

В заключении стоит отметить, что ДНР интенсивно входит в мировое информационное пространство. Если в системе образования мы в ближайшее время не освоим новую социальную и образовательную реальность мира Интернет, то неизбежно отстанем от реалий мира.

В условиях боевых действий, сложной социально-экономической ситуацией Донецкая Народная Республика «обречена» на дистанционное образование посредством Интернет - технологий.

Список литературы

1. Твердынин, Н.М. Привлечение Интернет технологий в образование: плюсы и минусы [Текст] / Н.М. Твердынин, А.Г. Черемисин // М.: Социально-гуманитарные знания. – 2008 г. – № 9. – С. 281-289.
2. Туронок, С.Г. Интернет и политический процесс [Текст] / С.Г. Туронок // Общественные науки и современность. М.: Наука и жизнь. – 2001. – С.51-63.
3. Усенков, Д. Суперкомпьютер под названием «Интернет» [Текст] / Д. Усенков // Наука и жизнь. – 2001. – № 2. – С.72-73.
4. Хакен, Г. Информация и самоорганизация: Макроскопический подход к сложным системам. / Перев. Ю. А. Данилова; [Предисловие Ю. Л. Климонтовича], М.: Мир. – 1991. – С.53.
5. Черемисин, А. Г. Обучение в Интернете – новая реальность. [Текст] / А.Г. Черемисин // Новосибирск: ЛГО № 8. – 2005 – С. 9-15.

ОТРАЖЕНИЕ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ МОХАНДАСА КАРАМЧАНДА ГАНДИ В УЧЕНИИ О САТЪЯГРАХЕ И АХИМСЕ

Чернобай Д.С.,

Авраменко Н.Л., учитель высшей квалификационной категории
Республиканский многопрофильный лицей-интернат при ДонНУ МОН ДНР,
aldente640@gmail.com, avramenko-natalija@rambler.ru

Истории национально-освободительного движения известно немало блестящих и значительных побед. Одна из них – завоевание независимости Индией, которая была самой большой колонией Британской империи. И это завоевание связано с именем Мохандасом Карамчандом Ганди, более известному как Махатма Ганди, что буквально значит Великая Душа Ганди. Приобретение независимости Индии связано с социально-политическим и религиозно-философским учением – *гандизмом*.

Создателем Гандизма является Махатма Ганди, который соединил национально-религиозные традиции Индии с основами мировых религий, так же благодаря влиянию на его взгляды Льва Толстого, Р.У. Эмерсона и Г.Д. Торо.

Мохандас Ганди был приверженцем объективного идеализма: признание бога в качестве основы мира, а материя – это производная от бога. Ганди отождествлял бога с истиной. Истина для Махатмы стала ключевым элементом его философских исканий. Однако истина у него – это не категория познания, а в большей степени моральный принцип. По его мнению, абсолютную истину – бога не познают, а ищут и осуществляют в себе [1]. Так появляется термин «сатъяграха» (сатъя – истина, воплощённая в любви; аграха – твёрдость духа), который Махатма объяснял как «истину, воплощенную в любви», «упорство в истине, основанное на ненасилии» [2]. В последствие сатъяграха становится основой философии ненасилия и методом политической борьбы Мохандаса Карамчанда.

Ключевым элементом морали, по убеждению Ганди, являлся принцип ахимсы. Он призывал воздерживаться от нанесения вреда духовного. Ахимса обозначает не причинение вреда всему живому, ненасилие. Ахимса – это отсутствие в поведении человека качеств, сопутствующих проявлению зла во всех возможных видах — в мысли, речи и поступках. Ганди говорил: «Ахимса — основа для поисков истины. Поиски эти тщетны, если они не строятся на ахимсе» [2]. Из ахимсы вытекали следующие этические категории и нормы: ненасилие, храбрость и мужество, любовь, правдивость и справедливость.

Ненасилие как этическую категорию ахимсы Махатма рассматривал в этическом и политическом аспектах. В первом случае – как принцип поведения человека, во втором – как метод политической борьбы. Ненасилие, по мнению Ганди, может быть осуществлено тогда, когда человек любит того, кто его ненавидит. Оно не является проявлением слабости или пассивности, наоборот, по убеждению индийского лидера, активно направлено на противника, чтобы преодолеть в нём дух насилия [1].

Мохандас Карамчанд Ганди неукоснительно следовал своим убеждениям, демонстрируя своим последователям единство идеи и дела. Его сердце было наполнено Любовью. Он сострадал и жертвовал, был тверд и смел, отказывался от личных интересов, бескорыстно служа своему народу. Эти качества и составляют суть истинного лидерства. Более тридцати лет он настойчиво проповедовал свою философию, помогал угнетенным индусам в Африке, боролся за независимость в Индии и в конце концов доказал всему миру эффективность ненасильственной политики.

Список литературы

1. Иващенко А.С. Истоки, содержание и сущность гандизма.//Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1, 2009. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoki-soderzhanie-i-suschnost-gandizma> (дата обращения: 08.01.2018)
2. Махатма Ганди. Моя жизнь. Моя вера. – Санкт-Петербург: Азбука-Аттикус, 2016. – 736 с.
3. Горев А.В. Махатма Ганди.- 2 - е изд.- М.: Международные отношения, 1989г. – 376 с.
4. Храмова Н. Махатма Ганди – борьба за независимость Индии. – URL: <https://rossaprimavera.ru/article/mahatma-gandi-borba-za-nezavisimost-indii> (дата обращения: 08.01.2018)
5. Датта Д. Философия Махатмы Ганди.- М.: изд. Иностранной литературы, 1959. – 146 с. – URL: <http://antimilitary.narod.ru/antology/gandi/datta.htm> (дата обращения: 05.10.2017).

УДК 165.193:124.4

СИНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА КАК ЛАБИЛЬНЫЙ МЕТОД ИЗУЧЕНИЯ ТВОРЧЕСКОЙ СВОБОДЫ

Шатохина Н.П., канд. филос. наук

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
shatohina-85@mail.ru

Введение. На сегодняшний день, невозможно представить целостную научную картину мира без синергетического метода познания. Синергетика позволяет нам по-новому взглянуть на вещи и выйти заранее установленные

объективные пределы постижения мира. Без преувеличения можно заметить, что именно синергетическая парадигма способна дать ключ к познанию феномена творческой свободы, раскрыть его во всей его противоречивости и полноте. Синергетический метод дает возможность представить однородную структуру мира, объединить воедино природу и культуру, выявить их общее, основополагающее начало, и не только.

Синергетика представляется надежным инструментом для познания неизведанных областей, поскольку она вобрала в себя лучшее от диалектики и метафизики, примеряет их многовековое противостояние. Вполне естественно, что сведение глубинных духовных тайн к одному знаменателю, то есть объяснение их с помощью точных, почти математических формул, может вызывать некий негативизм, в некотором роде шокировать. Современный человек, словно бы теряет глубинный пласт исторически накопившихся знаний о мире и возвращается к античным истокам, к поискам первоначала, первоосновы. Но, это только на первый взгляд. Системный подход к разнообразным вселенским явлениям, поиск единого начала возводит нас к высшим пределам истинного знания. Как замечает Н.М. Урманцев в своей статье «Самоорганизация и свобода человека»: «Парадигма самоорганизации кладет основания для анализа нового этапа освоения универсума в адрес его неординарного агента – человека. Самоорганизация человеческого бытия есть продолжение естественной самоорганизации природы, но в иных сверхприродных, культурно-исторических обстоятельствах» [4, с. 28].

В отличие от животного человек делает свой выбор, во многом полагаясь на разум, а не на инстинктивное побуждение, но нам неизвестно, чем руководствуется сила, создавшая и преобразующая Вселенную - инстинктивным порывом или продуманным, четко-выверенным планом. Свобода (или осознанное стремление к ней) заключено в самом человеке, что возвышает его перед всеми другими живыми существами, дает им силы в неравной борьбе с природной необходимостью. У Р. Лаута находим: «Отказ от признания закономерной необходимости для воли столь же характерен, как и притязание на право свободы» [2, с.109]. Но при попытках рассматривать свободу только с этой позиции, возникает угроза неполного охвата проблемы, исключение из поля зрения системного характера свободы.

Актуальность (социальная значимость) определяется тем, что синергетическая парадигма приводит нас к новому философскому учению о формообразовании и системности мира. И, следует заметить, что проблема свободы занимает в этом учении не последнее, а напротив, главное, по значимости, место. Проблема сознательного выбора человека предстает не в узком этическом контексте и не ограничивается только ее совмещением с проблемой созидания. Свобода в синергетике – это беспредельная величина и мера всех преобразований, как природных, так и

общественных. Своей самой высшей целью, синергетический метод, ставит поиск основ и причины возникновения вселенской гармонии на самых разных уровнях. Самое прекрасное, что дано человеку от рождения – способность к творчеству и свободу осознанных действий, синергетика изучает на самом высшем, макрокосмическом уровне.

Целью данного исследования послужило: определение значимости применения синергетической парадигмы в отношении феномена творческой свободы. Синергетическое видение мира обнаруживает нелинейность везде: как во внутреннем мире человека, так и во внешнем, противостоящем ему мире. Нелинейность – свойство не только живой материи, это свойство и материального и духовного вообще, необходимое условие сущего. Состояние нестабильности приводит к инновациям, отмиранию всего предшествующего и возникновению качественно нового. Неустойчивость, приводящая к гармонии, иному порядку и иной организации дает иногда просто новый результат, а иногда (если речь идет о духовном мире личности) задействует творческие импульсы преобразования бытия.

Синергетическая парадигма, прежде всего, обосновывает многоальтернативность выбора и, пытается ответить на вопрос, несем ли мы в полной мере ответственность за этот выбор или просто подчиняемся упорядочивающему закону мироздания. Будущее неопределенно, размыто, оно всего лишь точка бифуркации, в которой возможно бесчисленное множество «сюжетных» линий. «Бесконечность всегда сохраняет для нас достаточную тайну, в частности потому, что Космос обладает творческим началом. Природа постоянно обновляет себя, в том числе свои самые фундаментальные истины, принципы и законы. Поэтому у нас не может быть совершенно точного образа будущего развития материи» [3, с.8]. Спонтанность – определяющий фактор синергетического видения мира, поскольку именно нелинейность и неравновестность самых разных и сложноорганизованных систем приводит к целостному и завершенному результату.

Синергетическая концепция, как это ни парадоксально, наиболее гуманистична из всех других, хотя бы по той причине, что ставит человека во главу строения мироздания, поскольку именно человеческое сознание, человеческое созидание, признаются наиболее показательными в плане самоорганизации. Трудно поискать наиболее яркий пример создания нового из неожиданных комбинаций, чем процесс творчества и его продукт. И в таком варианте свобода проявляет себя как возможность альтернативного выбора, поливариантность действий. Синергетика вполне способна быть применима в рассмотрении любых онтологических универсальных категорий, выходить за грани общедоступных знаний.

Сегодняшний день навязывает свою философию, свою систему ценностей; человек несвободен ни в одном своём решении, ни в одном

действию. Все они, как правило, продиктованы достижением материальной выгоды, престижа, массового одобрения. Чисто человеческие ценности, радости общения, не просто отошли на второй план, но уже были объявлены "старомодными". На публику делаются заявления о неограниченной индивидуальной свободе самовыражения личности, а на деле, каждый из нас замкнут в тесные рамки общественных стереотипов. Синергетическая концепция дает нам право на надежду. Не стоит искать свободу за пределами внутреннего континуума, не стоит также подвергать себя жесткой саморефлексии, чтобы познать глубокое разочарование, как это было в экзистенциализме. Нужно просто понять, что внутренний дисбаланс, хаотичность, так органично уживающийся с порядком и структурированностью позволяет нам не только осуществлять выбор из множества, но и самовыражаться, достигать творческих высот. Хаос давно уже не воспринимается как нечто негативное и дезинтегрирующее. Уже не актуально утверждение Р. Баранцева, что: «В современном массовом представлении хаос — беспорядочное, бесформенное, неопределённое состояние вещей, так что антитезой хаосу обычно является порядок, причём хаос — это бесструктурность, неустойчивость, стихийность; порядок — это структурность, устойчивость, организованность. Отчётливо напрашивается вывод, что хаос — это плохо, а порядок — это хорошо» [1, с.97]. Хаос приводит нас к новой структуре, новая структура к новому уровню гармонии и новому пониманию феномена творческой свободы. Свобода, которую нам представляет теория самоорганизации, присутствует во всем, и незримо связывает все сущее единым неразрывным законом. Впервые, не прибегая к ложным доказательствам, мы убеждаемся, что свобода разумна, априорно рациональна и самосозидательна.

Выводы. Таким образом, можно прийти к следующим выводам: именно синергетическая парадигма позволяет наиболее близко подойти к разгадке феномена свободы созидания. Самоорганизация систем любого уровня, говорит о очевидности взаимосвязи между всеми сферами бытия. Свобода творчества не нуждается в поиске и доказательстве своего существования, она заложена в самой основе бытия и проявляет себя в бифуркационной точке выбора развития системы. Переосмысление проблемы творческой свободы дает возможность преодолеть глобальные кризисы современной эпохи духовно-нравственного регресса.

В современной науке бытует мнение, что синергетический метод при рассмотрении явлений духовного порядка, неизбежно приводит нас к редукционизму, опошляет процесс творчества, самый священный из всех таинств человеческого разума, сводит волевой выбор личности к примитивизму и механистическому описанию. Однако пора признать, что мозг тоже механизм, каким бы сложноорганизованным он не был, и процесс творчества — его высшее проявление, процесс свободного

созидания, в целом протекает по тому же сценарию, что мы каждодневно наблюдаем во всех природных и социальных явлениях. Именно по этой причине, обращение к синергетической парадигме, представляется наиболее актуальным и своевременным в данном временном контексте.

Список литературы

1. Баранцев Р.В. Имманентные проблемы синергетики / Р.В. Баранцев // Вопросы философии. – 2002. – № 9. – С. 91-99.
2. Лаут Р. Философия Достоевского в систематическом изложении / Р. Лаут; - [под ред. А.В. Гулыги; пер. с нем. И.С. Андреевой]; - М.: Республика, 1996. – 447 с.
3. Омельченко Н.В. Опыт философской антропологии / Н.В. Омельченко. – Волгоград: ВолГУ, 2005. — 216 с.
4. Урманцев Н.М. Самоорганизация и свобода человека / Н.М. Урманцев // Вестник ТГПУ. – 2006. – №7. – С. 26-32.

УДК 1(091)

ИДЕЯ СВЕРХЧЕЛОВЕКА ФРИДРИХА НИЦШЕ И ЕЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Шумков В.С.,

Андриенко Е.В., д-р филос. наук, проф.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

elena_andrienko8@mail.ru

Идея Сверхчеловека была и остается сложной одной из самых сложных и противоречивых в истории западной философской мысли. Единой интерпретации ницшеанской концепции сверхчеловека в современной гуманитарной науке так и не сформировалось. Одни мыслители рассматривают его как героического человека, некоего «супермена», в котором гармонично сочетаются лучшие физические, нравственные и духовные качества. Другие же трактуют Сверхчеловека как человека, у которого получила гиперразвитие лишь одна некая способность. Так или иначе, ницшеанская концепция сверхчеловека привлекает интерес в самых разных контекстах вплоть до наших дней.

Целью нашей работы является философское исследование основных социальных последствий концепции Ф. Ницше о Сверхчеловеке.

В своем исследовании мы стремились опираться, прежде всего, на работы самого Ф. Ницше – «Ессе Ното, как становятся самим собой» [1], «Воля к власти: Опыт переоценки всех ценностей» [2], «К генеалогии морали» [3], «По ту сторону добра и зла» [4], «Так говорил Заратустра: Книга для всех и ни для кого» [5].

Многие философы современности стремятся к новой интерпретации ницшеанства и вкладывают в идею сверхчеловека новое содержание. Так или иначе, идея Сверхчеловека имеет далеко идущие последствия для общества. Не случайно постоянно идут дискуссии среди философов о влиянии этой идеи на идеологию немецкого фашизма. Обобщенно-массовое представление современной молодежи о Сверхчеловеке заключается в том, что это некая личность, которая, прежде всего, сильна духом, гениальна, лидер, обладающий огромной волей и незаурядные умственные способности.

Согласно одному из опросов, большинство респондентов, относящихся к молодежной среде, из всех качеств личности Сверхчеловека определило в качестве основных такие как стремление и способность к самосовершенствованию, к обретению мудрости. Но вместе с тем, немалое количество выделило и другие: отсутствие страха перед общественным осуждением, наказанием, безжалостность к себе.

Рис. 1. Результаты социологического опроса на тему «Ваше представление о Сверхчеловеке»

Суть концепции Сверхчеловека Ф. Ницше составляет притча «О трех превращениях». Вначале дух становится верблюдом, затем верблюд превращается во льва, и, наконец, лев становится ребенком. Мы, действительно, верблюды, которые носят на плечах обязательства, продиктованные нам моралью общества. Стадия «верблюда» – это символ большого труда. Вторая стадия «льва» – это освобождение, свобода для создания новых ценностей. На этой стадии человек только расчищает себе путь к идеалу, пытается сбросить с себя все тяготы, которые связывают его. И, наконец, третья стадия – стадия ребенка. Ребенок – это символ

новой жизни, символ рождения Сверхчеловека, который созидает, творит «новые моральные ценности». Для немецкого философа Сверхчеловек – это не цель, а мост, по которому идет человечество в своем познании.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Сверхчеловека Ф. Ницше, провозглашенного устами героя его известного произведения Заратустры, можно охарактеризовать следующим образом:
 - Сверхчеловек – это, прежде всего, сильная личность. Он принадлежит к аристократии. Для Ницше человек толпы никогда не станет «сверхчеловеком»;
 - Сверхчеловек проводит всю жизнь в борьбе с собой, за свое самосовершенствование;
 - У Сверхчеловека есть такие негативные качества: презрение к состраданию, милосердию;
 - У Сверхчеловека – своя собственная мораль, не совпадающая во многом и даже противоположная ценностям христианской западной культуры. Он отказывается от устаревших норм жизни, создает тем самым новые ценности.
2. Национал-социалисты Третьего Рейха трансформировали идею Сверхчеловека Ф. Ницше в идею господствующей арийской расы. В своих работах Ф. Ницше толкует понятие «раса» с точки зрения интеллектуальной характеристики, но отнюдь не национально-этнической, как это делалось в контексте фашистской идеологии.
3. Под лозунгом создания Сверхчеловека с целью изучения пределов человеческой переносимости организма нацисты проводили опыты над людьми в концлагерях.
4. Ницше своими теориями искушал создателей нацистской идеологии. Используя вывод философа о новой морали «сверхчеловека», нацисты интерпретировали его по – своему. Идею «сверхчеловека» использовали как ширму, за которой уничтожали целые народы, проводили опыты над людьми. В этом проявились отрицательные последствия ницшеанской идеи «сверхчеловека».
5. Идея «сверхчеловека» Ф. Ницше является актуальной и сегодня. В лабораториях проходят исследования по генной инженерии относительно усовершенствования человека. Однако ученым не следует забывать о нравственных и этических основах этой проблемы.

В заключении стоит отметить, что каждому человеку во имя лучшего будущего необходимо работать над собой, над усовершенствованием собственных волевых, моральных и интеллектуальных качеств, поскольку всесторонне развитая, волевая, нравственно устойчивая творческая личность заслуживает всеобщего восхищения и уважение в любую историческую эпоху.

Список литературы

1. Ницше Ф. Ессе Homo, как становятся самим собой / Ф. Ницше [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nietzsche.ru/works/main-works/ессе-homo/> (Дата последнего обращения – 20.09.2018 г.).
2. Ницше Ф. Воля к власти: Опыт переоценки всех ценностей / Ф. Ницше [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nietzsche.ru/userfiles/pdf/vola.pdf> (Дата последнего обращения - 20.09.2018 г.).
3. Ницше Ф. К генеалогии морали / Ф. Ницше [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nietzsche.ru/works/main-works/genealogia/?curPos=2> (Дата последнего обращения – 20.09.2018 г.).
4. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла / Ф. Ницше [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lib.ru/NICSHNE/dobro_i_zlo.txt (Дата последнего обращения - 20.09.2018 г.).
5. Ницше Ф. Так говорил Заратустра: Книга для всех и ни для кого. Антихрист. Проклятие христианству / Ф. Ницше. – Харьков: Фолио, 1999. – 342 с.

УДК 351.74(450+571) «18»

СУЩНОСТЬ ФОРМИРОВАНИЯ ОРГАНОВ ПРАВОПОРЯДКА ДОНБАССА В СЕРЕДИНЕ XIX В. (ПОЛИТИКО-АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД)

Щербинина Е.В., канд. ист. наук, доц.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
scherbinina@mail.ru

Введение. На современном этапе государственного развития Донецкая Народная Республика находится под воздействием глубоких социальных преобразований. Усложнение социально-экономических проблем, миграционных процессов повлекло за собой увеличение количества преступлений террористического характера. В то же время в республике происходит правовая реформа, в том числе и широкомасштабное реформирование правоохранительных органов для обеспечения необходимой защиты личности, общества и государства. Одним из факторов повышения эффективности деятельности работников органов правопорядка может стать изучение опыта их предшественников.

Актуальность. Творческое, научное проникновение в прошлое необходимо в связи с тем, что история рассматривает общественное развитие как процесс, в котором тесно переплетаются прошлое, будущее и настоящее. В связи с этим интерес к историческому прошлому постоянно возрастает. Исследование системы и структуры органов правопорядка, их нормативно-правового и кадрового обеспечения, форм взаимодействия

имеет в современных условиях не только теоретическое, но и практическое значение. Знание исторического опыта, достижений и ошибок, их причин является одним из важнейших элементов исторической действительности, предпосылкой принятия правильных решений в процессе преодоления современных трудностей.

Целью данного исследования является анализ становления органов правопорядка на территории Донбасса во второй половине XIX в.

Результат. В 1867 году была проведена реформа политической полиции Российской империи. Согласно реформе, несколько изменялись обязанности сотрудников политической полиции. Жандармы с этого времени назначались: для обнаружения и расследования преступлений исключительно политического характера; для содействия местным властям в охране порядка и внутренней безопасности; для осмотра паспортов в портах и пограничных местах империи; для надзора за содержащимися в тюрьмах государственными преступниками; для сохранения внутреннего порядка, благочиния и общественной безопасности в районе железных дорог [1, с. 15]. Кроме того «Положение» обязывало сотрудников жандармерии иметь самую точную информацию о происходящих событиях на вверенной им территории. Особыми циркулярами жандармам также рекомендовали вводить негласный полицейский надзор за подозрительными и неблагонадежными лицами. Не упускалось из методов и использование тайных сотрудников, формировавших постепенно развивающуюся систему агентуры [2, с. 24].

В ходе реформирования органов имперской государственной безопасности произошли изменения и в способах их комплектования. С 1870-х гг. все офицеры, желавшие перейти на службу в Корпус жандармов, испытывались при Штабе Корпуса, как в нравственных качествах, так и в служебных достоинствах. Все кандидаты должны были прослужить на менее 5 лет в армии и окончить курс наук не ниже средних учебных заведений [1, с. 24].

Предпринятая правительством Российской империи реформа политической полиции имела целью адаптировать жандармерию под реалии новой эпохи, сделать ее более мобильной, профессиональной и ориентированной на наблюдение за широкими слоями населения.

В заключении хотелось бы отметить, что деятельность органов правопорядка в любом государстве это непрерывный и динамичный процесс, поэтому различные практические ситуации требуют использования конкретных подходов и методов работы. Для того чтобы органы правопорядка республики реально осуществляли свою профессиональную деятельность в соответствии с современными постоянно изменяющимися условиями, возникает необходимость постоянного мониторинга изменений в обществе и их влияния на

ожидания населения относительно улучшения деятельности полиции. Очевидно, что необходимо совершенствовать методики работы органов правопорядка, изучать отечественный и зарубежный опыт в этой сфере, стимулировать научный поиск, в том числе в области историко-правового прошлого.

Список литературы

1. Краткий систематический свод действующих законоположений и циркулярных распоряжений относящихся для обязанностей чинов губернских жандармских управлений по наблюдению за местным населением и производству дознаний. / сост. полк. Добряков. – СПб.: тип. штаба Отд. корп. жанд., 1903. – 650 с.
2. Общий состав управлений и чинов Отдельного корпуса жандармов: исправлен на 15 мая 1884 года. – СПб: тип. МВД, 1884. – 484 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Иностранная филология.

Сопоставительное изучение языковых единиц и категорий

<i>Грибань Т. А., Ягунова Л. Н.</i> Об артикле как средстве передачи определённости в именных словосочетаниях с меронимами	4
<i>Грядова А. С., Кобзев Н. В.</i> Сохранение авторского стиля в художественном дискурсе на примере произведения Дж. Фаулза «The Magus»	6
<i>Квач Ю. А.</i> Использование грамматических трансформаций при переводе текстов в сфере строительства	8
<i>Кобзев Н. В.</i> Способы обеспечения связности в английском, русском и украинском языках	11
<i>Kovtun I. V., Agafonova E. I.</i> American or British English? Which variant to teach?	13
<i>Мельник Н.В., Язева Е.Е.</i> Образ Кузбасса в представлении телеутов – малочисленного коренного народа Кемеровской области	16
<i>Петрищева Е. И.</i> Структура и семантика лексем со значением «родители» в субстандарной лексике: сопоставительный аспект	19
<i>Тарасюк В. А., Ягунова Л. Н.</i> О номинациях кровного родства в романе Ш. Бронте «The professor» в аспекте переводоведения	22
<i>Токарева В. Г., Ус Ю. Н.</i> Основные категории английского и немецкого молодежного сленга	24
<i>Усенова К. У.</i> Заимствование названий одежд как фактор межкультурной коммуникации	27

Германские и романские языки в синхронии и диахронии

<i>Гапотченко Н. Е.</i> Экспансионизм дискурсов франкоязычных СМИ	30
<i>Грицкова Н. В.</i> Теоретические исследования переводческой стратегии (на материале французского и немецкого языков)	32
<i>Калиущенко В. Д.</i> Структурные ограничения в словообразовании	35
<i>Косицкая А. Г.</i> Семантическая деривация в английском и немецком языках (на материале наименований человека в искусстве)	37
<i>Морозенко Е. А., Бессонова О. Л.</i> Особенности семантической деривации оценочных прилагательных с семой «характер»	40
<i>Томилина Ю. В., Усова Н. В.</i> Двухкомпонентные ойконимы немецкого языка смешанного славянско-немецкого происхождения	42
<i>Удинская А. Г.</i> Стилистические функции графона в романе С.Фрая «Теннисные мячики небес»	44
<i>Ус Ю. Н.</i> Сложные прилагательные с семой 'белый' в немецких текстах XVI-XIX веков	46
<i>Усова Н. В.</i> Поэтонимизация как разновидность трансонимизации	49

Лингвокогнитивные и лингвокультурологические исследования

<i>Бандылюк В. А., Трофимова Е. В.</i> Семантические особенности фразеологизмов, описывающих характер человека в английском языке	52
<i>Бартенева В. Г.</i> Многоуровневая интерпретация поэтонимов романа Дж.Джойса «Улисс»	54
<i>Garipova A. N.</i> Can the English Language Name Global. to the Question of Terminology	55
<i>Гордиенко Е. В.</i> Реализация оценки в британских медиатекстах жанра feature	58
<i>Данилова Д. В., Ненарочкина А. Г.</i> Лингвостилистические средства создания художественного образа в повестях Ч. Диккенса «Рождественский хорал» и «Сверчок на печи»	61
<i>Диденко А. А.</i> Особенности перевода культурных реалий России по роману Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»	63
<i>Жданова Е. В., Еромянц И. С.</i> Явление межъязыковой интерференции и причины возникновения ошибок	65
<i>Захарова А. Л.</i> Переводческий дискурс в контексте лингвистической теории перевода	68
<i>Ковалева Т. А.</i> Внутренняя и внешняя коммуникации в драматическом произведении и их реализация	71
<i>Костюк А. К., Бессонова О. Л.</i> Семантические и структурные особенности фразеологических единиц с анималистическим компонентом в английском языке	73
<i>Кравцов С. М., Прохорова А. П.</i> Единицы фразеосемантического поля «говорение» на шкале «современное – устаревшее»	75
<i>Романова И. В.</i> Способы передачи имплицитной информации в переводе художественного текста	78
<i>Рылова В. В.</i> Англоязычное название кинематографического произведения как специфический объект лингвистического исследования	80
<i>Санченко Е. Н.</i> Специфика ономастикона художественного произведения	82
<i>Строева Ю. Ю.</i> Виды англоязычных заимствований в немецкоязычных текстах авиационной рекламы	85
<i>Усенова К. У.</i> Анализ этнографизмов, связанных со свадебными обрядами каракалпакского народа	88

Зарубежная литература: модус, жанр, стиль

<i>Апостолова А. К., Теличко Т. Г.</i> Эволюция образа охотника-фонтирсмена в американской литературе XIX–XX вв. (на материале пенталогии Дж.Ф. Купера и малой прозы Э. Хемингуэя)	91
<i>Голуб О. В.</i> Особенности интерпретации темы любви в романе И. Во «Возвращение в Брайдсхед»	94
<i>Никулина И. Н.</i> Миф об аргонавтах: к проблеме диалога искусств	95
<i>Пилипенко Е. М., Сапегина Л. В.</i> Мотив окаменелостей в романе Дж. Фаулза «Женщина французского лейтенанта»	97
<i>Сапегина Л. В.</i> Топос маски в романе Комптона Маккензи «Карнавал»	99

<i>Строева Ю. Ю., Кузнецов Р. А.</i> Лексикализация концепта «страх» в романе У. Голдинга «Повелитель мух»	102
<i>Теличко Т. Г.</i> Метафора «Мир есть текст» в романе П. Акройда «Процесс Элизабет Кри»	105
<i>Чуванова О. И.</i> Андрогиность в постколониальной литературе (С. Рушди, А. Десаи, Х. Курейши)	107

Лингводидактика и методика преподавания иностранных языков

<i>Глоба Т. Н., Белых А. Я.</i> Лингвокогнитивный портрет «языковой личности» в теории и методике обучения иностранным языкам	110
<i>Головина В. О., Гудова О. В.</i> Компьютерное тестирование как эффективный метод контроля знаний студентов	112
<i>Грбарник К. Л., Юрченко Е. И.</i> Оптимизация процесса обучения студентов неязыковых специальностей (на примере работы в технических группах в НИУ МИЭТ)	115
<i>Коняева Л. А.</i> Преимущества электронного учебника при обучении английскому языку в вузе	118
<i>Косенкова-Дудник Е.А., Якобчук А.В., Парамонова Т.И.</i> Анализ внутренней мотивации при изучении латинского языка в Донецком медицинском общеобразовательном лицее-предуниверсарии	121
<i>Мариненко Л. А., Жданова Е. В., Еромянц И. С., Колесникова Е. Ю.</i> Методы преподавания иностранных языков в высшей школе	124
<i>Маслѐнкина Н. Г.</i> Влияние грамматико-переводного метода на обучение иностранному языку студентов неязыковых специальностей	127
<i>Мерхелевич Г. В.</i> Роль иностранного языка в интеграции индивида с международной культурно-профессиональной средой	130
<i>Мишкина Н. Ю.</i> Игра и игровая ситуация как один из наиболее эффективных методов обучения на начальном этапе обучения иностранному языку	134
<i>Ниязбекова А. У., Бисенбаев Б.</i> Роль факультета иностранных языков МГГЭУ в подготовке лингвистов и переводчиков	136
<i>Омельченко Е.М., Панасенко К.В., Зуйкова О.В.</i> Аспекты изучения иностранного языка	138
<i>Сапожникова О. С.</i> Использование GOOGLE CLASSROOM для формирования автономности студентов	140
<i>Сирота Т. А.</i> Эффективность коммуникативного подхода при обучении грамматике	143

Психологические науки

<i>Ангелина Э.А.</i> Сущностная характеристика понятия «политическая картина мира» ...	145
<i>Андреева И.А.</i> Психологическая характеристика условий жизни современного человека	147
<i>Андрюшкова Н.П.</i> Факторы, определяющие уровень суеверности	150

<i>Асоев Р.В.</i> Приемы психологической саморегуляции как инструмент профилактики негативных эмоциональных состояний у секретарей общественных приемных	153
<i>Баранчикова Е.А.</i> Воздействие эко арт-терапии на формирование личности младших школьников	155
<i>Барьяхтар О.Ф.</i> Личность в трудной жизненной ситуации	158
<i>Безродный В. И.</i> К вопросу об этнической идентичности молодежи Донбасса	162
<i>Бунтовский С.Ю., Борисенко Ю.Л.</i> Особенности этики государственной службы Российской Федерации	165
<i>Вильдгрубе С.А.</i> Чувство одиночества и агрессивности в подростковом возрасте	167
<i>Вилюжанина Т.А.</i> Толерантность к неопределенности как интегральная личностная характеристика	170
<i>Волошко А.И.</i> Формирование социально активной личности современной молодежи	173
<i>Габаташвили Е.В., Бунтовский С.Ю.</i> Анализ природы и характера политической этики	176
<i>Галинская Н.А., Яновский М.И.</i> Особенности восприятия окружающего мира детьми старшего дошкольного возраста	178
<i>Гольшиева Н.В.</i> Особенности представлений студентов-психологов о психо-семантической структуре понятия «сострадание»	181
<i>Гордеева А.В., Марунчак Н.И.</i> Система представлений об опасности студенческой молодежи Донбасса	183
<i>Ильина Т.Б.</i> Самоидентификация и личностный выбор	186
<i>Куликовская Е.А.</i> Чувство вины как механизм саморегуляции	189
<i>Лякина В.И., Лучшева Л.М.</i> Взаимосвязь агрессивности и суицидальных наклонностей в зрелом возрасте	191
<i>Максименко Е.Г.</i> Психологические проблемы родительского отношения	193
<i>Мировская С.С., Лучшева Л.М.</i> Взаимосвязь коммуникативных способностей со стратегиями выхода из конфликтных ситуаций сотрудников СИЗО	196
<i>Набатова С.В., Устинова Н.В.</i> Особенности представлений и отношения к другим людям как составляющая картины мира личности в условиях военной обстановки	199
<i>Некрасова И.Н.</i> Поступок как психологический инструмент коррекции образа жизни личности	202
<i>Новикова Н.В.</i> Характеристика историко-эволюционного подхода к изучению феномена личности в экстремальной ситуации	206
<i>Процай Т. Г., Лучшева Л. М.</i> Взаимосвязь застенчивости с коммуникативными способностями и одиночеством в зрелом возрасте	209
<i>Рогозина М.Ю.</i> Смыслжизненные ориентации и мотивационная готовность студентов к профессиональной деятельности	212
<i>Руденко С.В.</i> К проблеме изучения временной перспективы личности в контексте социальной идентичности	215
<i>Скаделова К.М., Бунтовский С.Ю.</i> Нормы морали как средство предотвращения коррупционных преступлений на уровне местного самоуправления	218
<i>Тараскина А.С.</i> Проблема аддиктивного поведения в подростковом возрасте	221

<i>Тащиан А.Е.</i> Психолого-педагогическое сопровождение в условиях дошкольного учреждения	223
<i>Тимошко Г.В., Тимошко А.А.</i> Активизация педагогического потенциала аспирантов технического вуза на занятиях по психологии высшей школы	226
<i>Турлий Е.В., Бунтовский С.Ю.</i> Актуальность этических норм и правил поведения в государственной службе Российской Федерации	229
<i>Уртигешева И.И., Лучиева Л.М.</i> Индивидуально-психологические особенности осужденных, совершивших отдельные виды преступлений (на примере периода взрослости)	231
<i>Устинов Д.В.</i> Качество стимульных заданий как условие валидности методики диагностики мотивов преступлений несовершеннолетних	234
<i>Устинова Н.В.</i> Различия интуитивного и аналитического когнитивного стиля в процессе решения студентами творческих задач	238
<i>Федченко А.С.</i> Тревожность как психологический феномен	241
<i>Чуканов Е.В.</i> Категория «собственность» в представлениях детей	243
<i>Шестаков О.Н.</i> Психологические особенности и мотивы волонтерской деятельности	246
<i>Шлыкова Е.А.</i> Теоретические аспекты мотивации достижения успеха в юридической деятельности	247
<i>Яновская Л.В., Яновский М.И.</i> Психологические причины веры в миф о «самообстрелах» в республиках Донбасса	251

Философские науки.

Философское осмысление социальной реальности

<i>Абросимова Т.В.</i> Личностная картина мира: философский аспект	254
<i>Авраменко А.В.</i> Историсофия и понимание формирования исторического сознания	255
<i>Андреева Т.А.</i> Сетевые модели как презентация социальных отношений	258
<i>Артюхов М. Н.</i> К вопросу о национальной идентичности населения Донбасса	260
<i>Бартагариева И.И.</i> Правовая культура как фактор формирования гражданского общества	262
<i>Белицкий А.А.</i> Проблема классификации современных мистических движений	265
<i>Белюрко Н.М., Чернышев В.А.</i> Проблема соотношения в личности биологического и социального	268
<i>Бунтовский С.Ю., Матвиенко О.В.</i> Профессиональная этика государственного служащего	270
<i>Волошин В. В.</i> Воображаемая логика Н. А. Васильева: онтологические приложения	273
<i>Гричанова К.И., Бунтовский С.Ю.</i> Военный этикет Российской Федерации	276
<i>Даниленко Г.Э.</i> Модели поливариантности исторического процесса: опыт типологического анализа	279
<i>Даренская В.Н.</i> «Пушкинская парадигма» русской культуры в концепции А.С. Панарина как историсофский принцип	282

<i>Даренский В.Ю.</i> Философия как экзистенциальное усилие	284
<i>Евглевский А.В.</i> Тюркские изваяния западного Дешт-и Кипчак: вместилище души и идея реинкарнации как семиотико-философские категории	286
<i>Евглевский А.В., Андросова С.Л.</i> Тюркские средневековые изваяния в культурном пространстве других народов: “доместикация” чужих образов	287
<i>Евглевский А.В., Говорун В.А.</i> Археолог – не историк, вооруженный лопатой: о месте археологии в пространстве наук	289
<i>Емельянова Н.Н.</i> «Проклятые вопросы» Ф. М. Достоевского в русской и европейской философии XIX–XX в.в.	291
<i>Клименко А.Б.</i> Русская культура в контексте постмодерна	294
<i>Колованов А.В.</i> Развитие духовно-нравственного воспитания в условиях деструкции этнической идентичности	297
<i>Комисова Е.И.</i> Нужна ли религия человеку третьего тысячелетия или мировоззрение современной молодежи	300
<i>Коновалов А.Г.</i> Непримиимые противоречия «минского формата». Что дальше? ...	303
<i>Коробов-Латынцев А.Ю.</i> Концепции войны в античной философии	305
<i>Красноносков Е.Ю.</i> К вопросу становления органов государственной безопасности Донбасса: социально-философский взгляд	308
<i>Красноносков Ю.Н.</i> Из опыта партнерства советских органов милиции с общественностью Донбасса: историко-правовой анализ	311
<i>Лустин Ю.М.</i> Рецепция идеи конвергенции в социокультурной интеграции: модель типологического предиктора	314
<i>Мареева И.В.</i> Предпосылки возникновения теории лингвистической относительности	317
<i>Марюхнич М.Т.</i> Культурно-философские основания социальных норм деторождения	320
<i>Матвиенко Е.А.</i> К вопросу о генезисе органов полиции	322
<i>Миргородский А.А.</i> Категории «право» и «мораль» в русской религиозной философии: постановка проблемы	324
<i>Мирный А.А., Андреева Т.А.</i> Дигитальное сознание и антропология роботов	326
<i>Онищенко А.С.</i> Половецкое порубежье – окраина Древней Руси	328
<i>Пидлубный Р.А., Черемисин А.Г.</i> Конструирование новой социальной реальности на основе интернет-технологий. Социально-философский подход	330
<i>Полякова О.А.</i> Бродники – русские переселенцы в половецкую степь: философия сосуществования культур	332
<i>Потемкина Т.М.</i> Изваяния как феномен половецкой культуры: религиозно-философский аспект	334
<i>Рубцова И.Н.</i> Диалог в рамках интеграции: идея русского мира и препятствия на пути становления	337
<i>Савицкий В.Ю.</i> Проблема идеального и реального в философских концепциях С.Л. Франка и Н.О. Лосского	340
<i>Северилова П.В.</i> Концепт «домостроительство» в русской культуре (опыт культурфилософского исследования)	343
<i>Тишаков М.П.</i> Модели взаимодействия институтов гражданского общества: опыт Донбасса	346

<i>Целик Т.В.</i> Типология русской философии как методологическая проблема	349
<i>Черемисин А.Г.</i> Актуальность патриотического воспитания в интернет-пространстве русского Донбасса	352
<i>Чернобай Д.С., Авраменко Н.Л.</i> Отражение мировоззренческих принципов Мохандаса Карамчанда Ганди в учении о сатьяграхе и ахимсе	354
<i>Шатохина Н.П.</i> Синергетическая парадигма как лабильный метод изучения творческой свободы	355
<i>Шумков В.С., Андриенко Е.В.</i> Идея сверхчеловека Фридриха Ницше и ее социальные последствия	359
<i>Щербинина Е.В.</i> Сущность формирования органов правопорядка Донбасса в XIX в. (политико-аксиологический подход)	362

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**ДОНЕЦКИЕ ЧТЕНИЯ 2018:
ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА, ИННОВАЦИИ,
КУЛЬТУРА И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ**

Материалы
III Международной научной конференции
25 октября 2018 г.,
г. Донецк

**ТОМ 5
Филологические, психологические
и философские науки**

под общей редакцией *С.В. Беспаловой*

Дизайн обложки	<i>Е.Г. Грудева</i>
Технический редактор	<i>М.В. Фоменко</i>
Компьютерная верстка	<i>В.Г. Медведева, М.В. Фоменко</i>

Адрес оргкомитета:

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
ул. Университетская, 24, г. Донецк, 28301
e-mail: donnu.science@mail.ru

Подписано в печать 09.10.2018 г.
Формат 60×84/16. Бумага офисная.
Печать – цифровая. Усл.-печ. л. 21,69.
Тираж 300 экз. Заказ № 18окт110/5.
Донецкий национальный университет
28301, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Свидетельство о внесении субъекта
издательской деятельности в Государственный реестр
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.